

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЛОМЖИНСКАЯ
ЖЕНСКАЯ
* ГИМНАЗІЯ *

ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVI.

1889.

НОЯВРЬ.

ВІБЛІОТЕКА
Państw. gim. mešk.
w ŁOMŻY.
XIX
Lit. K
№ 9.e

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1889.

О книгѣ: „Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Составилъ <i>К. Крафтъ</i> . Изданіе 2-е“	23
О книгѣ: „Der neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch, von <i>E. Mittelsteiner</i> . Чч. I и II“	—
О книгѣ <i>А. Воронцова</i> : „Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ второй. Изданіе 2-е“	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

Объ изданіи придворной пѣвческой капелли: „Пѣніе на молебнахъ, извлеченное изъ Обихода потнаго церковнаго пѣнія“	14
О книгѣ <i>Мессра Зимера</i> : „Мысли <i>Крыловъ</i> “	15
О книгѣ: „Пособіе къ изученію начальныхъ правилъ потнаго пѣнія. Составлено <i>А. С. Фатлеевымъ</i> “	—
О книгѣ: „Пѣніе божественной литургіи, составленное по изданному св. синодомъ Обиходу <i>А. Архангельскимъ</i> . Изданіе 2-е“	24
О книгѣ: „Церковное пѣніе въ Валаамской обители. <i>Д. Соловьева</i> “	—
О книгѣ <i>Н. Бунакова</i> : „Въ школѣ и дома, чч. 1 и 2“	—
О брошюрѣ: „Съ нами Богъ! Чудесное спасеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ и ихъ Августѣйшихъ Дѣтей 17-го октября 1888 года. Составилъ <i>Шведовъ</i> “	—
О представленныхъ <i>А. Алмедитеномъ</i> восьми выпускахъ (январь—августъ) издаваемого имъ въ С.-Петербургѣ ежемѣсячнаго журнала „Читальня народной школы“, 1889 г.	—
О книгѣ: „Русская азбука. Составилъ <i>Д. Прображенскій</i> “	—
Открытіе училищъ	15 и 26
Офіціальныя извѣщенія	25
Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдства министерства народнаго просвѣщенія	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>В. И. Модестовъ</i> . Мѣсто классической филологіи историко-филологическаго факультета и ея преподаваніе	1
<i>Г. В. Форстенъ</i> . Политика Швеціи въ смутное время (продолженіе)	17
<i>П. О. Бобровскій</i> . Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I (окончаніе)	66 и 305
<i>Н. П. Филевичъ</i> . Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наслѣдіе	135 и 280

БОРЬБА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИМИРСКОЕ НАСЛѢДІЕ.

Судьбы западной Руси въ первой половинѣ XIV вѣка представляются до настоящаго времени весьма темными. А между тѣмъ, именно въ это время, завязываются узлы международныхъ отношеній нашего запада такъ крѣпко, что исторія на протяжении вѣковъ, даже и понинѣ, занимается лишь ихъ распутываніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, первые представители новой литовской династїи быстро расширяютъ предѣлы своего государства, прилагая въ то же время всѣ старанія для его устройства и упроченія; предпоследній Пясть по возможности восстанавливаетъ единство польскихъ земель и въ 1320 году полагаетъ основаніе ихъ прочнаго объединенія; въ то же самое время исконный врагъ славянства — нѣмецъ все болѣе и болѣе тѣснить поляковъ съ запада и сѣвера, а въ лицѣ крѣпко засѣвшихъ на балтійскомъ побережьи рыцарей посягаетъ и на Литву. Общій врагъ естественно велъ оба государства къ союзу, и событія конца первой четверти XIV вѣка, по прекращеніи династїи Романовичей правда, очень темныя и запутанныя, на сколько они могутъ быть въ настоящее время раскрыты, представляютъ дѣйствительно факты, свидѣтельствующіе о заключеніи такого союза, который, вытекаая изъ естественнаго положенія вещей, не нарушая, а напротивъ, соотвѣтствуя интересамъ обоихъ государствъ, могъ, казалось, принести обильные и прекрасные плоды. При преемникахъ Гедимина и Локетка дѣло приняло совершенно другой характеръ. Оба союзника 1325 г. — и Польша, и Литва, заявляютъ въ 1340 г. притязаніе на выморочное галицко-владимірское наслѣдіе; для обоихъ оно кажется столь необходимымъ, что начавшаяся съ этого года борьба продол-

жалась безъ перерыва ночи полевка; заключаемы были временныя перемирія для роздыха и сбора новыхъ силъ, но ни разу не оказалось возможности сойтись на какихъ-нибудь обезпечивающихъ обѣимъ сторонамъ прочный миръ условіяхъ, хотя такой миръ былъ для обѣихъ сторонъ очень нуженъ: борьба была кровавая и требовала страшнаго напряженія. Завершилась она никѣмъ не предвидѣнною случайностію—бракомъ Ягайла и Ядвиги; но даже и послѣ этого она, собственно, лишь измѣнила свой характеръ: переставъ быть кровавою, стала дипломатическою и иногда до того обострялась, что какъ будто снова готова была выйдти въ открытое поле битвъ. Каковы были права Польши на западно-русскія земли—лучше всего показываетъ позднѣйшая аргументація ея дипломатовъ, по поводу которой серьезный польскій историкъ прямо говоритъ: „Или литовцы не знали собственной исторіи, или нравственный перевѣсъ Польши, должно быть, былъ великъ, если литовскіе послы довольствовались утверждениями, которыя такъ легко было опровергнуть“¹⁾. Впрочемъ, возбуждать вопросъ о правахъ дасть основаніе лишь позднѣйшіе дипломатическіе споры, въ которыхъ обѣ стороны нитались разрѣшить дѣло юридически, ни разу однако не касаясь источника наслѣдственнаго права—до того онъ оказался не замѣтнымъ, а основываясь лишь на фактахъ завоеванія Казимира—съ одной, Гедимины, съ другой стороны: доказательство, что борьба текла не столько изъ правъ наслѣдства Пястовъ и Гедиминовичей, какъ изъ хода исторіи обоихъ государствъ²⁾. Культурно-религіозный характеръ борьбы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію³⁾. Этимъ

¹⁾ *К. Стадницкій. Synowie Gedymina. Lwów 1881 г. 1, 137.*

²⁾ Примы заявленія со стороны Казимира о законныхъ правахъ на Русь, какъ напримѣръ, въ пожалованіи Рашова Яну Пакославу: „quibus (русскимъ князьямъ) divina clemencia legitimus successior extitimus“. *Cod. d. P. 1, 210*, встрѣчаются очень рѣдко. Въ письмѣ Бенедикта XII Краковскому епископу причиной предпріятія Казимира въ 1340 г. выставлено его негодованіе и желаніе отнестись причиненную католической вѣрѣ отравленіемъ Юрія-Волеслава обиду, *Theiner. M. P. 1, № 566.*

³⁾ Такъ смотрѣли на это и Казимиръ, и папа: *Rex (Казимиръ) per diligentiam suam plura silvas, nemora et loca Merice nuncupata Cracoviensis et Gnesnensis diocesium versus metas Russie et Ungarie consistentes, in quibus fere bestie soviebant, ad culturam redegerit et in eis castra, villas et oppida construxerit et edificare fecerit ac fideles Christiani ibidem degentes . . . in fide catholica roborati, infideles attraherent ad fidei unitatem.* *Theiner. M. P. 1, № 566;* такъ смотрѣть на это—и теперь польскіе историки, напримѣръ, Шульскій, Смольна.

объясняется какъ продолжительность и жестокость перваго ея періода, такъ и то обстоятельство, что рядомъ шло коренное измѣненіе основъ жизни. На это были направлены всѣ усилія Польши, пользовавшейся все время самымъ горячимъ содѣйствіемъ Рима. Вотъ почему содержаніе борьбы составляютъ не только военныя дѣйствія противниковъ, но и мирная дѣятельность, которой они предавались въ спорномъ районѣ съ какою-то лихорадочною горячностью каждый разъ, какъ только открывалась для нея какая-нибудь возможность.

Вступленіе Ягайла на польскій престолъ составило въ исторіи борьбы поворотный моментъ, но при всей податливости польско-литовскаго государя, полякамъ только въ предпоследній годъ его жизни удалось окончательно присоединить къ Польшѣ галицкую часть галицко-владимірскаго наслѣдія. Другая часть его—Волынь—до 1569 года оставалась за Литвой и только послѣ Люблинской уніи была присоединена къ Польшѣ. 1433 годъ былъ для Галицкой Руси завершеніемъ того процесса, какой съ 1569 года начинается на всемъ пространствѣ Лятовско-Русскаго государства. Последнему представителю новой польской династїи суждено было завершить дѣло, начатое послѣднимъ Пястомъ. 1569 годъ связывается, такимъ образомъ, не только внутренно, но и внѣшне съ 1340 годомъ, представляющимъ, въ свою очередь, развитіе событій, намѣченныхъ уже смертью послѣднихъ Романовичей, хотя и въ совершенно другомъ направленіи.

Таковъ собственно объемъ затрогиваемаго въ данномъ случаѣ вопроса; такъ далеко до и послѣ 1340 года тянется естественная связь событій. Мы не будемъ разсматривать его въ этомъ объемѣ: онъ слишкомъ сложенъ и требуетъ многихъ подготовительныхъ работъ, которыя только начинаютъ появляться. Наша цѣль—прослѣдить первый періодъ борьбы, до окончательнаго включенія въ составъ польскихъ земель Галицкой Руси, которая, задолго до Люблинской уніи, является какъ бы прообразомъ судьбы Руси юго-западной. Въ меньшихъ размѣрахъ, въ менѣе продолжительный срокъ, съ болѣе яркими—что вполнѣ естественно—результатами происходило въ Галичинѣ буквально то же, что медленнѣе и не столь открыто готовилось въ Руси юго-западной съ 1386 по 1569 г., а послѣ Люблинской уніи и совершалось уже безъ стѣсненій. Указанный характеръ борьбы естественно опредѣляетъ стороны, на которыя должно быть обращено особенное вниманіе: очеркъ военныхъ дѣйствій и внутреннія мѣры польскаго правительства въ очутившейся подъ его

властью части Руси. Въ послѣднемъ случаѣ особенное значеніе имѣютъ дѣла церковныя, почему они и будутъ разсмотрѣны отдѣльно. Военная борьба получаетъ особенный характеръ еще и потому, что она происходитъ, такъ-сказать, въ виду двухъ иноплеменныхъ силъ — нѣмецкой и татарской, затруднявшихъ свободныя дѣйствія противниковъ и вызывавшихъ нерѣдко въ самомъ ходѣ ея существенныя усложненія. На сколько такое сосѣдство, особенно нѣмецкое, обнаруживало въ данномъ случаѣ свое вліяніе, увидимъ сейчасъ, такъ какъ предшествовавшій 1340 году ходъ исторической жизни Польши и Литвы необходимо долженъ быть разсмотрѣнъ по стольку, по скольку онъ, какъ сказано, составлялъ причину ихъ враждебнаго столкновенія.

I.

Польша, Литва и татары до 1340 года ¹⁾.

Колебанія и повороты въ ходѣ исторической жизни народовъ обычны, но едва ли въ какой-нибудь исторіи они выступаютъ съ столь рѣзкою рельефностью, какъ въ исторіи Польши. Въ первый ея періодъ (960—1138 гг.) это обнаруживается особенно ярко. За едва замѣтнымъ выступленіемъ Польши на историческое поприще при Мешкѣ I слѣдуетъ періодъ блеска и славы удивительныхъ подвиговъ и смѣлыхъ замысловъ Болеслава Храбраго, пытавшагося сдѣлать Польшу центромъ западнаго и восточнаго славянства. Пятнадцатилѣтній періодъ вслѣдъ за смертью Храбраго открываетъ картину такого паденія, разстройства и безсилія, что блескъ и слава времени недавно минувшаго стали вскорѣ легендой, не только никогда болѣе въ дѣйствительности не осуществлявшейся, но тѣмъ болѣе приукрашиваемой, чѣмъ сильнѣе чувствовалась невозможность даже приблизительнаго ея осуществленія. Возстановленіе порядка и цѣлости государства совершается при Казимірѣ I, главнымъ образомъ, благодаря виѣшнему содѣйствію—Генриха III, Ярослава Мудраго—а дѣятельность двухъ послѣдующихъ польскихъ Болеславовъ—II и III уже явно не заключаетъ въ себѣ никакихъ задатковъ дальнѣйшаго пре-

¹⁾ Настоящая глава имѣетъ въ виду указать лишь тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы, которыя ближайшимъ образомъ обусловили ихъ столкновеніе. Очеркъ внутренней жизни Польши имѣетъ въ виду, конечно, лишь группировку фактовъ болѣе или менѣе общезвѣстныхъ.

успѣванія: первый изъ нихъ и умираетъ въ изгнаніи, второй передъ смертью назначаетъ Краковъ столицей государства, какъ будто указывая этимъ на бесплодность своей дѣятельности, исходившей изъ Великой Польши ¹⁾. Очевидно, уже въ то время польской исторической жизни существовали причины, мѣшавшія правильному ея ходу и развитію. Періодъ, слѣдовавшій за смертью Кривоуста, представляетъ въ исторіи Польши печальную картину все болѣе и болѣе усиливающагося внутренняго разстройства, въ которомъ прежде всего совершенно падаетъ значеніе великаго краковскаго князя, затѣмъ съ 1216 года начинаются непрерывныя княжескіе споры, сопровождаемые фактами, о которыхъ не могутъ дать никакого понятія смуты удѣльнаго періода на Руси даже въ самое мрачное его время. Польша того времени представляла, по образному выраженію Шайнохи, „пепелище, тлѣющее искрами домашнихъ раздоровъ, взаимныхъ измѣнъ, вѣроломныхъ союзовъ съ вражьиными сосѣдами на собственную и отечества гибель“ ²⁾. Такое состояніе Польши продолжается почти до конца XIII вѣка. Съ 1279 до 1306 года въ исторіи Польши видимъ четыре момента поочередной смѣны подъема и паденія. Слабый починокъ Лешка Чернаго парализуется участіемъ инороднаго элемента и смѣняется полнымъ торжествомъ его при Генрихѣ Добромъ. Сознательныя и энергичныя дѣйствія Премыслава велико-польскаго, выставившаго знамя государственнаго единства и 26-го іюня 1295 года торжественно коронованнаго въ Гнѣзнѣ, кончаются плачевною гибелью „последняго великополянина“. Кто бы ни были убійцы Премыслава—Бранденбургскіе ли маркграфы, или Наленчи и Заремби ³⁾, во всякомъ случаѣ главнѣйшую выгоду извлекли отсюда нѣмцы, а мысль Премыслава осуществилась лишь 20-го января 1320 года, и уже не въ ближайшей къ нѣмцамъ Великой Польшѣ, а въ Краковѣ, болѣе отдаленномъ и безопасномъ отъ двухъ передовыхъ постовъ тевтонизма—Бранденбурга и Ордена. До какой степени положеніе ка-

¹⁾ Какимъ образомъ случилось, что онъ (Кривоустъ), всецѣло велико-польскій князь назначилъ въ завѣщаніи главнымъ городъ Хорватіи великокняжескою столицей?... Развѣ предостерегъ его политическій инстинктъ, что въ иномъ случаѣ Польша можетъ потерять Хорватію, бывшую предметомъ посягательства Премысловичей съ запада и Ростиславичей со стороны Сана и Днястра. *С. Смолька*, *Вок* 1386. Краковъ 1886, стр. 54.

²⁾ *К. Шайноха*, *Bolesław Chrobry i odrodzenie się Polski*. Lwów. 1859, стр. 256.

³⁾ Всего вѣроятнѣе, быть можетъ, посредственно *is fecit cui prodest*, какъ и объяснили это позднѣйшія извѣстія. *Röper*, *G. P.*, 558, пр. 42.

залось безнадежнымъ самимъ полякамъ, доказываетъ отпаденіе ихъ отъ Локетка и призываніе Вячеслава Чешскаго, что составляетъ новое торжество иноземщины: „Отъ иноземнаго государя“, говорятъ Ренель, — „ожидали поляки спасенія отечества, а тотъ уже напередъ всѣ свои приобрѣтенія въ Польшѣ взялъ въ качествѣ дена отъ Нѣмецкаго императора Альбрехта“¹⁾. Царствованіе Локетка представляетъ отчаянную борьбу съ тевтонизмомъ—съ нѣмецкимъ мѣщанствомъ внутри, съ Орденомъ внѣ. Всѣ силы были направлены исключительно на борьбу; но подъ конецъ жизни этого польскаго и славянскаго богатыря, не смотря на побѣду при Пловцахъ, послѣдовало занятіе рыцарями Вреста, Иновроцлава и Куявъ. Локетокъ умиралъ, оставляя государство въ самомъ безотрадномъ положеніи, испытавъ всю тяжесть усилій, потраченныхъ на открытую борьбу, почти безъ надежды, что сынъ его пойметъ предстоящую ему задачу. Въ предсмертныхъ словахъ его, обращенныхъ къ сподвижникамъ и Казимиру, выразилось вполне безнадежное отчаяніе умирающаго²⁾. Время Казимира Великаго представляетъ въ исторіи Польши рѣшительный поворотъ на новый путь. По видимому, всѣ силы ея были обращены Казимиромъ на востокъ, но нѣмецкій историкъ Польши находитъ возможнымъ считать главною идеею періода, слѣдовавшаго за Казимировымъ, отраженіе нѣмецкаго напора³⁾, а подъ конецъ правленія Ягайловой династіи идея эта проникаетъ въ массы, и Сарницкій въ 1587 году называетъ поляковъ *praecipui tutores slavonicae confederationis*.

Отиѣченные нами промежутки 1133—1279⁴⁾ и 1340—1410 годовъ являются такимъ образомъ временемъ постепеннаго созрѣванія, всеобщаго уясненія смысла и значенія фактовъ, явно обнаружившихся въ ихъ концѣ: въ послѣдніе годы XIII вѣка видимъ уже на польской почвѣ столкновеніе польскаго элемента съ нѣмецкимъ, и лишь 1410 годъ показалъ, что движеніе на востокъ обезсиленной этимъ элемен-

¹⁾ Ib. 562, Интересно сравнить мнѣніе другаго нѣмецкаго историка Польши; см. *Sago*, G. P., II, 1—3.

²⁾ „Мужи, мои и моего потомства добромелатели! О, еслибы сынъ мой, по моему призыву, обращался съ вами также, какъ и я, и вы бы къ нему отосидѣли такъ, какъ и ко мнѣ; но, не дай Богъ, будетъ иначе,—предоставляю это вашему усмотрѣнію и вѣрности“. Лятоп. Малоп. М. Р. Н. III, 197.

³⁾ *Sago* G. P. III, 56.

⁴⁾ Это годъ смерти Болеславовъ—Стыдливаго и Великопольскаго и начала княженія Лешка Чернаго. Восстаніе противъ него, обваружившее силу князей въ Польшѣ, произошло въ 1285 году.

томъ Польши за новыми силами для общей племенной славянско-нѣмецкой борьбы, не было напраснымъ.

Такимъ образомъ неустанная, но безплодная борьба Польши съ тевтонизмомъ до соединенія ея съ Литвой-Русью, рѣшительное отраженіе нѣмецкаго напора соединенными силами и слѣдовавшій за этимъ расцвѣтъ польской жизни открываютъ намъ связь двухъ главнѣйшихъ періодовъ польской исторіи—Пястовъ и Ягайловичей, и причину поворотнаго ея движенія, раздѣляющаго оба эти періода, не оставляя никакого сомнѣнія въ томъ, что главнымъ тормазомъ, мѣшавшимъ правильному развитію польской жизни, устранить который Польша сама по себѣ была не въ силахъ и должна была повернуть на востокъ за необходимыми для этого средствами, было иноземное вліяніе. Для уясненія поворота необходимо повтормазать, какъ происходилъ и въ чемъ сказывался въ польской жизни обратившій ея на востокъ нѣмецкій напоръ.

Императорская власть, нѣмецкая колонизація и право—вотъ факторы тевтонизма, дѣйствовавшіе послѣдовательно, одинъ за другимъ на всемъ пространствѣ Польши. Съ XIII вѣка является новый, по видимому, внѣшній факторъ—Орденъ, самый яркій выразитель нѣмецкихъ стремленій, оказавшій однако весьма сильное вліяніе на внутреннюю жизнь Польши. Какъ же дѣйствовалъ на Польшу каждый изъ этихъ факторовъ?

Во мракѣ начальной исторіи Польши одинъ фактъ выступаетъ съ роковою ясностью—фактъ перваго столкновенія польскаго Мешка съ пограничнымъ нѣмецкимъ маркграфомъ, кончившійся, по сообщенію Титмара, признаніемъ императорской власти со стороны польскаго князя. Столкновеніе произошло какъ разъ въ знаменательный въ нѣмецкой жизни моментъ. Это было время пробужденія силъ германской націи, которое обнаруживается какъ во внутреннемъ укрѣпленіи государственнаго единства, такъ и во внѣшнихъ предпріятіяхъ противъ датчанъ, чеховъ, угровъ, во вмѣшательствѣ нѣмцевъ въ дѣла французскія и италіанскія. Второй походъ Оттона Великаго въ Италію доставилъ ему императорскую корону, а нѣмецкой націи—то первенствующее положеніе среди другихъ народовъ, которое естественно связывалось съ новою ролью ея представителя верховнаго главы всего христіанскаго міра, единственнаго источника всякой законной власти. Не только западныя, но и византійскія понятія сложились на образованіе факціи объ императорской власти. Глубоко прониклись ею нѣмецкіе государи Саксонской, Франконской и Швабской династїи, и

тѣмъ скорѣе, тѣмъ блистательнѣе развилась эта фикція, что нашла для себя богатый матеріалъ въ нѣмецкомъ народномъ характерѣ: о нѣмецкомъ властолюбіи много и краснорѣчиво говорятъ славянскіе источники; рѣзче всякихъ словъ обнаружилось оно на дѣлѣ въ печальной судьбѣ западнаго славянства, не столь ярко сказалось, но все же дало себя чувствовать и по ту сторону Альповъ, и за Рейномъ. Теоретически, говоритъ В. И. Ламанскій ¹⁾,—въ идеѣ признавалась и уважалась власть императора даже въ странахъ, совершенно не подвластныхъ имперіи. Къ половинѣ XII вѣка фикція императорства облеклась въ стройную, величавую теорію, дававшую отвѣты на всѣ вопросы и сомнѣнія: императоръ есть вассалъ самого Бога, и лишь ему одному обязанъ вѣрностью и повиновеніемъ; онъ стоитъ выше всего на свѣтѣ, даже выше папъ, и никому въ мірѣ не обязанъ отчетомъ. Всякое другое ученіе есть ложь. Такъ писалъ Фридрихъ Рыжебородый Трирскому архіепископу Гиллину; и если крайности этой теоріи вызвали противодѣйствіе, породили теорію папства, то споры и борьба двухъ верховныхъ представителей западнаго міра могли имѣть лишь то отношеніе къ занимающему насъ вопросу, что временно ослабляли силу лучей осѣнявшаго, вѣрнѣе, осѣплявшаго Польшу императорскаго величія. Минуты нѣкотораго подъема польской силы въ первый періодъ польской исторической жизни, не считая времени Болеслава Храбраго, совпадаютъ какъ разъ съ такими моментами. Личности польскихъ и нѣмецкихъ государей имѣли, конечно, значеніе во взаимныхъ отношеніяхъ, но характеръ этихъ отношеній вовсе не обуславливался въ такой степени индивидуальностью государей, какъ утверждаютъ нѣкоторые польскіе историки, а вытекалъ естественно изъ указанной теоріи императорства, характера и стремленій нѣмецкаго народа, по отношенію къ славянству и Польшѣ неуклонно ее поддерживавшаго. Все свое правленіе оставался Мешко вѣрнымъ помощникомъ нѣмцевъ въ ихъ борьбѣ съ западнымъ славянствомъ; его образъ дѣйствій можно считать поворотнымъ моментомъ въ исторіи борьбы западнаго славянства съ тевтонизмомъ, напирющимъ все сильнѣе и встрѣчающимъ съ этого времени, вмѣсто прежняго дружнаго противодѣйствія, полную разобщенность ²⁾. Несомнѣнно, новыя отношенія къ импера-

¹⁾ Видные дѣятели зап. слав. образованности Слав. Сборникъ т. 1-й. С.-Пб. 1875 г.

²⁾ *О. Успенскій*. Первые славянскія монархіи; С.-Пб. 1872, стр. 189, 191, пр. 3.

тору доставляли Мешку извѣстныя выгоды; быть можетъ, они открывали ему нѣкоторые виды на сосѣднія земли упорныхъ противниковъ нѣмецкаго господства ¹⁾), во всякомъ случаѣ хоть сколько-нибудь обезпечивали отъ того пренебрежительнаго отношенія, которое испыталъ Мешко со стороны графа Годо, но все же вытекаая лишь изъ личныхъ или династическихъ интересовъ были совершенно не естественны, и лучше всего это доказала дѣятельность польскаго и славянскаго героя, преемника Мешка, Болеслава Храбраго. Двѣнадцать лѣтъ, лишь съ небольшими промежутками, боролся Болеславъ противъ нѣмцевъ. Заслуги его для славянства одинаково признають какъ нѣмецкіе, такъ и славянскіе историки ²⁾); современные ему нѣмцы, въ лицѣ Титмара, не находятъ словъ для выраженія негодованія и горечи, при каждомъ упоминаніи о немъ: „ужасный славянинъ, бѣшенный нахалъ, хитрая лисица, гадъ ядовитый, левъ рыкающій“, и еще болѣе краснорѣчиво: „разоритель большей части имперіи, нашъ врагъ, нашъ гонитель“—таковы эпитеты, постоянно прилагаемые Титмаромъ къ имени Болеслава. Благодетельный епископъ считаетъ нужнымъ молить Бога о прощеніи императору даже вынужденныхъ попущеній бывшему даннику. Для поляковъ отъ славы Храбраго осталось, какъ сказано, только преданіе; подвиги его нисколько не ослабили нѣмецкихъ притязаній. Торжественная коронація Болеслава вовсе не была для нѣмцевъ актомъ освобожденія Польши, а лишь безумною дерзостью (*temeritas*), за которую виновникъ ея получилъ скорое возмездіе—смерть.

Судьба Мешка II представляетъ столько трагизма, и именно въ отношеніи его къ нѣмцамъ, что даже судьба правителей переднихъ славянъ, наиримѣръ, бодритскихъ князей Мстивоя и Готшалка, можетъ показаться лишь блѣднымъ ея подобіемъ. Участникъ славы и подвиговъ отца, заявившій первыми своими дѣйствіями желаніе идти по его слѣдамъ, подъ конецъ правленія безсильно склоняется передъ императоромъ, вынужденный, по словамъ нѣмецкаго хрониста, „забыть о коронѣ и королевскомъ украшеніи“,—его регалии

¹⁾ *Іб.*, 158 пр. 1: 990 г. Поляки столкнулись на Одрѣ съ чехами: „все ведетъ къ догадкѣ, что оба князя (Мечиславъ и Болеславъ) претендовали на эту землю (слубскую жупу)—одинъ какъ на подарокъ отъ нѣмцевъ, другой—какъ на военную добычу“.

²⁾ *Рѳрей*, 135; *Успенскій*, *іб.* 255 и всѣ поляки; между ними отдѣльное мѣсто занимаетъ *А. Малекій*: *Rozgląd wd ziazjach—Przewodnik lit i nauk.* 1875 стр. 205—216.

были уже въ рукахъ императора ¹⁾), доставленныя ему нѣмецкою женой Мешка Рихезой, а нѣмецкая рука повдѣвшихъ польскихъ хронистовъ затираетъ слѣдъ даже перваго самостоятельнаго его выступленія—коронаціи ²⁾). Казиміръ „вѣрно служилъ имперіи“, а кромѣ того, долженъ былъ нести еще и тяжесть чешскаго данничества. Только смерть Брячислава фактически освободила Польшу отъ чешской зависимости; о возстановленіи королевскаго титула нечего было и думать.

Правленіе преемника Казиміра, Болеслава II, совпало съ тѣмъ временемъ, когда всѣ силы имперіи обращены были на внутреннія дѣла. Нѣмцы перестаютъ угрожать Польшѣ, но и съ ея стороны не видимъ уже никакихъ дѣйствій на нѣмецкомъ пограничьи. Смѣлый князь обращается въ другую сторону, и хотя не считаетъ нужнымъ исполнять предписанія императора, которыхъ тотъ не могъ поддержать силой, тѣмъ не менѣе является къ нему по его зову, выслушиваетъ его угрозы и лишь тогда рѣшается прямо заявить о своей независимости, когда внутреннія замѣшательства въ Германіи достигаютъ крайняго напряженія: вѣдь коронація Болеслава совершена была въ тотъ же годъ, когда нѣмецкіе князья отрѣшили Генриха отъ императорской власти; но послѣ этого, въ теченіе цѣлыхъ 229 лѣтъ до 1295 г., ни одному изъ польскихъ государей не приходитъ даже мысль о коронаціи. И опять за временнымъ, хотя въ дѣйствительности совершенно безплоднымъ для Польши подъемомъ слѣдуетъ катастрофа, какъ и въ первый разъ—обусловленная внутренними причинами, но развѣ слова слабого Владислава Германа, обращенныя къ сыновьямъ, при раздѣленіи между ними государства: „нусть тотъ потеряетъ свою землю, кто будетъ лнуть къ чужимъ и приводить ихъ на ги-

¹⁾ М. Р. Н. I, 346. Объ отношеніяхъ Мешка II къ имперіи *ib.*, пр. 4, гдѣ сведены всѣ мѣста нѣмецкихъ хроникъ. Вязовскій полагаетъ, что корона, отосланная императору Безирмомъ была, вѣроятно, корона Болеслава Храбраго. Объ этомъ см. о Рихезѣ см. *Анат. Лещицкій* Mieszko II — Rozpr. i Sprawozd. V; прил. 5, 194.

²⁾ Et licet coronatus non fuit, propter dignitatem tamen uxoris sororis videlicet Ottonis... appellatus est rex. Chr. pr. p. *ib.*, III, 445; но ср. письмо Матильды *ib.* I, 323: deus omnipotens, cuius constitutione regali diademate coronatus es. Какъ вообще развивалось въ польскихъ источникахъ представленіе о личности Мешка см. *А. Малецкій—Przew.* 1875, стр. 971. О національности составителя Chr. pr. p. см. М. Р. Н. III, 423.

бель отечества" ¹⁾, не указываютъ, что иноземная сила все еще висѣла надъ Польшей какъ грозная туча, а польскій духъ поникъ подъ ея вліяніемъ до того, что оказывался способнымъ лишь къ пассивному сопротивленію? Бѣольшую часть жизни Владиславъ провелъ въ Цюцкѣ, какъ бы желая уйдти подальше отъ западной границы. При Болеславѣ Кривоустѣ картина нѣсколько измѣнилась. Коварный и властолюбивый, но мало способный Генрихъ V рѣшился окончательно установить опредѣленность въ отношеніи польскихъ государей къ императорству; косвенное вмѣшательство Кривоуста въ дѣла венгерскія должно было еще сильнѣе побуждать къ этому императора. Какъ требованія Генриха, такъ и отвѣтъ Кривоуста сообщаетъ намъ придворный польскій историкъ того времени Галль ²⁾; и если даже не считать приведенный имъ отвѣтъ польскаго государя буквально точнымъ; во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить, что Кривоуста возмущало не столько само требованіе, сколько тонъ, какимъ оно было предложено, что онъ самъ признавалъ извѣстныя отношенія своихъ предшественниковъ къ императорамъ ³⁾.

Дѣло, какъ извѣстно, кончилось полною неудачей нѣмцевъ, а народныя легенды о собачьемъ полѣ, записанныя даже завѣдомо нѣмецкими руками польскихъ хронистовъ, лучше всего показываютъ, какое сильное впечатлѣніе произвела неудача Генриха на народъ ⁴⁾. Мужественный отпоръ, оказанный нѣмцамъ плохо вооруженными польскими войсками при Одрѣ, при осадѣ Глогова, показалъ императору, что еще не всѣ поляки смотрѣли на него глазами многихъ изъ своихъ представителей ⁵⁾.

Едва ли не слѣдуетъ въ этомъ торжествѣ видѣть причину того подъема нравственныхъ силъ Польши, который сказался въ дѣятельности на Поморьѣ, и слѣды котораго въ дальнѣйшемъ развитіи по словамъ Репеля встрѣчаются рѣдко ⁶⁾. Но и Кривоусту не пришлось

¹⁾ М. Галль. М. Р. Н. I, 434.

²⁾ *Ib.*, 465.

³⁾ *Ib.*: Quodsi bonitate, non ferocitate pecuniam vel milites in auxilium romanae ecclesiae postulasses, non minus auxilii vel consilii forsitan apud nos, quam tui antecessores apud nostros impetrasses.

⁴⁾ Chr. pr. р. М. Р. Н. III, 466 сл.; не могъ обойти этихъ преданій и составитель Chr. pol. *ib.*, 630; о его національности см. *ib.* 596.

⁵⁾ Sbigneus eum (императора) concitat in furorem promittens, paucos esse Polonos, qui Cesaris resistere voluntati М. Р. Н. III, 466.¹

⁶⁾ Репель, G. P., 233.

умереть спокойно. Не говоримъ уже о медленномъ и деликатномъ водѣйствіи жены-нѣмки и епископа Оттона, которое, конечно, не даромъ считаетъ нужнымъ отмѣтить историкъ нѣмецкаго императорства ¹⁾. Неудачи предпріятій послѣднихъ лѣтъ жизни Кривоуста дали основаніе императору Лотарю снова принять въ отношеніи Польши угрожающій тонъ. 15-го августа 1135 года въ Мерзебургѣ императоръ мирилъ чешскаго и польскаго государей. Заплатилъ ли Болеславъ требуемую императоромъ дань—не знаемъ, но онъ принесъ ему ленную присягу за Поморье и Ругію и при входѣ въ церковь несъ предъ императоромъ мечъ. Для нѣмцевъ того времени смыслъ такихъ „формальностей“ былъ ясенъ. По заявленію одного изъ нихъ Болеславъ miles efficitur императора ²⁾, и утверженіе, что для Болеслава указанная формальности были безразличны, едва ли не слишкомъ смѣло. Утѣшеніемъ должна была служить торжественная встрѣча, устроенная Кривоусту, по приказу императора, въ Магдебургѣ, куда прибылъ Болеславъ на обратномъ пути изъ Гильдесгейма, поклонившись тамъ мощамъ св. Годагарда. Можно очень сомнѣваться, что онъ былъ „восхищенъ“ этою встрѣчей ³⁾. Отношеніе къ нѣмцамъ должно было отравлять послѣдніе годы его жизни ⁴⁾. Онъ умеръ еще въ

¹⁾ Die drei Schwäbinnen u. Bischof Otto haben den Frieden jener Länder (славянскаго востока), u. den deutschen Einfluss im Osten besser gewahrt, als es König Heinrich vermochte. Одна изъ этихъ царицъ была Саломея, вторая жена Кривоуста.

²⁾ Annal. saeco ad 1135 г.

³⁾ С. Смолька, Мешко Старый, 202.

⁴⁾ Отношенія Болеслава III къ имперіи весьма важны, къ сожалѣнію, они совершенно темны. См. А. Малекій, Rapowanie Bol. Krzyw. Pismo. I. i. n. 1873 и его же Testament, ib., 1876 г., гдѣ представленіе этихъ отношеній, при довольно существенномъ различіи, въ обоихъ случаяхъ врядъ ли можно считать удовлетворительнымъ. Въ нашихъ глазахъ существеннымъ является: первоначальное требованіе Лотаремъ—500 гривенъ, что можетъ соотвѣтствовать увеличенію объема государства поморскими пріобрѣтеніями (Генрихъ V требовалъ 300 гр.), и окончательное исполненіе Болеславомъ того, что Малекій называетъ „формальностью, быть можетъ, безразличною“ для польскаго князя (?); Rapowanie, 621. На какомъ основаніи утверждается рѣшительно, что „формальность“ имѣла отношеніе лишь къ Поморью и Ругіи (о послѣдней см. Testament, 10 пр. 1)—не понимаемъ. Вѣдь за нихъ Болеславъ прямо принесъ присягу. Мало убѣдительными кажутся намъ выводы, основанные на грамматическихъ соображеніяхъ (Rapowanie, 619): та или другая форма глагола ничего не рѣшаетъ, да и плата денегъ не имѣетъ существеннаго значенія. Важно то положеніе, какое занималъ польскій князь передъ императоромъ, а его уснать какъ считаема

цвѣтъ силъ, а съ его смертью начинается въ польской исторіи новый періодъ ¹⁾. Разсмотрѣніе отношенія польскихъ государей къ императорамъ мы могли бы закончить смертью Кривоуста. Если эти отношенія заключались лишь въ личной зависимости польскаго государя, то съ прекращеніемъ въ Польшѣ единовластія, съ раздѣленіемъ ея на отдѣльныя земли, значеніе и роль польскихъ князей совершенно измѣнились, потерявъ прежнее общее значеніе для всей земли. Въ виду того однако, что установленное Кривоустомъ старѣйшинство (сеніоратъ) сохраняло, нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, видимость единства земли въ лицѣ Краковскаго князя, что далѣе, факты этого времени, именно въ отношеніи Польши къ императорамъ, становятся особенно яркими и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на отношеніе къ нимъ Болеслава III, продолжимъ наше разсмотрѣніе до 1210 года, когда, по рѣшенію духовѣнства и шляхетства, сеніоратъ, поколебленный уже въ борьбѣ братьевъ съ Мешкомъ Старымъ, упраздненъ былъ окончательно ²⁾. Установленный Кривоустомъ порядокъ удержался весьма недолго ³⁾. Много условій сложилось на его ниспроверженіе: личный характеръ Владислава, отчужденіе его отъ младшихъ братьевъ, подстрекательство жепы-нѣмки, интересъ шляхетства, видѣвшаго въ раздѣленіи Польши обстоятельство благопріятствовавшее его планамъ, все это привело къ тому, что

почему-то, незначительною „формальность“, такъ еще болѣе общій характеръ отношеній обѣихъ сторонъ за время предшествующее и послѣдующее. Что касается формальностей, то истинное ихъ значеніе въ сущности понятно Малекскому, что видно изъ параллели отношеній Лотаря и папы, приводимой имъ въ „Завѣщаніи“ (12). Тамъ болѣе странными кажутся послѣ этого слова: „jak Lotarowi nie spadła w politycznym sensie z głowy korona cesarska, tak też i władca polski nie doznał żadnego nawet w oszczach cesarza tego uszczerbku (ib.) Впрочемъ, подобная нечувствительность едва ли не имѣетъ болѣе глубокаго смысла. Ею страдаютъ не только польскіе писатели (ср. *С. Смолька*, Мешко, 271, гдѣ церемонія въ Кришковѣ представляется какъ пустая, дѣтская забава императора), но ее можно замѣтить и у чешскаго лѣтописца: „отчего не обзвѣщать?“ говоритъ онъ, по поводу обязательствъ польскихъ князей передъ Конрадомъ въ 1146 г.

¹⁾ Весьма мѣткія замѣчанія объ отношеніи удалнаго періода польской исторіи къ предшествующему и послѣдующему см. у *Смольки*, Мешко, XI, XV, XVI

²⁾ *Röpell*, G. P., 404, но объ отношеніяхъ къ этому факту курія см. *Grünhagen*, G. Schlesiens, I, 46, пр. 5 и 6. Писанная булава Cod. d. min. P., 12.

³⁾ Вопросъ о времени изгнанія Владислава (конецъ 1145 или начало 1146) всесторонне разсмотрѣнъ *С. Смолькою*, Мешко, прил. IV; выводы сведены на стр. 462—463.

31-го марта 1146 года Владиславъ явился ко двору Конрада III съ просьбой о помощи.

Положеніе изгнанника и его отношеніе къ императору легко себѣ представить, а потому мы не считаемъ нужнымъ выдвигать моментъ свиданія Владислава съ императоромъ Конрадомъ въ Каинѣ (близъ Альтенбурга). Гораздо характернѣе, что самостоятельныя дѣйствія поляковъ по отношенію даже къ Владиславу, преемнику Конрада, связанному съ изгнанникомъ не столь тѣсными узами, казались „безчестіемъ, нанесеннымъ Римской имперіи“¹⁾. Вообще обстоятельства предпріятія Конрада III въ 1146 году заключаютъ въ себѣ всѣ характерныя черты отношеній польскихъ государей къ императорамъ: послѣдніе не имѣютъ реальной возможности осуществить свои притязанія въ полномъ объемѣ, а первые пользуются этимъ, хотя принципиально признаютъ надъ собою императорскую власть. Пострадалъ въ этомъ случаѣ лишь Владиславъ, ничего не достигшій. Дѣло не вышло и на этотъ разъ изъ той половинной стадіи, которая, по деликатности вопроса, допускаетъ разныя толкованія. Какова однако была сущность—оказалось сейчасъ же, когда при преемникѣ Конрада, дѣла имперіи развязали на время руки императора. „Poloni sub iugo dominationis postgrae reducti“, сообщаетъ Вибальду Фридрихъ I, вотъ то, о чемъ всегда, хотя не въ столь рѣзкой формѣ, заявляли императоры, и чего польскіе князья не могли на себѣ не чувствовать въ большей или меньшей степени, смотря по обстоятельствамъ. Объясненіе униженія, которому долженъ былъ подвергнуться Болеславъ IV, любовью императора къ символизму²⁾, является страннымъ не только въ виду очевиднаго смысла факта, но и потому, что для среднихъ вѣковъ символы составляли вовсе не пустую игру или виѣшнюю формальность.

Урокъ, данный императоромъ польскому государю въ Кришковѣ, не прошелъ даромъ. Младшій сынъ Кривоуста, быть можетъ—предвидя возможность его повторенія, поспѣшилъ отправить пословъ къ тому же Фридриху, когда онъ 1184 г. „задумалъ снова напомнить о старомъ верховенствѣ императоровъ надъ польскими князьями“³⁾.

Только возобновивъ признаніе своей зависимости, Казиміръ почувствовалъ себя, по словамъ Репеля, спокойнѣе и рѣшился на

¹⁾ Письмо Фридриха I къ Вибальду: М. Р. Н. II, 22.

²⁾ Смолька, Мешко, 271; Нарушевичъ, VI, 1, 38 пр. 6; но ср. ib. 39 пр. 3.

³⁾ Рорей, G. P., 377.

внѣшнія предпріятія на юго-востокѣ. Вотъ рядъ фактовъ, рисующихъ отношенія польскихъ государей къ императорству. Значеніе князя въ разсмотрѣнный нами періодъ польской исторіи никѣмъ изъ историковъ не подвергается сомнѣнію. Еще по смерти Кривоуста Мешко мечталъ объ осуществленіи идеала прежней княжеской власти, еще при немъ не произошло никакихъ перемѣнъ въ формально-правовомъ отношеніи князя къ народу. Прежнее зданіе, по видимому, еще стояло и рушилось только при Казиміръ. Князь былъ единственнымъ жизненнымъ центромъ: отъ него все исходило, къ нему и возвращалось; онъ былъ сердцемъ политической и общественной жизни народа, но что сказать объ организмѣ, жизненный центръ котораго парализованъ? Если даже Владиславъ Германъ чувствовалъ тяжесть иновременаго „ярма“, то въ какой степени должны были чувствовать ее другіе польскіе князья? Для ближайшихъ помощниковъ государя „ярмо“ было очевидно; народъ могъ бы, пожалуй, не замѣтить его, если бы не напоминало о немъ умаленіе государева титула, прекращеніе королевскаго достоинства, смыслъ и значеніе котораго такъ ярко былъ указанъ Болеславомъ Храбрымъ. Съ 1076 по 1295 годъ ни одинъ изъ польскихъ государей не смѣлъ думать о королевской коронѣ. Совсѣмъ невѣроятно, что это умаленіе достоинства польскаго государя было слѣдствіемъ добровольнаго отказа князей, вытекающаго изъ глубокаго религіознаго смиренія ¹⁾.

Вѣдь легенды о лишеніи польскихъ государей королевскаго титула Григоріемъ VII могли, конечно, возникнуть лишь позже. Другое объясненіе, что причиной этого былъ суевѣрный страхъ, вытекающій изъ составившагося въ народѣ убѣжденія, что королевская корона приносила Польшѣ одни лишь бѣдствія ²⁾, несомнѣнно справедливо; но такое убѣжденіе вытекало не изъ суевѣрія, а изъ самой простой очевидности, обусловливаемой, какъ мы видѣли, внѣшними отношеніями ³⁾.

¹⁾ *Шайноха*, Болеславъ Хр., 368.

²⁾ *А. Малецкій—Przewodnik l. i n.* 1875, ст. 1067.

³⁾ Быть можетъ, Мешко Старый думалъ о коронѣ, но, по замѣчанію его историка, надѣялся лишь выпросить эту милость у императора. *Смолюка*, Мешко, 289. Къ XIII в. убѣжденіе въ верховныхъ правахъ императора было, конечно, всеобщимъ, если даже Викентій, обошедшій Кришково, признаетъ эти права; М. Р. Н. II, 431. Что, однако, мысль о коронаціи жила и возрождалась въ болѣе отдаленныя минуты польской жизни—доказываетъ легенда, отмѣченная составителемъ Chr. р. М. Р. Н. III, 476.

Попытка Премислава велико-польскаго получаетъ поэтому особенно важное значеніе и рѣшительно выдвигаетъ его личность; но чрезвычайная осторожность, съ какою долженъ былъ при этомъ дѣйствовать Премиславъ, и отношеніе къ факту коронаціи польскихъ лѣтописцевъ, въ сущности мало на него обратившихъ вниманія ¹⁾, лучше всего доказываетъ, какъ полное паденіе совнанія политическаго единства, такъ, быть можетъ, еще болѣе полное паденіе чувства національнаго достоинства, по скольку оно воплощается въ лицѣ государя.

Того національнаго подъема, который дается народу сознаниемъ полной его независимости и свободы, въ польской жизни по смерти Болеслава Храбраго быть не могло. „Нѣкогда“, говоритъ Гельмольдъ въ началѣ своей „Хроники славянъ“, — „Польша имѣла короля; теперь владѣютъ въ ней разные князья и, наравнѣ съ Чехами, служатъ императору и платятъ дань“. Если, по смыслу коронаціи Болеслава Храбраго и Мешка II, королевскій титулъ долженъ былъ означать полную независимость Польши, то можно сказать, что такою независимостью за весь разсмотрѣнный нами періодъ Польша пользовалась лишь десять лѣтъ (1025—1032; 1077—1079). Едва ли не поэтому вся исторія Пястовскаго періода отъ смерти Храбраго отличается такимъ безотраднымъ характеромъ; едва ли не поэтому всѣ начинанія впадаютъ, такъ-сказать, въ зародышѣ. Иначе и быть не могло. Если—воспользуемся сравненіемъ Смольки—,польскій князь въ древнѣйшее время былъ солнцемъ, котораго лучи все согрѣвали и освѣщали, и ничто не могло ни вырасти, ни расцвѣсть безъ ихъ живительнаго дѣйствія ²⁾, то лучи этого солнца, постоянно закрываемаго императорскою тучей, естественно не могли дать ни надлежащаго роста, ни надлежащей силы всему, чтò ни произрастало подъ ихъ вліяніемъ. Сердце польскаго организма было парализовано. Совершенно справедливо замѣчаетъ Репель по поводу столкновенія въ 963 году: „Хотя зависимость Польши отъ нѣмцевъ была лишь личною зависимостью князя, такъ какъ ни императоръ, ни вообще нѣмцы не вмѣшивались во внутреннія дѣла столь отдаленнаго края, тѣмъ не менѣе вновь завязавшіяся отношенія оказали воздѣйствіе на цѣлый народъ“ ³⁾.

¹⁾ См. Рочники въ М. Р. Н., II—III, или совершенно обходящія этотъ фактъ, или касающіяся его поверхностно.

²⁾ Смолька, Мешко, 361.

³⁾ Rappell, G. P., 95.

Одновременно съ прекращеніемъ государственнаго единства Польши прекращается для императоровъ всякая возможность обращаться на нее вниманіе. Генриху VI и Фридриху II было не до Польши, а съ 1256 г. начинается въ Германіи междуцарствіе. Иноземное тевтонское вліяніе не только однако не прекращается, но напротивъ, усиливается, становясь не временнымъ уже и, такъ сказать, идеальнымъ, а постояннымъ, осязательнымъ, дѣйствуетъ не издали, а на самой польской почвѣ. Разумѣемъ нѣмецкую колонизацію.

Въ 1163 г. вернулись въ Польшу три сына изгнаннаго братьями Владислава и получили въ удѣлъ Силезію. Фактъ, замѣчаетъ Грюнгагенъ,—первостепенной важности: ближайшая къ Германіи польская область, не безъ содѣйствій императора, получила князей, 17-тъ лѣтъ проводшихъ въ нѣмечинѣ; нѣмецкому вліянію открылся широкій просторъ „und insoweit verdient das Jahr 1163 als ein erochenmachendes wohl angesehen zu werden“ ¹⁾). Послѣдовавшія немедленно за этимъ обстоятельства какъ нельзя болѣе подтверждаютъ справедливость такого взгляда.

Въ 1175 г. утвердились окончательно въ Любушѣ шульпфортскіе цистерсы. Князь Болеславъ Высокій „благоразумно“ склонилъ епископа Жирослава отказаться отъ десятины во всѣхъ новыхъ нѣмецкихъ поселеніяхъ, какъ уже существующихъ, такъ и имѣющихъ быть основанными. Обстоятельство, что епископъ согласился безъ затрудненія, показываетъ, что онъ вовсе не предугадывалъ значенія того, чему содѣйствовалъ, и что причинило не мало затрудненій его преемникамъ, послуживъ впослѣдствіи первымъ поводомъ къ выдѣленію Силезской епархіи изъ ряда другихъ епархій Польши ²⁾).

Любушскіе монахи блистательно выполнили свою задачу. По словамъ Грюнгагена, они наполнили все пространство вокругъ монастыря—вдоль и вширь—нѣмецкими поселеніями. Подъ конецъ XII вѣка появляются все чаще и чаще города съ нѣмецкимъ правомъ, а при преемникѣ Болеслава Генрихѣ оно уже процвѣтаетъ по всей Силезіи.

Въ странѣ произошла рѣшительная черемѣна: первобытныи лѣсъ, покрывавшій ее, падалъ подъ топоромъ колонистовъ, которые за свой

¹⁾ B. Grünhagen, Geschichte Schlesiens, I, 33.

²⁾ Ib. 87.

трудъ получали богатые надѣлы; осушались болота, проводились дороги; на недавно еще пустыхъ мѣстахъ выросли села съ храмами по срединѣ; рядомъ съ протянутыми въ длину славянскими поселками возникали воздвигаемыя по круговой линіи нѣмецкія постройки. Земля, обрабатываемая лучшими орудіями и болѣе тщательно, приносила болѣе богатые плоды; среди крѣпостнаго славянскаго населенія возникалъ классъ свободныхъ нѣмецкихъ крестьянъ; вотъ картина, которую съ любовью и гордостью рисуютъ нѣмецкіе историки ¹⁾.

Какъ ко всему этому относились силезскіе поляки, видно изъ того, что они пытались было сгруппироваться около сына Генриха I—Конрада, воспользовавшись неудовольствіями, возникшими въ княжеской семьѣ, и силой положить предѣлъ нѣмецкимъ вождѣшамъ своего князя. Сраженіе при Студницѣ (Роткирхъ, между Лигицей и Гольдбергомъ) кончилось однако не въ ихъ пользу, быть можетъ, благодаря нѣмецкимъ рыцарямъ, которые „съ радостью“ поспѣшили на помощь Генриху ²⁾. Такъ печально кончился въ Силезіи польскій протестъ; о какихъ-нибудь дальнѣйшихъ проявленіяхъ польской народности въ этой польской области мы потомъ не слышимъ. Если Генрихъ I еще не вполне проникся нѣмецкими понятіями, по крайней мѣрѣ, относительно своей княжеской власти, то наставленіе магдебургскихъ чиновъ должно было въ достаточной мѣрѣ восполнить этотъ пробѣлъ ³⁾.

Преемники Генриха не только уже никогда не возбуждали неудовольствія въ Магдебургѣ, но напротивъ, вызывали восторженные отзывы главы нѣмецкихъ миннезингеровъ Тангейзера, ибо и потомокъ

¹⁾ Ib. 61.

²⁾ Henricus cum Theutonicis tam advenis, quam etiam Polonis militibus et aliis, de locibus, quibus potuit recollectis, campum obtinuit cum triumpho. Chr. pr. p. M. P. H. III, 487.

³⁾ Cum igitur vestri nominis fama celebris vos piissimum et mitissimum preciet dominum, miramur, cuius suggestione eos, qui ad civitatem vestram edificandam confluerunt, quibus etiam nostra jura observanda de vestro obtentu transmialimus, in hiis omnibus infringendis turbare proponatis. Ne igitur aliquorum forte iniquorum apud vos proficiat malignitas in hiis immutandis et ut civitatensibus vestris in posterum caveri possit et subveniri, quedam nostre civitatis jura, magis necessaria et communia in presenti cedula notata, tum vobis legenda, quam ipsis observanda tradidimus. *Tzschoppe und Stensel, Urkuendensammlung. Hamburg 1832, стр. 271.* Даже магдатеи отмѣчаютъ дерзость азыма: wie keck die Magdeburger dem Schlesischen Fürsten sagten"... ib. 270, up.

Болеслава Храбраго сталъ миннезингеромъ ¹⁾. Понятно, какова должна была быть судьба страны, ими управляемой. Еще при Генрихѣ I земля между Бобромъ и Нейсой стала почти нѣмецкою ²⁾, а въ скоромъ времени послѣ татарскаго погрома всѣ силезскіе города имѣли уже нѣмецкое право, основывались на томъ же правѣ новме, и нѣмецкій языкъ и обычай становились повсемѣстны; къ концу XIII вѣка, то-есть, при польскомъ миннезингерѣ, Силезія, собственно, была уже потеряна для Польши ³⁾. Вотъ почему особенное значеніе и не для одной Силезіи, а для всей Польши, имѣетъ возвышеніе силезскихъ князей. Генрихъ I оставилъ сыну своему Генриху II сильное владѣніе, которое, по замѣчанію Ренеля, могло бы послужить ядромъ объединенія польскихъ земель, если бы не татарскій погромъ ⁴⁾.

Битву при Лигницѣ, остановившую въ 1241 г. татаръ, Грюнхагенъ считаетъ „кровавымъ крещеніемъ юнаго нѣмецкаго ростка на востокъ, первой полной славы страницей его исторіи“ ⁵⁾. Нельзя сомнѣваться, что она была спасительна для славянской Польши: гораздо легче было бороться съ сыновьями Генриха, раздѣлившими между собою отцовское владѣніе, и вскорѣ Великая и Малая Польша освободились отъ силезцевъ. Этими, однако, опасность онѣмеченія не была уничтожена. Къ половинѣ XIII вѣка мы видимъ рѣшительныя дѣйствія бранденбургцевъ въ сторону Великой Польши, и въ результатъ возникновеніе Новой Марки, то-есть, прочное утвержденіе нѣмецкаго господства уже на польской почвѣ. Правда, Премыславъ еще юношей (1272 г.) нѣсколько задержалъ бранденбургскій напоръ. Дрезденко (Дризень) и Сантокъ остались въ рукахъ поляковъ, но мы видѣли, что бранденбургцы не забыли этого Премыславу, а нѣмецкая колонизація своимъ порядкомъ подвигалась все впередъ ⁶⁾. Одновременно утверждается нѣмецкій элементъ и въ столицѣ Малой Польши: 5-го

¹⁾ *Grünhagen*, G. Schl. I, 100, и пр. 25, 26. Пѣсня Генриха IV: *Ich klage dir, Mai, ich klage dir Sommerwonne* по польски у *Шайнохи*, Vol. Chr., 328. Что нѣмецкое вліяніе могло однако сказываться и въ другой формѣ, дѣлая князей *voluti fur et latro et non ut principes*, см. Годиславъ въ М. Р. Н. II, 577.

²⁾ *Grünhagen*, G. Schl. I, 62.

³⁾ *Röpell*, G. P., 484—487.

⁴⁾ Грюнхагенъ предполагаетъ, что Генрихъ I думалъ о доставленіи своему сыну королевской короны (G. Schl. I, 55). Конечно, въ такомъ случаѣ, она содѣйствовала бы лишь увеличенію императорскаго блеска.

⁵⁾ Перечень ея успѣховъ у *Ренеля*, G. P., прил. 18 и 19, могъ бы въ настоящее время быть увеличенъ во много разъ.

іюля 1257 г. Болеславъ Стыдливый заводитъ въ Краковѣ магдебургію: нѣмецкая колонія была здѣсь, значитъ, и раньше ¹⁾). Быстро шло усиленіе нѣмецкаго элемента въ Краковѣ. Въ первый разъ его политическая сила обнаружилась въ 1285 г. въ прямомъ столкновеніи съ краковскою шляхтою, ведшею Конрада Мазовскаго въ городъ противъ Лешка Чернаго. Отъ послѣдняго, въ благодарность за побѣду и на зло шляхтѣ, получили нѣмцы важныя привилегіи, а городъ былъ окруженъ стѣнами. Въ нихъ, по словамъ Бобжинскаго, польскій языкъ былъ языкомъ не понятнымъ, чужимъ; элементъ и языкъ нѣмецкій были всевластны; о томъ, что это—Польша, свидѣтельствовалъ лишь Вавельскій кремль ²⁾). Обширная торговля и тѣсная солидарность разбросанныхъ уже тогда въ разныхъ мѣстахъ Польши нѣмецкихъ колоній давала нѣмцамъ особенную силу и значеніе.

Въ 1289 г. краковскіе нѣмцы являются уже распорядителями княжескаго стола. Противъ кандидата краковской и сандомірской шляхты Болеслава Мазовскаго они выставили знакомаго уже намъ польскаго миннезингера. Не помогли побѣды Локетка, Краковъ былъ занятъ силезцами, а онъ самъ едва убѣжалъ пѣшь ³⁾, и то лишь благодаря содѣйствію францисканскихъ монаховъ. Князь Нѣмецкой имперіи сѣлъ въ Краковѣ; южной Польшѣ въ ближайшемъ будущемъ предстояла участь Силезіи ⁴⁾. На этотъ разъ, однако, судьба, въ видѣ исключенія, оказалась для нѣмцевъ не благопріятною. Вѣроятно усердное служеніе Миннѣ было причиной той хворости, которая уже въ слѣдующемъ году свела Генриха IV въ могилу. Дѣтей у него не было ⁵⁾. Съ его смертію, говоритъ Грюнгагенъ,—прекратилось господство Силезіи, начавшееся съ XIII вѣка при Генрихѣ I, на время прерванное татарскимъ погромомъ и восстановленное снова Генрихомъ IV; прекратилась вмѣстѣ съ тѣмъ и надежда раздвинуть границы области, полной нѣмецкой жизни и вліянія, до Вислы и даже

¹⁾ *І. Шуйскій*, Kraków aż do początku XV w. Opowiad. Варшава 1882 г., стр. 195, 197.

²⁾ *М. Бобжинскій*, Bunt wojta krakowskiego Alberta z roku 1311. *Wiśł. Warsz.* 1877, III, 330. Перечень источниковъ, касающихся этого характернаго эпизода польской исторіи, см. *ib.*, 335 пр. 1.

³⁾ *Латоп.* Крак. М. Р. Н. II, 852.

⁴⁾ *Вдрелл*, G. P., 546.

⁵⁾ Женатъ онъ былъ на бранденбургской принцессѣ Мехтальдѣ, что, разумеется, тоже не осталось бы безъ значенія.

за нее, и древнюю польскую столицу сдѣлать передовымъ постомъ германства ¹⁾).

Но и смерть Генриха IV не измѣнила роковаго хода польской исторіи. Въ Краковѣ, сѣлъ опять князь Нѣмецкой имперіи. Должно быть, однако, сила краковскихъ нѣмцевъ была черезъ-чуръ велика, если Вацлавъ Чешскій, сѣвъ въ Краковѣ, не оказалъ имъ особеннаго расположенія ²⁾. И еще разъ обнаружилась она, поставивъ Локетка, уже по занятіи имъ Кракова, въ самое затруднительное положеніе. Во главѣ бунта 1311 г. стоялъ наслѣдственный краковскій войтъ Альбертъ и братъ его Генрихъ, настоятель Мѣхова. Незадолго передъ этимъ получившій отъ Локетка значительные привилегіи, Краковскій епископъ Муската, какъ силезецъ, тоже держалъ сторону мятежниковъ. Но это была уже послѣдняя попытка краковскихъ нѣмцевъ ставить князей, какіе имъ угодны. Болеславъ Опольскій, правда, послѣдшилъ на зовъ, дворець Альберта превращенъ былъ въ крѣпость, но гарнизонъ Локетка удержался; бунтъ былъ усмирень и, понятно, суровыми мѣрами ³⁾, а съ 1312 г. замѣтна уже значительная переимѣна въ положеніи краковской колоніи ⁴⁾.

Побѣда Локетка была однако въ сущности лишь устраненіемъ того, что никомъ образомъ не могло быть терпимо, если Польша хоть номинально хотѣла оставаться Польшей. Политическія притязанія нѣмцевъ въ Польшѣ были уничтожены, но мирное ихъ распространеніе по прежнему продолжалось, составляя явленіе, до такой степени ничѣмъ не отвратимое, что тотъ же Локетокъ, всю жизнь отчаянно боравшійся съ тевтонизмомъ, чувствуя приближеніе смерти, пожаловалъ нѣмецкое право всѣмъ имѣніямъ того самаго Мѣховскаго монастыря, настоятелемъ котораго былъ въ 1311 г. братъ Альберта—Генрихъ ⁵⁾.

Въ общемъ, къ концу XIII вѣка границу распространенія нѣмецкаго элемента на востокъ составляла Висла; слѣдовательно, изъ всѣхъ

¹⁾ *Grünhagen*, G. Schl. I, 114.

²⁾ *Шульскій*, Krakow..., 201.

³⁾ Anno domini... Albertus advocatus cracoviensis cum concivibus suis Boleslao duci Opaviensi (opoliensi) civitatem cracoviensem tradiderunt et privati sunt advocacia, et qui nesciebant dicere soezovycza, koło, mylye, młyn decolati sunt omnes. Лѣтоп. Краснен. М. Р. Н., III, 183. Ср. Лѣтоп. капит. Крак. ib., II, 815.

⁴⁾ *Шульскій*, Kraków, 206.

⁵⁾ *Caro*, G. P. II, 159 пр. 3.

польскихъ земель только одна Мазовія оставалась болѣе или менѣе отъ него свободною ¹⁾; но на протяженіи ея изгиба отъ Кракова до Плоцка, то здѣсь, то тамъ нѣмцы перешагнули и этотъ рубежъ.

Начало нѣмецкой колонизаціи въ Мазовіи можно относить къ 1230 году ²⁾. Съ 1254 г., послѣ убѣдительнаго зазыва нѣмецкихъ поселенцевъ княземъ Сомовитомъ ³⁾, число ихъ должно было значительно увеличиться ⁴⁾. Надо помнить, что они „ведѣ сохранили языкъ и обычаи, право и устройство родины“ ⁵⁾, что они всегда получали особые привилегіи, ставившіе ихъ въ исключительное положеніе по отношенію къ власти, что подобное имъ привилегированное положеніе составило въ скоромъ времени цѣль стремленій, въ концѣ концовъ утѣчившихся усилкомъ, для коренного польскаго населенія,—и станетъ совершенно понятно, что эти нѣмецкіи поселенія составляли не просто чужеродные наросты на славянскомъ тѣлѣ Польши, но сыграли въ ея исторіи гораздо болѣе важное значеніе: они внесли въ ея славянскій организмъ инородный элементъ въ такой степени, что, по замѣчанію Репели, дальнѣйшій ходъ ея жизни долженъ былъ заключаться уже въ совмѣстномъ развитіи обоихъ элементовъ славянскаго и германскаго ⁶⁾. „Во взаимной борьбѣ двухъ правъ польскаго и нѣмецкаго побѣда, очевидно, должна была склониться въ пользу втораго, и польское право, въ свою очередь, должно было сдѣлаться исключеніемъ въ нормальнаго порядка. Тогда-то

¹⁾ *Röpell*. Über die Verbreitung d. Magdeburgerstadtrechts. Breslau 1857 г., стр. 246.

²⁾ Код. Маз. № 6, быть можетъ, даже раньше: *Ф. Козловскій*, Dzieje Mazowaza, Варшава. 1858, стр. 46, пр. 2, на основаніи документа, находящагося въ частныхъ рукахъ, копій котораго хранились, по его словамъ, въ коронномъ архивѣ, сообщаетъ, что въ 1224 г. Конрадъ даровалъ нѣмецкое право 4 селамъ. Но ничего подобнаго и не нашелъ ни въ *Inventarium* (изданіе это, впрочемъ, и неполное, и несправное), ни въ кодексѣ Мазовецкомъ.

³⁾ *Accedant itaque securi hospites de quacunq̄ natione ad incolendas terras.. scientes, quod omni servitute ab eis relegata gaudebunt pleno iure teutonico* Код. Маз. № 24. Поселенія эти основывались въ земляхъ епископа, то-есть, и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, представитель церкви подавалъ руку германизаціи; см. грамоту епископа Петра 1237 г. *ib.* № 11.

⁴⁾ Въ Мазовіи распространилось по преимуществу такъ-называемое Кульское право. Ко времени прекращенія Мазовской княжеской линіи 1526 г. имъ пользовались всѣ города Мазовіи. *Röpell*, *Uebb. d. Verbreitung*, 263.

⁵⁾ *Ib.* 243.

⁶⁾ *Röpell*, G. P. 563.

нѣмецкое право и теряетъ свое спеціальное имя. Рѣшительная побѣда одержана имъ въ концѣ XIV вѣка.....Актъ Людовика (1374 г.) окончательно возводитъ нѣмецкое право въ общій государственный заковъ¹⁾. До XV вѣка разливъ нѣметчины не встрѣчалъ въ Польшѣ никакого отпора. Въ указанномъ предсмертномъ пожалованіи Локетка Мѣхову лучше всего обнаружилось безсиліе задержать его. Но чтобы опасность, угрожавшую Польшѣ, представить себѣ во всей по истинѣ ужасающей громадности, необходимо обратить вниманіе на то, что происходило на сѣверной ея границѣ, гдѣ къ тридцатымъ годамъ XIII вѣка утвердился Нѣмецкій орденъ. То, что засѣвалось на польской почвѣ незамѣтно и постепенно, выросло и расцвѣло въ отношеніяхъ къ Польшѣ этого заключительнаго въ нашемъ обзорѣ нн фактора германизма. Отъ того-то и во взглядахъ историковъ встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ полное единогласіе²⁾. Это очень облегчаетъ нашу задачу. Мы могли бы ограничиться просто перечнемъ фактовъ, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ XIII вѣка, когда орденъ, утвердившись въ Пруссіи, началъ наступать на Польшу. Картина получилась бы очень яркая. Не будемъ, однако, изображать ее: она слишкомъ извѣстна, но остановиться на обстоятельствахъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ утверженіе нѣмецкаго господства на сѣверной границѣ Польши, считаемъ не лишнимъ. Обстоятельства эти дадутъ намъ возможность еще разъ оцѣнить, какъ внутреннюю

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. С.-Пб. 1868, стр. 25; см. также превосходныя заключительныя замѣчанія, 298 слл. Замѣчанія *А. Павинскаго*, въ его рецензіи (С.-Пб. 1871) указанной книги, въ сущности нисколько не ослабляютъ основныхъ взглядовъ ея автора, имѣя въ виду лишь сгладить нѣкоторыя рѣзкости. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что рецензія слишкомъ изолируетъ нѣмецкое право. Въ дѣйствительности, оно является лишь частью того общаго тевтонскаго вліянія, которое только въ совокупности всѣхъ своихъ проявленій получаетъ полный смыслъ и значеніе. Вотъ почему намъ кажутся неосновательными замѣчанія г. Павинскаго (стр. 21), ограничивающія положенія г. Владимірскаго-Буданова о вліяніи нѣмецкаго права на ослабленіе княжеской власти.

²⁾ Нѣмецкіе историки находятъ въ исторіи ордена не мало блестящихъ страницъ: „Die Kämpfe der deutschen Ordensritter im Morgenlande se-seln den Blick durch den Adel der Begeisterung, womit sie begonnen, durch den Glanz der Tapferkeit, womit sie geführt wurden“, говорятъ Ватерихъ. Не будемъ спорить, ибо мы очень цѣнимъ чувства національной гордости. Мы имѣемъ въ виду лишь отношенія Ордена къ Польшѣ, а въ этомъ случаѣ факты, представленныя самими же нѣмецкими историками, на столько краснорѣчивы, что не могутъ возбуждать никакихъ разногласій.

силу Польши, такъ и отношеніе къ ней ближайшихъ ея западныхъ сосѣдей.

Причиной, заставившей поляковъ обратиться къ содѣйствию Нѣмецкаго ордена, было исключительное положеніе Мазовскаго княжества. Обосновалось оно по преимуществу на правомъ берегу Вислы отъ устья Пилицы по обѣ стороны нижняго теченія Западнаго Буга. Устье этой рѣки, еще на пространствахъ своего нижняго теченія переходящей въ область другаго племени, представляло наиболѣе безопасный пунктъ страны, отовсюду угрожаемой враждебными сосѣдями. Въ отношеніяхъ къ нимъ и въ воздѣйствіи на нихъ со стороны поляковъ, однимъ словомъ, въ успѣхахъ здѣсь польской колонизаціи могла бы такимъ образомъ наиболѣе ярко сказаться, какъ внутренняя сила польскаго племени, такъ и то, на сколько ея развитію способны были содѣйствовать польскіе государи.

Прочная польская колонизація началась здѣсь, можно думать, лишь во время непосредственно слѣдовавшихъ за смертью Мешка II смуть, особенно со времени нападенія Врѣчислава Чешскаго¹⁾; по вниманіе польскихъ государей, очевидно, слишкомъ было отвлекаемо въ другую сторону, на западъ, и польское колонизаціонное движеніе не нашло надлежащей поддержки. Когда вниманіе обратилось въ эту сторону, было уже поздно. Польша была уже бессильна для какихъ-нибудь прочныхъ и важныхъ внѣшнихъ предпріятій. Вотъ почему если они изрѣдка и совершались, то безъ опредѣленнаго плана и надлежащей настойчивости. Со времени окончательнаго выдѣленія Мазовіи въ удѣльное княжество, съ 1207 г., она очутилась въ особенномъ, сравнительно съ другими польскими землями, положеніи, всего болѣе напоминающемъ положеніе русскихъ окраинныхъ княжествъ. И что же? Конрадъ Мазовскій оказался совершенно бессильнымъ противъ нападений враждебныхъ сосѣдей. У польскихъ князей не видимъ даже признака сознанія необходимости поддержать польскій постъ на крайнемъ востокѣ: время съ 1233 по 1246 гг. занято борьбой Конрада съ Силезскими князьями. Польская колонизація отошла лишь на весьма небольшое разстояніе отъ Вислы. Вообще, замѣтимъ кстати, Висла составляла очевидную восточную границу польскаго племени, которое, правда, въ верхнемъ и среднемъ теченіи

¹⁾ Eo tempore Bohemi Gneznen et Poznan destruxerunt... Illi vero qui de manibus hostium evadebant, vel qui suorum seditionem devitabant, ultra fluvium Wysla in Mazoviam fugiebant. М. Галлъ М. Р. Н. I, 416.

переходило за нее къ югу и востоку, на правый берегъ рѣки, но о предѣлахъ его [распространенія въ эти стороны, какъ равно и объ этнографическомъ составѣ здѣшняго населенія въ древнѣйшее время, мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія. Не мало вопросовъ, въ этомъ случаѣ, возбуждаетъ Мазовія. Позднѣйшее время слишкомъ заслонило отъ насъ древнѣйшее положеніе, и теперь болѣе или менѣе точное его возстановленіе встрѣчаетъ множество преградъ не только чисто научнаго характера. Фактъ, однако, остается фактомъ: сплошное польское населеніе на обоихъ берегахъ Вислы видимъ именно въ Мазовіи. Въ верхнемъ теченіи рѣки русскія поселенія доходили до Кракова; западную часть водораздѣла между Саномъ и Вепремъ занимали какіе-то сомнительныя „ляхове украиняне“; въ 50 верстахъ къ востоку отъ Варшавы и теперь начинаются сплошныя русскія поселенія. По Нареву жили уже литовцы, далѣе къ западу пруссы. Очевидныя слѣды русскаго вліянія даже въ самомъ Краковѣ замѣчены были уже давно ¹⁾; извѣстно, что тщательное ихъ уничтоженіе относится ко временамъ новѣйшимъ; но такія же слѣды оказываются и въ Мазовіи. Подъ 1339 г. упоминается настоятель приходской церкви св. Георгія въ Варшавѣ ²⁾. Мы позволимъ себѣ указать на весьма характерный слѣдъ болѣе древнаго и притомъ литературнаго русскаго вліянія даже въ Плоцкѣ ³⁾. Лица, вдоль и поперекъ извѣздвншія среднее Прибужье, отмѣчаютъ и въ настоящее время единство право- и лѣвобережнаго его населенія въ фисіономіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, говорѣ, костюмахъ ⁴⁾. Полагаемъ, въ древнѣйшее время это единство простиралось гораздо далѣе къ западу, и виѣсть съ тѣмъ

¹⁾ *Н. Дашкевичъ*, Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1885, стр. 107, пр. 1.

²⁾ *А. В. Ломиковъ*, Грамоты Юрія II—*Чтенія* 1887, II. 18.

³⁾ Иѣкъ въ виду упоминаніе Луки Давида о хроникѣ Христіана. Вотъ, что онъ говоритъ о ней: „dieser Christianus der erste preussische Bischoff schreibt im Buche, dass er hinder sich gelassen von seinen Pfarrkindern, nemlich den vom Teuffel vorblendeten und vorstockten Preussen in latinischer Sprache gemacht, das Titel oder überschrift ist, Liber filiorum Boelial et eorum snpertationibus, dass ist das Buch von den Belials Kindern und irem missglauben, das Ime von Ieroslao die Zeit Thumprobst zu Plotzka in der Masauern ein Buch in *Reuscher Sprache*, aber mit Greckschen (то-есть, конечно, русскими) Buchstaben geschrieben, geliehen wurden“. *Voigt*, G. Pr. I, прил. I, 618. Фойгтъ предполагаетъ, что Христіанъ, зная польскій языкъ, могъ понимать и по русски (ib., 624); прибавимъ, онъ долженъ былъ знать и русскую грамоту.

⁴⁾ *Е. М. Крыжановскій*, Забужная Русь. С.-Пб. 1885, стр. 79.

снѣмъ думать, что наше предположеніе о слабыхъ усиѣхахъ польской колонизаціи въ Мавовіи не такъ уже рискованно.

Одновременно съ выдѣленіемъ Мавовскаго княжества начинается въ 1209 году миссіонерская дѣятельность оливскаго цистерскаго монаха Христіана, положившаго твердое начало утверженію христіанства среди пруссовъ. Личность Христіана у Фойгта не играетъ той роли, какая ей должна принадлежать въ дѣйствительности, а между тѣмъ едва ли не въ ней заключается узелъ занимающихъ насъ въ данную минуту событій. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ остановиться на ней. Затрогиваемыя нами обстоятельства кажутся намъ заслуживающими двойнаго вниманія: они рисуютъ отношеніе къ Польшѣ нѣмецкихъ членовъ ея церкви и открываютъ, на нашъ взглядъ, ближайшій поводъ призванія рыцарей. Какой церкви принадлежалъ Христіанъ—польской, нѣмецкой, или можетъ быть, положеніе его было совершенно исключительное?—вотъ первый вопросъ, представляющійся въ данномъ случаѣ. Собственно говоря, мы не усматриваемъ здѣсь никакихъ сомнѣній, но таково свойство вопросовъ, болѣе или менѣе затрогивающихъ національныя страсти, что они остаются вопросами, не смотря на очевидность фактовъ. Отсутствие точной опредѣленности, невозможной по самому существу дѣла—не забудемъ, что естественный ходъ его былъ прерванъ въ самомъ началѣ, и это, понятно, должно было произвести не малую путаницу,—даетъ изслѣдователямъ основаніе освѣщать факты, сообразуясь больше съ своими взглядами, чѣмъ съ историческою дѣйствительностью. Раскрываются никому не извѣстныя намѣренія ¹⁾, факты остаются, конечно, темными, ибо раскрыть ихъ могутъ лишь общій смыслъ и связь событій, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ фактъ берется самъ по себѣ, отдѣльно, независимо отъ предшествующаго и послѣдующаго.

Разсмотримъ положеніе Христіана въ той связи, какая представляется сама собою. Въ 1178 г. Поморскій князь Самборъ основалъ Оливскій монастырь, подчиненный въ церковномъ отношеніи Куявскому епископу ²⁾. Какъ большая часть польскихъ цистерскихъ монастырей, Оливскій монастырь былъ, по составу монаховъ, нѣмецкій и,

¹⁾ „Es war nie die Absicht des Papstes Preussen der Metropole Gnezen unterzuordnen“, говоритъ *Watterich*: Die Gründung des deutschen Ordensstaates in Preussen, Leipz. 1857 г., стр. 81.

²⁾ Quintodecimo Calendas Aprilis Samborius Pomeraniae dux monasterium ordinis Cisterciensis in villa sua ducale Oliwa, Wladislaviensis dioecesis fundat... Даугошъ (Крак. изд.) 1178 г., кн. VI, стр. 101.

можно думать, имѣлъ такое же значеніе для Пруссін, какъ Любушъ для Силезіи; по крайней мѣрѣ, въ пожалованіи Владислава Одонича представляется бывшему его члену право призывать нѣмецкихъ поселенцевъ, которымъ дарованы чрезвычайно широкія льготы ¹⁾. Для насъ важно лишь то, что Оливскій монастырь входитъ въ составъ польской церковной провинціи. Съ 1209 г. начинается миссіонерская дѣятельность Христіана. Конечно, въ дѣлѣ проповѣди слова Вошіа онъ былъ предоставленъ самому себѣ, но можно ли допустить, чтобы новамъ духовная паства оставалась безъ всякой іерархической связи, безъ включенія ея въ составъ какой-нибудь епархіи, до основанія Прусской? По практикѣ Римской церкви, вновь учреждаемыя епархіи, до окончательнаго ихъ устройства, подчинялись непосредственно куріи. Они вѣдались или самими папой, или назначеннымъ ad hoc легатомъ. То же встрѣчаемъ и здѣсь. Легатомъ назначенъ былъ Гнѣзненскій епископъ; когда?—неизвѣстно; знаемъ только, что въ 1219 г. папа освободилъ его отъ этой обязанности не по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, а лишь по слабому состоянію здоровья ²⁾. Онъ и умеръ въ этомъ же году. Три года спустя, въ Хелминскую землю прибыло польское крестовое ополченіе. Генрихъ Силезскій соединился съ Конрадомъ Мазовскимъ для прочнаго утвержденія здѣсь христіанства. Замѣчательно, что въ ополченіи этомъ участвовали епископы: Гнѣзненскій, Вроцлавскій, Краковскій, Познанскій, Любушскій и много представителей польскаго шляхетства. Щедрныя пожалованія, сдѣланныя Христіану поляками—князьями, рыцарствомъ и духовенствомъ, доказываютъ ихъ сильное религиозное одушевленіе. Чтѣ именно оно руководило дѣйствіями поляковъ—свидѣтельствуетъ подтвердительная папская грамота ³⁾. Нужно ли еще лучшее доказательство, что на новую епархію польское духовенство смотрѣло, какъ на часть своей

¹⁾ Cod. d. Pr. 1, № 7. Ватерихъ, пр. 15, относитъ документъ къ 1217, а не 1212 г., но относительно личности „епископа и аббата Пруссін“ не сомнѣвается.

²⁾ Cod. d. Pr. 1, № 13. Почему Ватерихъ полагаетъ, что назначеніе легатомъ именно Гнѣзненскаго архіепископа должно было оставаться „ohne alles Präjudiz für die Zukunft“ (пр. 31), не понимаю.

³⁾ Idem dux (мазовскій и куявскій) terram eundem cum quibusdam villis consistentibus in eadem... tibi et per te ecclesie tue ac tuis successoribus contulit intuitu pietatis. Theiner, M. P. 1, № 29. M. P. H. IV, 50: Christianus... primus episcopus. Hic districtus, territoria et villas, quibus inclytus Conradus Masoviae dux ecclesiam Culmensensem anno d. 1222 dotaverat, ordini cessit.

церкви, ибо какъ же можно допустить, что, безъ этого, оно оказывало бы столько заботъ объ ея устройствѣ и упроченіи, даже съ очевиднымъ ущербомъ своихъ интересовъ? ¹⁾ Затѣмъ, въ скоромъ времени послѣ устройства церковнаго управленія въ Пруссіи, Хелминская епархія подчинена была Рижскимъ архіепископамъ. Обстоятельство это подало поводъ къ продолжительнымъ спорамъ съ ними Гнѣзненскихъ. Вопросъ поднялъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ іерарховъ Яковъ Свинка, и по его настоянію, Бонифацій VIII назначилъ даже особую комиссію для разслѣдованія дѣла. Если оно кончилось не въ пользу Гнѣзна, то единственно благодаря тому, что съ рыцарями ничего нельзя было подѣлать ²⁾. Церковная связь Хелминской епархіи съ Польшею не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Нѣмецкій проповѣдникъ, принадлежавшій къ Польской церкви, распространялъ христіанство въ Пруссіи, подъ покровительствомъ польскихъ князей и польскаго духовенства, положившихъ первыя основы новой епархіи. Дѣло только что устанавливалось, но такъ, что, при естественномъ ходѣ, можно утверждать съ полнымъ основаніемъ, Пруссія вошла бы въ составъ Польской церковной провинціи ³⁾. Какъ же относился этотъ членъ польской церкви къ ней и

¹⁾ См. превосходныя замѣчанія о епископствахъ Крушвицко-Куявскомъ и Плодкомъ у *А. Малецкаго*, *Kościelne stosunki. Przewodnik* 1875. Относительно *ius dicale* никакъ нельзя согласиться съ *Ватерихомъ*, пр. 50; ср. *Ренель*, 431. пр. 23.

²⁾ *M. Bułiński. Historia Kościoła polskiego. Krakow. 1873, I; стр. 250 сл.*

³⁾ Обращаемъ вниманіе на папскую грамоту 1211 г. Гнѣзненскому архіепископу (*Ватерихъ*, прил. № 1). Исключительныя полномочія, предоставленныя Христіану въ 1218 (ib. № 6 и 7), доказываютъ лишь исключительность его положенія и ничего болѣе, а грамота Гонорія III, мая 16-го 1218 г. (ib. № 8а), подтверждаетъ лишь справедливость взгляда самого же Ватериха о различіи характера папскихъ буллъ Гонорія III и Григорія IX (ib. 112). Вообще Ватерихъ слишкомъ идеализируетъ Христіана, о которомъ, между прочимъ, вотъ что говоритъ Фойгтъ: „Endlich war auch Christians Charakter und Gesinnungsart wohl keineswegs ganz fleckenlos; er war nicht frei von jenem Neide, von jenem hierarchischen Herrschlust, von jenem Selbstsucht und jenem Eigennutze, die damals fast durch den ganzen geistlichen Stand gingen; er war selbst nicht rein von Verleumdungssucht und einem gewissen böswilligen Streben auch das Heilsame und das anerkannte Gute zu hindern, sobald seine Selbstsucht und sein Eigennutz dadurch vom beabsichtigten Ziele zurückgehalten wurden. Gesch. Pr. II, 459. Быть можетъ, такая характеристика Христіана по отношеніямъ къ Ордену нѣсколько строга, но ее вполне подтверждаютъ отношенія Христіана къ польскимъ князьямъ въ 1222 г. и къ Гюнтеру.

къ польскимъ князьямъ? Мы уже указывали на его роль въ утвержденіи нѣмецкой колонизаціи въ Пруссіи. Съ самаго начала у него вышли недоразумѣнія съ Конрадомъ, столь характерно освѣщаемыя Ватерихомъ ¹⁾. Въ результатѣ обращенія Христіана къ папѣ должно было, по словамъ Ватериха, получиться новое государство отдѣльное и независимое отъ польскихъ княжествъ ²⁾. Въ 1215 г. Христіанъ былъ вторично въ Римѣ. Здѣсь, можетъ быть, онъ былъ поставленъ во епископы ³⁾, а отъ двухъ прибывшихъ съ нимъ обращенныхъ пруссаковъ получилъ Ланзанию и Лобавскую землю. Пожалованіе это утверждено было папой. Вообще оно неопредѣленнаго характера ⁴⁾, тѣмъ не менѣе оно дало основаніе Христіану другими глазами, чѣмъ прежде, смотрѣть и на Хелминскую землю ⁵⁾.

Всѣ старанія Христіана направляются затѣмъ на возможное устраненіе содѣйствія поляковъ и, на оборотъ, на привлеченіе нѣмцевъ. Первый крестовый походъ противъ пруссаковъ не проповѣдывался, благодаря Христіану, ни въ Мазовіи, ни въ Куявіи. На дѣлѣ оказалось, что ополченіе явилось не изъ Германіи, а изъ Силезіи съ польскими епископами, польскимъ рыцарствомъ. Можно сказать, что лишь благодаря ему Христіанъ могъ считать свое дѣло упроченнымъ, и тѣмъ не менѣе его отношенія къ польскимъ князьямъ представляются весьма загадочными, а извѣстное расположеніе Генриха I къ нѣмцамъ и недовѣріе къ Конраду дало все-таки возможность Христіану болѣе или менѣе отгородиться отъ послѣдняго ⁶⁾. Силезскіе князья и здѣсь, такимъ образомъ, оставались вѣрны своей печальной въ отношеніи

¹⁾ Gründung, 8—10.

²⁾ Трудно, однако, согласиться съ толкованіемъ папскаго обращенія къ польскимъ князьямъ у Ватериха; ib. прил. № 3.

³⁾ Ib., пр. 16; но вообще время поставленія Христіана въ епископы возбуждаетъ сомнѣнія.

⁴⁾ Утверждать, какъ Ватерихъ, 12: „So kehrte Chr. denn als Preussens Bischof und Herr von den ersten Fürsten des Landes begleitet aus Italien zurück, по крайней мѣрѣ неосторожно: дѣлается вѣдь рѣшительное заявленіе о весьма важномъ вопросѣ—временномъ существованіи духовнаго княжества (ib. 25), въ сущности лишь на основаніи заявленія заинтересованной стороны (Cod. d. Pr. 1, 25).

⁵⁾ „Obgleich das Kulmische Gebiet seit mehr als 100 Jahren zur polnischen Herrschaft gerechnet wurde, so sah man es doch immer als einen eroberten Theil von Preussen an“. Ватерихъ, пр. 15. Въ глазахъ нѣмецкаго историка и завоеваніе не составляло для поляковъ права.

⁶⁾ Watterich, прил. № 10.

къ славянской Польшѣ роли ¹⁾). Дѣйствія Христіана должнъ были наконецъ вызвать серьезное опасеніе со стороны Конрада. Вѣроятно, не былъ ими доволенъ и епископъ Плоцкій Гюнтеръ. Оба они, однако, не усматривали въ самой Польшѣ никакихъ средствъ противодѣйствія нѣмецкому монаху, и вотъ по указанію Гюнтера ²⁾, польскій князь

¹⁾ М. Р. Н. IV, 165.

²⁾ Ibid., прим. 69 и М. Р. Н. IV, 165. Считаю, по этому поводу, уместнымъ сказать нѣсколько словъ о роли Польской церкви въ занимающемъ насъ вопросѣ. Вообще ее нельзя считать прямымъ факторомъ германизма въ виду тѣхъ услугъ, которыя она во временахъ оказывала польской народности; несомнѣнно однако, она во многомъ ему содѣйствовала, и если измѣненіе строя польской общественной жизни произошло, главнымъ образомъ, благодаря развитію иммунитета—явленія во всякомъ случаѣ чужеземнаго, то надо сказать, что Польская церковь сдѣлала въ этомъ отношеніи первый шагъ. Въ немъ, однако, нельзя усматривать спеціально германскаго вліянія, а какъ сказано, вообще широкое. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о личномъ составѣ высшаго польскаго духовенства. Существующіе списки польскихъ іерарховъ даютъ въ этомъ отношеніи мало (см. Каталоги епископовъ Краковскихъ и архіепископовъ Гизинскихъ М. Р. Н. III; о другихъ спискахъ см. *Rörell*, 300, прим. 1). Въ первый разъ появлялся поляк на епископскихъ кафедрахъ въ Гизинѣ въ 1027, Краковѣ въ 1059, Плоцкѣ въ 1087, Познанѣ въ 1106, Вроцлавѣ въ 1215 г.; но—послѣ того въ составѣ польскаго епископата виднѣя очень часто иностранцы, и уже по преимуществу нѣмцевъ (нѣсколько замѣчаній о древнѣйшемъ романскомъ вліяніи см. *Grönlagen*, G. Schl. I, 19—23). Мы видѣли, какое значеніе для утвержденія нѣмецкаго элемента въ Пруссіи имѣлъ Христіанъ. Генрихъ Маховскій, братъ Альберта былъ нѣмецъ, Изъ Муската—отмеченный силезецъ; при дворѣ Конрада, кромѣ Гюнтера, находимъ еще аббатовъ—Гвидо и Фалькольда, монаховъ—Фалета и Бенета, плоцкаго настоятеля Адларда, капеллановъ—Готгольда и Гизмара, все нѣмцы (*Колодецкій*, Дзиеје Маковага 55, пр. 1). Еще болѣе важное значеніе имѣли монастыри: изъ 27 цистерцианскихъ монастырей 14 были исключительно нѣмецкіе (*А. Малецкій*, *Klasytoru i zakonu*, *Przewodnik*, 595; 1875 г.), а надо имѣть въ виду экономическую роль именно этихъ монастырей. Замѣчательно, что до 1280 года они распространялись почти исключительно. Что касается другихъ орденовъ, то большинство ихъ, по замѣчанію Репеля (571), были елиіи нѣмецкихъ. Это не подлежитъ сомнѣнію относительно Великой Польши; относительно Малой и Мазовіи лишь имѣть столь опредѣленныхъ данныхъ. Еще при Сигизмундѣ I были въ Польшѣ монастыри, наполненные исключительно нѣмцами; поляки туда вовсе и не принимались. Нѣмецкіе монахи, по словамъ Грюнгарена, „wurden naturgemäß die wichtigsten Beförderer der Germanisation“; съ другой стороны, для колонистовъ нѣмецкихъ монастырь на чужбинѣ былъ своего рода гарантіей— „es war wie das antike Mitnehmen der heimischen Götter in die Fremde“ (40). Со второй половины XIII вѣка замѣчается въ высшемъ польскомъ духовенствѣ пробужденіе національнаго сознанія. Самымъ о жалобѣ папѣ на „невыносимый гнетъ германскаго“ Особо важны постановленія двухъ Ленчицкихъ синодовъ 1257 и 1285 года; но

обращается къ представителю Нѣмецкаго ордена. Имъ былъ тогда Германъ Зальца—имя, заставляющее невольно отиѣтитъ какую-то фатальность, преслѣдующую польскія начинанія. Въ самомъ дѣлѣ, кто былъ Германъ? Другъ Фридриха II, онъ былъ, конечно, глубоко проникнутъ сознаніемъ величія и міровой роли императорской власти; его сотрудничать и совѣтникъ, онъ имѣлъ возможность и присмотрѣться, и не мало извлечь изъ тѣхъ образцовъ, византійскихъ и арабскихъ, которые на почвѣ Сицилійскаго государства сталкивались съ западными феодальными порядками; конечно, надо было обладать необыкновеннымъ тактомъ, чтобы вести переговоры между императоромъ и папой и сохранять въ то же время уваженіе и расположеніе обѣихъ ¹⁾; но что дѣйствительно ставило его высоко, что сообщало его планамъ и дѣйствіямъ особенное значеніе—это его глубокій и гордый патріотизмъ. Не даромъ Фойгтъ, указывая на его тюрингское происхожденіе, замѣчаетъ: „онъ былъ уроженецъ той страны, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ по сю пору дѣса и долины оглашаются пѣснями“ ²⁾. Эта тюрингская пѣсня сообщила всему существу Германа глубоко національный отпечатокъ: ни средневѣковой космополитизмъ, ни монашество не стерли этого отпечатка. Онъ былъ нѣмецъ всецѣло, насквозь, и этимъ, конечно, только и можно объяснить, почему онъ занимаетъ въ нѣмецкой исторіи такое дѣйствительно высокое мѣсто. Этимъ, думаемъ, слѣдуетъ объяснять и то, почему онъ съ первой же минуты ясно понялъ и вполне опредѣлилъ все значеніе предложенія Конрада, почему съ этого времени „душа его не знала покоя“, почему все вниманіе, всю энергію онъ обратилъ на новое дѣло. Высокая идея защиты Гроба Господня могла увлекать и одушевлять его, но умъ, привыкшій считаться съ дѣйствительностью, не могъ не открывать возможности достиженія цѣли. Къ тому же, защита Святаго Гроба была общимъ дѣломъ всѣхъ христіанъ. Совсѣмъ другіе виды пред-

вообще нельзя не замѣтить, что синодальныя постановленія касались не столько церковной практики или духовно-нравственныхъ вопросовъ, сколько матеріальной стороны и политической роли церкви (*M. Biliński, Historia Kości. P. I, 361—374*).

¹⁾ Орденская хроника такъ характеризуетъ его: „Er war ein from, verständig, weyse Man, wolberedt gottfürchtig, eines erbaren Lebens, hochangeschen beym Babst und beym Kaiser. *Voigt. G. Pr. II, 74, прим. 1.* Будучи глубоко религіознымъ, онъ былъ, однако, свободомыслящъ и мало стѣснялся папскими интронизациями, когда они не совпадали съ его интересами; *ibid. 206.*

²⁾ *Ibid. 70.*

ставило предложеніе Конрада. Германъ не могъ не знать о положеніи страны, куда звалъ его польскій князь. Не такъ давно былъ въ Римѣ Ливонскій епископъ, затѣмъ Христіанъ. Мы готовы допустить, что желаніе послужить распространенію христіанства давало значительный толчекъ его энергіи; но врядъ ли ошибемся, предположивъ, что еще болѣе сильно воодушевляли ее другія побужденія: вѣдь Пруссія страпа азычская, слѣдовательно, ею можетъ распоряжаться императоръ, а развѣ не выгодно будетъ ему утвердить господство вѣрныхъ и надежныхъ его слугъ на сѣверной границѣ того государства, которое пока было, все-таки, лишь отдаленнымъ спутникомъ императорскаго солнца? Не удалось утвердиться на почвѣ Мадьярскаго государства, въ Седмиградѣн: король Андрей оказался слишкомъ сильнымъ, но развѣ смогутъ оказать противодѣйствіе слабѣе польскіе князья? Наконецъ, развѣ можно допустить, чтобы роль нѣмцевъ въ Польшѣ была неизвѣстна представителю Нѣмецкаго ордена? Вѣроятно, въ февралѣ 1226 года явились послы Конрада къ Герману, а уже въ мартѣ онъ выхлопоталъ у Фридриха II не только подтвержденіе пожалованія Хелминской земли, но и передачу всей Пруссіи „velut vetum et debitum ius imperii“¹⁾. Грамота была получена, конечно, не затѣмъ чтобы показать ее князю. Въ 1228 году Германъ отправилъ въ Польшу своихъ пословъ²⁾. Оказалось, что поперекъ смѣлыхъ и широкихъ плановъ гросмейстера сталъ епископъ Христіанъ. Столкнулись представители одного и того же элемента, и ихъ столкновеніе бросаетъ весьма яркій свѣтъ на политику ордена, съ перваго его появленія на новомъ мѣстѣ. Столкновеніе это характерно и само по себѣ. Мы уже видѣли вѣчто подобное въ отношеніи двухъ нѣмецкихъ прелатовъ Польской церкви—Христіана и Гюнтера; теперь столкнулись интересы Христіана и рыцарей; потомъ, когда въ Польской Пруссіи подошлись Бранденбургскіе маркграфы и уже готовы были наложить на нее свою руку, тѣ же нѣмецкіе рыцари постарались ее удержать. Какъ будто Польша стала уже въ такой степени безотвѣтною жертвою германизма, что можно было сталкиваться на ея почвѣ нѣмецкимъ мелкимъ, втораго порядка, интересамъ очевидно, безъ ущерба нѣмецкому господству вообще! Въ 1230 году Германъ получилъ и папское подтвержденіе пожалованія Конрада³⁾, въ

¹⁾ Грамота у *Ватериха*, прил. № 11.

²⁾ *Ibid.*, 50, стр. 87.

³⁾ Одновременность папской грамоты съ Владиславскимъ договоромъ, за-

которомъ Пруссія представлялась какъ цѣль дѣйствій и стремленій рыцарей. Въ концѣ концовъ они ея достигли. Ордену помогъ случай—пльнѣ Христіана. Когда онъ освободился изъ него, онъ засталъ въ странѣ совершенно новые порядки. Измѣнить ихъ оказался онъ не въ силахъ и палъ жертвой—во имя чего? это мы сказали сейчасъ. Ни Пруссіи, ни Польшѣ отъ этого легче не стало. Къ 1283 году покорена была вся Пруссія. Вѣроятно, при этомъ совершенно было не мало подвиговъ, какими ознаменовалось первое выступленіе рыцарей противъ Пруссаковъ ¹⁾. Но не только въ латахъ война выступали рыцари. Гдѣ нужно, они умѣли быть и угодливыми ростовщиками. Ихъ договоръ съ Лешкомъ Куявскимъ, у котораго они взяли за деньги Михаловскую землю, Каро прямо называетъ ростовщическимъ ²⁾.

Впослѣдствіи и Поморскіе, и Мазовскіе князья, и даже самъ Казиміръ прибѣгали въ случаяхъ нужды къ рыцарскому кошельку, и онъ каждый разъ открывался, лишь бы обезпеченіемъ уплаты была какая-нибудь область, въ которой рыцари немедленно прочно утверждали свое господство. Въ 1309 году они заняли Гданскъ. Какъ утвердились они здѣсь, какъ заняли потомъ другіе города и совершенно отрѣзали Польшу отъ моря, мы разказывать не будемъ. Новое нѣмецкое государство было наконецъ утверждено, и въ томъ же году столица великаго магистра была перенесена изъ Венеціи въ Мариенбургъ. Внутреннимъ порядкомъ, благоустройствомъ и строгой дисциплиной это новое государство превосходило всѣ тогдашнія европейскія государства; въ національномъ единствѣ съ Германіей и культурно-религіозномъ со всею западною Европой въ вѣкъ не остывшаго еще религіознаго одушевленія, оно получало такой громаднй запасъ силъ, что сравнительно съ ними силы раздробленной Польши и только что выходящей изъ своихъ лѣсовъ Литвы можно считать ничтожными. Утвердившись на устьяхъ Вислы отпрыскъ тевтоннама крѣпко свилъ и широко распустилъ свою паутину; прикрывшись знаменемъ креста, онъ обста-

ключеннымъ рыцарями съ Христіаномъ (ib. прил. № 15 и 16), ставитъ Ватериха въ немалое затрудненіе въ объясненіи чистоты образа дѣйствій Германа, ib. пр. 153.

¹⁾ Въ 1320 г. выступили рыцари на священную войну впервые. Пруссаки von den Rittersn überrascht, versuchten sie, sich in den Burgtrümmern zu vertheidigen, aber sie wurden, obgleich nicht gering an Zahl, durch den frischen Kampfesmuth der Ritter überwältigt und sämmtlich niedergehauen. Ib., 93.

²⁾ Каро, II, 20: das kann aber nicht in Abrede gestellt werden, dass der ganze Act etwas wucherischer Natur war.

вилъ предпріятія противъ язычниковъ самыми пріятными для западныхъ паладиновъ условіями, пожарами и опустошеніями очищаль себя дорогу до Полоцка и Вильны съ одной, за изгибъ Вислы—съ другой стороны, и славянско-литовскою кровью удобрялъ почву для пышнаго всхода сѣмянъ германской культуры. Именно такая расчистка считалась наиболѣе вѣрнымъ средствомъ угодить Богу, заслужить вѣчное спасеніе; изъ католической Европы ежегодно для этой цѣли отправлялись въ Пруссію и Ливонію толпы искателей приключеній и мрачныхъ фанатиковъ, а представитель католическаго міра не находилъ словъ для прославленія подобныхъ подвиговъ ¹⁾. Полякамъ приходилось лишь со страхомъ смотрѣть, какъ въ головахъ ихъ устранялся страшный врагъ, котораго они же сами выростили. Безъ кровавой борьбы съ орденомъ Польша долже существовать не могла. Каковы были ея шансы, еслибы Поляки пришлось бороться съ пѣмцами одинъ на одинъ, не трудно сказать. Въ головахъ ея утвердилось сильное государство. Временное соперничество его съ Бранденбургомъ не повело ни къ какимъ выгоднымъ для Польши послѣдствіямъ; въ скоромъ времени было мирно улажено самими же рыцарями и въ случаѣ надобности могло перейти въ тѣсный союзъ въ виду богатой добычи. Съ юго-запада чешскіе Люксембурги господствовали въ Силезіи, а „самый рыцарственный воинъ и самый воинственный рыцарь, какой когда-либо сидѣлъ на тронѣ“, Иоаннъ, успѣлъ утвердить свою власть на противоположномъ концѣ Польши въ Мазовіи ²⁾. Какъ будто для содѣйствія скорѣйшему осуществленію нѣмецкихъ плановъ по верховьямъ Вислы устремляются въ глубь страны нѣмецкіе колонисты—купцы, ремесленники, земледѣльцы, гонимые смутами и безпорядками на родинѣ. На чужбинѣ находили они защиту и покровительство власти и широкій просторъ для своей энергіи и дѣятельности. Какъ вели они себя въ Польшѣ, о чемъ подумывали ихъ вожди—мы видѣли. Постепенно неуклонно тянутся по Вислѣ нѣ-

¹⁾ Ac tum Vinrichus contractis copiis tertiam irruptionem fecit in Lithuaniam eamque late ferro flammaque est pervagatus. His aliisque egregiis facinoribus in fidel hostes editis promeruerе cruciferi ut ipsos pontifex Carolo Imperatori comendaret: quid, inquit, amoris, quid favoris et gratiae ordo beatae Mariae Theatoniceorum murus christianitatis tutissimus et christianae fidei propagator mirabilis et infidelium impugnator magnificus in conspectu catholicorum principum et totius christiani populi mereatur. *Raynald. Annales ad 1366, XLIX.*

²⁾ 1329 г. Код. Maz. № 59.

мецкія руки съ сѣвера и юга. Устье рѣки естественно связано съ ея верховьями. Здѣсь, по справедливому замѣчанію Каро ¹⁾, былъ ключъ къ богатствамъ Торна и Данцига, и если вспомнить, что скудныя свѣдѣнія о послѣднихъ Даниловичахъ принадлежатъ Кенигсбергскому и Торунскому архивамъ, станетъ ясно, что орденъ не только понималъ, но и отлично выполнялъ свою задачу. Какая участь ожидала Польшу, еслибъ она ни откуда не получила помощи, можно судить по тѣмъ мечтамъ, съ какими носился орденъ даже послѣ 1410 года.

Уже сломила его силу Грюнвальдская битва, а великій магистръ въ письмѣ къ Ришскому епископу еще утѣшаетъ себя мыслью о времени, когда „старый обычай польскій и злость польская будутъ въ корнѣ истреблены и никогда болѣе не взойдутъ“ ²⁾. Предостереженія и горькія напоминанія получала Польша уже давно отъ своихъ ближайшихъ къ нѣмцамъ сосѣдей—соплеменниковъ-чеховъ и даже отъ мадяровъ. На канупѣ своей гибели Премиславъ-Оттокаръ такъ взывалъ къ полякамъ о помощи: „По многимъ причинамъ вы должны спѣшить къ намъ съ помощью, ибо, если, не дай Богъ, придется намъ пасть подъ ярмомъ Римской державы, ненасытная жадность тевтоновъ усилится, и ихъ руки достигнутъ и до вашей земли. Мы для васъ щить и охрана, и если Боже упаси, не выдержимъ натиска, можете быть увѣрены, великія опасности грозятъ вамъ и вашему народу. Нетерпѣливая жадность тевтоновъ не ограничится вашей зависимостью, она бросится на ваши владѣнія, и вы испытаете тиранию ея невыносимыхъ насилій. О, какую участь приготовить вамъ тевтоны! Спѣшите же къ намъ съ помощью, спѣшите!“

Привывъ къ дружному содѣйствію, какъ бывало обыкновенно въ славянскомъ мирѣ, остался безъ отголоска, но исполненіе предсказаній Премислава совершилось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Руки тевтоновъ уже сжимали Польшу своими желѣзными тисками.

Мы старались рассмотреть нѣмецкое вліяніе на Польшу въ его

¹⁾ G. P., III, 60.

²⁾ *Шайноха*, Dzieła V, 243. Варш. 1887; М. Р. Н. II, 815: *Sub anno dni 1331 rex Wladislaus dictus Loketko... per temerarios fratres et rabidos, fratres Thorumenses cruciferos, invasus, temere contra Deum et justiciam terram suam occupare volentes... conantes exterminare ydyota polonicum...* Замѣчательно: это и предшествующее ему мѣсто о браковскомъ бунтѣ было выскоблено и восставлено лишь при помощи химическихъ средствъ (ibid., пр.). Видно, нѣмецкая рука прошла весьма тщательно по польскимъ памятникамъ!

общихъ, наиболѣ замѣтныхъ проявленіяхъ. При обсужденіи его послѣдствій тамъ, гдѣ они выступаютъ съ очевидною яркостью, нѣмецкіе историки прямо указываютъ на необходимость прибѣгнуть къ „болѣ широкому историческому созерцанію“¹⁾, которое, конечно, совершенно примиряетъ нѣмцевъ съ неизбѣжно предстоявшею Польшѣ гибелью. Съ ними можно не соглашаться, но ихъ легко понять. Во всякомъ случаѣ, имъ нельзя не отдать справедливости въ томъ, что они не стараются прикрывать ужасающую наготу фактовъ. До сихъ поръ, однако, факты эти представляются лишь въ общемъ очертаніи,—многаго еще можно ожидать отъ разслѣдованія частныхъ. Къ сожалѣнію, польская историческая наука останавливается на этой сторонѣ неохотно: вліяніе императорской власти игнорируется ею совершенно; правда, нѣтъ разногласій и прикрытія истины во взглядахъ на воздѣйствіе ордена, но что сказать объ отношеніи польскихъ историковъ къ вліянію нѣмецкой колонизаціи и права? У поляковъ, говорятъ одни,—не было торговой предпримчивости; съ прекращеніемъ виѣшнихъ войнъ, прекратился притокъ рабочихъ рукъ, доставляемыхъ раньше плѣнными; странѣ грозилъ матеріальный кризисъ, если бы не отвратила его нѣмецкая колонизація, — въ виду этого она считается благодѣтельной. Соображеніе не единственное. По другимъ оказывается, что лишь благодаря нѣмецкой колонизаціи и праву Польша получила благодѣянія самоуправленія, „лишь благодаря нѣмецкому праву выработался въ Польшѣ новый общественный строй, по которому всѣ общественныя задачи были предоставлены самому обществу безъ всякаго содѣйствія государя; онъ сталъ лишь представителемъ идеи государства“. По современному катехизису, это, конечно, большое благодѣяніе, а поляки всегда гордились и продолжаютъ гордиться тѣмъ, что не отставали отъ европейской современности или, по образному выраженію Смольки, тѣмъ, что „nagód sały wrzega się do gudywanu pędów powszechnodziejowych“. Предоставляя полякамъ утѣшаться послѣднимъ, не можемъ не указать полной несостоятельности приведенныхъ выше соображеній. Еще первый польскій хронистъ М. Галлъ отмѣтилъ невыгодность географическаго положенія Польши. Польша, говоритъ онъ,—удалена отъ торговыхъ путей, а потому известна лишь немногимъ, ведущимъ торговлю съ Русью. Откуда — спрашивается—могли, при такихъ условіяхъ, набраться поляки торговой

¹⁾ Каро, II, 63.

предпринимчивости? Вѣдь, надо думать, она создается благоприятными условіями. Доставить такія условія Польшѣ, дать ей выходъ къ морю стремились лучшіе польскіе государи.

Выходъ этотъ заперли, однако, нѣмцы. Поселившіеся въ Польшѣ нѣмецкіе колонисты вели, правда, обширную торговлю. Что же, сообщили они торговую предпринимчивость полякамъ, образовался въ Польшѣ свой промышленный и торговый классъ? Нѣтъ! Безъ сомнѣнія, благодѣтельнымъ считалось нѣмецкое право въ свое время. „Принимая во вниманіе, что нѣмецкое право приноситъ намъ и жителямъ нашего государства не мало выгодъ, желая ихъ увеличить по возможности, предоставляемъ нѣмецкое право всѣмъ, поселившимся или имѣющимъ поселиться въ нашемъ городѣ“ и пр. ¹⁾—вотъ всегдашній приступъ въ жалованныхъ грамотахъ. Нельзя игнорировать этотъ взглядъ, но нельзя и забывать, что многое въ исторіи представляется въ истинномъ своемъ значеніи лишь поколѣніямъ позднѣйшимъ. Еще болѣе непонятна аргументація о самоуправленіи. Утверждаютъ ²⁾, что духъ самоуправленія внесли нѣмцы, что въ польскомъ организмѣ онъ отсутствовалъ; откуда же—спрашивается—возникла потребность, которая при этомъ представляется всеобщей, если духъ отсутствовалъ, если его могли внести только чужане? Все это горькая, обидная для славянской мысли иронія! Европейская, даже не европейская, а нѣмецкая колесница — пользуемся еще разъ выраженіемъ Смольки — торжественно катилась по славянскому тѣлу Польши. Еще нѣсколько ея раскатовъ, и кто знаетъ, что осталось бы отъ этого тѣла? Быть можетъ, дѣйствительно удалось бы нѣмцамъ истребить въ корнѣ „старый обычай польскій и злость польскую“, уничтожить *uduota polonicum*.

Настала великая пора, и вѣтъ въ исторіи Польши, кромѣ времени Болеслава Храбраго, періода болѣе важнаго, чѣмъ начало XIV вѣка; нѣтъ у ней героя, кромѣ опять-таки того же Болеслава, болѣе дивнаго, чѣмъ Владиславъ Локетокъ. Когда, по занятіи рыцарями Гданска, Локетокъ наконецъ могъ поспѣшить туда и не былъ впущенъ въ городъ, положеніе представилось ему сразу во всей ужасающей наготѣ. Ударъ былъ до того ошеломляющій, что неудивительно, если онъ оглушил маленькаго тѣломъ, по великаго духомъ героя. Положеніе

¹⁾ *R. Hube. Prawo polskie w XIV w. Варш. 1881 г. 9, пр. 2.*

²⁾ *M. Bobrzyński. O założeniu wyższego i najwyższego sądu na zamku Krakowskim. Rozpr. wydz. hist.-filoz. Ak. Krak. 1875, IV, 112.*

его было таково, что о какомъ бы ни было немедленномъ противодѣйствіи нечего было и думать. Локетокъ, однако, не палъ подъ придавившей его тяжестью. Мысль о борьбѣ, о мести, о справедливой мести за нанесенную польскому народу рану охватила съ той поры Локетка всецѣло. Были ли у него шансы на успѣхъ? Мы уже знаемъ, каковы были послѣднія минуты жизни героя. Какое государство оставлялъ Локетокъ сыну? „Со стѣнъ Кракова видны были границы Силезіи, явно тяготѣвшей къ Чехіи и формально ей подчиненной; за Пиллицей тянулась Мазовія независимая, завистливая, соединявшаяся съ орденомъ противъ Польши; Сѣрадзкою областью Краковъ связывался съ Великою Польшею, но за Нотецею владѣли рыцари, а занятая ими Кулявѣ уничтожала естественную границу ихъ владѣній—Вислу“¹⁾). Локетокъ, очевидно, не достигъ цѣли, и едва ли кто умираетъ такъ тяжело, какъ онъ. Но, поставивъ вопросъ, мы, конечно, имѣли въ виду не личную жизнь Локетка. Идея великихъ людей переживаетъ ихъ на цѣлыя вѣка, и не даромъ въ исторіи цѣлыя періоды означаются ихъ именами. Имѣла ли, спрашиваемъ, идея Локетка шансы на успѣхъ, разумѣется, не такой, какой открываетъ намъ дальнѣйшая исторія Польши? Мы не думаемъ, что утвердительный отвѣтъ поставитъ насъ на почвѣ историческихъ „еслибы“. Есть факты, и весьма краснорѣчивые, хотя ихъ обыкновенно обходятъ. Къ осуществленію двухъ своихъ завѣтныхъ цѣлей—коронаціи и борьбы съ тевтонизмомъ—стремился Локетокъ съ подобающею важности задачъ серьезностью и осмотрительностью. Горько было для него сознаніе, что Польша не могла достигъ ихъ своими собственными силами, но фактъ былъ очевиденъ. Только глупые не видятъ очевидности, только слабые падаютъ подъ бременемъ. Умъ Локетка обнаружился въ томъ, что онъ призналъ очевидность, а величіе и сила—въ томъ, что не палъ подъ ея тяжестью, не потерялъ надежды ее вынести. Въ виду невозможности бороться одними собственными силами, надо было найти союзниковъ, и онъ нашелъ ихъ. Каковы были отношенія его къ Гедимину, увидимъ сейчасъ, но объ отношеніяхъ Локетка къ двумъ другимъ союзникамъ—Карлу Роберту и папѣ—замѣтимъ, въ виду позднѣйшихъ отношеній къ нимъ Казимира, что Локетокъ ничѣмъ не заплатилъ за содѣйствіе Карла, точнѣе, что отношенія ихъ были поставлены Локеткомъ такъ, что не потребовалось со стороны Польши никакой жертвы въ пользу Венгріи; если же союзъ съ папой въ матеріальномъ отно-

¹⁾ Шубскій, Opowiadania, 8.

пеніи стоилъ Польшѣ весьма не дешево ¹⁾, то, съ другой стороны, обстоятельство, что и Локетокъ оказался нужнымъ папѣ, а равно, что ему было отлично извѣстно, какъ въ одно время святѣйшій отецъ то называлъ его „лжецомъ и разбойникомъ“, то посылалъ индульгенціи и величалъ „возлюблѣннѣйшимъ сыномъ“ ²⁾,—ставило и въ этомъ случаѣ Локетка въ положеніе союзника вполнѣ равноправнаго. Въ обоихъ случаяхъ при Казимірѣ мы увидимъ совершенно другое. Для насъ, впрочемъ, но столь важны союзы Локетка съ Венгріей и куріей, не въ нихъ заключался залогъ возможности успѣха въ борьбѣ съ тевтонизмомъ. На нашъ взглядъ, его давали отношенія къ Гедимину. Постараемся раскрыть ихъ, на сколько это возможно, при темнотѣ и запутанности данныхъ.

Въ послѣдніе годы первой четверти XIV вѣка не стало послѣднихъ Даниловичей ³⁾. Владиславъ Локетокъ, извѣщая объ этомъ папу ⁴⁾ (21-го іюля 1324 г.), выражаетъ сильную тревогу за возможности для своего государства послѣдствія ихъ смерти. Гроза татарскаго нашествія тѣмъ болѣе вѣроятная, что въ Галичѣ были посланы Усбекомъ два намѣстника ⁵⁾, не давала покоя Польскому королю, собиравшему всѣ силы для борьбы съ орденомъ. Вѣроятно, не одно письмо было отправлено имъ къ папѣ, если папская канцелярія въ теченіи полутора мѣсяца—съ 20-го іюня по 1-е августа 1325 года—отправила въ Польшу четыре грамоты, то къ королю, возбуждая его мужество, то къ польскому духовенству и народу съ призывами къ крестовому походу противъ прилегающихъ къ Польшѣ „схизматиковъ, татаръ, язычниковъ и разныхъ другихъ невѣрныхъ“ ⁶⁾. Впрочемъ оживленному общіиу споненіи содѣйствовало еще одно обстоятельство: въ числѣ невѣрныхъ наиболѣе интересовавшихъ папу, былъ, по остроумному замѣчанію Каро, жестокій врагъ его—Людвигъ Баварскій ⁷⁾. Мы не знаемъ въ точности результатовъ

¹⁾ Каро, II, 124.

²⁾ Ib. 109.

³⁾ Вопросъ о времени и обстоятельствахъ смерти послѣднихъ Даниловичей можно, кажется, считать рѣшеннымъ: *Rehabek. Jiri II, poslední kniže veškeré Malé Rusi—Časopis Mus. Kral. Česk. 1883 г., стр. 130.*

⁴⁾ Письмо у *Raynald. Ad 1324, XV* и *Карамзинъ IV; пр. 275.*

⁵⁾ *Карамзинъ, IV, 153, пр. 329.*

⁶⁾ *Theiner. M. P. I, МЖ: 316, 334, 335, 338.*

⁷⁾ Надо думать, что неудача переговоровъ съ Гедиминимъ еще не была известна папѣ: изъ Рима папскіе послы выѣхали лишь около 29-го мая 1325 г.,

сношеній Локетка съ Римомъ. О нихъ можемъ лишь догадываться. Перечень враговъ, противъ которыхъ папа провозглашалъ крестовый походъ, не лишень интереса. Если, какъ слѣдуетъ предполагать, папскія грамоты послышались на усиленные мольбы короля, то очевидно, для послѣдняго были страшны не одни татары, ибо перечень враговъ былъ, разумѣется, продиктованъ папѣ Владиславомъ, а Людовика Баварскаго можно разумѣть лишь подъ „разными другими невѣрными“. Кого же разумѣть подъ язычниками? Конечно, литовцевъ. Такъ думаетъ и Ржежабекъ¹⁾; но устраняя естественно возникающіе при этомъ вопросы предположеніемъ, что это были лишь небольшіе литовскіе отряды, оставшіеся послѣ ухода главнаго Гедиминова войска, онъ этимъ объясненіемъ предлагаетъ только мнимое успокоеніе назойливой пытливости изслѣдователя: удовлетвориться имъ нельзя. Думаемъ, что объясненія всѣхъ этихъ темныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ слѣдуетъ искать въ отношеніяхъ Литвы къ Руси. Съ самаго начала княженія Витени дѣйствуютъ не одни литовцы, какъ прежде, а „литовцы и русскіе“²⁾. Русскій элементъ до такой степени усиливается, что литовскіе государи опираются на него по преимуществу. Указаніе и обоснованіе этихъ фактовъ составляетъ главнѣйшую заслугу труда В. Б. Антоновича. Къ сожалѣнію, черезъ-чуръ увлекшись критикой извѣстій о раннемъ завоеваніи Кіева, онъ удѣлилъ сравнительно слишкомъ мало мѣста отношеніямъ Гедимины къ Волини³⁾. Пробѣлъ замѣтилъ и въ значительной степени восполнилъ Н. П. Дашкевичъ⁴⁾. Неясностей остается еще очень много, и врядъ ли можно надѣяться на полное ихъ устраненіе; общій ходъ, однако, можетъ быть, кажется, представленъ и теперь.

Указанное Дашкевичемъ сообщеніе Равданской рукописи⁵⁾ о томъ, что въ концѣ 1315 г. Гедиминъ находился въ походѣ противъ Русскихъ князей, кажется намъ особенно важнымъ. Съ 1311 г. начинается упорная борьба Витени съ орденомъ; въ ней принимаетъ участіе и Юрій I. Заставляетъ думать такъ, съ одной стороны, ука-

В. Г. Васильевскій, Обращеніе Гедимины въ католичество. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, II.

¹⁾ *Сазор.* 129 пр. 19.

²⁾ *В. Б. Антоновичъ*. Очеркъ исторіи в. кн. Литовскаго. Монографіи. Кіевъ. 1885 г., стр. 40 слл.

³⁾ *Ив.* 57.

⁴⁾ *Замѣтки*, 44 слл.

⁵⁾ Относится къ 1488 г.; см. о ней *Нарбутъ*, *Dziaje* I, 159.

заніе грамоты 1316 г. на то, что союзъ ордена съ Юріемъ существовалъ ¹⁾, съ другой—возникшая затѣмъ борьба Гедимина съ Галицко-Волынскимъ княземъ ²⁾. Какія обстоятельства заставили Юрія принять къ ордену, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, хотя и пѣтъ на нихъ прямыхъ указаній. Кривицкая и Полоцкая земли, безъ всякаго сомнѣнія, находились уже тогда въ рукахъ Литвы, когда именно была присоединена Минская область—не извѣстно, но вѣроятность равнаго присоединенія къ Литвѣ Подляшья ясно указывала Юрію на новаго весьма опаснаго врага. Собственно для князей Литва была опаснѣе татаръ ровно настолько, насколько власть ея была благотѣльнѣе для народа. Едва ли не въ этой противоположности интересовъ и слѣдуетъ усматривать причину пораженія испытаннаго отъ литовцевъ, какъ Юріемъ I въ 1316 г., такъ и его преемниками, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда между рыцарями и литовцами было заключено временное перемиріе. Эту приостановку военныхъ дѣйствій на нѣмецкой границѣ литовскихъ владѣній и имѣла въ виду Литовская лѣтопись, опредѣляя время похода Гедимина на князей южно-русскихъ ³⁾.

Несомнѣнно, передаваемые ею подробности спутаны, вслѣдствіе желанія расширить по возможности предѣлы завоеваній Гедимина. Однако, догадка, что Льва уже въ 1320 г. не было въ живыхъ, опровергается убѣдительными доводами Ржезавка ⁴⁾: грамота Андрея торнскимъ купцамъ ⁵⁾ свидѣтельствуетъ лишь, что Андрей правилъ Владиміромъ отдѣльно отъ брата, которому остался Галичь, а также, что въ виду угрожающей отъ Литвы опасности Владимірскій князь старался войти въ тѣснѣйшій союзъ съ нѣмцами, но именно это и заставляло Гедимина дѣйствовать. Въ происшедшей затѣмъ борьбѣ гибнетъ сначала князь Владимірскій Андрей (1321 г.), а потомъ и Галицкій Левъ (1322 г.).

Обстоятельства 1322 г. были слишкомъ серьезны для того, чтобы Гедиминъ могъ окончательно устроиться на югѣ ⁶⁾. Грознымъ нашествіемъ рыцарей онъ былъ отозванъ на сѣверъ. Именно это обстоятельство, по нашему мнѣнію, дало возможность тата-

¹⁾ Грамота у Карамзина IV, пр. 268.

²⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 58.

³⁾ Выховецъ, 15 (Pomniki do dziejów litewskich *Narbutta*. Wilno. 1846).

⁴⁾ *Сбор.* 127, пр. 11.

⁵⁾ Дополн. къ А. И. № 38.

⁶⁾ Антоновичъ, *Skarbiec*, № 295.

рамъ предупредить литовцевъ въ Галичѣ, куда Усбекъ посылаетъ двухъ своихъ намѣстниковъ. Непосредственное сосѣдство татаръ очень обезпонило Локетка, и мы видѣли его обращеніе въ Римъ за помощью. Каковы были результаты—не знаемъ; но знаемъ, что папскіе призывы къ крестовому походу продолжались до августа 1325 г., и что въ этомъ году произошелъ бракъ сына Локетка Казимира съ дочерью Гедимина Анной и, по всей вѣроятности, именно въ этомъ же году на галицко-владимірскомъ столѣ утвердился Болеславъ-Юрій, Пясть, родственникъ Даниловичей и ближайшій сосѣдъ литовцевъ ¹⁾. Съ этого же года начинаются совѣстные предпріятія поляковъ и литовцевъ противъ бранденбургцевъ, а затѣмъ и противъ ордена, приведшія къ пораженію рыцарей при Пловцахъ 1331 г.

Подъ этимъ же годомъ Длугошъ помѣщаетъ бракъ Юрія-Болеслава съ дочерью Гедимина ²⁾, а Ржежабекъ относитъ сюда же и бракъ Либарта съ дочерью Андрея, при чемъ, по его мнѣнію, былъ сдѣланъ уговоръ относительно будущаго наслѣдства въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ, которое должно было перейти къ Либарту ³⁾. Мы видимъ такимъ образомъ, что завязавшія сношенія не прекратились, что они — на сколько можно проникнуть окутывающей ихъ мракъ, развивались совершенно естественно. Не трудно сказать, къ чему могли привести они при дальнѣйшемъ развитіи: Литвѣ открывалась возможность расширенія границъ до естественныхъ этнографическихъ предѣловъ русскаго племени на западѣ; Польша, въ союзѣ съ Литвой, развѣ не могла надѣяться возвратить отнятое достоиніе, окрѣпить на своемъ природномъ корнѣ?

Не важны были результаты побѣды при Пловцахъ, но развѣ можно требовать мгновенной передѣлки того, что создавалось вѣками? Важно было то, что Польша побѣдила. Лишь съ того времени, говоритъ Длугошъ,—почувствовали рыцари, что они ведутъ войну съ Польшей; прежде они презирали польскія войска и никогда не допускали для себя возможности быть побѣжденными ⁴⁾, за первымъ ударомъ тевтонизму могли бы послѣдовать другіе, ибо и для Литвы борьба съ нѣмцами составляла жизненный интересъ. Къ такимъ

¹⁾ Первая его грамота имѣла бы въ такомъ случаѣ характеръ извѣщенія рыцарей о вступленіи его на престолъ, чему весьма соответствуетъ ея содержаніе.

²⁾ Длугошъ, IX, 155.

³⁾ *Sazop.*, 211, пр. 81.

⁴⁾ Длугошъ, подъ 1331, IX, 152.

естественнымъ комбинаціямъ, къ такимъ плодотворнымъ результатамъ приводила Локетка его славянскій умъ и чувство. Одна цѣль— коронація — была уже достигнута, къ достиженію другой былъ имъ указанъ прямой путь. Но не даромъ польско-славянскій богатырь умиралъ съ такими тяжелыми предчувствіями; не даромъ возлагалъ онъ болѣе надеждъ на своихъ сподвижниковъ, чѣмъ на своего наследника. Конечно, нельзя было ожидать, что Казиміръ, постыдно бѣжавшій съ поля битвы подъ Пловцами и первый распространившій среди народа вѣсть о полномъ пораженіи, но въ то же время успѣвшій прославиться любовными похождениями при иностранныхъ дворахъ, пойдетъ по слѣдамъ отца. И онъ дѣйствительно не пошелъ. Своими вкусами, понятіями и идеалами онъ принадлежалъ всецѣло чужбинѣ. Заклятые враги отца становятся друзьями сына. Казиміръ не только не сдерживалъ колонизаціоннаго напора нѣмцевъ, что, послѣ Локетка, было легче ¹⁾, но даже покровительствовалъ ихъ переселенію ²⁾. Правда, онъ подчинилъ ихъ государству, учредивъ верховный судъ въ Краковѣ, но это вытекало не изъ сознательнаго стремленія оберечь національные интересы, а какъ и другія важныя внутреннія реформы, изъ подражанія мадьярскому Анжуйцу, на что указываетъ благоговѣющій передъ памятью Казиміра польскій историкъ ³⁾. Время Казиміра отмѣчено множествомъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о чрезмѣрныхъ успѣхахъ иноземнаго вліянія: пожалованіе нѣмецкаго права городамъ и селамъ поражаетъ при Казимірѣ своимъ громаднымъ количествомъ. На самого короля анжуйское вліяніе оказало такое же дѣйствіе, какое потомъ италянское вліяніе Боны оказало на послѣдняго Ягайловича. Это отмѣчаютъ и поляки ⁴⁾. Удивительно ли, что нѣмецкіе историки Польши прославляютъ Казиміра? „Ни въ чемъ исторія не была столь справедлива, какъ въ томъ, что она назвала Казиміра Великимъ“, вос-

¹⁾ Die Colonisation in den Zeiten Wladislaws Lokieteks nicht eben grosse Fortschritte machte. *Röpell*, *U. d. Verbr.*, 249.

²⁾ So war er auch darauf bedacht die deutschen Ansiedler als die tüchtigsten Ackerbauer und thätigsten Handwerker und Kaufleute in seinen alten Gebieten zu vermehren; *ib.*, 251; а Губе говоритъ: liczne po Kazimierz dochowane akta uczą nas, że jednym z najwięcej zajmujących go zajęć przez cały ciąg jego panowania było zakładanie nowych osad wiejskich... zwyczajnie na prawie niemieckiem *Pr. p. w XIV w.*, 7.

³⁾ *Шульскій*, *Оповід.*, 24.

⁴⁾ *ib.*, 30—31.

клицаетъ Каро ¹⁾). Другой нѣмецкій историкъ Польши говоритъ о царствованіи Казимира слѣдующее: „Немедленно по своемъ вступленіи на престолъ, Казимиръ обнаружилъ вѣрное пониманіе положенія, нужды и задачъ своего государства... Договорами въ Тренчинѣ (1335 г.) и Калишѣ (1343 г.) онъ не только обезпечилъ его ядру, Великой и Малой Польшѣ, внутренній миръ, въ которомъ оно такъ нуждалось, но и безпрепятственное сношеніе съ западомъ, необходимое для дальнѣйшихъ шаговъ къ высшей цивилизаціи, и затѣмъ указалъ возстановившей свои силы націи тотъ путь на востокъ, который проложитъ туда его соименный предшественникъ Казимиръ Справедливый“ ²⁾).

Польскимъ историкамъ царствованіе Казимира даетъ основаніе называть первую половину XIV вѣка „вѣкомъ Казимира“ ³⁾, съ гордостью заявлять, что благодаря ему, „Европа подвинулась на двѣсти миль къ востоку“ ⁴⁾. Въ этомъ, конечно, и заключается причина трогательнаго единогласія польскихъ и нѣмецкихъ отзывовъ о личности и дѣятельности послѣдняго Пяста. Но явно насильственная связь послѣдующихъ внигрышей и приобрѣтеній съ дѣятельностью Казимира ⁵⁾ и то чувство смущенія и досады, какое вызываетъ въ Шуйскомъ хвалебный отзывъ Каро ⁶⁾ ручаются за то, что указанные взгляды на Казимира не могутъ удержаться, хотя, вѣроятно, еще долго придется ждать въ польской исторіографіи столь же справедливой оцѣнки его дѣятельности, какую находимъ у Малецкаго въ оцѣнкѣ движенія Болеслава Храбраго на Русь ⁷⁾. Крайности патриотической польской точки зрѣнія (особенно у Смольки) слишкомъ очевидны, и фактически гораздо вѣрнѣе оцѣнка нѣмецкихъ историковъ, Репеля

¹⁾ G. P. II, 362.

²⁾ *Wypell*, Ueb. d. Verbr., 250. Что касается пути, якобы проложеннаго Казимиромъ Справедливымъ на востокъ, то объ этомъ странномъ недоразумѣніи скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

³⁾ *Шайноза*. Сочиненія, т. 1-й.

⁴⁾ *Шуйскій*, *Orowiad.*, 22.

⁵⁾ Оправдывая отношенія Казимира къ мадырскимъ Анжуйцамъ, Шуйскій говоритъ: „Если дѣло касалось будущаго возмездія нѣмцамъ, то совершить его могло лишь сильное государство. И нельзя забывать, что, каково бы ни было правленіе Людевика, оно вело къ правленію Ядвига, Ядвига къ соединенію съ Литвой, соединеніе съ Литвой къ Грюнвальду“ (ib. 20). Чего нельзя оправдать такого рода разсужденіями! См. также у Смольки, *Rok 1386: „шуйскіе образцы“* и „политическій горизонтъ Казимира“.

⁶⁾ „Gdy chwali nas prawie ganić bierze ochota“.

⁷⁾ *А. Малецкій*, *Rozgląd w dziejach, Przew.* I. i p. 1875.

и Каро. Когда патриотическая страсть перестанет затемнять взгляды польских историков, они увидят въ Казимірѣ представителя славянскаго государства, который долженъ былъ продолжать борьбу съ германизмомъ. Въмѣсто этого, всѣ силы націи обращены были совершенно въ другую сторону, на достиженіе совсѣмъ иныхъ цѣлей. Потому-то борьба за Русь при Казимірѣ была личнымъ его дѣломъ, и прошло не мало времени, пока дѣйствительно силы націи туда обратились. На неправду рѣшиться трудно, и мы думаемъ, что врядъ ли Казиміръ склонялъ бы къ этому свой народъ, еслибы не помогла ему та сила, которая ничѣмъ не стѣснялась для вящей славы Божіей, и тѣ элементы, съ которыми такъ упорно, отчаянно боролся его великій отецъ. Жизнь и подвиги его ничего не говорили ни сердцу, ни уму сына; на отца онъ не походилъ ни въ чемъ. Ихъ надгробные памятники и понынѣ какъ бы олицетворяютъ характеры ихъ царствованій, представляя разительный контрастъ другъ съ другомъ: одинъ—бѣдный, полинявшій, другой—богатый, устроенный артистическою рукою иноземныхъ мастеровъ. По лицу Локетокъ—польскій хлопъ, лишь съ короной на головѣ и въ царской мантии; но не видно народныхъ чертъ въ лицѣ Казимира, обрамленномъ завитками по иноземной модѣ; отецъ былъ еще насквозь сынъ своего народа, чувствовалъ и думалъ, любилъ и ненавидѣлъ какъ народъ, надъ которымъ царствовалъ; сынъ всталъ уже высоко надъ народнымъ уровнемъ¹⁾. Къ послѣднимъ словамъ предоставляемъ относиться какъ кому угодно. Въ нашемъ разумѣніи они—вовсе не похвала. Для насъ несомнѣнно одно: только благодаря этому Казиміръ могъ двинуть Польшу на тотъ путь, на которомъ она нашла свою печальную гибель. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что въ дѣйствіяхъ Польши на почвѣ перваго приобрутенія Казимира заключаются смена всѣхъ будущихъ ея бѣдствій²⁾.

¹⁾ С. Смолька, Rok 1386, 60.

²⁾ Предвидимъ упрекъ въ недостаточной обоснованности нашего взгляда на личность Казимира; онъ слишкомъ расходится съ общеутвердившимся. Но мы пишемъ не исторію Казимира. Громаднаго значенія его дѣятельности для внутренней жизни Польши (сматый, но весьма дѣльный очеркъ ея у *Hube*, Pr. p. w XIV w., часть 1) мы вовсе не отвергаемъ; мы указываемъ лишь одну сторону, которая кажется намъ особенно важною и которая въ занимающихъ насъ отношеніяхъ выступаетъ особенно ярко. Ниже мы увидимъ, какихъ ужасныхъ усилій стоила Казимиру борьба съ Литвой-Русью. По взглядамъ польскихъ историковъ, онъ добивался береговъ Чернаго моря, а между тѣмъ не задумался пожертвовать естественнымъ выходомъ Польши къ морю по Кайишскому миру.

Перейдемъ теперь къ Литвѣ. Коротокъ и прямъ путь, приведшій Литовцевъ на галицко-владимирскую почву; отчасти мы его уже наметили выше. Древнѣйшія отношенія Литвы и Руси темны. Намъ не извѣстна даже дата перваго утвержденія литовскаго господства на русской почвѣ. Потому ли, что русскія земли Полоцкаго, Туровскаго и Смоленскаго княжествъ были въ половинѣ XIII вѣка на столько слабы, что не привлекали къ себѣ рѣшительно никакого вниманія лѣтописцевъ ¹⁾, или быть можетъ, потому, что для русскихъ такое утвержденіе не представляло существенной перемены, что сближеніе верхнелитвиновъ и бѣлоруссовъ, начавшееся въ незапамятныя времена, совершенно уничтожало рѣзкія проявленія борьбы ²⁾, возникшей лишь при обстоятельствахъ исключительныхъ и не надолго,—какъ бы ни было, фактъ тотъ, что Литовцы въ лицѣ новой своей династїи сознали собственное безсиліе и необходимость обратиться къ другому народу, а такимъ народомъ, по естественному историческому ходу, могъ быть лишь народъ русскій ³⁾. При Гедиминѣ объединеніе западно-русскихъ земель подъ литовскимъ владѣтельствомъ составляетъ волюнѣ совнательную задачу литовской политики, тѣмъ болѣе легкую, что она находитъ прямую поддержку со стороны русскаго народа, а Ольгердъ формулируетъ ее передъ рыцарями уже съ полной определенностью, сообщая имъ условія принятія христіанства ⁴⁾. Еслибы поэтому о господствѣ Любарта въ Галичѣ по смерти послѣдняго князя Юрія-Волеслава ничего не говорили ни Янъ ⁵⁾, ни Длугошъ ⁶⁾, менѣе другихъ имѣвшій основаніе приводить подобное показаніе,

¹⁾ *Летописецъ*, Очеркъ, 18—23.

²⁾ *М. О. Колломицъ*, Чтенія по исторіи З. Р. С.—Пб. 1884, стр. 90.

³⁾ *Летописецъ*, Очеркъ, 35.

⁴⁾ Однимъ изъ этихъ условій, по сообщенію хроникки Германа де-Вартберге (Ss. rr. pr. II, 79), было: quod Ordo locaretur ad solitudines inter Tartaros et Rutenos ad defendendum eos ab impugnatione Tartarorum et quod nihil iuris Ordo sibi reservaret apud Rutenos, sed *omnis Russia ad Litwinos deberet simpliciter pertinere.* *С. Смолька*, Kiejstut i Jagiełło. Краковъ. 1888, стр. 26; см. также *К. Стадницкій*, Olgerd i Kiejstut, Львовъ. 1870, стр. 114 слл.

⁵⁾ Boleslao... per toxicum interempto Lubardus filius Gedimini... eundem ducatum Russiae possidebat. *М. Р. Н.*, II, 629.

⁶⁾ Lubardus matrimonium filiae unicae ducis Wladimiriensis sortitus, eum qua illi ducatus *Leopoliensis* et *Wladimiriensis* obveniebant. Длугошъ подъ 1382, X, 404. У *Исторія* (Corp. hist. pol. III, 166) въ генеалогической таблицѣ Литовскихъ князей при имени Любарта сказано: Lubardus a patre nihil acciperat, sed ex uxore dux erat *Leopoliensis* et *Vuladimiriensis*. Uxor filia et heres ducis *Leopoliensis* et *Vuladimiriensis*.

такъ соотвѣтственно обстоятельствамъ (ибо Гедиминъ умеръ какъ разъ около 1341 года разъяренное Ржежабкомъ¹⁾), то по естественному ходу событій слѣдовало бы признать, что Любартъ имѣлъ полное основаніе смотрѣть на себя, какъ на законнаго преемника погябшаго во Владимірѣ князя²⁾. Если затѣмъ исторія представляетъ намъ продолжительную и въ высшей степени упорную борьбу Польши и Литвы за галицко-владимірское наслѣдіе, требовавшую крайняго напряженія силъ съ обѣихъ сторонъ, то очевидно, ужь никакъ не приходится объяснять ее лишь жадностью къ захватамъ со стороны Любарта. Вишательство Польши совершенно нарушало естественный ходъ историческаго развитія литовскаго могущества и давало полное основаніе для всемірнаго его отпора со стороны Литвы-Руси. Вотъ объясненіе русско-польской борьбы, начавшейся съ 1340 года.

Въ февралѣ этого же года на Польшу сдѣлали грозный набѣгъ татары³⁾, третій участникъ занимающихъ насъ событій. Объ отношеніяхъ Галицкой Руси къ татарамъ при преемникахъ Даніила, утвердилось мнѣніе, что она была вполнѣ отъ нихъ независима. На основаніи грамотъ Галицкихъ князей 1316 и 1327 гг. галицкіе историки утверждаютъ, что „татары не только не имѣли никакой власти, ниже вліянія на Галицко-Владимірское государство, но напротивъ, галицкіе государи были необорнимъ щитомъ отъ татаръ для западныхъ народовъ“⁴⁾. Но такое утверженіе, едва ли не вытекающее, главнымъ образомъ, изъ мѣстнаго патріотизма галицкихъ историковъ (хотя, впрочемъ, оно принимается и Ржежабкомъ⁵⁾), приводитъ ихъ же къ предположенію о совершенно случайномъ возобновеніи татарской власти⁶⁾, врядъ ли выдерживающемъ критику.

¹⁾ *Сазор.* 207, 209 и пр. 81.

²⁾ См. выше изложеніе событій 1331 г.

³⁾ Anno dni 1340 die XX Febr. cum Tartari intrassent regnum Polonie et ob hoc rex et totum regnum Hungarie turbaretur Theiner M. H. 1, № 957. Привлеченное къ этому сообщенію замѣчаніе сборщика папскихъ денегъ въ Венгріи: commutavi subito resurias, quas tunc habebam, рѣшительно исключаетъ всякія сомнѣнія на счетъ точности сообщенія. Обращаемъ на это вниманіе въ виду послѣдующихъ событій 1340 г.

⁴⁾ *Зубрицкій*, Исторія III, 269.

⁵⁾ Předchůdci liřiho II... z roturnéhо poddanství tatarského docela se vybavili. *Сазор.*, 212.

⁶⁾ „По смерти Юрія II *придалъ собѣ* (!) ханъ князичій Усебекъ, що его предкамъ князи галицкіи послушали“. *И. Шараневичъ*, Исторія, 150.

Мы должны, въ виду этого, остановиться на отношеніи Галицко-Владимірской Руси къ татарамъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе являются, какъ сказано, участниками занимающей насъ борьбы.

Въ концѣ 1245 г. ¹⁾ Даниилъ отправился въ орду и сталъ такимъ образомъ „ханскимъ холопомъ“ на ряду съ остальными русскими князьями, но его отношенія къ Куремсѣ ²⁾ доказываютъ, что тягость татарскаго ига была въ Галичѣ первое время весьма незначительна, вовсе не мѣшая Даниилу заботиться не только о благосостояніи и процвѣтаніи страны, но даже позволяя мечтать о сверженіи ненавистнаго ига. Попытки папы поднять крестовое ополченіе противъ татаръ ³⁾ могли въ началѣ поддерживать подобныя мечты, а обстоятельство, что, потерявъ надежду на западъ, Даниилъ рѣшился выступить противъ татаръ съ одиными собственными силами, доказываетъ, что тяжесть ига была вовсе не такъ велика. Попытка оказалась напрасною. Когда на мѣстѣ Куремсы сталъ „безбожный, злый“ Бурундай, отношенія измѣнились. Передъ Бурундаемъ, какъ нѣкогда передъ Ватнемъ, Даниилъ бѣжалъ въ Венгрію ⁴⁾. Настало иго, а явнымъ о немъ свидѣтельствомъ явились разметанные, по татарскому наказу, города. Свокорыстно-мелкая политика послѣднихъ Даниловичей значительно услила власть татаръ.

Въ 1274 г. Левъ Даниловичъ просилъ у нихъ помощи противъ Литвы. Ханъ послалъ ему многочисленную рать, состоявшую изъ татарскихъ и русскихъ войскъ: „тогда бо биху вси князи въ волѣ татарской“ ⁵⁾. Въ 1276 г. произошло примиреніе съ литовцами, но татары, очевидно, внимательно слѣдили за отношеніями Галицкихъ князей, и въ 1277 г. „окаянный и беззаконный“ Ногай обратился къ тому же Льву съ такою рѣчью: „всегда ми жалуете на Литву, осе же вы далъ есмь рать и воеводу... поидете же съ ними на ворогы свои“ ⁶⁾—слова, не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что Даниловичи находились въ зависимости, которую въ значительной степени усиливали сами. Это особенно ярко обнаружилось въ отношеніяхъ Льва къ Польшѣ. По смерти Болеслава Стыдливаго (1279 г.), Левъ пожелалъ „части въ землѣ Лядской“ и обратился къ Погаю за помощью. Въ предиріятіи

¹⁾ *Дашкевичъ*, Княженіе Данила Галицкаго, 136 пр. 2.

²⁾ *Ип. л.*, 560.

³⁾ *Дашкевичъ* Княженіе Д. Г. 140 пр. 2.

⁴⁾ *Ип. л.*, 562.

⁵⁾ *Ип.*, 575.

⁶⁾ *Ип.*, 578.

должны были принять участіе и другіе князья—Мстиславъ съ сыномъ Даниломъ и Владиміръ, хотя и протавъ воли. Радостно выступилъ Левъ „съ силою великою и гордостью великой“ въ 1280 г., но „Богъ учинилъ надъ нимъ волю свою“: погубло много русскихъ бояръ и добрыхъ слугъ, потерпѣли уронъ и татары ¹⁾). Вѣроятно, на обратномъ пути они постарались вознаградить себя грабежемъ Галицкой земли, а подъ 1283 г. лѣтопись сообщаетъ о страшномъ разореніи, какое испытали русскія земли отъ татаръ: Телебуга уже „велить“ князьямъ Волынскимъ „идти съ собою“ наравнѣ съ заднѣпровскими князьями; въ результатъ—совершенное опустошеніе земель Владимірской и Львовской. По смерти послѣднихъ Даниловичей, Усбекъ, какъ мы видѣли, присылаетъ въ Русь двухъ своихъ намѣстниковъ; галичанамъ пришлось для избавленія отъ нихъ прибѣгнуть къ яду. Затѣмъ встрѣчаемъ свидѣтельство, что и Юрій Болеславъ сѣлъ на галицкомъ столѣ не безъ согласія хана ²⁾).

Подъ конецъ своего правленія онъ соединяется съ татарами для общихъ предпріятій противъ Польши ³⁾). Ближайшихъ и точныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ его къ татарамъ мы не имѣемъ, но, судя по тому, что, какъ выше упомянуто, въ 1340 г. татары сдѣлали грозный набѣгъ на Польшу еще при его жизни, можно думать, что дорога туда была для нихъ совершенно свободна, что, слѣдовательно, Галичъ находился подъ ихъ властью. Подъ тѣмъ же годомъ находимъ свѣдѣнія о сношеніяхъ Бенедикта XII съ Усбекомъ, обмѣнявшимся съ папой посольствами и изъявившимъ согласіе на распространеніе христіанства въ его владѣніяхъ. Въ своемъ посланіи къ Усбеку папа старается удержать его отъ набѣговъ на владѣнія королей Польскаго и Угорскаго, пограничныхъ съ владѣніями хана ⁴⁾). Такимъ образомъ относительно конца XIII вѣка и послѣдняго года царствованія Усбека мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства о татарской власти въ Галицкой землѣ. Остается подъ сомнѣ-

¹⁾ *Ib.*, 582.

²⁾ *Imperator Tartarorum procuravit eis christianum latinum. Карамз.* IV, стр. 329.

³⁾ *Anno dui 1337 Tartari cum Ruthenis castrum Lublyn vallaverunt. Дэрон.* сн. Креета М. Р. Н. III, 78.

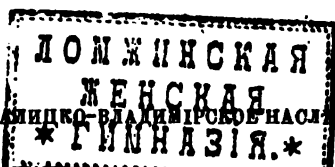
⁴⁾ *Et insuper cum, sicut intelleximus inter tuos ae... Hungariae et Poloniae regum officiales et subditos in confiniis imperii tui et regnorum regum praedictorum quandoque suscitari contingat dissensiones et guerras, ex quibus strages hominum, lapsus rerum... Theiner* М. Н. I, № 960.

ніемъ лишь начало XIV вѣка. Сомнѣніе это, какъ сказано, возбуждаютъ грамоты Галицкихъ князей 1316 и 1327 гг., въ которыхъ они общають ордену защиту противъ татаръ ¹⁾). Единственные документы дипломатическаго языка, относительно вопроса, который въ самихъ грамотахъ можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, а по своей важности, былъ бы непременно замѣченъ русскими и врядъ ли пропалъ бы безслѣдно въ лѣтописяхъ, при полномъ отсутствіи какихъ бы ни было другихъ свѣдѣній о весьма небольшомъ промежуткѣ времени княженія послѣднихъ Даниловичей,—врядъ ли могутъ служить основаніемъ для столь рѣшительнаго утвержденія, какое мы видѣли въ мнѣніяхъ объ этомъ Зубрицкаго, Шараневича и Ржежабка. Если въ дипломатическихъ документахъ нашего времени мы считаемъ нужнымъ обращать вниманіе не только на буквальный смыслъ, но и на вызвавшія и сопутствовавшія имъ изданію обстоятельства, то было бы несправедливо въ подобныхъ же документахъ прошлаго времени оставлять послѣднія безъ всякаго вниманія. Такими именно обстоятельствами являются тогдашнія дѣла на литовско-русскомъ пограничьи, о которыхъ мы упоминали выше. Особенно важнымъ кажется намъ въ данномъ случаѣ, что грамота 1316 г. совпадаетъ съ временемъ дѣйствій Гедимина противъ вжно-русскихъ князей; главная сила ея поэтому заключается ужъ никакъ не въ татарскихъ отношеніяхъ. Мы знаемъ, что вообще татары не вмѣшивались въ дѣла подвластныхъ имъ земель. Галичъ все время находился въ болѣе благопріятномъ къ нимъ отношеніи, чѣмъ сѣверная Русь: въ немъ не слышимъ ничего ни о переноси, ни о баскакахъ, ни объ откупщикахъ дани.

Въ житіи митрополита Петра Волынская земля названа „преимуца всякимъ обильствомъ и славою“; но изъ всего этого слѣдуетъ только то, что она находилась въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ къ татарамъ, чѣмъ Русь сѣверная, не больше. Тѣ, которые объ „обильствѣ“ имѣли нѣсколько другое понятіе, смотрѣли на одно сосѣдство съ татарами совсѣмъ иначе, и не слѣдуетъ игнорировать этихъ показаній, если даже и не считать ихъ буквально точными ²⁾).

¹⁾ Ceterum terras vestras fideliter premunire eurabimus pro tartaris dummodo nobis constiterit et ab hostili qualibet invasione. Грамоты Андрей и Льва у Карамзина, IV, пр. 268, Юри II у Ржежабка и Voigt, Cod. d. pr. II.

²⁾ Cum itaque sicut ex parte vestra fuit nobis expositum vos et alii ecclesie romane fideles a scismaticis, Tartaris et paganis.. impugnationes depopulationes,

Съ другой стороны, совершенно естественно, что съ половины XIV вѣка о татарахъ упоминается гораздо чаще. Впервыхъ, при ихъ участіи происходила ожесточенная борьба, живо интересовавшая не только Польшу, но и Римъ; вовторыхъ, вслѣдствіе ослабленія Золотой орды, отъ нея отложилась орда Подольская ¹⁾). Какъ это, такъ и физическія бѣдствія—голодъ, зараза, свирѣпствовавшая какъ разъ въ это время, о чемъ упоминаетъ Витодуранъ, должны были привести татаръ къ движенію и сдѣлать сосѣдство съ ними тягостнѣе.

Въ первомъ договорѣ Казимира съ Литовскими князьями обѣимъ сторонамъ приходится имѣть въ виду татаръ ²⁾); черезъ три года послѣ этого Казимиръ былъ вынужденъ признать себя данникомъ хана ³⁾). Короткое время самостоятельности Подольской орды должно было непременно привести къ такимъ результатамъ, но не видно, чтобъ они представляли нѣчто новое; они являются лишь нѣкоторымъ усиленіемъ стараго порядка ⁴⁾).

Вотъ почему мнѣніе о полной независимости послѣднихъ Даниловичей отъ татаръ мы рѣшаемся признать несостоятельнымъ.

Мы не знаемъ ближайшихъ причинъ татарскаго набѣга на Польшу въ февралѣ 1340 г., но если, что всего вѣроятнѣе, это былъ просто грабительскій набѣгъ, то несомнѣнно, татары не щадили Русской земли, которая, по ихъ удаленію, должна была представлять печальную картину разореннаго края, гдѣ некому было возстановить порядокъ, ибо еще въ мартѣ погубъ Юрій-Болеславъ, и легко себѣ

captivitates, servitutes et carceres et alias diversorum generum penas et cruciatus multiplices patiamini, quibus nec obviare potestis, nec resistere per vos ipsos. Theiner, M. P. I, № 316.

¹⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 125.

²⁾ При чемъ прямо сказано: „аже поведуть Татарове на Ляхы, тогда Русси неволя поити и съ Татары“ А. З. Р. I; № 1.

³⁾ Упрекая за это Казимира, Иннокентій VI пишетъ: *quodque iam pro certa parte terre Ruthenorum scismaticorum, quam tibi cum christianorum effusione sanguinis vendicasti, eorundem Tartarorum Regi in non modici annui census prestatione tributarium te fecisti. Theiner, M. P. I, № 776.*

⁴⁾ Анон. Леуб: *Rex Tartarorum hoc audiens (о набѣгѣ Казимира 1340 г.) regnum asserit esse suum, tamquam sibi et suis progenitoribus censuale. Stadnickий. Synowie, II, 12 пр. 27.* Такіе же именно резоны приводятъ у Длугоша (подъ 1344, IX, 213) галичане, обратившись къ татарамъ за помощью. Въ письмѣ къ епископу Краковскому 29-го іюня 1341 г. папа говоритъ: *cui (хану) gens ipsa (русекіе) tributaria dinoscitur. Theiner, M. P. I, № 566; въ другомъ документѣ 1351 г.: Tartari, qui Ruthenis dominabantur eisdem. ib. № 702.*

представитъ положеніе страны, внутреннія дѣла которой, благодаря правленію послѣдняго князя, находились въ состояніи крайняго напряженія, испытавшей опустошительный набѣгъ и, наконецъ, оставшейся безъ всякой верховной власти.

Казимиру, при его настроеніи, мудро было не воспользоваться такимъ случаемъ, и онъ двинулся на Русь. Завладѣть ею стало съ этого времени его завѣтною цѣлью.

Это движеніе Польши на Русь, представляющее поворотный моментъ въ исторіи обѣихъ, въ началѣ вовсе не заключало въ себѣ признаковъ будущаго своего значенія, свидѣтельствуя лишь о крайнемъ истощеніи силъ польскаго организма. Первое предпріятіе Казимира было, какъ увидимъ, неудачно. Дальнѣйшая борьба требовала съ его стороны чрезмѣрныхъ жертвъ, и все-таки, можно думать, будь Казимиръ предоставленъ одиѣмъ собственнымъ силамъ, врядъ ли удалось бы ему достигнуть цѣли¹⁾. Не забудемъ, что только случайность—бракъ Ягайла съ Ядвигаю—окончательно закрѣпила за Польшею Галлицкую Русь, открывъ вмѣстѣ съ этимъ совершенно новіе для Польши горизонты. Лишь съ этого момента однообразно-печальная картина ея исторіи оживляется богатствомъ содержанія и разнообразіемъ фактовъ, получающихъ особенно оригинальную окраску отъ постояннаго взаимодѣйствія элементовъ, объединенныхъ новою династіею—польскаго, литовскаго и русскаго. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно время Казимира должно считать тѣмъ фундаментомъ, на которомъ исторія строила потомъ свое зданіе. Если Польша двинулась на Русь „за хлѣбомъ насущнымъ,“ чего не отвергаютъ польскіе ученые²⁾, то дѣйствительно въ Русской землѣ она нашла обильные его запасы. Благодаря имъ, она не только поддержала и оживила свои истощенныя силы, но приобрѣла славу. Очевидность этого дѣлаетъ излишнимъ фактическія доказательства.

Отмѣтимъ лишь одну сторону, представляющую особенно яркое подтвержденіе глубокаго вліянія, какое оказало на Польшу начавшееся съ тѣхъ поръ русское воздѣйствіе: оно отразилось на польскомъ языкѣ, удержавъ его въ формахъ славянскихъ, смѣшавъ его съ братскимъ, не обезображеннымъ западнымъ вліаніемъ языкомъ рус-

¹⁾ 1343 г. Климентъ VI пишетъ Казимиру: *et pro honore S-ae Romane ecclesie in ipsis partibus defendendo multa subieris hactenus et subire te oporteat onera exprobratum, ad que supportanda, nequis sufficere per te ipsum Theiner, M. P. I, № 605.*

²⁾ С. Смолька, Rok 1386, 70.

скимъ ¹⁾). „Въ старину“, говоритъ Бобжинскій ²⁾),—„умѣли поляки вести войны, производять наѣзды, опустошать, теперь (то-есть, со времени Казимира) научились прочно присоединять къ себѣ пріобрѣтенія“. Въ какой степени прочно—показываетъ исторія взаимныхъ отношеній Польши и Литвы-Руси, и нельзя не замѣтить, что крайнее напряженіе силъ начинателя, неразборчивость въ средствахъ для достиженія цѣли и тѣснѣйшій союзъ съ куріей представляются поистинѣ знаменательными, не предвѣщая съ самаго начала ничего хорошаго.

И. Филевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Это говоритъ Крашевскій, но и знатокъ старопольской письменности Приборовскій не отвергаетъ русскаго вліянія. *В. Махушевъ. Следы русскаго вліянія на старо-польскую письменность. Славянск. Сборн. III, С.-Пб. 1876.*

²⁾ Dzieje P., I, 208, по ер. *Каро III. 67 сл.*

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXVI.

1889.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1889.

ВОРЪВА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾.

II.

Очеркъ военныхъ дѣйствій 1340—1387 годовъ.

Братья и дружино! Богъ всегда
Рускыя землѣ и Рускихъ сыновъ въ
безчестьи не положилъ есть; на вѣкъ
мѣстѣхъ честь свою взялиа суть...

Ил. л. 310.

1340 годъ.

1340 г. марта 25-го погнѣвъ во Владимірѣ ²⁾ Юрій-Волеславъ, отравленный столъ сильнымъ ядомъ, что трупъ его разлетѣлся на части ³⁾. Галицко-Владимірское княженіе вторично осиротѣло.

И вотъ повторяется, по видимому, почти то же, что происходило въ 1324 г., по прекращеніи рода прямыхъ потомковъ Данила, повторяется, по крайней мѣрѣ, начало тогдашнихъ событій. Казиміръ пишетъ молителное письмо Бенедикту XII, содержаніе котораго по-

¹⁾ *Продолженіе*. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ М. Р. Н., III, 284.

³⁾ Ioh. Vitodurani Chronik, Escardus, Corp. hist. med. aevi. I, стр. 1862. Къ яду галичане прибѣгаютъ такимъ образомъ уже второй разъ. О нравственномъ состояніи Львова того времени Зиморовичъ говоритъ: „Львовъ татаръ, сарацинъ и евреевъ, опоганенный ихъ безобразными ересями, кощунствами и гнусными обычаями, былъ полонъ колдуновъ, чаровницъ, ворожей и всякаго другаго безстыдства“, у К. *Статистицкаго Словника*, II, 12, пр. Владиміръ былъ въ тѣсныхъ связяхъ со Львовомъ торговыхъ и административныхъ.

дробно сообщает папа въ отвѣтъ, данномъ въ Авиньонѣ 1-го августа 1340 г. ¹⁾. На первый планъ выдвигается здѣсь гроза татарскаго нашествія, на этотъ разъ не какъ вѣроятная возможность, а какъ ожидаемая со дня на день неизбежность ²⁾, затѣмъ вѣрность Польши папскому престолу. Только эти два мотива приводятъ Казиміръ, прося у папы помощи. Для Бенедикта ихъ оказалось вполне достаточно. Онъ горячо откликается на просьбу Казиміра и немедленно предписываетъ епископамъ Гнѣзненскому, Краковскому и Вроцлавскому проповѣдывать крестовый походъ, какъ и въ 1324 г., не только противъ татаръ, но и противъ другихъ невѣрныхъ ³⁾.

Оправдались ли опасенія Казиміра, основанныя на „досто вѣрныхъ сообщеніяхъ“? Прямого отвѣта, то-есть, извѣстія о татарскомъ набѣгѣ, не обусловленномъ дѣйствіями самого Казиміра, не находимъ въ документахъ, но кажется, напрасно и искать его. Ближайшій по времени документъ папской канцеляріи, относящійся къ занимающимъ насъ дѣламъ, можетъ разсвѣять всякія на этотъ счетъ недомыслія. Имѣемъ въ виду письмо Бенедикта XII къ Краковскому епископу отъ 29-го іюня 1341 г. ⁴⁾. Лишь только, говоритъ папа,—русскіе схизматики нечестиво извели ядомъ родственника короля, сына правовѣрныхъ родителей—князя Волеслава, вмѣстѣ съ нѣкоторыми его приближенными, король, ужаснувшись подобнаго злодѣянія и горя желаніемъ отмстить обиду, причиненную христіанской вѣрѣ, двинулся на Русь и нанесъ русскимъ не мало уронъ. Тутъ прерывается у Тейнера повѣствованіе папы, заимствуемое, очевидно, изъ сообщенія Казиміра. Далѣе говорится объ обращеніи русскаго воеводы къ Усбеку за помощью, о полученіи отъ него таковой, о затруднительномъ положеніи Казиміра, въ виду превосходящихъ силъ противниковъ, для борьбы съ которыми потребна была помощь сосѣднихъ государей, Казиміромъ, однако, не полученная, и нако-

¹⁾ *Theiner. M. N., I, № 958.*

²⁾ *Ib.: ad tuum—пишетъ папа Казиміру—fidedigna relatione pervenit auditum, quod dicti Tartari hujusmodi conceptus iniquos (плановъ нападенія) continere sub clave silentii nequicentes, pretensis occasionibus frivolis, publice comminantur, quod ipsi ad invasionem et destructionem regni prefati (Польши) et desolationem fidelium habitantium in eodem et religionem catholicam inibi profanandam, conflatis potentie sue viribus infra breve tempus hostiliter properabunt.*

³⁾ *Quoscumque alios infideles, volentes ac presumentes invadere te et dictum regnum polonic, ib. № 959.*

⁴⁾ *Theiner. M. P., I, № 566.*

нець о мирномъ договорѣ короля съ помянутымъ воеводой на подходящихъ для послѣдняго условіяхъ, хотя и съ признаніемъ нѣкоторой зависимости отъ Польскаго короля. Казиміръ клятвенно поручился въ соблюденіи договора, и вотъ эта-то клятва до такой степени яко бы обременяла его совѣсть, что онъ рѣшился искать облегченія въ Римѣ. Папа благосклонно отнесся къ просьбѣ, поручивъ Краковскому епископу наложить за „безумную клятву спасительную эпитимію“. Кажется, не нужно обладать особенною дальновидностью, чтобы во второмъ письмѣ 1341 года видѣть неожиданную развязку событій, которая имѣетъ въ виду первое, 1340 г. Причиной обращенія Казиміра къ папѣ былъ страхъ предъ татарскимъ набѣгомъ; татары дѣйствительно появились, оказалась какъ нельзя болѣе потребной Казиміру и помощь. Но какой неожиданный поворотъ! Въ началѣ 1340 г. Казиміръ молилъ папу о помощи и всевозможномъ содѣйствіи. Конечно, въ просьбѣ онъ являлся лишь жертвой, на которую ежеминутно готова обрушиться татарская гроза. На дѣлѣ оказалось, что татары явились по приглашенію русскаго воеводы для отраженія возмездія, приготовленнаго самимъ Казиміромъ русскимъ боярамъ за „ужаснувшее его отравленіе благовѣрнаго князя-католика“. Обращеніе Казиміра къ папѣ и обстоятельства, совершенно неожиданно разыгравшіяся въ 1340 г. на галицкой почвѣ, представляютъ завязку борьбы, кончившейся лишь въ 1387 году.

Содержаніе этой борьбы за весь сорокасемилѣтній періодъ времени представляетъ такой неровный каменистый путь, что изслѣдователь, желающій идти по немъ, рискуетъ падать, а по крайней мѣрѣ, спотыкаться много разъ; начальный ея моментъ—1340 г.—представляетъ путаницу, еще до сихъ поръ удовлетворительно ни кѣмъ не распутанную. Одно лишь указано вѣрно: незначительными обстоятельства 1340 г. послужили канвой, на которой патриотизмъ и фантазія польскихъ историковъ нарисовали узоры, совершенно закрывшіе первоначальную историческую дѣйствительность ¹⁾. Открыть эту первоначальную канву, отдѣлать отъ нея позднѣйшія наслоенія, представить фактъ въ чистомъ, такъ-сказать, его видѣ—вотъ задача изслѣдователя. Успѣшное ея достиженіе чрезвычайно затрудняется состояніемъ относящагося къ вопросу историческаго матеріала, критически совершенно не разработаннаго. Изслѣдователю приходится брать на себя двойной трудъ, а слѣдовательно, и двойную отвѣт-

¹⁾ Каро, G. P. II, 231, пр. 1.

ственность. Это, конечно, страшно, и если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся ступить на столь трудный для прохожденія путь, то единственно побуждаемые сознаниемъ необходимости его пройти и согрѣваемые убѣжденіемъ, что даже возможныя на немъ паденія значительно облегчатъ трудъ будущаго изслѣдователя.

Обратимъ вниманіе прежде всего на тотъ фактъ, что событія 1340 г. не нашли никакого отголоска въ русскихъ источникахъ. Если исключить сообщеніе Густынской лѣтописи подъ 1340 г., представляющее пересказъ Кромера, съ добавленіемъ извѣстія о раздѣленіи Казиміромъ Русской земли на воеводства и повѣты¹⁾, то надо сказать, что о событіяхъ въ Галицкой Руси первыхъ годовъ четвертаго десятилѣтія XIV вѣка нѣтъ упоминанія ни въ одной изъ русскихъ, ни въ такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописяхъ²⁾. Что касается польскихъ источниковъ, то до Длугоша только два изъ нихъ упоминаютъ о предпріятіяхъ Казимира 1340 г.: Янъ и такъ-называемая лѣтопись Траски³⁾. Выходитъ, что за предѣлами территоріи, ближайшимъ образомъ затронутой предпріятіемъ Казимира, событія 1340 г. обратили гораздо болѣе вниманія: упоминаніе о нихъ находится въ двухъ хроникахъ: монаха Леобенскаго (въ Штирїи) и Витодурана (въ Швейцарїи)⁴⁾. Каковы бы ни были общія достоинства обѣихъ хроникъ, но уже одна отдаленность ихъ составителей отъ мѣста дѣйствія не позволяетъ придавать имъ рѣшающее значеніе въ спорномъ и темномъ вопросѣ. Оба сообщенія составлялись, конечно, по слухамъ, и главный интересъ событій заключался для хронистовъ не въ дѣйствіяхъ Польскаго короля, а въ движеніяхъ татаръ, все еще привлекавшихъ къ себѣ вниманіе и въ февралѣ 1340 г. напомнившихъ о своей грозной силѣ. Въ обоихъ источникахъ предпріятіе Казимира является лишь грабительскимъ посягательствомъ, вызвавшимъ татарское вмѣшательство. О какихъ бы ни было другихъ слѣдствіяхъ Казиміровой попытки оба источника совершенно умалчиваютъ. Для насъ, въ виду этого, они

¹⁾ Прибавл. къ Ип. л., Поля. Собр. II, 349. Источникъ добавленія неизвестенъ, ср. К. Стадницкій, *Synowie*, II, 228.

²⁾ Темное извѣстіе лѣтописи Выховца, стр. 57: *Kak wszynił nad rąny ruskimi przemyślskimi rozrywawzu ich do rady u tam porozali u Przemyśl zascli*—трудно приурочить къ какому-нибудь определенному году.

³⁾ Оба источника въ М. Р. Н., II.

⁴⁾ Въ относящихся къ событію 1340 г. показанія сведены у К. Стадницкаго, *Synowie*, II, 12, пр. 27.

не могутъ имѣть ни какого особеннаго значенія. Что касается дѣтописи Траски, то скажемъ сразу: мы усматриваемъ въ ней признаки явной недостовѣрности ¹⁾. Остается такимъ образомъ изъ польскихъ современныхъ событію свидѣтельствъ одно лишь показаніе Яна во 2-й главѣ его хроники. Сличимъ это показаніе съ несомнѣнно-подлиннымъ документомъ папской канцеляріи, представляющимъ, конечно, повтореніе официальной реляціи Казимира, съ указаннымъ выше папскимъ письмомъ 1341 г. Причины предпріятія Казимира въ обоихъ свидѣтельствахъ показаны согласно ²⁾, а равно и первые его результаты ³⁾. Затѣмъ начинаются существенныя разногласія. У Яна сообщается о признаніи власти Казимира со стороны бояръ и о принесеніи ему присяги на вѣрность, и только уже послѣ этого „нѣкій сквернѣйшій перемышльскій бояринъ Дѣтко съ нѣкимъ же Давидомъ Острожскимъ“ отправляются къ хану на собственный страхъ, безъ вѣдома другихъ русскихъ бояръ, и ввухаютъ ему, что Казимиръ отнялъ его владѣнія, чѣмъ и побуждаютъ хана къ высылкѣ огромнаго татарскаго войска для совмѣстныхъ съ русскими дѣйствій противъ поляковъ. Соединенное русско-татарское войско дошло до Вислы, Казимиръ мужественно противостоялъ ему и не допустилъ переправиться черезъ рѣку. При этомъ поляки потеряли лишь одного человека. Татары, повернувъ назадъ, пытались было овладѣть Люблиномъ, но неудачно. Совсѣмъ не такъ представляется намъ дѣло въ папскомъ письмѣ: русскій воевода обращается къ хану немедленно и на совершенно естественномъ основаніи—зависимости; ханъ даетъ помощь, какую можетъ, сейчасъ, болѣе значительное войско

¹⁾ См. ниже.

²⁾ У *Тейнера*: quod cum dudum gens schizmatica Ruthenorum quondam Bolcaum Ducem Russiae ipsius Regis (Казимира) consanguineum germanum, de fidelibus procreatum parentibus, veneno impie, ac nonnullos alios Christi fideles eidem Duci, dum viveret, obsequentes immaniter occidissent, idem Rex hujusmodi scelus abhorrens et zelo ulciscende iniurie fidei christiane accensus, cum exercitu suo terram Russiae dictam gentem expugnaturus intravit.

У *Яна*: mortuo magnifico principe Kazimiro, dicto Georgio, totius regni Russiae duce, qui Kazimirus avunculo suo in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat, Kazimirus rex Poloniae praelibatus cum magna potentia gentis suae regnum Russiae potenter intravit, de nece consanguinei sui vindictam sumere volens.

³⁾ У *Тейнера*: et per ipsam (Казимиромъ) eidem genti multis dampnis illatis...

У *Яна*: Cujus potentiae (Казимира) Ruthenorum principes, barones, comites ac caeteri nobiles resistere non valentes...

обѣщаетъ прислать, и тогда только Казиміръ, видя недостаточность собственныхъ средствъ для противодѣйствія, вступаетъ съ тѣмъ же русскимъ воеводой въ переговоры, кончившіеся для него при указанныхъ обстоятельствахъ удивительно благопріятно. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ соединеннаго русско-татарскаго ополченія папское письмо не говоритъ ничего. Вотъ содержаніе двухъ, относящихся къ одному и тому же факту, показаній. О свидѣтельствѣ Яна мы скажемъ еще нѣсколько словъ ниже; теперь ограничимся замѣчаніемъ, что три первые главы его хроника возбуждаютъ сомнѣнія, до сихъ поръ еще окончательно не устраненныя. Конечно, въ такомъ случаѣ намъ остается держаться показаній документа, не возбуждающаго никакихъ подозрѣній, кромѣ того обстоятельства, что онъ представляетъ сообщеніе со словъ лишь одной заинтересованной стороны. Эта односторонность весьма замѣтна. Отъ сомнѣнія въ правдивости сообщенія Казимира трудно освободиться въ виду явной невѣроятности фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Казиміръ очутился въ затруднительномъ положеніи, но такъ удачно вышелъ изъ него, что русскій воевода не только не воспользовался бывшими въ его рукахъ средствами, но обязался королю нѣкоторыми службами; Казиміръ только что принужденный обдумывать, какъ бы самому выйти изъ затрудненія, великодушно обязался всячески защищать и воеподу, и русскихъ и ни въ чемъ не стѣснять ихъ обрядовъ, правъ и обычаевъ. Не говоримъ о полной неопредѣленности заявленія ¹⁾, о ясно вытекающей изъ самаго текста логической невозможности такого результата.

Допустимъ, что факты не всегда слѣдуютъ логикѣ, но надо же, чтобы такое отступленіе нашло себѣ мѣсто именно въ данномъ случаѣ. Упомянутое папское письмо, въ виду отмѣченной выше невозможности основываться на показаніяхъ Яна, есть единственный современнѣйшій предпріятію документъ, разказывающій о событіяхъ 1340 г.—нужды нѣтъ, что со словъ наиболѣе заинтересованнаго лица. Злой рокъ, преслѣдующій Галичину, отмѣтивъ себя полнымъ отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ о занятіи ея поляками, поразительно даетъ себя чувствовать не столько въ указанномъ перерывѣ папскаго письма, сколько въ общемъ его характерѣ. Случайно это или нѣтъ, но не-

¹⁾ *Capitaneus et gens predicta se dicti regis mandatis et beneplacitis coaptabant. iidem rex et capitaneus atque gens certa conventiones et pacta cum certis serviciis et subjectionibus eidem regi exhibendis concorditer invicem inierunt. Theiner, какъ выше.*

сомнѣнно, что событіе 1340 года не нашло другого современнаго отголоска вблизи. Очевидно, тогда, когда оно происходило, оно еще никому не казалось чреватымъ грядущими послѣдствіями и было оставлено безъ всякаго вниманія. Сдѣлаемъ надъ собою нѣкоторое усиліе, станемъ на время на эту точку зрѣнія современниковъ, забудемъ о важности событія для времени послѣдующаго и рассмотримъ его въ томъ свѣтѣ, какой могутъ сообщить намъ о немъ документы несомнѣнной подлинности. Кромѣ указанныхъ папскихъ писемъ, таковыми должно считать еще двѣ грамоты: одну, относящуюся ко времени непосредственно слѣдующему за предпріятіемъ Казимира, и другую, принадлежащую 1344 году, но находящуюся въ непосредственной связи съ занимающимъ насъ событіемъ. Папское письмо 1340 года составляетъ, такъ-сказать, прелюдію, оно предшествуетъ факту, а потому мы оставляемъ его пока въ сторонѣ. Объ общемъ характерѣ папскаго письма 1341 года мы уже говорили. Въ томъ, что для насъ самое важное въ извѣстіи о подчиненіи Руси верховной власти Польскаго короля, мы имѣемъ полную возможность фактически проверить его справедливость.

Какими бы ни были вѣншія отношенія Галицко-Владимірскаго княжества къ сосѣднимъ державамъ, несомнѣнно, до 1340 г., то есть, при послѣднихъ Романовичахъ и Юріи-Волеславѣ, оно не находилось ни въ какой зависимости отъ Польши. Если наше объясненіе событій 1331 г. въ предыдущей главѣ вѣрно, то скорѣе можно допускать вліяніе Литвы: кто знаетъ, не оно ли тяготило Юрія, не для избѣжанія ли и отвращенія его, онъ такъ круто повернулъ въ послѣдніе годы своего правленія? Намъ кажется это правдоподобнымъ. Но какъ бы ни было, отъ Польши Галичъ зависимъ не былъ, и въ 1337 г., мы видѣли, Юрій-Волеславъ воевалъ противъ нея съ помощью татаръ. Вотъ почему указаніе папской грамоты 1341 г. должно считать въ равной мѣрѣ существеннымъ и неожиданнымъ. Если оно справедливо, то обязательство короля не ломать обрядъ, права и обычаи новыхъ подданныхъ, въ виду цѣли предпріятія, встрѣтившей сильное противодѣйствіе, благодаря которому Казимиръ оказался въ затруднительномъ положеніи, еще не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. Что же въ такомъ случаѣ могло омрачать радость по поводу новаго пріобрѣтенія? Неужели жажда мести до такой степени овладѣла Казимиромъ, что одного подчиненія, не ознаменовавшагося суровымъ наказаніемъ за совершенное надъ родственникомъ короля преступленіе, ему было мало? Неужели несомнѣнно

выгодный договоръ съ виновниками смерти Болеслава, потому только что это былъ договоръ, могъ въ такой степени смущать совѣсть Казимира, что за облегченіемъ ея пришлось обращаться въ Римъ? То, что мы знаемъ о Казимирѣ, не рисуеъ его столь чувствительнымъ, въ такой степени заботливымъ о спасеніи души ¹⁾. Другихъ, однако, обстоятельствъ, внѣ предѣловъ предпріятія Казимира, сколько-нибудь объясняющихъ перемѣну въ его настроеніи, найти нельзя. Ихъ приходится искать на той же галицкой почвѣ. Едина ли объясненіе не дается грамотою упоминаемаго въ папскомъ письмѣ воеводы, данною имъ торнскимъ купцамъ и, очевидно, относящеюся ко времени непосредственно послѣ предпріятія Казимира ²⁾. Въ ней Димитрій Дѣтко, „provisor seu capitaneus terre Russie“, объявляетъ, что раздоръ съ Польскимъ королемъ, происшедшій по внушенію діавола ³⁾, благодатію Св. Духа прекратился, и теперь между ними миръ. Прѣжнихъ, независимыхъ отъ Польши князей онъ называетъ здѣсь своими предшественниками, общаетъ купцамъ сохранить тѣ же права, какими они пользовались прежде, и въ заключеніе скрѣпляетъ документъ собственной скрѣпой. Въ такомъ важномъ документѣ—подлинность его не подвергается сомнѣнію—мы не видимъ ни малѣйшаго признака зависимости Галицкой Руси отъ Польскаго короля, па что указалъ еще Каро ⁴⁾. Разказы повдѣйшихъ польскихъ анналистовъ заставляютъ Казимира, по одной версіи — поручить охрану города его нѣмецкимъ жителямъ (Траска), по другой—оставить въ разоренномъ яко бы Львовѣ польскій гарнизонъ (Длугошъ).

¹⁾ Rex prestito iuramento promisit, quod Capitaneum .et gentem predictos in omnibus tueri debebat, ipsosque in eorum ritibus, iuribus et consuetudinibus conservare: verum quia dictus Rex, sicut asserit, dubitabat, se in hiis prevericasse domini voluntatem, nobis humiliter supplicavit, ut providere sibi super hiis de salutari remedio misericorditer dignaremur. Nos igitur saluti anime dicti Regis, quantum cum deo possumus in hac parte salubriter providere volentes Ib.

²⁾ М. Р. Н. II, 621 пр. 2. Начало грамоты не оставляетъ сомнѣнія въ приближительной ея датѣ. *К. Горжжикій*, Połączenie Rusi szeregowej z Polską przez Kazimierza Wielkiego. Львовъ. 1889, стр. 30, совсѣмъ напрасно относитъ ее ко времени поддѣйшему. Нельзя упускать изъ виду, что въ обезпеченіи своихъ торговыхъ интересовъ нѣмцы не теряли времени: въ 1349 г. Казимиръ даетъ грамоту тѣмъ же торнскимъ купцамъ немедленно по возвращеніи съ похода, *Каро*, G. P. II, 284, пр. 2.

³⁾ Интересно сопоставить этотъ взглядъ русскаго боярина съ приведеннымъ выше взглядомъ папы на то же предпріятіе.

⁴⁾ G. P. II, 231, пр. 1.

Къ военной диктатурѣ ведутъ обыкновенно завоеванія ¹⁾. Въ этомъ, однако, случаѣ во главѣ страны и города несомнѣнно остается „свернѣйшій“, по отзыву Яна, бояринъ, считающій Казимира совершенно равнымъ себѣ. Онъ даетъ грамоту нѣмецкимъ купцамъ, но въ этомъ слишкомъ была заинтересована страна. Ключъ къ богатствамъ Торна и Данцига находился, по справедливому замѣчанію Каро, въ Галицкой землѣ; крохи, конечно, оставались и въ пользу русскихъ. Этого мало: роль Дѣтка во Львовѣ не была чѣмъ-то минутнымъ: въ 1344 г. къ нему же, а не къ Казимиру обращается Людовикъ по дѣламъ кошицкихъ купцовъ ²⁾. Такимъ образомъ Дѣтко остается правителемъ страны въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Былъ ли это второй Володиславъ, какъ можно бы на первый взглядъ думать, по его заявленію о предшественникахъ, или роль его должно объяснять иначе—объ этомъ скажемъ ниже. Теперь ограничимся лишь выводомъ, естественно на нашъ взглядъ вытекающимъ изъ разсмотрѣнія относящихся къ занимающему насъ событію документовъ. Оба папскія письма 1340 и 1341 гг. представляютъ прямую связь между собою; второе, изъ нихъ заключаетъ, въ себѣ рядъ очевидныхъ невозможностей, при чемъ наиболее важное для насъ его показаніе о зависимости Галицкой Руси отъ Казимира документально опровергается грамотою львовскаго воеводы торскимъ купцамъ. До 1345 г. Львовъ не былъ въ рукахъ Казимира. Еще Каро отмѣтилъ полное отсутствіе какихъ бы ни было упоминаній о дѣятельности Казимира за время съ 1340 по 1350 г. ³⁾.

¹⁾ На странность показаній Длугоша, заставляющаго Казимира разрушить Львовъ и оставить гарнизонъ среди развалинъ, обратилъ вниманіе еще *Зубрицкій*: Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Львовъ. 1855, подъ 1340 г.

²⁾ *Fejer*, Cod. dipl. Hung, IX, 1, № 95: Ludovicus ...fidei suo viro Magnifico, comiti Dechh, capitaneo Ruthenorum salutem et gratiam—титулъ, во всякомъ случаѣ не указывающій на зависимость Дѣтка отъ польскаго короля.

³⁾ *G. P.*, II, 286, пр. 2. Титулъ: *Russiarum dominus et haeres*—въ некоторыхъ спискахъ введенія къ Вислицкому статуту есть позднѣйшая вставка, *ib.*, 284, пр. 2. Въ Вислицѣ представителей отъ Руси не было (*Зубрицкій*, *Kronika miasta Lwowa*, 34), какъ равно нѣтъ о ней въ статутѣ ни малѣйшаго упоминанія. Въ 1347 г. Галицкой Русью владѣлъ безъ всякаго сомнѣнія Любартъ. Известныя намъ три грамоты Казимира отъ 1346 съ титуломъ *Russiae* (*A. Gr.* и *З. VII*, 7; *Код. Ржищевскаго*, II, 1, 273 и II, 2, 701) списаны съ рукописей XV и даже XVI в. Вообще къ титулу въ грамотахъ, гдѣ упоминается Русь до 50-хъ годовъ, надо относиться осторожно. Грамота, приведенная *Зубрицкимъ*, какъ относящаяся къ 1351 г. (*Повѣсть*, 134 пр. 38), въ дѣйствительности относится къ 1370 г. (*A. Gr.* и *З. VII*. 14 пр. 2) и вообще въ Актахъ городскихъ и земскихъ нѣтъ ни одной

Изданные потомъ „Акты Гродскіе и Земскіе“ блистательно подтвердили справедливость его сомнѣній. Прибавимъ къ этому полное молчаніе объ отношеніяхъ Казимира къ Руси за время до 1349 г. у Длугоша ¹⁾, прямое указаніе Мѣховскаго лѣтописца на 1349 г., какъ на годъ занятія Руси Казиміромъ ²⁾, и мы убѣдимся, что не можетъ быть рѣчи о какой бы ни было зависимости Галицкой Руси отъ Польши, о „какихъ-то службахъ и подчиненіи“ не только въ 1340 г., но даже въ непосредственно слѣдующіе годы. Вотъ выводъ, прямо вытекающій изъ документально-извѣстныхъ фактовъ. Онъ кажется намъ такъ простъ, что мы невольно робѣемъ въ виду этой простоты; нами овладѣваетъ то страпное чувство недоумѣнія, неувѣренности, которое бываетъ въ минуту, когда тяжелый кошмаръ прекратится: дышется свободно, легко, но еще давитъ воспоминаніе, мысль о томъ, что минувшей тяжести, какъ будто не вѣрится, что она прекратилась. Объяснимся. Мы представили себѣ точку зрѣнія современниковъ событія, ограничились лишь документальными о немъ сообщеніями.

Небольшая справка съ извѣстными намъ въ точности вѣшними отношеніями Галицкаго княжества устранила внесенныя папскимъ письмомъ 1341 г. недоразумѣнія. Попытка Казимира 1340 г. представлялась крайне ничтожною по своимъ непосредственнымъ, немедленнымъ фактическимъ результатамъ. Но событіе 1340 г. представляетъ въ нашихъ глазахъ тотъ узелъ, который потомъ распутывается на протяженіи вѣковъ. Такую точку зрѣнія завѣщала намъ—и справедливо—XV вѣкъ, время страстныхъ споровъ Польши и Литвы-Руси за часть галицко-владимирскаго наслѣдія, остававшуюся спорною и послѣ 1433 года.

Мы уже указывали, какъ смотрятъ на тогдашнюю аргументацію поляковъ серьезные польскіе историки, ищущіе истины, а не матеріала для патріотическихъ восторговъ (чтобы быть точнымъ, надо впрочемъ сказать: смотреть одинъ польскій историкъ). Современнику горячей

грамоты Казимира, относящейся къ русской Галичинѣ раньше 1352 г.—обстоятельство, дающее полное основаніе полагать, что господство Казимира въ Галичинѣ до этого года, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ прочно утвердившейся власти, должно подвергаться сомнѣнію. Вотъ почему и титулъ въ грамотахъ 1350 г. (Код. Малоп. Моц. мед. аві; III, № 231) и 1351 г. (ib. № 233) кажется намъ подозрительнымъ.

¹⁾ Сообщение подъ 1344 (IX, 213) представляетъ обычное у Длугоша раздвоеніе одного вывода.

²⁾ Et in fine ejusdem anni (1349) rex Kazimirus terram Russie obtinuit. М. Р. Н. II, 885.

дипломатической и юридической борьбы Польши и Литвы-Руси Длугошу значеніе событія 1340 г. было ясно, а тогдашнее дѣяніе не затруднялось отсутствіемъ точныхъ данныхъ. Длугошъ описалъ событіе краснорѣчиво и подробно. По его версіи, Казиміръ въ 1340 г. совершилъ два похода на Русь—весенній (въ апрѣлѣ), и что въ родѣ предварительной рекогносцировки или браваго набѣга, и лѣтній (въ концѣ іюня), съ значительными силами для окончательнаго подчиненія Руси. Цѣль эта, по словамъ Длугоша, была вполне достигнута: „всю Русь въ одинъ годъ, въ одно лѣто, въ одинъ походъ подчинилъ Казиміръ себѣ и Польшѣ и, обративъ ее въ провинцію, навсегда включилъ и присоединилъ къ польской коронѣ“¹⁾. Рѣшительность и категоричность заявленія возымѣла свое дѣйствіе. Фактъ, сообщенный Длугошемъ, нашелъ общее, единогласное признаніе и распространеніе.

Польскіе писатели — Мѣховита, Кромеръ, Стрийковскій, потомъ Нарушевичъ—всѣ такъ или иначе повторили Длугоша²⁾. Какъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, завоеваніе Руси Казиміромъ приводилось какъ доводъ даже въ частныхъ юридическихъ спорахъ позднѣйшаго времени³⁾. За поляками послѣдовали и русскіе: сообщеніе о занятіи Казиміромъ Галицкой Руси въ 1340 г. помѣщается по нынѣ въ нашихъ учебникахъ⁴⁾. Однимъ словомъ, событіе 1340 г. въ той редакціи, какую ему сообщалъ Длугошъ, стало на цѣлѣе вѣка непререкаемымъ историческимъ догматомъ. Впервые, сколько намъ извѣстно, поколебалъ его Каро, сначала не рѣшительно⁵⁾, потомъ смѣлѣе⁶⁾, но безъ всякой пользы.

¹⁾ Длугошъ годъ 1340 г., IX, 198.

²⁾ Каро, G. P. II, 344 пр. 1.

³⁾ Въ актахъ процесса архіепископа Страрковского (ум. 1780) и львовскаго магистрата находится слѣдующая выписка изъ стараго кодекса львовскихъ городскихъ актовъ: Casimirus M. a. 1340 Leopolum expugnaturus venit, quam per spontaneam incolarum deditionem recepit et partem Russiac usque ad Halicz subegit. *Reifenkugel*, Gründung der römisch-katholischen Bistümer.... Archiv für osterr. Gesch. 1875, № 52, стр. 424, пр. 3.

⁴⁾ *Иловайскій*, Краткіе очерки русской исторіи.

⁵⁾ G. P. II, 229, гдѣ Каро какъ будто еще не рѣшается отдать предпочтеніе свидѣтельствамъ документовъ передъ показаніями польскихъ лѣтописцевъ.

⁶⁾ Ib. III, 54, пр. Не указывая на Д. Зубрицкаго. Хотя несомнѣнно, онъ первый отмѣтилъ невѣроятность Длугошевыхъ разказовъ, тѣмъ не менѣе въ „Повѣсти“ онъ еще не освободился отъ авторитета Длугоша, котораго считаетъ „писателемъ осмотрительнымъ и достойнымъ вѣроятія“ (Повѣсть, стр. 139). Въ

Въ прекрасномъ трудѣ А. Семковича 1340 годъ такъ и остался критически не разслѣдованнымъ, а сомнѣнія Каро даже не указаны¹⁾, хотя его взложеніе русскихъ дѣлъ, предшествовавшихъ этому году, названо устарѣвшимъ²⁾. Въ послѣднемъ по времени сочиненіи Горжицкаго, желавшаго по его словамъ, восполнить чувствительный въ польской исторической литературѣ недостатокъ отдѣльной монографіи объ отношеніяхъ Казимира къ Руси, „комбинаціи“ Длугоша снова приняты на вѣру вполне³⁾. Однимъ словомъ, надъ 1340 г. тяготѣетъ и по сію пору вѣковая традиція. Съ такимъ бременемъ надо считаться серьезно. Вотъ почему мы испытываемъ робость и недовѣріе.

Простота усваивается пониманіемъ вообще съ особеннымъ трудомъ, но иногда она бываетъ лишь кажущаяся. Не такова ли она и въ данномъ случаѣ?

Остановимся на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ предпріятіе 1340 г. Мы сказали, что завязка его заключается въ обращеніи Казимира къ папѣ. Дата его намъ не извѣстна, но папскій отвѣтъ данъ 1-го августа 1340 года⁴⁾. Можно поэтому думать, что Казимиръ об-

поднявшимъ критическомъ разсмотрѣніи извѣстій о занятіи Галичины поляками—„Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ“—Зубрицкій даетъ не мало критическихъ замѣчаній, но въ общемъ не представляетъ никакого опредѣленнаго окончательнаго вывода. Впрочемъ, надо сказать, при тогдашнихъ историческихъ данныхъ о Галицкой Руси, Зубрицкій сдѣлалъ смѣлый шагъ, но твердо стая не былъ въ состояніи (см. *ib.*, стр. 86, гдѣ въ резюме Зубрицкій сбивается даже на Длугоша, хотя вообще считаетъ его разказы „безтолковщиной“, стр. 35). Изъ русскихъ историковъ только *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* отнесъ завоеваніе Галицкой Руси въ 1349 г. (*Русская Исторія*, 1, 298), но краткость замѣчанія не мѣняла установившагося взгляда (*Нловайскій*, *Исторія Россіи* II, 80; даже *Антоновичъ*, *Очеркъ*, 79).

¹⁾ *Krytuściu rozbiór dziejów polskich Iana Długosza dq g. 1384. Браковъ 1887, стр. 358.*

²⁾ Что врядъ ли можно считать справедливымъ для 1863 г.—времени выхода въ свѣтъ втораго тома исторіи Каро.

³⁾ *К. Горжыцкі. Połączenie.. ч. 1, гл. 2.* Мы говоримъ здѣсь лишь о 1340 г. Горжицкій позволяетъ себѣ лишь одну поправку Длугоша, замѣняя 1344 годъ на 1341, но нерешительно—„кажется“: такъ великъ для него авторитетъ Длугоша; съ Яномъ онъ обращается гораздо свободнѣе, стр. 25, пр. 26. Впрочемъ Горжицкій представляетъ крайность (см. нашу рецензію въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1889, сентябрь). Лучшіе польскіе историки мало полагаются на комбинаціи Длугоша, но евятъ подчиненія Руси въ 1340 г. для нихъ все-таки не подлежатъ сомнѣнію.

⁴⁾ У *Райнальда* дата безъ сомнѣній; у *Тейнера* въ регистрѣ: 1340—1342, но въ документѣ—Аппо sexto, а Бенедиктъ XII вступилъ на престолъ 1335 г.

ратился въ Римъ немедленно по полученіи извѣстія о смерти Юрія-Болеслава. По Длугошу выходятъ, что, извѣстившись о ней, Казиміръ съ небольшимъ отрядомъ сдѣлалъ немедленно (ибо послѣ 10-миной недѣли—въ концѣ апрѣля) набѣгъ на Русь.

Не указываемъ уже на то, что Длугошъ заставляетъ Казиміра взять не только Львовъ, но и Владиміръ, даже „всю Волинскую землю“¹⁾. Мы вовсе не имѣемъ въ виду опровергать очевидныхъ, какъ говоритъ Зубрицкій, — „недѣльностей“ Длугоша; если мы на что-нибудь желаемъ обратить вниманіе въ его повѣствованіи, то развѣ на общее представленіе положенія Руси, какъ добычи, которая сама дается въ руки, тому, кто, какъ Казиміръ, пожелалъ бы взять ее. Мы знаемъ, почему Длугошу такъ именно надо было представить Русь. Иначе смотрѣлъ на нее Казиміръ. Если, допустимъ, не сама по себѣ, то по своимъ отношеніямъ къ татарамъ она должна была казаться Казиміру страшною. Въ томъ же 1340 г., еще при жизни Юрія-Болеслава, татары напомнили о себѣ грознымъ набѣгомъ на Польшу; быть можетъ, отдѣльные татарскіе отряды еще не ушли изъ предѣловъ Галицкой Руси. Казиміръ не могъ не имѣть этого въ виду, и онъ дѣйствительно имѣлъ, какъ доказываетъ его обращеніе къ папѣ. Конечно, не въ такой мѣрѣ, какъ представляетъ папа, онъ опасался за самое Польшу, но если, какъ доказываетъ сдѣланная имъ въ томъ же году попытка, онъ положилъ воспользоваться смертію Юрія-Болеслава, то причины, выставленныя имъ въ обращеніи къ папѣ, доказываютъ, что онъ совершенно вѣрно представлялъ себѣ положеніе дѣлъ Галицкой Руси и сообщилъ папѣ сообщенія, которыя должны были, какъ увидимъ ниже, подѣйствовать на него съ особенною силою, а равно, что къ задуманному предпріятію онъ рѣшилъ приготовить по мѣрѣ своей возможности. И по Яну, и по папскому письму 1341 года Казиміръ предпринялъ военный походъ въ полномъ смыслѣ слова — съ значительнымъ войскомъ, съ опредѣленною цѣлю покорить Русь. Бравый весенній набѣгъ былъ бы со стороны Казиміра такимъ легкомысліемъ, что слѣдуетъ только удивляться, какъ можно было когда-нибудь придавать ему малѣйшее значеніе²⁾. Никакъ не раньше времени, назначаемого обыкновенно для

¹⁾ Указаніе очевидной впрочемъ фактической невозможности такихъ усилій см. у Зубрицкаго, *Повѣсть*, 109; *Анонимъ*, пр. 38.

²⁾ Галицкіе историки повѣствуютъ о выставленіи въ Краковскомъ соборѣ на показъ народу взятой въ первый походъ добычи—золотаго Креста съ части-

второго похода, то-есть, не раньше конца іюня—надо вѣдь положить нѣкоторый срокъ для сбора пужныхъ для предпріятія силъ — Казиміръ двинулся на Русь.

Что онъ долженъ былъ собрать возможно большія силы, за это ручается имъ же самимъ ожидаемая возможность столкновенія съ татарами и приведенныя выше свидѣтельства; быть можетъ, онъ возлагалъ нѣкоторыя надежды на успѣхъ проповѣди крестоваго похода или на полученіе какой-либо другой помощи, о чемъ тоже просилъ папу ¹⁾. Судьба, однако, на этотъ разъ оказалась къ Руси болѣе благосклонною, чѣмъ можно было ожидать. Нашелся человекъ, сумѣвшій уничтожить честолюбивые замыслы Польскаго короля. Таковымъ оказался нѣсколько загадочный Димитрій Дѣтко ²⁾. Въ радѣ Юрія-Болеслава онъ занималъ первое мѣсто ³⁾, а судя по отношенію къ нему поляковъ ⁴⁾, по энергіи, которую обнаружилъ въ за-

цей Св. Дрона, трона и короны, что яко бы привело поляковъ въ „неописуемое изступленіе“, возбудивъ страстное желаніе дальнѣйшихъ прочныхъ завоеваній. *Зубрицкій*, *Повѣсть*, 112; *Шараневичъ*, *Исторія*, 157. Въ описаніи ризницы Краковскаго замковаго костела (*Г. Красинскій* въ *Collectio Mizleriana* 1, 349) говорится: in secretiori templi scrinio sacratissimae crucis porcio ab Casimiro magno rege ex goholonica Leopoliensi praeda anno Chr. 1340 illata videtur, *Зубрицкій* *Анонимъ* *Чезел.*, 37, пр. 33. По крайней мѣрѣ—videtur. К. Горжицкій не только повторяетъ все это съ полною вѣрой, но даже задается вопросомъ: отчего Казиміръ, имѣя въ рукахъ регалии, не короновался во Львовѣ? *Рождзеніе*, 20.

¹⁾ Et per nos promptum aliorum subsidium et presidium humiliter implorasti *Theiner*, M. H., какъ выше.

²⁾ Самое слово — Дѣтко вызываетъ недоразумѣнія. *Шараневичъ*, *Смирновъ*, *Плавойскій* считаютъ его равнозначащимъ слову — дядька, пѣстунъ, кормилицичъ. Иначе смотритъ *Лотинковъ* (*Грамоты Юрія II*, *Чтенія* 1887, II, 16), полагая, что его нельзя считать прозвищемъ, ибо въ грамотѣ 1335 г. сказано: Demetrio Detcone nostro. „Detco“, говоритъ *Лонгиновъ*, — „есть ни болѣе, ни менѣе какъ дѣтко“, то-есть дѣтскій. Врядъ ли. Въ такомъ случаѣ вырвался бы также и въ грамотѣ 1334 г., а главное, какъ ни были „разнообразны“ порученія, возлагаемыя на дѣтскихъ, ихъ второстепенное положеніе вполнѣ ясно опредѣляется даже тѣми двумя мѣстами лѣтописи, на которыя указываетъ самъ *Лонгиновъ* (*Ип.*, 262 и 367); замѣчаніе г. *Лонгинова*, что „составитель грамотъ Юрія II употреблялъ чисто русскій терминъ съ передачей его латинскими буквами“ — что встрѣчается—теряетъ значеніе потому, что слово „дѣтко“ *Лонгиновъ* могъ указать лишь въ завѣдомо подложныхъ „львовыхъ грамотахъ“. Что касается вопроса, былъ ли Дѣтко во Львовѣ или въ Перемышлѣ, объ этомъ мы говорили выше.

³⁾ Въ грамотѣ 1335 г., а въ грамотѣ 1334 г. — первый послѣ *Федора епископа*.

⁴⁾ Quidam fessimus homo Datco nomine. *Янъ*.

щитѣ родины отъ ихъ послѣдствія, онъ не могъ быть сторонникомъ плановъ, къ достиженію которыхъ стремился Волеславъ въ послѣдніе годы своего княженія. Мы и не находимъ его имени въ грамотѣ, данной Юріемъ-Волеславомъ Саноку въ 1339 году ¹⁾, но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ потерялъ значеніе высокаго мѣстнаго представителя. Его связь съ первымъ извѣстнымъ намъ представителемъ знаменитаго впоследствии рода князей Острожскихъ, далекаго отъ польскаго пограничья, а слѣдовательно, и польскихъ вліяній, характеризуетъ какъ личность самого Дмитрія, такъ и соотвѣтствуетъ той роли, какую должны были играть уцѣлвшіе представители мѣстнаго боярства. Два изъ нихъ, при первомъ столкновении съ Польшей въ 1340 г., доблестно исполнили свой долгъ. Они обратились къ татарамъ, и за это ихъ упрекаютъ поляки. Мы знаемъ, каковы были отношенія Галицкой Руси къ татарамъ: ничего страшнаго для галичанъ они въ себѣ не заключали, тяжесть татарскаго верховенства была совершенно не чувствительною; самъ Казиміръ, какъ видно изъ сообщенія его папѣ, не усматривалъ въ этомъ ничего страннаго и, готовясь къ походу, предвидѣлъ татарское вмешательство. Чѣмъ кончилось оно и какими сопровождалось обстоятельствами—мы не рѣшаемся сказать утвердительно. Папское письмо 1341 г. или, иначе, реляція Казиміра, не сообщаетъ намъ въ этомъ случаѣ никакихъ указавій. Для изложенія такимъ образомъ дальнѣйшихъ событій пришлось бы основываться на показаніи Яна, сомнительность котораго мы отмѣтили выше. Если бы можно было придавать этому показанію какое-либо значеніе, пришлось бы допустить, что до Вислы гнали Казиміра русско-татарскія войска, что въ душѣ смѣлаго русскаго воеводы проснулись старыя русскія притязанія на Люблинъ. Но этимъ предположеніямъ, какъ основаннымъ на сомнительномъ источникѣ, мы не придаемъ значенія. Вообще нельзя не

¹⁾ Указанная грамота дана во Владиміръ, а по сохранившимся даннымъ Дмитрія слѣдуетъ считать именно въ это время тѣсно связаннымъ со Львовомъ. Какъ этимъ, такъ характеромъ грамоты и вообще вѣроятнымъ отношеніемъ представителей русскаго боярства къ княжескому двору, и слѣдуетъ объяснить отсутствіе въ грамотѣ имени перваго боярина. Русскіе бояре отъ Юрія, очевидно, отшатнулись, что и заставило его окружить себя мазурами (вспомнимъ Стрыйковскаго: *nie długo na Rusi' Mazurówie panowali*, II, 20). Ставить свое имя рядомъ съ ними русскому боярину не подобало. Въ виду этого мы не усматриваемъ въ подписяхъ грамоты 1339 г. ничего „загадочнаго“ (Ломиковъ, Грамоты, 22). Этою грамотою, какъ извѣстно, опредѣляется личность Юрія II, но въ ней находятъ себя документальное подтвержденіе и его образъ дѣятель.

имѣть въ виду, что упоминаніе о татарскомъ вмѣшательствѣ, вызванномъ посягательствомъ Казимира, могло быть запутано въ относящихся сюда показаніяхъ, благодаря недавности татарскаго погрома, въ дѣйствительности котораго, какъ указано выше ¹⁾, трудно сомнѣваться. Въ свою очередь именно эта недавность татарскаго нападенія на Польшу и вѣроятность, что въ предѣлахъ Галичины могли еще оставаться отдѣльные татарскіе отряды, значительно должна была облегчать дѣтву сношенія съ татарами и ускорить ихъ содѣйствіе русскимъ. Когда именно Казимиръ предпринялъ свой несчастный набѣгъ—мы не знаемъ, но знаемъ, что 25-го октября онъ уже былъ въ Краковѣ ²⁾. Къ половинѣ октября предпріятіе, слѣдовательно, должно было уже закончиться. Съ другой стороны, несомнѣнно, что состояніе дорогъ не могло позволить Казимиру начать походъ осенью. Сообщаемая Траскою и Длугошомъ дата втораго похода Казимира—конецъ іюня—можетъ имѣть за собою поэтому нѣкоторую вѣроятность, и кажется, въ такомъ случаѣ, трехъ мѣсяцевъ вовсе не мало для тѣхъ событій, которыя мы изложили выше, особенно при условіи, что съ обѣихъ сторонъ должны были быть приложены всѣ старанія для возможнаго ускоренія развязки.

Приходится отмѣтить еще одно обстоятельство, связанное съ занимающими насъ такъ долго событіями,—тѣмъ болѣе, что упоминаніе о немъ помѣщено въ непосредственно относящемся сюда документѣ. Судя по содержанію папскаго письма 1341 года, Казимиръ не сейчасъ же послалъ папѣ сообщеніе о своемъ предпріятіи: нѣкоторое время прошло въ „прилежномъ“ обсужденіи положенія дѣлъ и въ первыхъ свѣдѣніяхъ плохо, какъ оказалось, рассчитанныхъ попыткахъ его исправленія ³⁾: сила была отражена силой; надо было думать о матеріальныхъ средствахъ, и за ними обратился Казимиръ къ „сосѣднему католическому государю“. Къ какому? — не можетъ быть сомнѣнія. Отвѣтъ дается впервые именно около этого времени рѣшеніемъ вопроса о Казимировомъ наслѣдствѣ. Это весьма печальная исторія: Казимиръ еще во цвѣтѣ лѣтъ, а сосѣди, короли Чешскій и Мадьярскій, уже заключаютъ условія на случай его безпотомственной смерти ⁴⁾.

¹⁾ См. предыдущую главу.

²⁾ Код. Малопольск. Mon. med. aevi III, № 210.

³⁾ Et tandem dictus rex diligenter attendens, quod ad hujusmodi prosequendum negocium catholicorum principum vicinorum necessariam assistenciam, licet ipsam postulaverat, non habebat. *Theiner*, M. P. I. № 566.

⁴⁾ *Каро*, II, 205. Во время вышеградскихъ переговоровъ Казимиру было 28 лѣтъ.

Самъ Казиміръ и подкупленные венгерскимъ золотомъ польскіе вельможи съ энергіей, достойною лучшей участи, поддерживаютъ ихъ планы на радѣ въ Краковѣ въ 1339 году ¹⁾. Особенно заманчивымъ и убѣдительнымъ доводомъ выставлено было расширеніе предѣловъ Польскаго государства, не трудное для могущественнаго сосѣда. Немедленно послѣ Краковской рады Казиміръ отправляется въ Вышеградъ, гдѣ сынъ Карла Людовикъ и былъ провозглашенъ наслѣдникомъ. Теперь, послѣ неудачи 1340 года, дѣло касалось существенныхъ интересовъ Польскаго государства. Кому же было скорѣе откликнуться на призывъ Казиміра, какъ не будущему польскому государю? Ему представлялся прекрасный случай засвидѣтельствовать передъ Казиміромъ и будущими подданными искренность данныхъ годъ назадъ обѣщаній и заранѣе пріобрѣсти ихъ благодарностью и любовью. Надо думать, Казиміръ обратился къ Карлу за помощью съ полною увѣренностью въ томъ, что онъ получитъ ее: онъ, дѣйствительно, имѣлъ право не просить, а требовать, какъ и говорить папское письмо.

Расчетъ, однако, оказался не вѣрнымъ, положеніе трагическимъ. Если расширеніе предѣловъ государства на счетъ Руси представлялось Казиміру единственнымъ выходомъ, то легко представить себѣ, какое впечатлѣніе должна была произвести на него неудача 1340 г. Только теперь Казиміръ убѣдился въ томъ, что для Локетва сразу было совершенно ясно, именно—что сосѣдніе государи, плохіе союзники Польши, что на вполнѣ искреннюю поддержку и содѣйствіе движению на востокъ Польша можетъ рассчитывать лишь со стороны Рима, который долженъ былъ принимать живѣйшее участіе въ дѣлахъ католической Польши, крайняго католическаго государства на европейскомъ востокѣ ²⁾. Въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка туда все болѣе и болѣе обращались виды куріи ³⁾. Къ прежнимъ напоминаніямъ о пограничномъ съ Польшей православномъ востокѣ прибавилось не мало новыхъ. Въ 1327 году, казалось, давнія надежды папъ начали осуществляться, и переходъ Юрія-Волеслава въ католичество вызвалъ въ Римѣ чрезвычайное ликование, неиз-

¹⁾ Явъ, М. Р. Н. II, 636.

²⁾ Tu, pincetъ Казиміру Бенедиктъ XII,—attendens, quod dictum regnum (Польша) est ecclesie romane immediate subiectum et eodem censuale... Quod regnum tuum Polonie est in ultimis christianorum finibus constitutum. *Theiner*, M. II, 1, № 968.

³⁾ *Röpell*, G. P. 563.

реченную радость ¹⁾, а какъ разъ въ 1340 г. открылись Бенедикту такія блестящія надежды, какія давно ужъ не представлялись куріи: съ одной стороны, успѣшна была проповѣдь миноритовъ въ Босніи, съ другой—возвращавшіеся изъ Китая папскіе миссіонеры дали возможность папѣ завязать сношенія съ Усбекомъ. Папа обмѣнялся посольствами съ могущественнымъ ханомъ и былъ имъ весьма обнадѣженъ ²⁾, а по поводу успѣховъ миноритовъ въ Босніи обратился съ посланіемъ ко всему пограничному съ востокомъ католическому духовенству ³⁾. Удивительно ли, что обращеніе Казимира въ 1340 году должно было найти въ Римѣ самый сочувственный отголосокъ ⁴⁾, и мы видѣли, съ какою поспѣшностью поручилъ иана польскимъ епископамъ проповѣдывать крестовый походъ. Мы склонны думать, что это отношеніе куріи къ пограничному съ Польшей схизматическому востоку должно было особенно утверждать Казимира въ надеждахъ на благоприятный для него исходъ задуманныхъ плановъ. Въ какомъ отчаянномъ положеніи долженъ былъ очутиться Казимиръ послѣ неудачи 1340 г.! И ни въ чемъ, быть можетъ, если не считать постыднаго бѣгства съ поля битвы подъ Пловцами, не обнаружилось его малодушіе такъ ярко, какъ въ его загадочно-молительномъ обращеніи къ папѣ, о которомъ упоминаетъ извѣстное намъ писъмо 1341 г. Объяснять его иначе мы не находимъ возможности: положеніе Казимира должно было быть очень тяжело, и только въ такомъ положеніи можно было такъ всецѣло предаться куріи, какъ предался ей съ этого времени Казимиръ. Таково единственное, по нашему мнѣнію, объясненіе содержанія и характера такъ долго занимавшаго насъ документа. Основывать на немъ мнѣніе о какой бы ни было зависимости Руси отъ Польши съ 1340 г. значило бы основываться па буквѣ, не принимая во вниманіе всѣхъ обстоятельствъ какъ сопровождавшихъ, такъ и непосредственно слѣдовавшихъ за фактомъ. Въ смыслѣ установленія отношеній Польши къ куріи указанное писъмо

¹⁾ *Exultatio pregrandis... ineffabilis exultatio cordis. Theiner, M. P. I, № 383, 384.*

²⁾ *Theiner, M. H. I, № 960. Папскія писъма къ Чангбеку и Тайдулѣ ib. № 961, 962.*

³⁾ *Qui in Tartarorum imperiis ac vel in oriente vel Scythia asiatica versabantur. Raynald подъ 1340 г., 74.*

⁴⁾ *Considerantes etiam urgentem et probabilem tue supplicationis instantiam. votis tuis super premissis eo libentius annuendum fore providimus, quod illa apostolici favoris fulcienda et juvanda presidiis magis utile et expeditius existimamus. Theiner. M. H. I, № 958.*

представляется намъ по истинѣ знаменательнымъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ борьбы мы увидимъ, что Римъ является тою силой, которая толкала Казимира на Русь и всѣми средствами старалась его поддержать; Польша усиленно навязывалась религіозная миссія, которою она, благодаря монашескимъ орденамъ доминиканъ и миноритовъ, дѣйствительно мало по малу проникалась и въ концѣ концовъ стала активнымъ передовымъ постомъ католицизма, сознательно и убѣжденно выставляя его пропаганду на своемъ знамени.

И въ этомъ, слѣдовательно, случаѣ зародыши всѣхъ позднѣйшихъ явленій обнаруживаются въ первомъ движеніи Польши на Русь. Замѣчательно, что столь тѣсный союзъ съ куріей былъ заключенъ при королѣ, въ которомъ даже благоговѣющіе передъ его памятью историки не могутъ не указать „очевидной болѣзни въ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ“¹⁾.

Такъ представляется намъ событіе 1340 г. во всемъ его фактическомъ объемѣ. Ничтожно было оно по своимъ непосредственнымъ, немедленнымъ, дѣйствительнымъ результатамъ, а потому и было оставлено современниками безъ всякаго вниманія, но тѣмъ не менѣе, какъ сказано, оно является тѣмъ узломъ, который потомъ распутывается на протяженіи вѣковъ, представляя яркій образецъ тѣхъ, по видимому, непонятныхъ историческихъ явленій, какихъ можно найдти не мало во взаимныхъ отношеніяхъ Руси и Польши. Неудачная попытка, не только не увѣнчавшаяся успѣхомъ, но причинившая Казимиру не мало стыда, превращается въ торжество; нарушение чужаго права является надолго основаніемъ правъ и притязаній. Въ общемъ явленіе это, какъ сказано, объяснено давно и вполне вѣрно: „что сдѣлали изъ ничтожныхъ обстоятельствъ патриотизмъ и фантазія, читай у польскихъ историковъ“; такъ говорятъ Каро. Въ общей исторіи Польши онъ могъ обойти вопросъ о литературной обработкѣ сообщенія, такъ долго пользовавшагося полнымъ довѣріемъ. Мы не можемъ обойти этого вопроса.

Мы уже указывали, что русскіе памятники молчатъ о событіи 1340 года. За то широко распространяются о немъ писатели польскіе. Причина очень проста: польскіе источники, подобно литовскимъ, составились во время горячей борьбы между Польшей и Литвою за русскіе области, отсюда у поляковъ чрезмѣрное расширеніе завоеваній Казимира, у литовцевъ—Гедимина.

¹⁾ Шуйскій, Opowiad., 31.

Подробныя сообщенія Длугоша и его послѣдователей—Мѣховиты, Кромера, Стрыйконскаго, вслѣдствіе слишкомъ очевидной фантастичности, утратили въ настоящее время значительную долю своего прежняго значенія. Не на нихъ ссылаются лучшіе польскіе изслѣдователи, по крайней мѣрѣ, не ихъ выставляютъ на первый планъ. Упорно настаивая на занятіи Казиміромъ Руси въ 1340 году, они указываютъ на современниковъ событія Яна, Траску и иностранцевъ Анонима Леобенскаго и Витодурана ¹⁾. О послѣднихъ мы говорили и не считаемъ нужнымъ еще разъ на нихъ останавливаться. Остаются такіи образомъ Янъ и Траска.

Нѣсколько словъ, посвященныхъ хроникѣ Яна, Каро заканчиваетъ такъ: „естъ много списковъ его произведеній и лишь два плохихъ изданія—Соммерсберга и Мицлера“ ²⁾. Думается, что и съ выходомъ въ свѣтъ втораго тома „Monumenta Poloniae Historica“ упрекъ Каро не потерялъ значенія: текстъ хроники превосходнаго польскаго хрониста, по крайней мѣрѣ, въ трехъ первыхъ главахъ, въ данномъ случаѣ для насъ особенно важныхъ—а именно онѣ и возбуждаютъ сомнѣнія—остается безъ критической разработки и пониманія. И не удивительно: рѣшить болѣе или менѣе удовлетворительно вопросъ объ этихъ главахъ можетъ лишь критика ихъ содержанія, для чего, разумѣется, потребно предварительное обслѣдованіе событій, составляющихъ содержаніе этихъ главъ. Конечно, не вина издателей, что такого обслѣдованія нѣтъ, но давность сомнѣній относительно указанныхъ главъ должна была, при новомъ изданіи, обратить на нихъ особенное вниманіе.

Сдѣланное нами сопоставленіе второй главы хроники Яна съ документомъ папской канцеляріи, въ связи съ обстоятельствомъ, что первыя три главы во многихъ спискахъ помѣщены отдѣльно отъ хроники, или, какъ выражается И. Шляхтовскій, — „заблудились среди рочниковъ“ показываетъ, что сомнѣнія относительно ихъ не безосновательны, и все-таки всѣ три главы включены въ текстъ въ полномъ видѣ, какъ бы сохраняя такимъ образомъ свое значеніе. Можно указать и болѣе грубыя небрежности; такъ, на примѣръ, издатель хроники Яна въ „Monumenta“, И. Шляхтовскій ссылается на стилистическую связь второй главы съ предыдущею, но слова — *igitur* не рѣшается включить въ текстъ, и основательно, ибо изъ девяти спис-

¹⁾ См. у К. *Стадницкаго*, *Synowie*, II, пр. 27.

²⁾ G. P., II, 578.

ковъ оно находится только въ двухъ. Зачѣмъ же было указывать на стилистическую связь?

Указанныя главы затрудняютъ рѣшительно каждого изслѣдователя и каждый толкуеть ихъ по своему. Приведемъ главнѣйшія мнѣнія.

К. Стадницікій считаетъ отрывокъ третьей главы отрывкомъ древняго лѣтописца, не принадлежащимъ Яну и неловко вклееннымъ въ текстъ его хроники ¹⁾. Авторомъ его Стадницікій считаетъ или мазура, недовольнаго тѣмъ, что Русь не осталась за Мазовскими князьями, или великополянина, которому событія не были извѣстны ²⁾. Ржежабекъ, дополняя мнѣніе Бѣлевскаго объ ошибкѣ переписчика во второй главѣ указаніемъ на невозможность замѣни имени Болеслава именемъ Казимира, вслѣдствіе совершенно различной формы ихъ написанія, приписываетъ ошибку самому Яну, которому „измѣнила память“. Дальнѣйшее вѣрное именованіе князя въ третьей главѣ Ржежабекъ считаетъ вставкою какого-нибудь мазовскаго переписчика, основываясь на томъ, что въ двухъ лучшихъ спискахъ имени Болеслава на этомъ мѣстѣ нѣтъ ³⁾. Зубрицікій толкуеть отрывокъ второй главы такимъ образомъ, что имя Казимира послалъ мнимый Юрій Андреевичъ ⁴⁾. Наконецъ, г. Лонгиновъ предлагаетъ „среднюю“ редакцію, по которой выходитъ, что имя Казимира носилъ Андрей Юрьевичъ ⁵⁾. Однимъ словомъ, указанныя три главы породили множество болѣе или менѣе остроумныхъ, но въ концѣ концовъ произвольныхъ толкованій, нисколько не содѣйствующихъ выясненію дѣла.

Уже это обстоятельство указываетъ на внутреннюю несостоятельность источника; подлинныя первоисточники не запутываютъ, а разъясняютъ; взаимное ихъ сличеніе можетъ открывать новыя подробности событія, разъяснять его объемъ, характеръ, но не можетъ приводить къ непримиримымъ противорѣчіямъ, какія мы однако видѣли въ сдѣланномъ нами сопоставленіи второй главы хроники съ папскимъ письмомъ. Съ другой стороны, современность Яна событіямъ, его высокое положеніе при дворѣ Казимира рѣшительно исключаютъ мысль о возможности совершенно невѣрнаго представленія событій, при

¹⁾ Synowie, II, 7, пр. 20.

²⁾ Ib. 230.

³⁾ *Sazop.*, 135, прим. 32.

⁴⁾ Повесть, 103; Анон. Гнези. 36. Само собою разумѣется, это толкованіе не имѣетъ теперь рѣшительно никакого значенія.

⁵⁾ Грамоты Юрія II, 12.

общей правдивости изложенія ¹⁾). Въ виду этого смѣло можно считать показанія Яна искаженными тамъ, гдѣ они рѣзко расходятся съ фактами, извѣстными намъ документально, или гдѣ они слишкомъ рѣзко нарушаютъ приблизительно вѣроятный — опять-таки на основаніи данныхъ совершенно несомнѣнныхъ — ходъ событій. Если даже принять мнѣніе Шляхтовскаго, что занимающія насъ главы дописаны были Яномъ потомъ за одинъ разъ ²⁾, то во всякомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы, вслѣдствіе того, въ нихъ оказались такія вопіющія неавѣрности, какъ напримѣръ, измѣненіе имени Русскаго князя, столь интересовавшаго польскій дворъ, или изложеніе событій, совершенно расходящееся съ реляціей, официально утвержденной при томъ же дворѣ. Предполагать, какъ Ржежабекъ, что въ имени послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя, Яну измѣнила память, когда онъ вѣрно называетъ его въ слѣдующей главѣ, есть крайній произволъ, совершенно непонятный у такого основательнаго и осторожнаго изслѣдователя.

Далѣе, совпаденіе титула русскаго воеводы въ папскомъ письмѣ 1341 г. и въ грамотѣ Дмитрія торнскимъ купцамъ даетъ полное основаніе видѣть въ обоихъ случаяхъ одно и то же лицо. Во второй главѣ Яна названъ Дѣтко, ему приписывается инициатива противодѣйствія Казимиру, по опъ здѣсь впервыхъ — *quidam*, ввторыхъ — перемышльскій. Обстоятельство весьма существенное: Перемышль, хотя и ближайшій къ Польшѣ, былъ по присоединенію къ ней Галичины центромъ русской оппозиціи, какимъ не могъ быть Львовъ, благодаря преобладанію въ немъ нвоземпаго элемента. Внесеніе Перемышля было такимъ образомъ совершенно естественно для позднѣйшаго переписчика или передѣлывателя, при твердомъ убѣжденіи въ вѣрности Польшѣ наполненнаго пѣмцами и другими торговыми иностранцами Львова; но не возможно допустить, чтобы такое искаженіе могло быть сдѣлано самимъ Яномъ. Можно указать и другія замѣтныя сомнительности. Стилистически вторая глава не связана съ предшествующею ³⁾, по содержанію она противорѣчитъ третьей; въ

¹⁾ Въ хроникѣ есть неавѣрности, см. *Шуйскій*, *Orowind*, 117; но онѣ объясняются положеніемъ Яна по смерти Казимира и личными его отношеніями къ тогдашнимъ правителямъ, что въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть никакого приложенія.

²⁾ М. Р. Н. II, 614.

³⁾ *Igitur* лишь въ двухъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ худшій.

ней есть отрывокъ ¹⁾, въ виду общаго обзора правленія Казимира въ третьей главѣ, совершенно лишній; есть длинныя, риторическія перефразировки того, что въ третьей главѣ разказывается гораздо болѣе сжато и просто ²⁾; все это даетъ основаніе считать часть второй главы, касающуюся событій на Руси позднѣйшею переработкой, но именно переработкой, а не вставкой, ибо указаніе въ ней на одинъ лишь походъ Казимира на Русь, а не два, какъ обыкновенно, а равно и разказъ о борьбѣ на Вислѣ, а не въ прострѣствѣ, какъ у Траски, заставляеть думать, что первоначальное, быть можетъ, вѣрное изложеніе Яна, слишкомъ расходясь съ общепутвердившимся въ XV вѣкѣ взглядомъ, подверглось передѣлкѣ, совершенно исказившей первоначальный текстъ. Что касается третьей главы, то хотя она и по хронологіи, и по содержанію совершенно гармонируетъ съ четвертой, несомнѣнно принадлежащею Яну, все-таки и въ ней нельзя не усмотрѣть внутренней несостоятельности, напримѣръ, въ указаніи результата похода 1349, а слѣдовательно, и искаженія, но оно во всякомъ случаѣ, не столь рѣзко.

Цейсбертъ не пытался распутать узла; онъ разрубилъ его, считая первыя три главы не принадлежащими Яну ³⁾. Врядъ ли съ нимъ можно согласиться. *igitur*, съ котораго начинается четвертая глава, непременно предполагаетъ предшествующее; на такомъ же основаніи можно думать, что и начало третьей главы, по видимому, въ меньшей степени искаженной—*regio itaque diademate insignitus*—предполагаетъ предшествующее упоминаніе о коронаціи, дѣйствительно находящееся въ началѣ второй главы; въ свою очередь, и первая нужна, ибо въ третьей говорится: *praefata domina Anna*, что при указанномъ условіи составленія заразъ, могло быть, хотя ссылки и не въ обычай Яна. Вотъ соображенія, представившіяся намъ, при внимательномъ разсмотрѣніи первыхъ главъ его хроники. Онѣ никоимъ

¹⁾ *Hic post coronationem suam in omnibus fuit felicissimus, praecipue quoad augendum et dilatationem regni Poloniae.*

²⁾ Такъ во 2-й главѣ: *nam terram Cujaviae, quam barbati nigram crucem in albo pallio deferentes hospitalarii S. Mariae Ierosolimitanae pro domo theutonica, tempore incliti principis Wladislai olim regis Poloniae patris sui occupaverunt, sine bello et gladio ab eisdem recuperavit.* Тоже въ 3-й главѣ: *regnum suum viriliter defendebat, cruciferi namque considerata ipsius potentia et industria terras Cujaviae et Döbriniae, quas temporo patris sui occupaverunt, sibi restituerunt pacem perpetuam cum ipso firmantes.* Нужно очень немного вниманія, чтобы видѣть взаимное отношеніе приведенныхъ отрывковъ.

³⁾ *H. Zeissberg. Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, Leipsic. 1873, стр. 160, пр. 2.*

образомъ не могутъ считаться подлинными, а слѣдовательно, не могутъ имѣть значенія вполне достовѣрнаго источника. Передѣлка объясняется тѣмъ, что истина, быть можетъ, первоначально въ нихъ заключающаяся, слишкомъ рѣзко расходилась съ пужбою для XV вѣка и съ того времени общеутвердившеюся ложью. Надо имѣть въ виду, что рѣшительно всѣ рукописи хроники Яна принадлежатъ XV вѣку ¹⁾. Ненскусность передѣлки обличаетъ лишь первоначальный остовъ, но дѣлаетъ совершенно невозможнымъ восстановление первоначальнаго текста.

Мы старались представить событіе 1340 года не только само по себѣ, но и въ его историческомъ и литературномъ развитіи. Невольпо упоминается сказка о томъ, какъ една замѣтная кочка, когда на нее наступили, выросла въ высокую гору. Не обратившій своевременно вниманія фактъ получаетъ какое-то особенное, фальшивое освѣщеніе въ реляціи, посланной Казиміромъ въ Римъ. Но на то она и реляція.

Быть можетъ, истинный или, по крайней мѣрѣ, близкій къ истинѣ разказъ современника Яна отодвигается на задній планъ, отпадаетъ даже отъ его хроники, блуждаетъ по рочникамъ и, лишенный авторитета имени его составителя, передѣлывается и искажается безъ всякихъ стѣсненій, пока наконецъ у Длугоша не получаетъ опредѣленности, полноты, законченности. „Запятіе Казиміромъ Червоной Руси Длугошъ“, по словамъ Семковича, „разказываетъ на основаніи Траски, дополняя Яномъ“ ²⁾. Съ совершенно одинаковымъ основаніемъ можно бы сказать и на оборотъ: такова уже всегдашняя зависимость Длугоша отъ источниковъ. Можно даже думать, что скорѣе вторая глава Яна, чѣмъ сообщеніе Траски, послужила первоначальною канвою, на которой рисовали узоры патриотизмъ и фантазія.

Даже въ пылѣпшемъ, несомнѣнно искаженномъ видѣ, она все-таки представляетъ особенности, не вполне затертыя позднѣйшими искаженіями: въ ней упоминается объ одномъ лишь походѣ, и въ описаніи его начала мелькаетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое сходство съ реляціей Казиміра, затѣмъ борьба съ татарами происходитъ на Вислѣ.

Совсѣмъ не то у Траски ³⁾. Въ его вариантѣ, ничѣмъ существеннымъ не отличающемся отъ сообщенія лѣтописца Малопольскаго ⁴⁾, все обще: мѣсто дѣйствія—Russia, названія городовъ замѣняются об-

¹⁾ М. Р. Н., II, предисловіе къ хроникѣ.

²⁾ Семковичъ, *Krytuksny rozbiór*, 358.

³⁾ М. Р. Н., II, 860.

⁴⁾ Ib. III. 200.

щемъ—castella et municiones, и побѣда—опять-таки безъ означенія мѣста—надъ 40 тысячами татаръ и такимъ же числомъ (даже больше) русскихъ! Списокъ этотъ находился въ рукахъ Длугоша и носить на себѣ многочисленныя слѣды его помѣтъ¹⁾. По характеру извѣстій онъ обнаруживаетъ явное вліяніе народныхъ сказаній, всего вѣроятнѣе мазурскихъ, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сохраняетъ значеніе источника несомнѣнной подлинности!...²⁾

Быть можетъ, явно эпическій характеръ Длугошева разказа былъ бы легче и скорѣе замѣченъ, еслибы его не испортилъ трудолюбивый описатель короннаго архива, ограничивъ первый походъ Казимира завоеваніемъ Львова, и прибавивъ въ заключеніи упоминаніе о какомъ-то договорѣ Казимира съ Литовскими князьями Лвпупомъ, Кейстутомъ и Любартомъ, впоследствии подтвержденномъ Ольгердомъ³⁾. Благодаря этому, плѣнительная для чувства эпопея получила видъ документальности.

Послѣдующіе повторыли то Длугоша, то Кромера, то того и другаго вѣстѣ⁴⁾. Не ихъ вина. То было время, когда факты получали тѣмъ большую достовѣрность, чѣмъ меньше были сообразны съ дѣйствительностью. Чего только не видалъ, напримѣръ, Стрыйковскій и притомъ „собственными“ глазами! Отношеніе польской исторической науки, въ иныхъ случаяхъ столь требовательной и трезвой къ 1340 году, показываетъ, что и теперь еще, при всей строгости приемовъ исторической критики, при полномъ отсутствіи наивной вѣры прежнихъ временъ, „возвышающій обманъ“ не потерялъ значенія. Но историческій субъективизмъ имѣеть, долженъ имѣть границы. Онѣ даются документами: грамотою Казимира въ Краковѣ 25-го октября 1340 года, грамотою Димитрія торнскимъ купцамъ и грамотою Людовика къ тому же Димитрію. Чѣмъ же окажется грандіозное, по видимому, предпріятіе, поставленное въ эти рамки? Только жалкою поштыкой—не больше!

И. Филевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ib. II, 826.

²⁾ Мы совсѣмъ не понимаемъ, на какомъ основаніи занимающая насъ лѣтопись называется именемъ Траски; вѣдь фраза: *Thrasca etiam fuit ibidem*, то-есть, въ походѣ 1340 г., представляетъ для этого единственное основаніе. Нельзя также упускать изъ виду противорѣчіе въ показаніяхъ Блассеваго о времени составленія кодекса Замоискихъ, въ которомъ наша лѣтопись занимаетъ стр. 74—89. Въ одномъ мѣстѣ Блассекій относитъ его приблизительно къ 1341 г. (II, 826), а въ другомъ—къ *второй половинѣ* XIV в. (I, 387).

³⁾ Кромеръ. *Polonia*, Кельнск. изд. 1589 г., XII, 207.

⁴⁾ Напримѣръ, Стрыйковскій, II, 20.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVII.

1890.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
О. И. Успенскій. Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра	1
Н. М. Благовѣщенскій. Десятая сатира Ювенала	35
В. М. Шимковичъ. Задачи современной зоологіи	72
И. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наслѣдіе (<i>продолженіе</i>).	95

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. А. Сырку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Sarajevu. 1889	136
И. В. Помяловскій. Cours d'épigraphie latine. Par René Cogna. Paris. 1889.	156
И. А. Козеко. А. А. Титовъ. Лѣтопись Двинская. Москва. 1889.	167
А. Д. Кариѣвчъ. Новѣйшія исследования о Физиологъ.	172
И. М. М. Дѣятельность земства по устройству ссудо-сберегательныхъ товариществъ. И. А. Соколовскаго. С.-Пб. 1890	208
В. И. Модестовъ. Отвѣтъ на рецензію г. Зѣлинскаго	212
— Книжныя новости.	230
Т. И. Филипповъ. О началахъ русскаго воспитанія	1
Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ).	12

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтіе Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей	1
— Наши учебныя заведенія: Университетъ св. Владиміра въ 1888 году.	5
И. И. В. О черногорскомъ гражданскомъ уложеніи, его направленіи и методѣ его соотояніи	13
Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа	37

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Mueller. De Accii fabulis	1
--	---

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 3-го января).

ВОРЬВА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО- ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾).

Очеркъ военныхъ дѣйствій 1340—1387 гг.

1341—1345—1349 гг.

Мы видѣли, что до 1344 г. Галицкая Русь оставалась подъ управленіемъ Дѣтка совершенно независимой отъ Казимира. Подъ 1347 г. находимъ обращеніе императора Іоанна Кантакузина къ Любарту по дѣлу о подчиненіи галицкаго епископа Кіевской митрополіи ²⁾, слѣдовательно, дѣло о Галицкой епархіи касалось Любарта, а не кого-либо другаго. Что это дѣйствительно такъ, то-есть, что обращеніе императора имѣетъ смыслъ не извѣщенія о церковныхъ отношеніяхъ владимірскаго епископа, епархіа котораго могла входить въ предѣлы Галицкой митрополіи, видно изъ того, что императоръ поручаетъ Любарту озаботиться присылкой въ Царьградъ вызвавшаго церковную смуту галицкаго архіерея. Конечно, въ такомъ случаѣ Любартъ долженъ былъ имѣть дѣйствительную власть въ Галичѣ, быть не только владимірскимъ, какъ титуруетъ его императоръ, но и галицкимъ княземъ. Кто же владѣлъ Галичипой съ 1344 по 1347 г., какова была роль Дѣтка до 1344 г.? Неужели край, которому судьба судила быть яблокомъ раздора между сосѣдями, былъ ими временно оставленъ безъ всякаго вниманія, предоставленъ въ безконтрольное владѣніе боярина, хотя бы и виднаго; неужели Дѣтко былъ второй Володиславъ и счастливѣе перваго,

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1889 г.

²⁾ *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, ed. Miklosich, Vindobonae 1860, I, 265 № 119, в Р. И. В. VI, прил. № 6.

удерживая власть въ своихъ рукахъ въ теченіе четырехъ, а быть можетъ, и цѣлыхъ семи лѣтъ? Объ отплатѣ Дмитрію и дѣтямъ или родственникамъ его „книженія дѣля“ ничего не знаемъ, а врядъ ли можно допустить, что тотъ, кто имѣлъ право считать себя законнымъ властителемъ Галичины — ибо власть Дѣтка во всякомъ случаѣ была бы сочтена за узурпацію — оставилъ бы боярскую державность безъ всякаго наказанія. По крайней мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, еслибы это былъ Казиміръ, онъ бы напомнилъ Дмитрію „diabolicam suggestionem“, а если не Янъ, то Длугошъ, въ назиданіе потомству, описалъ бы подробно учиненную надъ русскимъ бояриномъ расправу. Но ничего о судьбѣ „провизора или капитана русскаго“ не сообщаютъ намъ польскіе памятники. — Отчего, однако, Дмитрій, къ которому обращаются сосѣдніе государи, очевидно фактически, по крайней мѣрѣ, признавая его власть, титулуется себя лишь „provisor seu capitaneus“, блюститель или воевода? Скропость мало подходитъ къ узурпаторамъ, да еще столь бурнаго времени, очень мало гармонируетъ она и съ извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ характеромъ галицкаго боярства. — Дмитрій, очевидно, не считалъ себя правителемъ самостоятельнымъ, онъ „блюде“ галицкое достояніе для кого-то другаго, онъ былъ чей-то намѣстникъ, чей-то воевода. Чей же? ¹⁾

Повторяемъ, борьба Любарта съ Казиміромъ была бы лишена всякаго смысла, еслибы Любартъ не защищалъ свое право и свое владѣніе. Приведенныя выше показанія ²⁾, будучи единственно удовлетворительнымъ объясненіемъ этой упорной борьбы, по своей категоричности именно тамъ, гдѣ ея всего менѣе можно бы ожидать, не могутъ быть не признаны несомнѣнными. Имъ противорѣчатъ лишь тенденція, а боятся поставить ихъ на надлежащее мѣсто лишь ничѣмъ необъяснимая церѣшительность откинуть вѣковую традицію. — „Маловажное на видъ обстоятельство“, какъ говоритъ Шараневичъ, — союзъ Дмитрія Дѣтка съ Данииломъ Острожскимъ, представляющее галицкаго историка не отвергать безусловно показаній

¹⁾ Пасъ не должно удивлять, что въ приведенной нами грамотѣ торнскихъ купцамъ Дѣтко называетъ прежнихъ князей своими предшественниками. Совершенно также выражается Сытко Мельштынекій въ документѣ замѣни монастыря Саванскаго за село Ярыловцы: *cum munimentis et privilegiis ducum Russiae praedecessorum nostrorum*. Шараневичъ, *Rus wewnątrznych stosunków Galicyi wschodniej w XV w.*, Львовъ, 1869, стр. 57, пр. 84.

²⁾ См. гл. 1-я.

польскихъ анналистовъ о широкихъ размѣрахъ Казимірова набѣга 1340 г. ¹⁾), является весьма существеннымъ подтвержденіемъ единства и солидарности Галицкой и Владимірской земель, составлявшихъ одно цѣлое и въ описываемое время, и по всей вѣроятности, основнымъ камнемъ значенія Острожскихъ, утвержденнаго грамотою Ягайла, гдѣ упоминаются „старыя службы“ Острожскихъ Любарту, послужила именно эта защита его правъ на Львовскую землю, зависимость которой отъ Любарта Гедиминовича, по смерти Юрія-Болеслава, въ виду всего сказаннаго, не можетъ подлежать сомнѣнію ²⁾).

Почему ничего не слышимъ за это время о Любартѣ, достаточно объясняютъ событія литовскія. „Врачныя связи дѣтей Гедимина ввели литовскій княжескій родъ въ семейный кругъ владѣтельныхъ династій въ двухъ сосѣднихъ съ Литвою государствахъ, упрочили союзы съ этими государствами и намѣтили политическія цѣли, къ

¹⁾ *Шараневичъ*, Исторія, 158. *К. Горжицкий*, Роѣзценіе, 26 полагаетъ „несомнѣннымъ“, что союзникъ Дмитрія не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ ему Даниломъ Острожскимъ: *do dziś dnia, говорить Горжицкий, istnieje w Galicyi wieś Ostrow, może być że tam wznosił się ongiś grod naszego Daniela*“. Резонъ убѣдительный! Какой же смыслъ имѣютъ въ такомъ случаѣ грамоты Острожскимъ, въ которыхъ упоминаются „старыя службы“ Любарту. Архивъ Сангушковъ. Львовъ, 1887, I, № 5.

²⁾ Не придаемъ значенія надписи на колоколѣ львовской церкви св. Георгія относящейся къ 1341 г. и называющей княземъ Дмитрія: „въ лѣто 6849 сольянь бы колоколъ сія стму Юрью при князи Дмитріи игуменомъ евѣнсьемъ“, *Зубрицкий*, Повѣсть, 78 пр. 44. Догадки Андрияшева и Вагилевича кажутся намъ неосновательными: упомянутый князь Дмитрій не могъ быть Дятко, какъ думаетъ *Андрияшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 210, пр. 3, ибо въ одно-временной грамотѣ торвскимъ купцамъ онъ не называетъ себя княземъ; не могъ быть и потомкомъ Льва Даниловича, какъ полагаетъ *Ванисевичъ*, А. Гр. и 3, III, 59, ибо генеалогія Даниловичей намъ известна, а Уневскій синодикъ (у *К. Стадницкаго*, *Synowio*, II, 260) съ совершенно одинаковымъ основаніемъ можно читать и по столбцамъ, и въ строку поди рядъ, да и побѣще опираться на синодикъ мудро. Не знаемъ, на какомъ основаніи Вагилевичъ называетъ колоколъ теребовльскимъ. Колокола, конечно, могли перевозиться, но Зубрицкий, разказывающій о немъ весьма подробно, именно этой подробности не сообщаетъ. Отъ очевидно неосновательнаго объясненія надписи въ „Повѣсти“ Зубрицкий самъ отказался потомъ, *Анон. Гнезн.*, 84. Безъ сомнѣнія, упоминаемый въ надписи князь былъ Любартъ, называющій себя Дмитріемъ въ договорѣ съ Казиміромъ 1366 г.: „се язъ князь великій Дмитрій“, Архивъ Сангушковъ, I, № 1, и въ грамотѣ львовянамъ 1379 г.: „Wir groveger Furste Demetur“, А. Гр. и 3, III, № 30. Дмитріемъ же называетъ его и императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ указанномъ выше посланіи.

которымъ должно было стремиться великое княжество Литовское¹⁾. Мы видѣли, что предпоследній Цясть шелъ самъ на встрѣчу этимъ стремленіямъ Литвы, и еслибы обстоятельства развивались дальше въ своемъ естественномъ направленіи, рѣшительно нельзя было бы ожидать какихъ-либо осложнений на польско-русской границѣ по смерти Юрія II. Но радуется діаволъ кровопролитью, „подвизая свары и зависть, братоненавидѣнье“, и тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ мы указать этотъ взглядъ древняго лѣтописца на усобную рать, что такъ именно смотрѣлъ на нее и Димитрій Дѣтко.

Въ 1341 году при осадѣ одной изъ крѣпостей погибъ Гедиминъ. Для Литвы наступило время испытанія прочности тѣхъ основъ ея государственнаго устройства, какія были заложены Гедиминомъ. „По мѣрѣ увеличеніи своихъ владѣній Гедиминъ раздавалъ въ управленіе членамъ своего семейства отдѣльныя области, входившія въ составъ Литовскаго государства, признавая за ними права удѣльныхъ князей, зависимыхъ отъ главы рода“²⁾.

Не смотря на опасное положеніе и юность государства, внезапная смерть Гедимина не вызвала въ немъ никакихъ внутреннихъ потрясеній: лѣтописцы ничего особеннаго по смерти Гедимина не отмѣтили. Изъ такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей выносятся впечатлѣніе, какъ будто Гедиминъ умеръ спокойно „у великой старости своей“, окруженный оплакивающими его сыновьями, между которыми онъ раздѣлялъ свои владѣнія³⁾. Дѣйствительно досадно, что средне-вѣковые лѣтописцы лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обнаруживали собственный взглядъ на внутреннюю жизнь народовъ и государствъ. Только виѣшніе факты казались имъ заслуживающими вниманія, и благодаря этому, мы осуждены оставаться въ мучительной неувѣренности на счетъ состоянія умовъ общества послѣ неожиданной смерти основателя Литовскаго государства. Наружное спокойствіе въ Литвѣ приходится признать по неволѣ, и въ немъ нельзя не видѣть самаго краснорѣчиваго признанія величія духа и ума Гедимина, какъ будто продолжавшаго царить надъ своею державой и по смерти, обеспечивая ей внутренній миръ, при наличности всѣхъ обстоятельствъ, способныхъ его нарушить. Но объясняя себѣ такимъ образомъ внутреннее состояніе Литвы въ періодъ времени отъ смерти Гедимина до

¹⁾ Антоновичъ, очеркъ, 76.

²⁾ Ibid и пр. 1.

³⁾ Лѣтописи: Даниловича, 27, Попова, 27, Выховца, 17.

1345 года, мы, конечно, должны дѣлать надъ собою усиліе, подавляя естественно возникающіе въ нашемъ умѣ вопросы. Во всякомъ случаѣ нельзя не задуматься надъ положеніемъ Любарта. „Писатели польскіе“, говоритъ К. Стадницкій ¹⁾, — „начиная съ Длугона и кончая Нарушевичемъ, какъ будто состязались въ томъ, кто успѣшнѣе запутаеъ скудными свѣдѣніи о немъ въ документахъ“, и благодаря этому, личность Любарта до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ историческою загадкой. Мы не имѣемъ намѣренія распутывать ее, отмѣчаемъ лишь факты, которые, надо замѣтить, врядъ ли могутъ быть разъяснены до такой степени, чтобы всякія сомнѣнія падали сами собою. Но если кое-что слѣдуетъ класть на рутину, на общій естественный ходъ,—а въ развитіи историческихъ событій врядъ ли можно отвергать ихъ значеніе—то въ положеніи Любарта, въ его неприсутствіи на занимающей насъ галицкой сценѣ мы должны усматривать наиболѣе яркое доказательство крѣпости общественнаго сознанія на счетъ неизбѣжности и естественной неотвратимости перехода всѣхъ западно-русскихъ земель подъ власть Гедиминовичей. Если, какъ указано выше, въ 1331 году былъ рѣшенъ вопросъ о галицко-владимірскомъ наслѣдїи, при чемъ Любартъ, по наиболѣе правдоподобному предположенію Ржежабка ²⁾, не получилъ никакого удѣла, то показаніе литовскихъ лѣтописей о припятїи Любарта „во Владиміръ и въ Луцкъ и во всю землю волинскую“ (ограничиться названіемъ столицъ одной Волыни лѣтописцу показалось недостаточнымъ) можетъ быть понимаемо только въ такомъ смыслѣ, что Любартъ былъ признанъ наслѣдникомъ всѣхъ владѣній тогдашняго волинскаго князя, и въ такомъ случаѣ девятилѣтнаго промежутка, въ связи съ предшествовавшимъ ходомъ исторїи и тѣмъ поворотомъ, о которомъ думалъ было оказавшійся неспособнымъ стать русскимъ польскій ренегатъ, Юрій-Болеславъ, поворотомъ, долженствовавшимъ особенно уяснить галичанамъ ихъ отношеніе къ католической Польшѣ, было, думается, совершенно достаточно для того, чтобы въ умѣ Любарта не могло возникнуть даже тѣни сомнѣнія на счетъ отношеній къ нему части западно-русскаго міра, не бывшей подъ его властью до гибели Юрія-Болеслава. Мы видѣли, что событія 1340 года вполне оправдали увѣренность волинскаго Гедиминовича, который все время до 1345 года могъ имѣть гораздо больше основаній желать выясне-

¹⁾ Synowie, II, 154 пр. 227.

²⁾ Слвоор., 211, пр. 81.

нія своихъ отношеній къ остальнымъ частямъ Гедиминова наслѣдія, и ихъ правителямъ, особенно, если принять во вниманіе его раннее удаленіе на югъ. Галичину берегли для Любарта представители страны, твердо убѣжденные, что въ этомъ именно заключаются истинные интересы ихъ родины. Поддерживали ихъ, какъ мы видѣли, и волинцы, а Любартъ смотрѣлъ на это и награждалъ, какъ за службу. Однимъ словомъ, мы считаемъ совершенно достаточнымъ отмѣтить, что въ первый и послѣдній годъ занимающаго насъ патрлѣтія: въ смерти Гедимина и въ окончательномъ уступленіи въ Литовскомъ государствѣ поваго порядка—мы усматриваемъ причины, вполне объясняющія отсутствіе Любарта на галицкой сценѣ.

Надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что успѣшное отраженіе попытки Казимира въ 1340 году могло еще усилить увѣренность Любарта въ твердости его положенія въ Галичинѣ.

Вотъ почему въ поведеніи Любарта мы не видимъ ничего страннаго: онъ не зналъ, не могъ знать Казимира, не могъ знать и о тѣхъ планахъ, какихъ положилъ себѣ достигнуть Римъ черезъ польскаго короля. А между тѣмъ роль курін въ занимающей насъ борьбѣ приобретаетъ все большее и большее значеніе. Съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ смотрѣть съ этого времени на Римъ, какъ на одну изъ воюющихъ сторонъ. Въ декабрѣ 1343 года Климентъ VI отдастъ Казимиру десятую часть всѣхъ церковныхъ доходовъ „на усмиреніе татаръ, русскихъ и литовцевъ“ ¹⁾, а вслѣдъ за тѣмъ десятина доходовъ епархій: Гвѣзненской, Краковской, Познанской, Куявской, Плоцкой, Любушской и Каминской, то-есть, со всей Польши, даже со включеніемъ областей, давно отторгнутыхъ отъ Польскаго государства, уступается Казимиру на два года. Призываются къ участію и рыцари, и ни для кого изъ духовныхъ лицъ не дѣлается ни малѣйшаго исключенія. Все это предписывается въ виду усиленныхъ просьбъ не одного лишь Казимира, но и представленій другихъ достойныхъ вѣры лицъ ²⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P. I, № 604.

²⁾ *Ib.* № 605: cum itaque sicut ad notitiam nostram tua et aliorum fide dignorum relatione pervenit et facti etiam evidentia manifestat, prefati pagani et infideles videlicet Tartari, Rutheni et Litvani hostes fidei christiane regnum tuum et subditos . . . aggrediantur multipliciter et frequenter impugnent ac . . . multa dampna . . . intulerunt hactenus et inferre conentur, et tum ob hoc, tum pro honore S-te Romane ecclesie in ipsis partibus defendendo multa subieris et subire te oporteat onera expensarum, ad que suportanda nequis sufficere per te ipsum . . . а потому обращаеш.ся къ намъ съ просьбой объ уступкѣ церковныхъ доходовъ, и мы, видя, quod fidei

Кого же? Думаемъ, отвѣтъ дается многократнымъ упоминаніемъ въ документѣ объ интересахъ римской церкви. Обращаемъ на это особенное вниманіе. Именно здѣсь и видны тѣ скрытыя пружины, которыя обнаружили рѣшительное вліяніе на ходъ дѣйствій, сообщивъ ему столь замѣтный культурно-религіозный характеръ. Постараемся представить себѣ положеніе Галичины въ послѣдніе годы правленія Юрія-Болеслава. Тринадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ обращеніе его въ католицизмъ открыло куріи радостныя надежды на расширеніе предѣловъ ея власти на томъ востокѣ, который именно въ это время получалъ для Рима особенное значеніе. Извѣстный намъ характеръ Юрія-Болеслава могъ еще болѣе усилить эти надежды, и если въ послѣдніе годы его правленія замѣчается появленіе проводниковъ тевтонизма ¹⁾, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы можемъ допустить, что не мало появилось въ Галичинѣ монаховъ нищенствующихъ орденовъ, энергія которыхъ къ тому времени далеко еще не остыла.

Конечно, ихъ сообщенія должны были находить въ Римѣ полную вѣру, а сами они должны были тѣмъ настойчивѣе обращаться туда, что новый поворотъ дѣла въ Галичинѣ грозилъ полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ ихъ трудовъ и усилій. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что тѣ же вліянія дѣйствовали и на Казимира, указывая ему возможность поправленія столь неудачно начатаго дѣла, и понятно, Казимиръ долженъ былъ съ готовностью поддаваться ихъ внушеніямъ, тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что обстоятельства не терпѣли ни малѣйшей проволочки. Надо было пользоваться не установленнымъ положеніемъ дѣла въ Литвѣ, и дѣйствительно Казимиръ употребилъ для этого всѣ свои усилія. Въ 1343 году ему удалось закончить продолжительный споръ съ рыцарями. По Калишскому миру Казимиръ уступилъ ордену земли: Хелминскую, Михаловскую, оставилъ въ его рукахъ Пешаву, Орловъ, Муржиново въ Кулвин, отказался отъ правъ и даже титула князя поморскаго, обязался хлопотать утверженіе этого мира какъ у своего преемника Людовика, такъ и у польскихъ чиновъ! Вотъ на какія уступки готовъ былъ Казимиръ для достиженія своихъ цѣлей на счетъ Руси, и даже въ настоящее время польскіе историки не рѣшаются его осудить, оправ-

*orthodoxe ac eiusdem Romane ecclesie honoris defensio in hac parte tangitur . . .
tuis supplicationibus inclinati* уступае ѣ церковные доходы, слѣдующіе со всѣхъ ду-
ховныхъ лицъ безъ всякаго исключенія.

¹⁾ Грамота Савоку 1339 г.

дивная уступчивость именно отношеніями къ Руси, татарамъ и Литвѣ ¹⁾! Вотъ и все, что можно сказать съ полной достовѣрностью объ интересующемъ насъ періодѣ борьбы. Обзорѣніе отмѣченнаго періода мы должны закончить указаніемъ на фактъ, котораго мы не можемъ разъяснить. Въ 1345 году, 9-го мая Казиміръ далъ въ Краковѣ сандецкимъ гражданамъ грамоту на право безошлннаго прохода съ товарами изъ Сандеча въ Русь черезъ Бѣчь, Змигродъ и Саноуъ ²⁾. Выходить, что крайній западный городъ Галицкаго княжества, получившій въ 1339 году грамоту отъ Юрія-Болеслава, въ 1345 году находился въ рукахъ Казиміра. Когда же онъ перешелъ къ нему? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать отвѣта, за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы ни было указаній ³⁾. Можемъ сказать только, что болѣе раннее отторженіе Санока находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, какія замѣчаются въ позднѣйшихъ явленіяхъ жизни этого города и его округа. Его судебные акты предшествуютъ таковымъ другихъ округовъ на 12 лѣтъ: они сохранились съ 1423 года, тогда какъ самыя раннія перемышльскіе лишь съ 1436 года, львовскіе—съ 1454 года. Здѣсь же, по всей вѣроятности, раньше 1435 года послѣдовало отдѣленіе города отъ земства, равно какъ до этого же года акты пишутся по латыни, и самая реформа судопроизводства не кажется здѣсь поразительной: въ актахъ галицкихъ и львовскихъ введеніе судебной реформы 1435 года сопровождается торжественными заголовками, въ саноцкихъ ничего подобнаго нѣтъ ⁴⁾. Къ тому же 1345 году относится упоминаніе папы о какомъ-то мирѣ, заключенномъ Казиміромъ со „схизматиками“ ⁵⁾. Сопровождался ли этотъ миръ какимъ-нибудь договоромъ, не знаетъ; извѣстные намъ договоры къ этому времени никакъ отнесены быть не могутъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что обстоятельства благоприятствовали Казиміру. Онъ желалъ вести борьбу, средствъ для нея

¹⁾ *Шуйскій*, Dzieje Polski, 1, 238. Его же замѣчанія о Калишскомъ мирѣ, вызванныя нѣсколькими одностороннимъ освѣщеніемъ факта у Каро, впадаютъ, кажется, въ другую крайность (см. *Opowiadania*). Для насъ, впрочемъ, это вопросъ посторонній. О Калишскомъ мирѣ см. также *Шайноха*, Dzieła, V, 136.

²⁾ Код. Малополюскій, Mon. med. aevi III, № 218.

³⁾ Относятъ присоединеніе Санока къ Польшѣ въ 1340 году нельзя, какъ потому, что обстоятельства этого года не даютъ для этого никакихъ основаній, такъ и потому, что папское письмо 18-го октября 1345 г. заставляетъ предполагать какія-то дѣйствія на польско-русскомъ пограничьи, именно въ 1345 г.

⁴⁾ *Кс. Лиске*, А. Гр. и З, XI, предисловіе.

⁵⁾ *Theiner*, M. P. I, № 628.

у него не хватало, и вотъ его поддерживаетъ папа, объединяя Польшу для достиженія успѣховъ на счетъ Руси: за десять лѣтъ до того времени, когда мазовскія войска шли на Русь въ союзъ съ польскими, Плоцкая епархія давала Казимиру денежныя средства на борьбу, къ доставленію ихъ, по папскому приказу, были признаны и давно отпавшія части Польши, никогда потомъ къ ней не возвращавшіяся, папа до такой степени проникся воинственностью, что миръ со схизматиками наполнял его негодованіемъ, хотя только опасность со стороны Иоана Богемскаго побудила Казимира къ его заключенію. Русскія руки связаны были литовскими дѣлами 1345 года. Какъ отнесся Лобартъ къ отторженію крайняго западнаго угла своихъ владѣній, не знаемъ,—о событіяхъ до 1349 года намъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Вѣроятно, обѣ стороны выжидали лишь удобнаго случая—одна для дальнѣйшихъ захватовъ, другая для возвращенія отнятаго. Какъ бы ни было, фактъ болѣе ранняго отторженія Сапока заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ смыслѣ, что указываетъ на направленіе польскаго напора и территорію борьбы, происходившей, очевидно, на самой русско-польской границѣ, въ сѣверо-западномъ углу Галичины.

1349—1352—1366 гг.

1348 г. Литовцы потерпѣли пораженіе отъ рыцарей на рѣкѣ Стравѣ. Казимиръ не замедлил воспользоваться этимъ ¹⁾. „Съ многочисленнымъ и хорошо устроеннымъ войскомъ, состоявшимъ изъ конницы и пѣхоты, двинулся Казимиръ сначала на Луцкъ, потомъ занялъ Владиміръ, Берестье и наконецъ Холмъ, гдѣ встрѣтилъ наибольшее сопротивленіе. Многіе города сдавались добровольно. Съ мольбами обратились къ нему русскіе князья, и король милостиво принялъ ихъ въ подданство, оставивъ имъ, по припятіи присяги на вѣрность, ихъ права. Со славой и торжествомъ войска и народа вернулся побѣдитель въ Краковъ“. — Такъ начинается Длугошъ, печальный, впрочемъ, въ его изложеніи, для памяти Казимира, 1349-й годъ ²⁾. — Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣйствія этого года

¹⁾ *Cruenta ea clade debilitatos Lithuanos invasit Casimirus R. P. Raynald*, 1349, 24. На самомъ дѣлѣ пораженіе литовцевъ было вовсе не такъ значительно. См. *Л. Стадниціій*, *Olgerd i Kiejstut*, 48 слл. и *Литовичъ*, *Очеркъ*, 105, пр. 1. Преувеличивать успѣхи было въ прямыхъ интересахъ рыцарей.

²⁾ IX, 234.

были для Казимира благопріятны, но должно сказать, что составить себѣ о нихъ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе весьма трудно, вслѣдствіе крайней запутанности относящихся сюда показаній. Оставляя въ сторонѣ сообщеніе Длугоша, можно имѣть въ виду донесеніе Казимира папѣ; извѣстіе Новгородской 1-й лѣтописи и прибавленіе къ королевскому титулу *dominus tertiae Russiae*, чего не употреблялъ Казимиръ еще въ началѣ этого года ¹⁾). Всѣ эти свидѣтельства въ сущности устраняютъ сомнѣніе лишь въ общемъ успѣхѣ Казимира, не давая никакихъ сколько-нибудь ясныхъ указаній на счетъ подробностей. Что касается донесенія Казимира объ обширныхъ пріобрѣтеніяхъ, въ которыхъ можно учредить 7 епископствъ и 1 архіепископство (?), объ успѣшномъ началѣ миссіонерской дѣятельности — крещеніи какого-то князя ²⁾, то донесеніе это невольно напоминаетъ разказъ Длугоша о занятіи Казимиромъ Луцка, Владимира, Бреста и Холма. Еслибы прибавить сюда Галичину, о которой, естественно, Длугошу упоминать было не зачѣмъ, съ Галичемъ, Перемышлемъ и Львовомъ, то получимъ какъ разъ 7 епископскихъ резиденцій, предположивъ, что Казимиръ могъ имѣть въ виду и Брестъ. Но такой размѣръ завоеваній оказывается рѣшительно невозможнымъ на томъ простомъ основаніи, что для него у Казимира не могло быть времени: еще 24 августа Казимиръ находился на русской границѣ въ Сандомирѣ, очевидно, только готовясь къ выступленію, и въ грамотѣ, данной этого числа торнскимъ купцамъ, упоминаетъ о Владимірѣ какъ еще не подлежащемъ его власти. Въ началѣ декабря (*Sabbato infra octavam S. Andree*) въ томъ же Сандомирѣ, слѣдовательно, уже на обратномъ пути, Казимиръ снова даетъ грамоту тѣмъ же купцамъ и называетъ въ ней Владиміръ „своимъ городомъ“. Походъ такимъ образомъ могъ продолжаться съ небольшимъ два мѣсяца. Пройти осенью громадное разстояніе длугошевскаго маршрута, да еще съ многочисленнымъ войскомъ, даже не встрѣтивъ нигдѣ никакого сопротивленія—а Холмъ, и по Длугошу, потребовалъ сильной бомбардировки—рѣшительно не возможно ³⁾. Но въ такомъ случаѣ извѣстіе

¹⁾ *Karo*, II, 284, пр. 2.

²⁾ *Theiner*, M. P. I, № 702. Документъ данъ 14 марта 1351, но такъ какъ событія 1350 г. были для Казимира неблагопріятны, то, очевидно, сообщеніе объ успѣхахъ можетъ относиться лишь къ 1349 г.

³⁾ Нельзя упускать изъ виду характера мѣстности и состоянія путей. Мы имѣемъ показаніе о позднѣйшемъ походѣ поляковъ и угровъ: 15 дней шла война отъ Люблина къ пролежавшей неподалеку литовской границѣ, *Kwartalnik*, 1889, II, 208.

въ документѣ папской канцеляріи, заимствуемое изъ сообщенія Казимира, потеряетъ для насъ значеніе, а слѣдовательно, и относительно событій 1349 г. мы принуждены руководиться главнымъ образомъ соображеніями.

Замѣтимъ прежде всего, что связанные съ 1349 г. переговоры между Кейстутомъ и куріей о принятіи христіанства не могли обуславливаться военными дѣйствіями Казимира, какъ думаетъ Антоновичъ ¹⁾.

Папскія письма Казимиру и гнѣзненскому архіепископу помѣчены 16-мъ сентября; Кейстуту—19-мъ числомъ того же мѣсяца ²⁾, между тѣмъ военныя дѣйствія врядъ ли могли начаться раньше половины сентября въ виду того, что, какъ мы видѣли, еще 24-го августа Казимиръ былъ въ Сандомирѣ. Мы отвергаемъ лишь связь обращеній Кейстута къ папѣ съ военными дѣйствіями Казимира, и заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что въ письмѣ къ Казимиру папа вовсе не приписываетъ ему сообщенія о столь радостномъ для куріи намѣреніи литовскаго князя, ограничиваясь лишь указаніемъ на то, что король этому содѣйствовалъ (*tuо cooperate studio*). Но это лестное для Казимира добавленіе объясняется заключеніемъ письма, гдѣ папа старается по возможности усилить ревность Казимира для дальнѣйшаго содѣйствія обращенію невѣрныхъ. Нельзя не имѣть въ виду, во первыхъ, того, что литовскія дѣла 1348 г., а быть можетъ, слухи о приготовленіяхъ Казимира могли побудить Кейстута сдѣлать диверсію въ Римѣ, а, во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать о необыкновенной отзывчивости куріи къ малѣйшимъ намекамъ на готовность завязать съ ней сношенія. Такъ, въ 1355 г., по поводу лишь „нѣкоторой надежды“ на обращеніе литовцевъ, папа посылаетъ письма Людовіку Венгерскому, Владиславу Опольскому и Сомовиту Мазовскому ³⁾, само собою разумѣется, что были отправлены письма къ литовскимъ князьямъ. На этотъ разъ посредничество Казимира было признано неудобнымъ и, конечно, справедливо, но повторилось то же, что было въ 1349 году, хотя папа даже не могъ сколько-нибудь опредѣленно указать основаній, вызвавшихъ его надежды. Такимъ образомъ, въ переговорахъ Кейстута съ куріей въ 1349 г. вовсе не слѣдуетъ усматривать результатъ дѣйствія Казимира въ этомъ году, и ужъ рѣшительно нельзя приписывать ихъ военнымъ его успѣхамъ.

¹⁾ Очеркъ, 90.

²⁾ *Theiner*, M. P., I, № 691—693

³⁾ *Иб.*, № 746—748.

Въ 1350 г. лѣтомъ мы видимъ Казимира во Львовѣ. Онъ улаживаетъ претензіи торнскихъ купцовъ, укрѣпляетъ городъ, но о дѣятельности его въ другихъ, якобы приобрѣтенныхъ имъ въ предыдущемъ году, мѣстахъ, ничего не слышимъ, а дѣйствія литовцевъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ 1351 г. показываютъ, что они употребили всѣ силы на возвращеніе земли Львовской, что само собою предполагаетъ, что другія земли, якобы захваченныя Казиміромъ, находились въ ихъ рукахъ. Въ 1350 г. литовцы опустошаютъ Луковскую, Радомскую, Сандомирскую земли ¹⁾, по другимъ извѣстіямъ, они въ то же время опустошали Русь, то-есть, Галичину ²⁾ и до такой степени угрожали Львову, вѣрнѣе львовскому замку, ибо городъ былъ взятъ и опустошенъ ³⁾, что Казиміръ долженъ былъ спѣшить на выручку его, при чемъ успѣхъ его былъ незначителенъ ⁴⁾. Свидѣтельства большой важности, и ихъ надо твердо держать въ памяти, для правильного представленія военныхъ дѣйствій 1350—1351 годовъ. Въ борьбѣ за извѣстную территорію дѣйствія обыкновенно сосредоточиваются или исключительно на ней, или около нея въ ту или другую сторону, смотря по успѣхамъ борющихся сторонъ. Территорія войны 1350—1351 годовъ рѣшительно исключаетъ всякую возможность считать въ числѣ Казиміровыхъ приобрѣтеній въ 1349 г. Волынь, какъ важную съ Луцкомъ и Владиміромъ, такъ и сѣверную съ Берестьемъ, дѣйствія происходятъ далеко отъ Волыни, имѣя въ виду Галичину. Кромѣ львовскаго замка, дѣйствительно устоявшаго противъ литовцевъ, мы не видимъ и признака какихъ-нибудь польскихъ укрѣпленій или сопротивленія въ другомъ мѣстѣ ⁵⁾. Еслибы мы не

¹⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 630.

²⁾ Лѣтоп. Мах., ib., 885: 1350 circa festum beati Bartholomey Littvani vastaverunt Russiam, multos deduxerunt, plures occiderunt.

³⁾ Лѣтоп. Львовск. ib., III, 251: anno dni 1351 vastata fuit antiqua civitas Leopoliensis feria tertia infra octavam (мѣсто не разобрано) per infideles protunc Lithuanos, ubi multi christiani fuerunt interempti.

⁴⁾ Ib., II, 885: 1351 Kazimirus cum magna potentia processerat Livoviam, set infirmitus rediit, ragum profecit.

⁵⁾ Андрияшевъ, Очеркъ, 212: „укрѣпляетъ (Казиміръ) и снабжаетъ сильнымъ гарнизономъ Берестье, какъ, такъ сказать, ключъ къ Волыни“, конечно, за Шараневичемъ, Исторія, 168, буквально повторяющимъ Кромера (XII, 212), въ свою очередь повторяющаго Длугоша. Рѣшительно не понимаемъ возможности сомнѣній относительно Берестья. До 1382 года этотъ городъ оставался во владѣніи Кейстута. Во время его борьбъ съ Ягайломъ онъ служилъ убищницей Виругъ. Со времени окончательнаго распредѣленія земель между Гедиминовичами удѣлъ

имѣли никакихъ указаній на права Любарта на Галичину, мы могли бы затрудниться объясненіемъ; при существованіи прямыхъ свидѣтельствъ, затрудненія исчезаютъ. Очевидно, широкій захватъ Казимірова нашествія въ 1349 г., вышедшій за предѣлы собственной Галичины, нашедшій отголосокъ и въ Новгородской 1-й лѣтописи ¹⁾ вовсе не былъ столь же широкимъ прочнымъ завоеваніемъ: все, кромѣ Львовской земли, немедленно же отошло къ литовцамъ, какъ только польскія войска возвратились съ похода. Если они временно и заняли нѣкоторые города, то во всякомъ случаѣ даже не пытались удержать ихъ въ своихъ рукахъ ²⁾.

Такимъ образомъ можетъ быть объяснено упоминаніе о Владимірѣ, какъ городѣ, принадлежащемъ Казиміру въ документѣ, извлеченномъ Каро изъ торнискаго городского архива, если только документъ этотъ несомнѣнно подлинный ³⁾. Онъ данъ, немедленно по возвращеніи съ похода и вѣроятно подъ вліяніемъ упоенія отъ первыхъ успѣховъ. Надо думать, здѣсь же и тогда же сочинялась реляція папѣ о приобрѣтеніи территоріи для *septem diffusi episcopatus cum suo metropolitano*. О достовѣрности реляціи нечего и говорить. Со стороны Казиміра, предвидѣвшаго необходимость обращаться въ Римъ за помощью, это

Кейстута тянулся узкою полосой, окаймляя Литовское государство съ сѣверо-запада и включая въ себя сполна три позднѣйшія воеводства: троцкое, подляшское и брестское. *К. Стадницкій*, *Olg. i Kiejst.*, 23, пр. 37). Такое распредѣленіе земель Кейстута вполне соответствовало военному его значенію, — не даромъ рыцари называли его „начальникомъ войскъ литовскихъ“. Безъ сомнѣнія, Кейстутъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1350—1351 годовъ, но оно обуславливалось солидарностью дѣйствій Гедиминовичей и общимъ значеніемъ предпріятія Казиміра въ 1349 году.

¹⁾ Полн. Собр., III, 84: въ лѣто 6857 приде король Краковскій со многою силою и взяша лествю землю волынскую и много зло христіаномъ сотвориша, а церкви святыя претвориша на латышское богумерское служеніе. Тоже въ Сурисельской. Замѣчаніе о церквяхъ есть, конечно, отголосокъ позднѣйшихъ дѣйствій поляковъ. Интересно въ Густынской, II, 350: въ тожъ лѣто Волынь хотѣше отлучитися отъ короля Казиміра, но мечомъ укрочены быша, по невозможности же и Литва о Волынь съ ляхами много которяхуся, дондеже въ свою власть приша.

²⁾ Показаніе Длугоша подъ 1351 годомъ о гарнизонахъ, сдававшихся ляхъ послѣ осады, при полномъ безучастіи Казиміра, теряетъ значеніе послѣ разказанныхъ имъ же подъ 1350 годомъ успѣховъ Литвы и представляетъ обычный у Длугоша прихвръ анимозкаціи съ одной, тенденціознаго отношенія къ Казиміру — съ другой стороны. Нельзя забывать, что все это разказывается послѣ взвода съ Баричкой. Ср. *Шуйскій*, *Opowiad.*, 2.

³⁾ *Каро*, II, 284, пр. 2.

былъ столь же дипломатическій шагъ, рассчитанный на поддержаніе папскаго рвенія, какой мы указывали въ 1349 году въ письмѣ папы къ Казимиру, по поводу готовности Кейстута принять христіанство. Дѣйствительно, съ 1351 года папа предоставилъ Казимиру десятую часть церковныхъ доходовъ на 4 года ¹⁾, при чемъ предписалъ духовенству непременно скоро собрать ее ²⁾.

Въ слѣдующемъ 1352 году мая 15-го Климентъ VI поручаетъ гнѣзненскому архіепископу и епископамъ—краковскому и вроцлавскому проповѣдывать крестовный походъ противъ нескѣрныхъ ³⁾. Надо поэтому думать, что свѣдѣнія о положеніи дѣла курія получала не только отъ Казимира. Остается отмѣтить еще одно обстоятельство, не достаточно ясное. Въ договорѣ Казимира съ литовскими князьями встрѣчаемъ упоминаніе о Кременцѣ, который дается Юрію Наримунтовичу „отъ князей литовскихъ и отъ короля“ ⁴⁾. До 1349 года Казимиръ не могъ имѣть никакого отношенія къ Кременцу, положеніе дѣлъ въ 1350—1351 гг. было, какъ мы видѣли, вовсе не таково, чтобы вліяніе Казимира могло распространиться въ эту сторону, слѣдовательно, свои права на Кременецъ—если вообще можно говорить въ этомъ случаѣ о правахъ—Казимиръ могъ основывать лишь на успѣхахъ 1349 года, а это обстоятельство отчасти указываетъ направленіе Казимирова предпріятія въ 1349 году. Оно было обращено на Львовъ и отсюда въ прямомъ направленіи къ востоку дошло до Кременца ⁴⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 702: Regem oportet stipendiarios de necessitate tenere prout tenet et fortalitia fortificare et eciam communire... въ противномъ случаѣ nedom dicte terre, sed etiam tota Polonia per potentiam et insultum Tartatorum et Litwanorum vastari poterunt et etiam desolari.

²⁾ *Ib.*, № 703.

³⁾ *Ib.*, № 713. Это посланіе буквально сходно съ известнымъ намъ посланіемъ Бенедикта XII въ 1340 году.

⁴⁾ Передача Кременца Юрію „отъ князей литовскихъ и отъ короля“ по договору 1352 года представляетъ первое упоминаніе объ этой личности, возбуждавшей не мало споровъ. Мы считаемъ вопросъ исчерпаннымъ и блистательно рѣшеннымъ Ржезаккомъ, *Sasor*. 1883 г., стр.: 136—141 и 194—204. Упомянутый въ договорѣ Юрій есть Юрій Наримунтовичъ. Ржезакъ доказалъ это такъ блистательно, что никакихъ сомнѣній въ этомъ быть не можетъ, но онъ врядъ ли правъ, полагая, что только съ 1352 года Юрію сталъ принадлежать и Белзь, *ib.*, 196. Не на оборотъ ли, не вѣрнѣе ли предполагать, что Юрій раньше, чѣмъ въ Кременцѣ, сидѣлъ въ Белзѣ, не слѣдуетъ ли разужать имено его подъ загадочнымъ Дроге Дубницкой хроникой, столь рѣшительно и успѣшно защищавшимъ Белзь отъ венгерско-польскаго войска въ 1352 году? Предоставленіе Юрію

Вотъ что съ наибольшою вѣроятностью можно сказать объ этомъ предиріятіи. Длугошь долженъ былъ сообщить ему спеціально волинское направленіе, ибо иначе онъ оказался бы въ явномъ противорѣчіи съ самимъ собою, но и извѣстіямъ, находящимся въ третьей главѣ хроникъ Яна, нельзя придавать значеніе, ибо здѣсь въ числѣ приобрѣтеній Казимира помѣщено Берестье, вотъ почему и въ свидѣтельствѣ Яна о 1349 годѣ приходится видѣть позднѣйшія наслоенія, закрывшія историческую дѣйствительность, которая открывается лишь изъ сопоставленія фактовъ послѣдующихъ.

Мы видѣли, что главный союзникъ Казимира — курія дѣлала все, что могла для того, чтобъ обезпечить Казимиру успѣхъ. Положеніе было, однако, слишкомъ грозно, и вотъ Казимиръ заключаетъ со всѣмъ невыгодный договоръ съ Людвигомъ Венгерскимъ ¹⁾, закла-

Велза доказываетъ, какое важное значеніе придавали литовцы западнымъ окраинамъ своихъ владѣній. Юрій былъ человекъ вполне надежный, и въ глазахъ поляковъ являлся главнымъ виновникомъ событій 1376: *sceleris auctor*, Дѣтоп. Куявск., М. Р. Н., III, 212. Когда именно Велза былъ данъ Юрію, не знаемъ, какъ не знаемъ, когда отошелъ отъ него Кременецъ. По договору 1352 годѣ онъ былъ данъ Юрію на два года, въ чьи руки перешелъ онъ потомъ? Можно полагать, онъ достался Казимиру, по крайней мѣрѣ въ 1361 году въ числѣ присутствующихъ при пожалованіи Казимира Ходку Выбельскому, А. Гр. и З. I, № 5, находимъ пана Ласоту, воеводу кременецкаго, но когда это случилось, не извѣстно.

¹⁾ Договоръ съ Людвигомъ сообщенъ впервые *К. Стадницкимъ*, *Synowie*, II, 231, по рукописи музея Оссолинскихъ. Въ болѣе исправномъ видѣ онъ приведенъ у *Омошки*, *Rok 1386*, 135, но Смолька не упоминаетъ о документѣ у Стадницкаго, выдавая свое сообщеніе за собственное открытіе въ бумагахъ Нарушевича („układ o Ruś Czerwoną z r. 1352 znanu jest tylko z krótkiego streszczenia u Sommersberga“). Конечно, предоставленіе Людовику права выкупать Русь, въ случаѣ, еслибы у Казимира родился наследникъ, доказываетъ только крайнюю тѣгостное положеніе Казимира и горькость Людовика (ср. *Брейтеръ*, *Władysław Orolski*, 50, здѣсь же въ примѣчаніи сказано, что также смотритъ на это и *Маттезъ*, *Jahresbericht des II Obergimn.*, in Lemberg, 1886 г. Объясненіе смысла договора у Стадницкаго, *Synowie*, II, 49, грѣшитъ явнымъ пристрастіемъ къ Людовику, не говоря уже о невѣрности взгляда на отношенія Казимира къ Руси). Для насъ самое главное — дата документа. Обыкновенно относятъ его къ 1352 г. (у Смольки въ текстѣ документа 1350. Опечатка?) Вѣрно ли? Невыгодность договора для Польши заставляетъ скорѣе отнести его ко времени предшествующему участію Людовика въ борьбѣ, ибо таковое было куплено цѣною договора (только *А. Нуберъ*, *Ludvig I*, *Arch. f. öst. Gesch.*, 1885, 66, стр. 15, относятъ его ко времени по возвращеніи Людовика); между тѣмъ документъ данъ въ Будапешта *festi Panchao*, то-есть, во всякомъ случаѣ, данъ ли онъ въ 1350, 1351 или 1352 г., въ началѣ апрѣля; тогда какъ въ 1352 г. Людовикъ выступалъ на помощь Казимиру уже 22-го февраля, а 12-го марта былъ въ Савокѣ. Эти даты

дѣлаетъ рыцарямъ Добрыинскую землю, отъ которой они по калнинскому миру совершенно отказались¹⁾, жертвуетъ своимъ для закрѣпленія за собою чужого, давая такимъ образомъ первый поводъ образованію сгубившихъ потомъ Польшу конфедераціи!²⁾ Возникшей какъ разъ около этого времени вопросъ о мазовскомъ наслѣдствѣ доставилъ Казимиру новыхъ союзниковъ. 18-го сентября 1351 года онъ заключилъ съ Сомовитомъ и Казимиромъ Мазовскими договоръ, по

подтверждаются документомъ Людовика у *Фейера* IX, 2, 142. *Нарушевичъ*, изданіе Туровскаго, III, 190, относитъ договоръ къ 1350 г. Рѣшить вопросъ не берусь. Источникъ, на который недавно было обращено вниманіе исследователей — Дубницкая хроника (*Historiae Hungariae Fontes Domestici*, vol. III, ed. *M. Florjanius*, Лейпцигъ 1884 г. — Интересующій насъ ея отрывокъ помѣщенъ дѣлкомъ *A. Лесницкаго*, въ *Кwartalnik*'а, 1889, II, 208—213), хотя довольно подробно касается событій 1351—1352 гг., не даетъ относительно занимающаго насъ вопроса никакихъ прямыхъ указаній. То, что, по словамъ хроники, происходило въ Люблинѣ въ 1351 г., заключаетъ въ себя тѣсный намекъ на какія-то условія между Людовикомъ и поляками. Можетъ быть, что лишь въ слѣдующемъ году они были окончательно сформулированы. Возможно, что въ 1351 году Людовикъ былъ въ Польшѣ, чтобы утвердиться въ правахъ наслѣдника: въ такомъ случаѣ, какъ время, выбранное имъ для этого, такъ и то обстоятельство, что и признаніи правъ наслѣдства ему еще было мало, и онъ потребовалъ документа на счетъ Руси — весьма характерно. Что касается отрывка указанной хроники, то онъ считается теперь произведеніемъ, написаннымъ участникомъ событій, или по крайней мѣрѣ, со словъ участника (*A. Huber*, *Ludvig I*, 17, прил. 4; ср. *Kwartalnik*., какъ выше, 207). Надо однако имѣть въ виду, что отрывокъ вставленъ между 4 и 6 главами біографіи Людовика, написанной *Küküllö*, и представляетъ невозможную для очевидца путаницу не только названій, но и обратнаго маршрута Людовика въ 1352 году. Что авторъ его находился подъ вліяніемъ разказовъ Туроча, свидѣтельствуетъ упоминаніе о возвращеніи Людовика съ литовскаго похода въ 1345 г. Въ общемъ, несомнѣнно, разказъ Дубницкой хроники заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ подробностямъ, дѣйствительно живымъ и находящимъ себя документальное подтвержденіе (подробности илліа Любарта). Но считать его разказомъ оригинальнымъ, а не конгломератомъ, врядъ ли можно, какъ въ виду указанныхъ неточностей, такъ, главнымъ образомъ, потому, что событія 1351 г. вовсе не предполагаютъ участія Людовика. Расчлененіе одного факта на два — очень частый приемъ компиляторовъ; думаю, что онъ нашелъ себя ижего въ данномъ отрывкѣ: походы 1352 г. раздѣленъ на два: въ 1351 и 1352 г., а подробности распределены совершенно произвольно; вотъ почему я не считалъ возможнымъ воспользоваться имъ при изложеніи событій 1351 г.

¹⁾ *Каро*, II, 293: So viel trübe Erfahrungen er (Казимиръ) auch in Folge von Verpfändungen mit dem Orden gemacht hatte, so erforderte doch ein nachdrucksvoller Krieg gegen die Lithauer und Russen, trotz der Unterstützung von Seiten der Kirche noch so ausserordentliche Mittel...

²⁾ *Каро*, ib.

которому, обязался освободить князей отъ чешскаго верховенства, а въ случаѣ неоставленія по себѣ мужскаго потомства предоставить Мазовіи полную независимость ¹⁾. Только благодаря этому, удалось Казимиру добиться содѣйствія угровъ и мазуровъ.

Въ 1352 году двинулись союзныя польско-венгерско-мазовскія войска противъ Литвы-Руси. Походъ въ изложеніи отдаленныхъ отъ мѣста дѣйствія писателей принялъ грандіозные размѣры ²⁾. Казимиръ могъ рассчитывать на значительное расширеніе приобрѣтенія 1349 г. Надежды его однако не сбылись. Всего вѣроятно, союзники шли по двумъ путямъ: черезъ Люблинъ направлялись войска польско-мазовскія, съ юга венгерскія. Главныя дѣйствія сосредоточились около Белза, защищаемаго какимъ-то воеводой Дрозге. Къ подробностямъ военныхъ дѣйствій слѣдуетъ отнести плѣнъ Любарта, о чемъ прямо упоминается въ перемирномъ договорѣ. Въ дубницкомъ отрывкѣ находимъ объясненіе связи „Любартова вѣства“ съ отношеніями къ венгерскому королю Кейстута. Благодаря посредничеству послѣдняго, Любарту удалось освободиться изъ плѣна, а Кейстутъ долженъ былъ отправиться съ Людовикомъ для принятія крещенія; черезъ три дня, однако, Кейстутъ бѣжалъ, отпустивъ на свободу венгерскихъ заложниковъ. Безъ сомнѣнія, это одна изъ живыхъ подробностей отрывка, вполне подтверждаемая неяснымъ указаніемъ перемирнаго договора и соответствующая характеру и приемамъ Кейстута, которые онъ практиковалъ въ отношеніи къ рыцарямъ. Надо думать, венгры дѣйствовали не особенно усердно ³⁾ и скоро повернули назадъ, встрѣчая большія затрудненія какъ со стороны мѣстнаго населенія, истреблявшаго запасы, чѣмъ вызванъ былъ въ венгерскомъ войскѣ ужасный голодъ, и даже предававшего свои села огню ⁴⁾, такъ и со стороны

¹⁾ Код. Маз., № 72.

²⁾ У Вилани, *Карамз*, IV, прим. 353, совершенно баснословно: Людовикъ доставляетъ Казимиру сорокъ тысячъ и союзники заходятъ слишкомъ далеко. По другимъ, и притомъ болѣе достовернымъ, слишкомъ далеко заходятъ литовцы: 1352 Rex Litoviae cum auxilio Tartarorum innumerabili per Russiam transiens animo destruendi Cracoviam, и: In Martio 1352 Tartari et Ruteni pagani cum multis legionibus contra regem Cracoviae intrant Poloniam, Ss. гг. прус. II, 797, 742.

³⁾ In dominica ramis palmarum (1-го апрѣля) videns rex se nihil posse proficere, disposuit ad Hungariam remeare. Дубницкія хроника, *Kwartalnik*, какъ выше.

⁴⁾ Прибывъ въ деревню Дубровицу, Людовикъ не нашелъ никакихъ запасовъ, media autem nocte unus ruthenus curiam incendit et cum difficultate rex et omnes sui mortis periculum evaserunt, quia strictissimus erat exitus per unum parvum pontem de curia prenotata. Можно ли, въ виду подобныхъ фактовъ, сомнѣваться въ народномъ характерѣ войны?

татаръ, отряды которыхъ приходилось встрѣчать Людовику. Съ поляками и мазурами военныя дѣйствія продолжались, вѣроятно, до осени: 23-го августа 1352 г. Казимиръ находился еще въ предѣлахъ литовско-русской территоріи ¹⁾, да и перемиріе по договору назначается отъ Покрова. Перемирный договоръ ²⁾, доказываетъ, что, за исключеніемъ Львовской земли, Казимиръ не прибрѣлъ никакихъ другихъ владѣній. Въ составъ ея, безъ сомнѣнія, входили земли Галицкая и Перемышльская, ибо договоръ опредѣляетъ области совершенно точно, а земли эти въ числѣ литовскихъ владѣній не показаны ³⁾. Перемиріе продолжалось не долго, какъ и слѣдовало ожидать, ибо Литва отъ своихъ правъ не отказалась, и заключенный договоръ былъ лишь временнымъ ⁴⁾. Нарушенъ онъ былъ даже раньше срока. 1353 года Любартъ, поддерживаемый братьями, нападаетъ на Галичину ⁵⁾. Набѣгъ принялъ обширные размѣры; такъ какъ въ сентябрѣ литовцы появляются около Завихоста, а испуганный Казимиръ укрѣпляетъ Плоцкъ ⁶⁾. О дальнѣйшихъ событіяхъ польскія свидѣтельства ничего не упоминаютъ до 1366 года. Вѣроятно, объ успѣхахъ Казимира говорить было трудно. Предоставленный собствен-

¹⁾ А. Гр. и З., V, № 3. Вѣроятно, мимо Щебрешина возвращался Казимиръ назадъ. Въ данномъ близъ этого города пожалованіи лѣмецкаго права селу Отвинову (Домбровскаго уѣзда) сказано: *actum prope Szczebressuno oppido ruthenicali*, а не просто *Szczebressuno* или *oppido nostro*.

²⁾ Дата этого важнаго документа вездѣ отиѣчается невѣрно—1340 (А. З. Р. I, № 1 и *Inventoryum*, 371); опредѣляется она приблизительно точно на основаніи генеалогіи мазовскихъ князей: *Каро*, II, 296, пр. 2; *Ржежабекъ*, *Часоп.*, 195.—*Андриашевъ*, Очеркъ, 215, прим. 1, пишетъ это въ виду, но отодвигаетъ договоръ къ 1354 г. (ср. *ibid.*, 211, прим. 2), *Антоновичъ* и *Стадниціи* ошибочно относятъ его, первый къ 1347 г., Очеркъ 77, прим. 2; второй въ 1340—1345 г., *Synowis*, II, 32—36. Ближкое къ истинѣ мнѣніе высказалъ *М. Смирновъ*, Споръ, прим. 15 и 16; тоже у *Зубрицкаго*, *Анонимъ Гнезн.*, 16; весьма вѣроятное объясненіе отсутствія даты, *ibid.*, 67, прим. 72.

³⁾ Не занимать намъ королевскія земли, ни его люди, што его слушаютъ; королеви держати *львовскую землю исполна*, а намъ, держати володимѣрьскую, луцкую, белзскую, холмскую, берестинскую исполнашь. А. З. Р. I, № 1.

⁴⁾ На два годъ: „отъ Покрова Богородицъ до Ивана дне до Купаль, а отъ Ивана дне за два лѣтъ“. Такъ смотрѣлъ на это и Казимиръ, и въ пожалованіи Рѣнова Яну Пакославу 1354 г., января 19-го, онъ говоритъ о Русѣ: *quam favente domino gubernamus*. *Cod. d. P.* I, 209.

⁵⁾ По Длугошу, IX, 246, на Галичъ, по лѣтоп. Мѣховск.: *eodem anno 1353, post festum Trinitatis Litvani vastaverunt Lambert, multos occiderunt*. М. Р. Н., II, 885.

⁶⁾ Длугошъ, IX, 246.

нымъ силамъ, не безопасный со стороны ордена, Казиміръ очутился снова въ трудномъ положеніи. Это лучше всего доказываетъ письмо папы 1355 года (февраля 12-го), снова жертвующаго Казиміру десятую часть церковныхъ доходовъ на четыре года ¹⁾, хотя двумя мѣсяцами раньше тотъ же Иннокентій VI, посылая Казиміру горячія пожеланія сломить вражескую гордость, говоритъ о собственныхъ удручающихъ нуждахъ и съ видимымъ неудовольствіемъ соглашается уступить Казиміру лишь половину десятины, тутъ же выражая надежду, что король возвратитъ ее при благоприятныхъ для него обстоятельствахъ ²⁾. Такой тонъ папы въ обращеніи къ Казиміру долженъ быть отмѣченъ, его не было ни въ письмахъ Бенедикта, ни въ письмахъ Климента VI, особенно преданнаго Казиміру; но быстрая его переимѣна — всего черезъ два мѣсяца — доказываетъ, что были основательныя причины, заставившія папу измѣнить отношеніе къ дѣламъ польскаго короля, зависѣвшія, очевидно, не отъ личнаго расположенія папы, а вытекающія изъ общей политики куріи. Строгое предписаніе духовенству аккуратно и возможно скоро уплатить королю указанную десятину показываетъ, что его нужды не терпѣли ни малѣйшаго отлагательства. Въ сентябрѣ слѣдующаго 1356 года Иннокентій VI по жалобѣ Казиміра обращается къ рыцарямъ со строгимъ выговоромъ за то, что они поддерживаютъ невѣрныхъ противъ короля, убѣждая ихъ соединиться съ Казиміромъ, что было бы вполне достойно ихъ призванія ³⁾. Тогда же онъ снова побуждаетъ всѣхъ польскихъ прелатовъ всемирно содѣйствовать королю ⁴⁾. Папа дѣлалъ все, что только могъ дѣлать, тѣмъ не менѣе бороться было Казиміру не подъ силу. Казиміръ самъ созналъ это и сдѣлалъ такой поворотъ, котораго трудно было ожидать. Какой именно — указываетъ полное негодованія письмо папы отъ 24-го января 1357 г., отправленное къ польскому королю по жалобѣ рыцарей, сообщившихъ куріи, что послѣдній заключилъ миръ съ литовцами, сталъ данникомъ татарскаго хана и теперь угрожаетъ имъ татарами. Папа заявляетъ, что онъ едва вѣритъ такимъ слухамъ ⁵⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 742.

²⁾ *Ibid.*, № 789.

³⁾ *Ibid.*, № 769.

⁴⁾ *Ibid.*, № 770.

⁵⁾ *Ibid.*, № 776: *vane carissime fili licet nos de sincera fidei tue constancia firmam in domino fiduciam obtinentes premissa credere non possumus, nec in mentem nostram facilliter cadere valeat, quod talia in eterni Regis sancteque romane ecclesie*

Легко понять негодованіе папы, принесшаго для Казимира столько жертвъ; но трудно было подѣйствовать на польскаго короля угрозами. Всѣ средства, которыя могли быть въ распоряженіи Казимира, были имъ испробованы, и всѣ они лишь весьма незначительно приблизили его къ завѣтной цѣли: Львовская земля находилась лишь во временномъ его обладаніи, а будущіе шансы борьбы были неизвѣстны и скорѣе не въ пользу Казимира, въ виду натянутыхъ его отношеній къ рыцарямъ и собственнаго безсилія. Казимиръ рѣшилъ войти въ сношенія съ татарами. Хватаясь за все, что могло облегчать ему достиженіе цѣли, ища вездѣ союзниковъ и дорого платя за ихъ содѣйствіе (говоримъ о Людовикѣ Венгерскомъ), отчего не могъ Казимиръ обратиться къ татарамъ. Конечно, онъ отлично зналъ положеніе Литвы, принужденной вести постоянную борьбу съ орденомъ, не безопасной отъ Москвы и находившейся въ сомнительныхъ отношеніяхъ къ татарамъ. Отношенія къ Галичинѣ соединяли литовцевъ и татаръ въ борьбѣ съ Казимиромъ, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ литовцамъ въ лицѣ татаръ чрезвычайно важный военный контингентъ, что обнаружилось особенно въ 1352 году. Въ то же время татары, равнодушные ко внутреннимъ дѣламъ страны, довольствуясь, по обыкновенію, данью, отчего не могли бы получать ее съ Казимира? Чтобы закрѣпить за собою Галичину, Казимиру необходимо было отнять у литовцевъ всякую возможность возвратить ее себѣ, и надо сказать, что послѣдняя комбинація Казимира едва ли не вѣрнѣе другихъ вела его къ цѣли. Вѣдь только позоръ татарскаго данничества, да ужасъ, которымъ было окружено имя татаръ, могли удерживать Казимира отъ попытки войти съ ними въ непосредственныя сношенія. На сколько мы знаемъ Казимира, онъ былъ слишкомъ философъ, чтобы отступить отъ вѣрнаго, по видимому, расчета изъ-за какихъ-нибудь условностей, а ужасъ былъ преодоленъ. Пашелся смѣлый человекъ, не убоавшійся взять на себя опасную миссію, и дѣло было сдѣлано ¹⁾.

matris tue nec non apostolice sedis offensam et ipsius catholice fidei preiudicium Regia serenitas attemptaret; solus tamen eorum auditus nos terruit et si vera forent, ad magnam regii nominis infamiam cederent grandique nos et sedem predictam doloris immensitate turbarent.

¹⁾ Думаю, что этииъ свѣдѣніемъ былъ Янъ Пакославъ. Въ пожалованіи ему Рущова (1354 г. 19-го января) Казимиръ говоритъ: *pro communi bono regni nostri Polonie et terre Russie pacem et tranquillitatem ordinans, ad Tartaricas nationes descendere non expavit, vitam suam non preposterans ad honorem et commodum Regnorum eorundem fideliter exponendo.* Cod. d. P. I, № 119. Въ такомъ случаѣ переговоры съ татарами Казимиръ завелъ сейчасъ по заключеніи перемирія съ

По крайней мѣрѣ послѣ этого на театрѣ борьбы наступает полное затишье, продолжавшееся ровно десять лѣтъ. Правда, положеніе оставалось прежнее: Владиміръ, Луцкъ, Холмъ и Белзъ въ рукахъ Любарта, Берестье—Кейстута, но миръ давалъ полную возможность Казимиру укрѣпиться въ своемъ приобрѣтеніи и дѣйствительно на это Казиміръ обратилъ все свое вниманіе. Борьба прекратилась сама собою, но уже то обстоятельство, что она продолжалась послѣ 1352 г., ясно указываетъ ея причины. Въ самомъ дѣлѣ, договоръ 1352—1353 года былъ, по видимому, для литовцевъ весьма выгоденъ: Владимірская, Луцкая, Холмская, Белзская и Берестейская земли „исполна“ оставались въ ихъ владѣніи, и еслибы литовцы не имѣли никакихъ правъ на остальные земли галицкаго наслѣдія, то причину продолженія борьбы оставалось бы дѣйствительно, вмѣстѣ съ Длугошемъ, объяснять лишь жадностью и корыстолюбіемъ главнаго ея дѣятеля—Любарта. Врядъ ли, однако, въ такомъ случаѣ, его бы столь энергично поддерживали другіе князья—Кейстутъ и Ольгердъ, имѣвшіе и безъ того не мало дѣла. Причина, очевидно, лежала не въ личности Любарта, а въ защитѣ литовскаго права отъ чужого захвата ¹⁾).

Мы старались представить ходъ борьбы за отиѣченный промежутокъ времени на основаніи данныхъ, наименѣе подлежащихъ сомнѣнію и естественной послѣдовательности фактовъ. Съ 1349 по 1356 годъ борьба происходила почти безъ перерыва, при чемъ, по видимому, естественный перерывъ—перемиріе 1352 года не составляетъ никакой грани: оно временно закрѣпляетъ за Казиміромъ приобрѣтеніе, сдѣланное имъ тремя годами раньше и нарушается за долго до истеченія срока. Непрерывность и завязтость борьбы являются такимъ образомъ характерными ея чертами, которыя отличаютъ ее и послѣ. Положеніе сторонъ также обрисовывается вполне. Съ одной стороны Казиміръ и Римъ, съ другой—два Гедиминовича, принужденные сообразовать свои дѣйствія съ сомнительными отношеніями къ рыцарямъ и татарамъ. Отношенія къ первымъ совершенно ясны. Набѣги рыцарей были явленіемъ постояннымъ: „принимая въ расчетъ только болѣе крупныя, тѣ, подробности которыхъ записаны

литовцами. Нечего удивляться, что это сдѣлалось извѣстнымъ папѣ сравнительно поздно: Казиміръ не имѣлъ надобности извѣщать его объ этомъ; а негодованіе папы, вытекающее изъ ужаса предъ татарами, котораго, какъ видно, не чуждъ былъ и Казиміръ, должно было разсѣяться, въ виду прямыхъ выгодъ, въ чемъ Казиміру не трудно было убѣдить папу.

¹⁾ Ср. обмолвки Длугоша, IX, 245, 308.

въ лѣтописяхъ Ордена, мы насчитываемъ¹⁾, говорятъ Антоновичъ,—до семидесяти походовъ на Литву со стороны прусскихъ крестоносцевъ и болѣе тридцати со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени съ 1345—1377 г.²⁾ Лишь изрѣдка встрѣчаются годы отдыха; между прочимъ, спокойно прошли для Литвы 1349—1352 года³⁾, обстоятельство давшее, какъ мы видѣли, возможность принимать участіе въ борьбѣ съ Казиміромъ и Кейстуту: время, выбранное Казиміромъ для завоеванія Галицкой Руси, было такимъ образомъ удачно лишь по видимому, и этимъ объясняется необходимость того страшнаго напряженія, тѣхъ жертвъ, какія долженъ былъ привести Казиміръ для достиженія своей цѣли.

Не столь ясны отношенія Литвы къ татарамъ. Съ значительной вѣроятностью можно полагать, что отношенія эти до занимающаго насъ времени не были уставовлены: Литва только еще начинала утверждаться въ тѣхъ земляхъ, гдѣ было татарское господство, еще только пачиналась дѣятельность Коріатовичей въ Подоліи, а предстоявшее выясненіе отношеній Любарта къ хану изъ-за Галичины не могло еще опредѣляться и на первый разъ дѣла были оставлены въ прежнемъ состояніи, благодаря Дѣтку и Данилу Острожскому. На галицкой почвѣ сходились интересы татаръ съ интересами литовскихъ князей; неудавительно поэтому, что въ борьбѣ противъ Казиміра принимаютъ участіе и татары. Этотъ союзъ былъ въ такой степени естественъ, что неудача переговоровъ Ольгерда съ ханомъ, начавшихся въ 1349 году⁴⁾ обусловливалась лишь усиліями Семена Ивановича Московскаго⁴⁾ и въ 1351 году была поправлена,—въ это время татары дѣйствуютъ, безъ всякаго сомнѣнія, за одно съ литовцами. Соображенія, которыми на время удалось Семену Ивановичу вооружить Чанибека противъ Ольгерда, открывали лишь будущее: что они въ значительной степени были вѣрны, показала въ скоромъ вре-

¹⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 98.

²⁾ *Статистикий*, Olg. i Kiejst., 109.

³⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 116, пр. 1.

⁴⁾ Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ. Кіевъ. 1885, стр. 192, пр. 1: По словамъ Никоновской лѣтописи, ч. III, стр. 187, Семенъ Ивановичъ такъ отговаривалъ Чанибека отъ союза съ Ольгердомъ: „Олгердъ улумъ твою всѣ высек і в полонъ, а твою улусъ ввелъ а еще хочеть и насъ всѣхъ вывести к себѣ в полонъ, а твою улусъ пусть до конца сотворити: и тако убогатѣвъ Олгердъ Гедимановичъ хочеть тѣбе противенъ быти“. Чанибекъ „разгнѣвался вело яко огнь“ и выдалъ литовскихъ пословъ Семену Ивановичу.

мени побѣда Ольгерда на Синихъ водахъ, но теперь въ виду посольства Казимира, Ольгердъ могъ смѣло повторить хану резоны, приведенные раньше Дѣткомъ, и ханъ не могъ не найти ихъ основательными. Союзъ такимъ образомъ обусловливался вовсе не уступкой татарамъ Подольской земли, на которую якобы „король польскій заявлялъ претензіи, какъ на бывшій галицкой удѣлъ“¹⁾. Дѣйствительныя его основанія были извѣстны Казимиру, чрезъ него стали извѣстны и папѣ: не что иное, а лишь занятіе Казимиромъ Галичины²⁾ вызвало этотъ союзъ, который Казимиръ потомъ старался разорвать. Съ обѣими этими силами — рыцарями и татарами — приходилось считаться и Казимиру, но его счеты имѣютъ совершенно другой характеръ. Безъ сомнѣнія, только крайняя нужда могла побудить Казимира къ закладу земель рыцарямъ; такой же характеръ крайности, на которую приходится рѣшаться, носить на себѣ и его союзъ съ татарами въ 1354 году. Прибавимъ сюда отношенія къ Людовику и куріи, и положеніе обѣихъ борющихся сторонъ представится болѣе или менѣе ясно. Договоръ 1352 года не прервалъ борьбы: она прекратилась сама собою лишь послѣ того, какъ измѣнились отношенія Литвы къ татарамъ, прекратилась на время, чтобы затѣмъ послѣ синаводской битвы возобновиться съ прежнею завзятостію³⁾.

¹⁾ *Антоновичъ*, Очеркъ, 126. Что въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь не о Подольи, а лишь о галицкой Подиѣстровьи, ясно доказалъ уже *К. Стадницкій*, *Synowie*, I, 132. До Подольи Казимиру было еще далеко, да и у Кромера: *Russia inferiorum que Podolia dicitur*, XII, 213. Какъ и въ настоящее время, Галичина дѣлилась на три части: Покутье, въ обширномъ смыслѣ — все пространство къ югу отъ Днѣстра до Карпатъ, въ болѣе узкомъ — уголъ между Черемошемъ и Прутомъ; Подгорье — западная часть Покутья, прилегающая къ Карпатскимъ горамъ и Подолье — къ востоку отъ рѣки Стрипы, (то-есть, лѣтописное Понизье). *Шараневичъ*, Русь, 105, стр. 91.

²⁾ *Theiner*, M. P. I, № 702: Tartari, qui Ruthenis dominabantur cisadem occasione hujusmodi provocati (то-есть, занятіемъ Галичины Казимиромъ) facta confederatione cum Litwanis continue hostiliter dictas terras invadunt. Не знаю, почему Антоновичъ, Очеркъ 126, стр. 1, датующій тоже посланіе папы, не обратилъ на это вниманіе.

³⁾ Потому-то и не было заключено никакого договора. Извѣстные намъ договоры можно относить лишь къ 1352 и 1366 гг. Договоръ 1358 г. между Кейстутомъ и Соковитомъ мазовскимъ не имѣетъ никакого отношенія къ борьбѣ на югъ и опредѣляетъ границы лишь сѣвернаго угла литовскихъ и мазовскихъ владѣній — округовъ Гродненскаго съ одной, Выдзинскаго и Гомондзкаго съ другой стороны, *Kod. Maz.* № 80.

1366—1370 гг.

Въ наступившее послѣ 1366 г. десятилѣтнее затишье Казиміръ успѣлъ нѣсколько возстановить истощенныя въ безпрерывной борьбѣ силы, успокоилъ папу, возмущеннаго его отношеніями къ татарамъ, и снова получалъ отъ него поддержку по прежнему ¹⁾, и узнавъ на дѣлѣ пользу союза съ ближайшими участниками борьбы, рѣшилъ не только обезопасить себя со стороны рыцарей, но даже воспользоваться ихъ силами для общихъ цѣлей на счетъ Литвы.

Въ 1365 г. осенью мы видимъ его въ Мариенбургѣ. Причины поѣздки къ Магистру хронисты не указываютъ съ точностью. Изъ сообщеній ихъ мы узнаемъ, что гротмейстеръ Винрихъ фонъ Квинпроде показывалъ Казиміру орденскіе магазины, наполненные всевозможными запасами. Казиміръ могъ только удивляться хозяйственности и могуществу ордена и выразилъ радость, что не послушался совѣтовъ враждебныхъ рыцарямъ. Можно думать, что дружественное настроеніе представителей обоихъ государствъ не ограничилось словесными завѣреніями; вѣроятно, былъ заключенъ наступательный союзъ противъ Литвы, по крайней мѣрѣ, условленъ былъ планъ дѣйствій на будущій годъ. Такое предположеніе подтверждаютъ послѣдовавшія скорѣе обстоятельства. „Собрался наконецъ Казиміръ съ духомъ“, говоритъ Кромеръ ²⁾,— „для возвращенія той части Руси, которую потерялъ 13—14 лѣтъ назадъ скорѣе по причинѣ отпаденія русскихъ, нежели благодаря силамъ литовцевъ“.

Въ томъ же году двинулись на Литву и рыцари, отвлекшіе Ольгерда и ознаменовавшіе свой набѣгъ тѣми „превосходными подвигами“, столь восхищавшими папу, о которыхъ мы упоминали выше. Совпаденіе краснорѣчивое не менѣе прямого документа. Временный союзъ ордена съ Казиміромъ былъ въ сущности весьма желателенъ для рыцарей. Устроившись въ Поморской землѣ, они съ спокойной увѣренностью смотрѣли на Литву, какъ на вѣрную въ близкомъ будущемъ добычу ³⁾. Правда, послѣ Литвы очередь была за Польшей, но теперь отчего было не содѣйствовать движенію Казиміра на Русь.—Руководители орденской политики были, конечно, хорошо знакомы съ

¹⁾ 1363 г. Урбанъ V объявляетъ индульгенцію на 12 лѣтъ для всѣхъ готовыхъ содѣйствовать Казиміру въ его борьбѣ: *quod ipse pro regni sui Polonie quod prope nationes pervergas infidelium consistit, defensione fidelium eget subsidiis adjuvari: Theiner, M. P. I, № 893.*

²⁾ De rebus, XII, 218.

³⁾ *Шайнога*, V, 135.

положеніемъ дѣлъ на Русь, благодаря обширнымъ и востояннымъ торговымъ сношеніямъ, могли, слѣдовательно, знать, что, содѣйствуя наступательному движенію Казимира, они рѣшительно парализуютъ тотъ слабій остатокъ силъ, какой еще представляла Польша сама по себѣ.

Вѣдь именно русскія дѣла Казимира доставили рыцарямъ выгоды Калишскаго мира, и не было никакихъ основаній предполагать, что дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ томъ же направленіи не предоставитъ ордену еще большихъ выгодъ. Все это въ достаточной степени рисуетъ политическій кругозоръ Казимира, о чемъ—къ слову сказать—любятъ распространяться польскіе историки. Казимиръ считалъ измѣнниками отечества всѣхъ недовольныхъ Калишскими условіями ¹⁾, заветной цѣлью его была Русь—степи Подолья, берега Чернаго моря ²⁾ (?). Не такъ давно—въ 1358 г.—именно туда—въ подольскія и причерноморскія степи приглашалъ рыцарей Ольгердъ; теперь ордену представлялась возможность замѣнить себя польскимъ государемъ. Политическіе планы Казимира могли такимъ образомъ исходить не только изъ венгерскаго Вышеграда, но и изъ нѣмецкаго Мариенбурга. Какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ въ 1366 г. планамъ этимъ благоприятствовали и другія обстоятельства: именно въ это время прекратились не безразличные для Казимира споры между императоромъ и королемъ венгерскимъ. Ободренный всѣми этими обстоятельствами Казимиръ, какъ сказано, двинулся на Русь. Подробности борьбы намъ неизвѣстны. Обстоятельство весьма важное: успѣхи Казимира 1366 г. были якобы блистательны. Онъ шагнулъ далеко, ступивъ на землю, выходящую даже за предѣлы бассейна Вислы, ибо къ нему, по обыкновенной версіи, перешли не только Городло, Любомль, Влучимъ, по Турійскъ, Ратно и Коширь. Такъ, по крайней мѣрѣ представляются результаты похода 1366 г. въ договорѣ, приводимомъ въ извлеченіи Парушевичемъ, единственномъ документѣ, на которомъ основывались до послѣдняго времени всѣ наши свѣдѣнія о событіяхъ этого года ³⁾. Если повѣрить этому документу, то необходимо предположить, что Казимиръ зашелъ такъ далеко, занялъ земли своимъ войскомъ, ибо ни по какому другому праву, кромѣ права завоеванія, онъ не могъ бы предъявлять на нихъ своихъ притязаній, никакого другаго права не могли признать и литовцы, и

¹⁾ Ib.

²⁾ *Смолка*, Rok 1366, стр. 70.

³⁾ *Historya*, Лейпцигск. изд. 1837, IX, 244 слл.

тѣмъ не менѣе о борьбѣ не слышимъ. Литовцы, говорятъ Нарушевичъ, не представили Казимиру никакого отпора, быть можетъ, вслѣдствіе затрудненій со стороны рыцарей,—догадка правдоподобна, но случай все-таки былъ бы безиримѣрный.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ 1352 г. мы видѣли солидарность Гедиминовичей; ея нельзя упускать изъ виду, ибо распределение литовско-русскихъ силъ подъ ихъ властью по тремъ фронтамъ — польскому, нѣмецкому и московскому могло предполагать болѣе или менѣе нерѣшительныя и слабыя дѣйствія на одномъ изъ фронтовъ, по дѣлало невозможнымъ совершенное открытіе его для вражескаго вторженія. — Уже поэтому успѣхи, предполагаемые документомъ у Нарушевича, кажутся сомнительными. Но сомнѣніе должно перейти въ прямое недоувѣріе, въ виду новаго документа, напечатаннаго недавно и представляющаго договоръ между Казиміромъ и Любартомъ, договоръ, который, по времени ни къ какому другому году, кромѣ 1366; отнесенъ быть не можетъ ¹⁾. Въ этомъ договорѣ опредѣляются границы владѣній Казиміра и Любарта, указывающія въ то же время и территорію борьбы, затѣмъ опредѣляются взаимныя торговыя и политическія отношенія. Обѣ стороны обязываются не измѣнять торговыхъ трактовъ и къ купцамъ относиться по старинѣ, помогать другъ другу противъ враговъ, при чемъ—последнее обстоятельство, будучи обоимъ, считается съ положеніемъ Любарта: онъ обязанъ не помогать братьямъ противъ короля, но въ то же время не будетъ помогать королю противъ братьевъ ²⁾. Для насъ самое важное въ документѣ—это граничная линія: „къ Володимірю отступается по толѣ: по Оуймицю ³⁾, по Пѣсчаный Бродъ ⁴⁾ по Еоуфимково село ⁵⁾, отъ

¹⁾ Архивъ Сангушковъ, I, № 1.

²⁾ Такимъ образомъ союзъ направленъ противъ третьяго лица, думаю—татаръ. Договоръ былъ заключенъ послѣ Синеводской битвы, то-есть, когда татары не могли уже оказать Казимиру какихъ-нибудь услугъ, но могли иногда тревожить его набѣгами.

³⁾ Въ 20 верстахъ къ востоку отъ Владимира.

⁴⁾ Конечно, не Пѣсчаны и Бродъ, ибо ниже: „а отъ Пѣсчана бродъ“.

Песчанка? — къ востоку отъ Турійска, ib., прим.—Песчаный бродъ упоминается еще ib., № 139, и положеніе его можетъ быть опредѣлено по смежнымъ мѣстамъ, тамъ же указываемымъ: онъ находился или въ южной части Ковельскаго уѣзда (всего вѣроятнѣе,—по картѣ генеральнаго штаба, тамъ же озеро Песчаное и рядомъ Гунчій Бродъ), или въ сѣверной части Луцкаго, въ обихъ случаяхъ недалеко отъ р. Стохода.

⁵⁾ Мѣстности съ этими или подходящимъ названіемъ я не нашелъ; не указана она и издателями акта.

Еоуфимкова села до Маркова става ¹⁾, отъ Маркова става по Львовскую дорогу къ Скоморохамъ ²⁾, а отъ Пѣсчана броду по Пинской мостъ ³⁾, а оттолѣ по Турью, поколѣ Турья прошла⁴⁾.

Хотя указанная здѣсь граница и не представляетъ полной закругленности, во всякомъ случаѣ она не оставляетъ никакого сомнѣнія, что сѣверные предѣлы земель, отошедшихъ къ Казимиру не переходили за Стоходъ (въ его направленіи отъ запада къ востоку) съ одной и верховьевъ Туріи—съ другой стороны. Если предположить, принимая во вниманіе документъ Нарушевича, что рассмотрѣнный договоръ представляетъ лишь предварительныя условія мира, опредѣленныя Казиміромъ и Любартомъ и требующія, по положенію Любарта, окончательнаго утвержденія со стороны другихъ литовскихъ князей, какъ это мы видѣли въ документѣ 1352 года, и что представлялъ бы въ такомъ случаѣ договоръ у Нарушевича, то какъ бы ни было, надо признать, что въ главномъ—въ уступкѣ земель, окончательный договоръ не могъ очень разниться отъ предварительныхъ условій. При сравненіи же обонхъ ясно, что по договору несомнѣнной подлинности Казиміръ получаетъ лишь округъ, простирающійся ко Владимиру съ весьма небольшимъ протяженіемъ къ востоку и сѣверу; по документу же Нарушевича приобрѣтенія его переходятъ за Припять; мало того, предполагаются нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, права Польскаго короля на земли, находящіяся въ значительномъ разстояніи къ сѣверу и къ югу. Въ обезпеченіе владѣній Кейстута и Ольгерда, говорится въ заключеніи Нарушевичева документа, король на будущее время отказывается отъ всякихъ правъ на Брестъ и Каменицу, а въ Подляшѣ на Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, равно на землю Кобринскую, составлявшую владѣніе Ольгерда ⁴⁾. Но, спрашивается, какое право могъ имѣть когда-либо Казиміръ на указанные здѣсь владѣнія? Въ настоящее время намъ извѣстны чуть ли не всѣ документы времени Казиміра; ни одинъ изъ нихъ, однако, не указываетъ не только на дѣйствительное его господство въ сѣверной части Волыни или Подляшья, но не даетъ даже основаній предполагать временнаго притязанія на нихъ съ его стороны. Есть пожалованія

¹⁾ При слияніи обонхъ Луговъ.

²⁾ На р. Бугъ, около Стенятка.

³⁾ Къ сѣверо-востоку отъ Владимира.

⁴⁾ *Rex nihil juris habiturus unquam in Keystati arces, in Brest, Kamienuca Dohieckun, Mielnik, Bielsk; Kobryn Magni ducis.*

Казиміромъ земель въ Подоліи, напримѣръ, села Пилавцы (Летичевскаго уѣзда) Щукоцкому, но эти документы несомнѣнно поддѣльны ¹⁾, и нѣтъ рѣшительно никакого признака дѣятельности Казиміра въ указанныхъ областяхъ. А между тѣмъ все вниманіе послѣднихъ годовъ царствованія Казиміра было обращено именно въ эту сторону. Больше 3000 гривенъ израсходовалъ король въ короткое время на Владимірскій замокъ, на смертномъ одрѣ съ безпокойствомъ устремлялъ туда свой заботливый взоръ, отправивъ съ Венцеславомъ Тавчинскимъ, завѣдывавшимъ укрѣпленіями, 600 гривенъ за 4 дня до смерти ²⁾. Мы знаемъ, съ какою горячею заботливостью относился Казиміръ къ Галицкой Руси, какъ не оставлялъ ничего, что могло бы содѣйствовать болѣе крѣпкой связи новопріобрѣтенныхъ земель съ Польшей; возможно ли, чтобы завоеванія 1366 года, въ теченіи 4 лѣтъ жизни Казиміра, были имъ оставлены рѣшительно безъ всякаго вниманія? Договоръ 1366 года, приводимый Нарушевичемъ изъ коропаго архива, не имѣетъ никакой даты (ни мѣста, ни времени), къ 1366 году онъ отнесенъ Нарушевичемъ лишь по соображенію его данныхъ съ показаніями Длугоша, при чемъ въ передачѣ содержанія договора Нарушевичъ прямо старается примирить и согласовать оба источника ³⁾, въ распредѣленіи земель заключаетъ въ себѣ ни съ чѣмъ не сообразныя невозможности; какимъ же образомъ можно придавать ему значеніе и вѣру. Въ польско-литовскомъ спорѣ за западно-русскія земли выдвигались поляками такіе аргументы, которые могли свидѣтельствовать лишь о незнаніи литовцами ихъ собственной исторіи или о необыкновенномъ нравственномъ преобладаніи надъ ними поляковъ. Что сказать, если оба предположенія сохраняютъ силу и по настоящее время, если подобные документы приводятся безъ оговорокъ и разъясненій въ русскіяхъ изслѣдованіяхъ и теперь? Договоръ, приведенный Нарушевичемъ, мы считаемъ не заслуживающимъ рѣшительно никакого вниманія: онъ представляетъ позднѣйшую и притомъ весьма грубую поддѣлку ⁴⁾. При сопостав-

¹⁾ *Н. Молчановскій*, Очеркъ, 188, стр. 1.

²⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 644.

³⁾ *Historja*, XI, 246 стр. 2.

⁴⁾ Характерно замѣчаніе К. Стадницкаго, *Synowie*, II, 43: *Spory dłuгоletnie które się toczyły między Litwą a Polską nie mogli mieć miejsca co do Wołyńia' bo ktoż wbrew oszczędności śmiał by zaprzeczyć że Kazimierz ziemię tę zawojował „Очевидность“ достигалась документомъ, приведеннымъ у Нарушевича!*

леніи съ несомнѣнной подлинности документомъ она очевидна. Замѣчательно, что о Нарушевичевомъ документѣ не упоминаетъ и описатель короннаго архива Кромеръ.

Въ указаніи результатовъ Казими́рова предпріятія въ 1366 г. мы должны поэтому ограничиться лишь рассмотрѣннымъ несомнѣннымъ договоромъ между Казими́ромъ и Любартомъ. Результаты эти заключались лишь въ приобрѣтеніи Казими́ромъ Владимира съ небольшимъ округомъ, а дѣятельность его въ послѣдніе годы жизни доказываетъ, что онъ всѣ силы обратилъ на то, чтобы сдѣлать этотъ городъ базисомъ дальнѣйшихъ приобрѣтеній или по крайней мѣрѣ окончательно упрочить его за собою. Говорить о какихъ-нибудь другихъ успѣхахъ Казими́ра мы рѣшительно не имѣемъ ни малѣйшаго основанія.

Былъ ли договоръ временнымъ перемиріемъ, или имѣлъ значеніе окончательнаго? Скорѣе можно предполагать первое, какъ потому что онъ былъ заключенъ только между Казими́ромъ и Любартомъ, безъ участія другихъ литовскихъ князей, такъ и потому что въ немъ находится, правда несовсѣмъ ясное, упоминаніе о какомъ-то срогѣ ¹⁾. Изъ письма Урбана V къ гнѣзненскому архіепископу ²⁾ мы узнаемъ, что въ 1369 году „договоръ между Казими́ромъ съ одной и нѣкоторыми схизматиками и невѣрными“ съ другой стороны, былъ послѣднимъ неожиданно нарушенъ, что, по врожденной злокозвенности, они произвели страшный набѣгъ, при чемъ разрушили нѣкоторые города въ предѣлахъ Краковской епархіи, но самая неопредѣлѣнность папскихъ выраженій заставляеть предполагать, что окончательнаго договора отъ лица всѣхъ литовскихъ князей, какъ въ 1352 году, заключено не было, и что набѣгъ 1369 г. могъ быть произведенъ Кейстутомъ, который не чувствовалъ себя связаннымъ договоромъ, заключеннымъ между Казими́ромъ и Любартомъ, хотя своимъ набѣгомъ несомнѣнно дѣйствовалъ въ пользу послѣдняго. Это обстоятельство является лишь подтвержденіемъ всегдашней солидарности дѣйствій Гедиминовичей. Во всякомъ случаѣ, набѣгъ 1369 г. представляетъ отдѣльный эпизодъ, не измѣнившій до смерти Казими́ра взаимнаго отношенія враждебныхъ сторонъ.

¹⁾ „оль (?) на годъ именьть Дмитріевъ день“ (26 октября). Предположеніе, что срокъ этотъ относится лишь къ условію взаимной помощи (ib., пр.), не имѣетъ за себя никакихъ основаній. Думаю, срокъ скорѣе относится ко всему договору. Текстъ во всякомъ случаѣ неясенъ, вѣроятно, здѣсь пропускъ.

²⁾ *Theiner*, M. P., I, № 882.

1370—1377 г.

5-го ноября 1370 года умеръ Казиміръ ¹⁾. Лишь только, говоритъ Янъ,—смерть Казиміра сдѣлалась извѣстною, Кейстутъ съ Любартомъ напали на Владимірскій городъ и, несмотря на полную возможность защищаться въ новѣхъ укрѣпленіяхъ, начальникъ владимірскаго гарнизона, Петрашъ Турскій изъ Ланчицы, сдалъ его безъ всякаго сопротивленія литовцамъ, которые немедленно разрушили повный каменный городъ, довольствуясь старымъ деревяннымъ ²⁾,—поступокъ, совершенно естественный въ виду того, что единственно этотъ каменный городъ былъ оплотомъ польскаго владѣтельства на Волыни. 600 гривенъ, отправленныхъ Казиміромъ на смертномъ одрѣ для укрѣпленій Владиміра, не дошли по назначенію и были возвращены въ королевскую казну ³⁾. Ударъ за ударомъ посыпались на Польшу, не давая полякамъ возможности опомниться: одновременно съ занятіемъ Волыни литовцами, попалъ въ руки Бранденбургскаго маркграфа Сантокъ; въ то же время вель себя подозрительно Мазовскій Сомовитъ, не явившійся на коронацію для возобновленія присяги и захватившій, кромѣ того, подъ свою власть четыре города ⁴⁾. Его связи съ Литвой вызвали даже виѣшательство папы Григорія XI въ 1371 году ⁵⁾. Поляки обнаруживаютъ полную апатію: онолченіе на выручку Сантока собиралось лѣнливо, литовцамъ не было оказано никакого сопротивленія ⁶⁾. Людовику, вообще равнодушному къ польскимъ дѣламъ, событія на отдаленной окраинѣ государства могли казаться не заслуживающими особаго вниманія. Для него, династа по преимуществу, Сомовитъ долженъ былъ являться гораздо болѣе опаснымъ; но равнодушіе поляковъ, окружавшихъ Елизавету, къ дѣ-

¹⁾ Мы не делаемъ никакого перерыва, потому что дальнѣйшій ходъ борьбы представляетъ естественное продолженіе предшествовавшаго.

²⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 643.

³⁾ Ib.

⁴⁾ *Длугошъ*, подъ 1370, IX, 323.

⁵⁾ *Шуйскій*, *Orowiad.*, 79.

⁶⁾ Разказъ Длугоша о посольствѣ Елизаветы къ Кейстуту (подъ 1370, X, 330) совнителемъ. Объясненіе Каро, что Людовикъ былъ занятъ европейскими дѣлами, а Елизавета, по женскому легкомыслію, наслаждалась властью и сопро-вѣщаніемъ, оставленными братомъ (G. P., II, 376), не можетъ удовлетворить насъ; у Елизаветы вѣдь были совѣтники, да и она сама не чужда была политическаго пониманія. См. *Шайноха*, *Dzieła*, IV: *Siostra Kazimierza W. we Włoczech.*

ламъ на востокѣ, заслуживаетъ вниманія. Вѣдь если вѣрить Длугошу, литовцы, увлеченные успѣхомъ, дошли до Сандомира. Показаніе Длугоша ¹⁾, впрочемъ, не подтверждается Япомъ, который совершенно молчитъ о литовскомъ набѣгѣ.

Семь лѣтъ литовцы спокойно владѣли возвращенными отъ поляковъ землями, и замѣчательно—ни разу вниманіе поляковъ не обращалось въ эту сторону.

1372 г., октября 10-го, Людовикъ передалъ Русь, то-есть, Галичину, Владиславу Опольскому ²⁾. Другаго правителя, болѣе подходящаго для его цѣлей, врядъ ли удалось бы ему найти. Возможныя со стороны поляковъ недоразумѣнія, въ случаѣ назначенія какого-нибудь венгерца, устранялись въ данномъ случаѣ тѣмъ, что Владиславъ, хотя и не любимый шляхтой, былъ все-таки польскій князь—Пясть, и этотъ титулъ вполне покрывалъ, по крайней мѣрѣ на видъ, дѣйствительную сущность вещей—передачу Галичины венгерскому намістнику. Для насъ, впрочемъ, интереснѣе пока вопросъ о границахъ Руси, переданной Владиславу въ управленіе. Мы видѣли, что Владимірскій округъ отошелъ къ Либарту немедленно послѣ смерти Казимира, затѣмъ до 1377 г. мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ Владислава къ Белзско-Холмской землѣ; очевидно, она не была ему подвѣдома. Остается слѣдовательно Русь въ предѣлахъ договора 1352 г. Только въ 1377 г. Владиславъ учреждаетъ въ Белзѣ складъ соли и другихъ товаровъ, причемъ „литовцы“, то-есть, русскіе, находившіеся подъ властью Литвы, должны были запастись солью въ Белзѣ и не посѣщать Галицкую Русь ³⁾. Очевидно, здѣсь они были опасными гостями. Такимъ образомъ Холмско-Белзская земля не состояла ни въ какихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, при жизни Казимира. Въ ней спокойно правилъ Юрій Наримунтовичъ. Семилѣтнее правленіе Владислава представляетъ во внутренней жизни Галицкой Руси эпоху чрезвычайно важную. Мы укажемъ ея значеніе при обзорѣ внутреннихъ дѣлъ страны, теперь продолжимъ очеркъ затихшей, но еще не оконченной борьбы за Галичъ. Мы уже указывали на равнодушіе поляковъ къ дѣламъ, происходившимъ на восточной

¹⁾ X, 331. Разказъ Длугоша о чудѣ, на чешъ, между прочимъ, Стадицикій основываетъ его достоверность (Synowic, II, 47 пр. 75), представляетъ, очевидно, легенду, связанную съ литовскими набѣгами. Подобный же разказъ встрѣчаемъ у Выховца, при описаніи маладенія Ягайла, стр. 28.

²⁾ А. Гр. и З., III, № 20.

³⁾ *Baliński-Lipiński*, *Starożytna Polaka*, II, 2, 1177.

границѣ государства. Людовикъ не считалъ нужнымъ обращать на нихъ особенное вниманіе, но, можно думать, онъ не совсѣмъ упустилъ ихъ изъ виду, постаравшись затруднить литовцевъ борьбою съ рыцарями, на которыхъ Людовику дѣйствовать было не трудно. Не мало обстоятельство тѣснѣйшимъ образомъ связывало Людовика съ рыцарями. Въ юные годы онъ воевалъ съ негѣрными подъ орденскими знаменами; хозяйственный и меркантильный по натурѣ, Людовикъ не могъ въ зрѣлые годы не отдавать въ этомъ отношеніи справедливости рыцарямъ; не говоримъ уже о его пѣмецкихъ симпатіяхъ вообще. — Вотъ почему при Лювикѣ орденъ пользовался широкими торговыми правами въ Польшѣ, въ значительный ущербъ польскимъ, особенно краковскимъ купцамъ. Поэтому-то рыцари вспоминали съ особеннымъ умиленіемъ времена Людовика: „О, еслибы жилъ еще король Людовикъ,—не нанесли бы намъ никакой кривды!... То-то былъ король справедливый, всегдашній нашъ милостивецъ и защитникъ... днемъ и ночью молимся о его душѣ“¹⁾. Такому королю было, конечно, не трудно пользоваться услугами рыцарей для того, чтобы причинять затрудненія литовцамъ. — Если ограничиться лишь свѣдѣніями, сообщаемыми Длугошемъ²⁾, то можно полагать, что, начиная съ 1371 до 1376 г. не проходило ни одного года безъ набѣга рыцарей на владѣнія Кейстута, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ набѣговъ были направлены именно на Русь, близкую къ владѣніямъ Любарта. Такъ въ 1373 г. Балгскій командоръ напалъ на сѣверную Волынь и дошелъ до Каменицы. Такимъ образомъ Кейстутъ былъ совсѣмъ лишенъ возможности содѣйствовать брату, а съ собственными средствами Любартъ могъ и не рѣшиться выступить на борьбу, въ виду силъ соединенныхъ государствъ—Польскаго и Венгерскаго, такъ что набѣгъ литовцевъ 1376 г. произошелъ въ этомъ году только потому, что не могъ быть произведенъ раньше.

Соединенныя силы Любарта, Кейстута и Юрія Наримунтовича черезъ Люблинскую землю внесли въ ноябрѣ страшное опустошеніе въ Сандомірскую область. Набѣгъ былъ жестокой, и безчисленное множество народа было уведено въ плѣнъ³⁾. Литовцы дѣйствительно какъ будто старались выместить старыя обиды. Не мало было ихъ,

¹⁾ Voigt, Cod. dipl. Prus., IV, 139, цитата по Шайможъ, V, 138.

²⁾ X, 345, 349, 352, 356, 360, 368; Ср. впрочемъ Boldt, Der deutsche Orden u. Litfauen 1370—1386. Königsb., 1873, стр. 21 слл.

³⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 675. По лѣтоп. Малопольск., ib., III, 201, уведено было 23 тысячи человекъ.

и притомъ весьма существенныхъ, если имѣть въ виду дѣятельность Владислава въ Галицкой Русѣ.

Людovicу пришлось, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на восточную границу. Онъ обращается къ польскому духовенству съ предложеніемъ оказать матеріальное содѣйствіе къ предстоящему походу, но результаты не вполнѣ отвѣчали его надеждамъ: всего лишь 200 гривенъ получилъ Людovicъ отъ архіепископа въ Сандомірѣ, куда прибылъ черезъ Саноцкія горы, вѣроятно, въ началѣ іюня 1377 г. ¹⁾.

Двумя отрядами двинулись войска на Русь: поляки подъ руководствомъ Сендзява изъ Шубина пошли на Холмъ, венгерцы на Белзъ, гдѣ съ главными своими силами заперся Юрій. Съ венгерскими войсками находился, вѣроятно, и Владиславъ Опольскій.— Въ теченіе недѣли, по сообщенію польскихъ анналистовъ, управились поляки съ Холмомъ, послѣ чего присоединились къ венграмъ. Скоро между осаждающими произошли крупныя недоразумѣнія, могшія печально отразиться на исходѣ всего предпріятія ²⁾; но явился для переговоровъ Кейстутъ, и военныя дѣйствія прекратились. Литовцы обязались сдать Белзъ и возвратить плѣнныхъ, захваченныхъ, очевидно, въ предыдущемъ набѣгѣ. Только теперь такимъ образомъ были приобрѣтены отъ Литвы земли Белвская и Холмская, но даже теперь предѣлы польскихъ завоеваній не дошли еще до границъ, указываемыхъ въ договорѣ у Нарушевича ³⁾. Походъ былъ предпринятъ Людovicомъ не даромъ: весь лѣвый берегъ Буга теперь оказался въ полной его власти, а у Юрія была отнята всякая возможность возбуждать новыя для поляковъ затрудненія. вмѣсто отнятыхъ у него земель, ему былъ данъ дань Любачевъ и сто гривенъ изъ соляныхъ доходовъ въ Вохнін ⁴⁾.

Военныя дѣйствія 1377 г. представляютъ поворотный моментъ въ исторіи занимающей насъ борьбы. Въ дѣйствіяхъ литовцевъ не видимъ уже той энергіи и единства, какими всегда отличались они раньше. Юрій мужественно защищается въ Белзѣ, но со стороны

¹⁾ Время похода — июль—августъ, *Ржежабекъ*, въ *Сазор.*, 200, пр. 59, на основаніи св. гг. рг. II, 115.

²⁾ Кронеръ, XIII, 228.

³⁾ Длугошъ, Кронеръ и латон. Кулевск., называютъ Белзъ, Холмъ, Городло, Грободецъ и Всеволожъ (не волынекій, *Стадницкій*, *Synowie*, 1, 35 пр. 47, но положеніе его неизвѣстно); Янъ говоритъ вообще о землѣ Белвской и Холмской.

⁴⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 679; *Ржежабекъ*, въ *Сазор.*, 199.

Любарта не получаетъ поддержки. Кейстутъ является въ польско-венгерскій лагерь какъ разъ тогда, когда въ немъ обнаружилась вражда и нестроеніе, и тѣмъ не менѣе не думаетъ ими пользоваться. Все это такъ рѣзко отличается отъ прежняго образа дѣйствій литовскихъ князей, что могло произойти лишь вслѣдствіе важныхъ причинъ.—Дѣйствительно весной 1377 г. умеръ Ольгердъ ¹⁾).

Въ дѣятельности трехъ Гедиминовичей нельзя не замѣтить строгаго и выдержаннаго распредѣленія ролей. Кейстутъ является по преимуществу борцомъ съ нѣмцами, Ольгердъ занимается дѣлами русскими и татарскими, Любартъ стоитъ на стражѣ интересовъ Литвы со стороны Польши. На трехъ фронтахъ державы Гедимина мы видимъ по его смерти трехъ его сыновей, унаслѣдовавшихъ отъ отца, какъ показываютъ ихъ дѣла, его великій духъ. Дѣятельность ихъ представляетъ рѣдкій, едва ли не единственный въ исторіи примѣръ не только стойкости и мужества, но и такихъ истинно братскихъ отношеній, которыя въ болѣе извѣстныхъ намъ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута вызываютъ общее удивленіе историковъ. Картина, однако, не полная, ибо въ ней недостаетъ третьяго брата. Удалившись на югъ еще при жизни отца, онъ остался на мѣстѣ до самой кончины. Сорокъ лѣтъ провелъ въ неустанной борьбѣ. Сознаніе важности занимаемаго имъ поста, непрерывная опасность со стороны врага не давали Любарту никакой возможности принимать участіе въ другихъ литовскихъ дѣлахъ — вотъ почему молчатъ о немъ восточно-русскіе и нѣмецкіе историки. И западно-русскій лѣтописецъ въ трогательной характеристикѣ отношеній Ольгерда и Кейстута ²⁾ не даетъ Любарту мѣста, принадлежащаго ему по нелицепріятному свидѣтельству историческихъ фактовъ, а столь вообще многословный Длугошъ сумѣлъ быть сжатымъ; въ его характеристикѣ: „мужъ двуличный и коварный“ — вотъ и все, что сказалъ Длугошъ о личности Любарта ³⁾).

Такъ заплатила Любарту исторія, продолжаетъ платить той же монетой и донныѣ, ибо и въ новѣйшихъ трудахъ—даже русскихъ—встрѣчаемъ упоминаніе объ „отчужденіи Любарта отъ братьевъ, которіе не прочь были отхватить у него частицу его богатой земли“ ⁴⁾).

¹⁾ К. Стадницкій. Olg. i Kiejst., 157, пр. 348.

²⁾ Лѣтоп. Попова, 28.

³⁾ IX, 306: vir ambiguae fidei et dolositatis plurimae.

⁴⁾ Андрияшевъ, Очеркъ, 216.

Все это лишь плодъ недоразумѣній и недостаточно яснаго представленія дѣла. Говоря выше о Берестѣѣ, мы указывали на естественность постояннаго участія Кейстута въ русско-польской борьбѣ; но не только Кейстутъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе. Въ интересахъ обоихъ братьевъ дѣйствуетъ и Ольгердъ; всѣ три Гедиминовича обращаютъ усиленное вниманіе на западную границу, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ нельзя усмотрѣть ни тѣни какого-нибудь соперничества, зависти или чего подобнаго. Договоръ 1352 г. сохраняетъ намъ весьма характерную и дорогую черту взаимныхъ отношеній Гедиминовичей: „а на счетъ Любартова плѣненія, предоставляемъ рѣшеніе панамъ угорскимъ... если плѣнилъ его король по кривдѣ (несправедливо), Любартъ будетъ правъ, и я князь Кейстутъ буду правъ передъ угорскимъ королемъ; если же правъ окажется король, мы дадимъ ему брата Любарта въ плѣнъ“. Трудно сказать, который изъ братьевъ въ данномъ случаѣ старается очистить другаго отъ малѣйшаго подозрѣнія въ коварствѣ даже со стороны врага и въ такомъ дѣлѣ, какъ бѣгство изъ плѣна во время военныхъ дѣйствій; во всякомъ случаѣ, оба брата выступаютъ здѣсь за одно, каждому рыцарская честь другаго столь же дорога, какъ и своя. Какъ будто идеальныя понятія о рыцарской чести, ослабѣвъ на западѣ—вспомнимъ плѣненіе Казиміромъ Карла Люксембурга и бѣгство послѣдняго изъ плѣна,—нашли себѣ мѣсто въ сердцахъ Гедиминовичей! Послѣ 1352—1353 гг. мы видимъ постоянное участіе Кейстута въ дѣлахъ Любарта, то вмѣстѣ съ нимъ, то отдѣльно отъ него, но всегда съ одною цѣлью—содѣйствія и помощи. И теперь, въ 1377 г., только что потерявъ одного брата, съ которымъ былъ едино, Кейстутъ тѣмъ не менѣе является въ союзный лагерь враговъ хлопотать о дѣлѣ другаго брата.

Но богатырскія силы героя надломлены постигшимъ его ударомъ. Не предводителемъ грознаго набѣга, какъ бывало, не на выручку осажденнаго и отчаянно отбивающагося въ Белзѣ племянника является Кейстутъ въ непріятельскій лагерь. Нѣтъ! Безъ войска, вѣроятно, въ сопровожденіи лишь небольшой свиты, является онъ для переговоровъ, а затруднительное положеніе союзниковъ ускоряетъ заключеніе мира. Мы не знаемъ, какое еще доказательство нужно для подтвержденія истинно-братскихъ отношеній не двухъ лишь, а трехъ Гедиминовичей во все продолженіе ихъ княженія? Бездѣйствіе литов-

цевъ въ 1377 г. объясняется такимъ образомъ совершенно естественно, нося на себѣ явную печать преслѣдующаго ихъ злаго рока ¹⁾).

1377—1387 гг.

Объ отношеніи Холмско-Белзской земли къ Польшѣ съ 1377 г. не находимъ опредѣленныхъ указаній въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ; документы не представляютъ никакихъ данныхъ о дѣятельности въ ней поляковъ. Въ 1377 г., іюля 26-го, то-есть, еще во время пребыванія здѣсь мадыарско-польскаго войска, Людовикъ жалуетъ братьямъ Дмитрію и Яну города Горай и Красникъ ²⁾, а Владиславъ Опольскій прибавляетъ еще Щебрешинъ ³⁾. Вѣроятно, ко времени непосредственно по заключеніи мира относится грамота того же Владислава Белзу, о которой мы упоминали выше, но о позднѣйшей дѣятельности правителя Галичины въ Холмско-Белзской землѣ ничего не знаемъ. Что означаетъ это отсутствіе свѣдѣній, трудно сказать; но мы не рѣшаемся сопоставлять это умолчаніе съ таковымъ же въ 1340 г. относительно Галичины, въ 1349 г. относительно Волни ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, если о Белзѣ встрѣчаемъ упоминаніе, относящееся ко времени мадыарскаго господства, какъ о городѣ, подлежащемъ власти угровъ ⁵⁾, то Холмъ еще въ послѣдній моментъ борьбы ⁶⁾ и потому во время дипломатической борьбы между Польшей и Литвой въ XV вѣкѣ возбуждалъ характерныя сомнѣнія ⁷⁾.

¹⁾ Бронеръ, XIII, 228, упоминаетъ еще о двукратномъ набѣгѣ литовцевъ послѣ 1377, но намъ не пришлось встрѣтить подтвержденія его показаній. Во всякомъ случаѣ смерть Ольгерда составляетъ въ исторіи русско-польской борьбы разный переломъ, хотя даже тогда трудно было предвидѣть окончательный ея исходъ.

²⁾ *Грабовскій-Пржесдвнскій, Złota, 1, 141.*

³⁾ *Staroż. Polska, II, 2, 809.*

⁴⁾ Переговоры съ куріей объ учрежденіи епископскихъ кафедр въ сущности ничего не уясняютъ въ данномъ случаѣ уже потому, что въ нихъ упоминается о Владимірѣ, находившемся безъ всякаго сомнѣнія во власти Литвы. Мы указываемъ лишь на неопредѣленность отношеній Холмско-Белзской земли къ другимъ землямъ державы Людовика. Надо, однако, сказать, что, быть можетъ, такая неопредѣленность входила въ планы послѣдняго.

⁵⁾ Въ грамотѣ Эмерика Вебека, 22-го января 1384 г., въ подписяхъ находимъ (Ladislaw) filio Rega caritaneo nostro de Belz. А. Гр. к 3, II, 19.

⁶⁾ Ижевъ въ виду сопротивленіе польской власти западно-русскаго боярина Крупы. Объ этомъ загадочномъ, но весьма характерномъ эпизодѣ будетъ сказано ниже.

⁷⁾ *К. Стадницкій, Synowie, 1, 27.*

Походъ Людовика на Русь не остался безъ важныхъ послѣдствій не только по отношенію къ Литвѣ. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ на Руси и выждавъ послѣ этого нѣкоторое время, Людовикъ нашелъ, что посредничество Онольскаго въ присоединеніи Руси къ Венгрии болѣе не нужно. 13-го января 1379 г. Владиславъ отказывается отъ управленія Русью ¹⁾, официально констатируя дѣло, рѣшенное въ концѣ предыдущаго года ²⁾. Обширныя пожалованія и роль, предоставленная Владиславу въ Польшѣ, свидѣтельствуютъ, что Людовикъ могъ имѣть въ виду недовольство поляковъ его дѣйствіями, и что подъ конецъ своего правленія, обезпечивъ себѣ съ ихъ стороны все, чего желалъ, готовъ былъ и не церемониться съ ними ³⁾. Немедленно по удаленіи Владислава, Людовикъ занимаетъ Русь мадьярскими гарнизонами ⁴⁾. Судя по тому, что и въ пограничныхъ съ владѣніями Любарта городахъ видимъ мадьярскихъ начальниковъ, должно думать, что занята была вся Русь. Со стороны поляковъ никакихъ противодѣйствій не видно.

11-го сентября 1382 года умеръ Людовикъ. Мадьярскіе начальники волнскихъ городовъ сдаютъ ихъ Любарту. Это было послѣднимъ извѣстнымъ намъ дѣломъ главнаго героя польско-русской борьбы. Состояніе, въ которомъ мы видѣли Кейстута въ союзномъ лагерѣ подъ Велзомъ, не можетъ дать и приблизительнаго понятія о томъ невыразимо трагичномъ положеніи, въ какомъ долженъ былъ очутиться Любартъ, когда гнусная расправа Ягайла надъ Кейстутомъ окончательно уничтожила равновѣсіе литовскихъ силъ, какъ разъ въ то время, когда содѣйствіе Кейстута въ борьбѣ съ Польшей могло имѣть особенно важное значеніе ⁵⁾; и надо было обладать дѣйствительно богатырскимъ духомъ, чтобы даже послѣ этого сдѣлать попытку къ возвращенію потеряннаго. Дальнѣйшія дѣйствія были бы однако бесполезными, и мы уже не видимъ Любарта во главѣ за-

¹⁾ А. Гр. и З, III, № 27.

²⁾ Добржинская земля была пожалована Владиславу 8-го декабря 1378 г. Иб., V, № 14.

³⁾ Вопросъ о правленіи Владислава въ Польшѣ вызываетъ разногласія, но онъ для насъ посторонній; ср. *Шуйскій*, *Orowiad*, 110—111 и *Брейтеръ*, *Владиславъ Онольскій*, гл. IV. Впрочемъ, доводы послѣдняго намъ не кажутся убедительными.

⁴⁾ Ягъ, М. Р. Н., 680, Длугошъ, X, 374, Кромеръ, XIII, 229 ограничиваются общими словами, не перечисляя занятыхъ уграми городовъ.

⁵⁾ Кейстутъ былъ удушенъ, по всей вѣроятности, около 15-го августа.

надно-русскихъ полковъ, ведущаго ихъ на самую русско-польскую границу понтъ коней въ Вислѣ! Вынужденное бездѣйствіе послѣднихъ лѣтъ его жизни, тотъ никѣмъ не предвидѣнный поворотъ литовско-русской исторіи, начало котораго происходило на его глазахъ, долженъ былъ невыразимо тяготить литовско-русскаго богатыря, всю жизнь прожившаго на Руси, всѣ силы посвятившаго ея интересамъ. Все это, вѣроятно, и ускорило его кончину. Если онъ и не видѣлъ торжества поляковъ, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ чувствовать, что всѣ его труды и усилія пропали безъ пользы. Онъ умеръ до 1386 г., представивъ собою наглядный примѣръ гармоническаго сліянія Литвы-Руси какъ разъ въ то время, когда судьбѣ угодно было рѣзко и безжалостно повернуть ихъ исторію на совсѣмъ другой путь.

Какая по истинѣ трагическая судьба!

Съ удаленіемъ Либарта съ исторической сцены, борьба за галицко-владимірское наслѣдіе, собственно говоря, прекращается.

Правленіе Маріи, послѣ отказа ея отъ польской короны, представляетъ время ничѣмъ не маскируемаго господства угровъ въ Галичинѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ оно, какъ увидимъ ниже, ознаменовалось довольно важными фактами и продолжалось до 1387 г. Событія этого года бросаютъ ретроспективный, но яркій свѣтъ на взаимныя отношенія къ Галичинѣ Польши и Литвы.

18-го февраля 1386 г. Литовско-Русскій государь „Яковъ Ондревичъ“, какъ называется его надпись на колоколѣ, пожертвованномъ имъ вилешской церкви св. Параскевы ¹⁾, соединился брачными узами съ Польскою королевою Ядвигою. Ничѣмъ не подготовленное, а потому непотвѣжное, безпримѣрное въ исторіи счастье засіяло теперь на потускнѣвшемъ польскомъ горизонтѣ! Въ концѣ того же мѣсяца послѣдовала злокозненная смерть нимолетнаго Венгерскаго короля Карла Неаполитанскаго, вызвавшая возстаніе въ южныхъ провинціяхъ государства. Вновь ставшая королевою Марія и виновница преступленія Елизавета отправились туда для его усмиренія; здѣсь разыгралась надъ ними ужасная драма. Захваченныя въ плѣнъ сторонниками Карла, онѣ шесть мѣсяцевъ оставались въ плѣну, а въ февралѣ 1387 года Елизавета, въ присутствіи дочери, была задушена. Судьба Маріи

¹⁾ М. Смирновъ, Ягелло-Яковъ-Владиславъ. Одесса. 1868, стр. 173.

еще нѣкоторое время вызывала самыя тревожныя опасенія. Какія чувства должны были волновать ея сестру Ядвигу, когда до нея дошли вѣсти о катастрофѣ въ далматскомъ Новоградѣ, едва ли можно себѣ представить; но о чемъ думали въ это время малопольскіе виновники недавняго краковскаго брака, на это указываютъ послѣдовавшія въ мартѣ того же года событія.

Увѣрившись—именно въ исторіи брака—въ возможности безцеремоннаго обращенія съ Ядвигой, малопольскіе паны, не обращая вниманія на ея душевное состояніе, въ отсутствіе Ягайла, увлекаютъ королеву на Русь. 1-го марта прибыли въ Городокъ (около Львова). Этого числа Ядвига выдала львовянамъ документъ на свободный проѣздъ изъ Львова въ Городокъ и обратно ¹⁾, скрѣпленный отдѣльнымъ согласіемъ пановъ, слутниковъ Ядвиги ²⁾. Переговоры продолжались недолго. 8-го марта Ядвига съ панами была уже въ городѣ, гдѣ и подтвердила всѣ его права и вольности, даже безъ различія національности. Уничтоженіе повинностей, наложенныхъ „нѣкоимъ лицомъ“ по смерти Казимира „не по праву и справедливости“ ³⁾, являлось отвѣтомъ на проски Владислава Опольскаго ⁴⁾. Польской „амазонкѣ“ ⁵⁾ не удалось однако завершить дѣло одними польскими силами, пришлось призвать на помощь литовскихъ князей,—только они, очистивъ для поляковъ Галичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ фактически устранили изъ Галичины послѣдняго посторонняго претендента ⁶⁾. Другими словами, борьба была завершена случайностью,

¹⁾ А. Гр. и З., III, № 40.

²⁾ *Ib.*, № 41.

³⁾ *Ib.*, № 42.

⁴⁾ *Ib.*, II, № 14 и 15. Что кое-гдѣ эти проски могли имѣть успѣхъ, видно изъ сопоставленія документовъ: *ib.*, II, № 13 и *ib.*, VI, № 1. Быть можетъ, они не остались безъ вліянія и на упорное сопротивленіе Бенедикта въ Галичѣ, хотя оно могло обуславливаться и значительностью собравшихся здѣсь венгерскихъ силъ. Во всякомъ случаѣ предположеніе Вагиленича о двойной игрѣ Владислава Опольскаго (*ib.*, III, 73, пр.) излишне.

⁵⁾ *Голембіовскій*, *Rapowanie Władysława Jagiełły*, 77: „pod niebytność Władysława, królowa, jak Amazonka druga, zgromadziwszy hufce, na Ruś szeregową wkrocza». Въ какой степени могла принадлежать Ядвигѣ активная роль и какъ идетъ къ ней въ ея душевномъ состояніи, сравненіе съ амазонкой, нечего объяснять.

⁶⁾ Князья гарантировали Бенедикту не только безопасность, но и милость великаго князя, и дѣйствительно, Ягайло подтвердилъ ему владѣніе нѣвніями въ Жидачевскомъ, Львовскомъ и Белзскомъ округахъ. *Голембіовскій*, *ib.*, прибавл. 132, стр. 501. Смыслъ документа невярно переданъ въ *Inventarium*, 250.

которой никакъ нельзя было предвидѣть до роковаго Краковскаго брака.

Когда Ягайло вернулся изъ своей миссіонерской поѣздки въ Литву, дѣло было уже сдѣлано; ему оставалось только подтвердить его отъ своего имени ¹⁾; но столь поспѣшная экспедиція малопольскихъ пановъ съ Ядвигой на Русь, именно во время отсутствія Ягайла, неудовольствія, возникшія между супругами, причину которыхъ указываютъ именно въ дѣйствіяхъ Ядвиги на Руси ²⁾, негодование литовскихъ князей, котораго отчасти не могъ не раздѣлять и Ягайло, и которое дало поводъ къ слухамъ объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, вызвавшимъ со стороны Ягайла — впрочемъ уже тогда, когда польская корона была за нимъ обезпечена — торжественное опроверженіе ³⁾, все это, повторяемъ, бросаетъ яркій свѣтъ на отношенія Галичины къ Польшѣ и Литвѣ. Въ этомъ заключительномъ эпизодѣ даже К. Стадницкій видитъ „верхъ (arcydzielo) дипломатіи, осмотрительности, расчета и необыкновенно ловкаго уловленія момента со стороны коронной рады“ ⁴⁾.

Не будемъ спорить. Отмѣтимъ только, что въ обоихъ указанныхъ документахъ, опровергающихъ слухи объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, явно сказываются тонъ, языкъ и слогъ польской канцеляріи, которые она тогда только еще выработывала въ присяжныхъ грамотахъ, отбираемыхъ отъ литовскихъ князей на вѣрность Ягайлу и „коронѣ“, и которые затѣмъ въ полномъ блескѣ стилизаціи сказались въ Городельскомъ актѣ.

Такъ завершилась окончательно борьба за Галичину. Дальнѣйшее, какъ напримѣръ, обѣщаніе вѣчной вѣрности королю Владиславу и его сыну со стороны русской (то-есть, львовской, галицкой и перемышльской) шляхты, данное въ 1404 г. въ Галичѣ ⁵⁾, или такое же обѣщаніе, данное 9-го октября 1425 г. представителями Львова ⁶⁾,

¹⁾ А. Гр. и З. III, № 44. Грамота армянамъ, ib., № 45; предоставленіе львовлянамъ права самимъ избирать войта, ib., № 46.

²⁾ Каро, III, 69; К. Стадницкій, Synowie, II, 131.

³⁾ 30-го сентября 1388, А. Гр. и З., II, № 17; снова возобновлено 1-го октября 1389, ib., III, № 50.

⁴⁾ Synowie, II, 129.

⁵⁾ Даниловичъ, Skarbiec, № 785.

⁶⁾ А. Гр. и З., IV, № 73. Замѣчательно: все — ильци; А. Мосбахъ, Roszątek Unii Lubelskiej. Poznań. 1872, стр. 4, говоритъ однако по этому поводу: „to też stolica Czerwonej Rusi objawiając swoje mocne przywiązanie do Polaki... Эта „сто-

все это только естественныя слѣдствія событій 1387 года, давшія возможность, въ дальнѣйшемъ развитіи, подвести Галицкую Русь по Единской конституціи въ 1433 г. наравнѣ со всѣми другими польскими землями подъ одинъ законъ и одно право ¹⁾).

Галицкая Русь еще долго служила предметомъ спора, но уже не между Польшей и Литвой, а между Польшей и Венгріей. Еще въ 1440 г. избранный на венгерскій престолъ Владиславъ Ягайловичъ обѣщалъ созвать чины обоихъ государствъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Предполагаемый съѣздъ однако не состоялся. Венгерско-польскій споръ за Галичину, будучи исключительно дипломатическимъ, ничѣмъ не отражался на судьбахъ Галицкой земли, ни въ чемъ не нарушалъ выпавшаго на ея долю хода исторической жизни, почему онъ и не представляетъ для насъ никакого значенія.

И. Филовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

лица⁴, конечно, не имѣла съ Русью рѣшительно никакой другой связи, кромѣ торговой прибыли.

¹⁾ Voll. legg., 1, 93.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVII.

1890.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	26
А. И. Красновъ. Географія какъ новая университетская наука . .	233
И. А. Тихомировъ. Первая Полювская летопись послѣ паденія Полюва	246
И. И. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руон за Галицко-Владимирское наслѣдіе (<i>продолженіе</i>).	263
А. И. Маркевичъ. Разрядная книга въ Парижской національной библіотекѣ	303

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

И. А. Сырку. Glasnik zemaljskog muzsja u Bosni i Hercegovini. Urednik K. Hörtmann. Sarajevo. 1889 (<i>продолженіе</i>).	310
А. О. К. С. А. Венеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I. С.-Пб. 1886—1889	346
Б. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Великіе и удѣльные князья сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ. А. В. Экземпларскаго. Т. I. С.-Пб. 1889	353
А. Н. Веселовскій. Dvě povědky v české literatuře xv století. Podava Dr. J. Polínka. V. Praze. 1889	356
И. М. М. Цѣц. Июльскій и Орсибуртскій край въ прежнее его состояніи до 1758 года. В. И. Виттескаго. Вып. 1—2. Казань. 1889—1890	361
Н. И. Веселовскій. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. С. Бьлюкурова. Вып. I. М. 1889	365
— Книжныя новости.	385
Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Народное образованіе въ Италіи.	33
Ю. А. Кулаковскій. По поводу предполагаемаго русскаго учебнаго изданія классическихъ авторовъ	100

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія Наукъ въ 1889 году.	49
--	----

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Mueller. De Accii fabulis	65
В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольви	68
О. О. Луньякъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосвена къ Исократу.	72
В. В. Розановъ. } Метафизика Аристотеля	82
И. И. Первовъ. }	

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 2-го февраля).

ВОРЪВА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾.

III.

Дѣла церковныя.

Рече же Володиміръ Нѣмецъ: „идѣте опять, яко отці наши сего не приаки суть“.

Лавр., 83.

„Die Russen scheinen zwar in den constitutionellen und gesellschaftlichen Verhältnissen der Stadt (Львова) eine inferiore Stellung eingenommen zu haben, dagegen ragte ihre Kirche des heiligen Georg über alle Bauten der Stadt empor“ Caro, G. P., III, 59.

Давно подготовлявшееся раздѣленіе христіанскаго міра совершилось наконецъ въ 1054 г. Единный христіанскій міръ раздвоился, сталъ на половину меньше! Почти два вѣка прошло въ колебаніяхъ и неопредѣленности: такъ трудно было христіанскому чувству помириться съ мыслью о раздѣленіи, но когда вскорѣ послѣ него западъ, такъ сказать, лично встрѣтился съ востокомъ, даже великая задача освобожденія Святой земли не могла выровнять образовавшейся между ними пропасти, не могла потушить „слѣпой ненависти къ схизматикамъ грекамъ“ ²⁾. Вражда сицилійскихъ норманновъ къ Византіи находила естественное сочувствіе въ представителѣ католическаго запада, а честолюбивые и смѣлые планы Рожера II осуществились

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1890 г.

²⁾ В. Г. Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII в., Славянскій сборникъ, II, С.-Пб., 1877.

наконецъ въ 1204 г. Центръ восточнаго православія, главнѣйшій противникъ Рима палъ передъ крестоносцами; на мѣсто греческой возникла латинская имперія. Казалось, православіе должно покорно склониться передъ папствомъ. Такъ думалъ Иннокентій III. „Мы радуемся“, писалъ онъ Балдуину, — „о Господѣ, который испровергаетъ гордыхъ и оказываетъ свою милость смиреннымъ, что онъ соизволилъ совершиться черезъ тебя чуду для славы твоего имени, для чести и преуснѣнія апостолическаго престола, для пользы христіанства. Принимаемъ тебя, твои земли и твоихъ подданныхъ подъ особенное покровительство св. Петра и приказываемъ защищать твою имперію всѣмъ прелатамъ, князьямъ и всѣмъ христіанству. Всему крестовому ополченію повелѣваемъ охранять и поддерживать Константинопольскую имперію, обѣщая за это отпущеніе грѣховъ. Съ того времени, какъ царство грековъ отпало отъ послушанія апостолическому престолу, оно падало все глубже, пока наконецъ справедливымъ судомъ Божиимъ не было приведено отъ гордыни къ смиренію, отъ неповиновенія къ послушанію, отъ схизмы къ католицизму. По сему увѣщаемъ тебя держать греческую церковь и Константинопольскую имперію въ подчиненіи апостолическому престолу, такъ какъ Богъ подчинилъ ихъ ему своими велѣніями. Такимъ образомъ и самъ ты вѣрнѣе удержишь въ своихъ рукахъ государство“¹⁾. Ничего, какъ показываютъ послѣднія слова, не упустилъ изъ виду величайшій изъ папъ. Звѣзда папства достигла зенита. Удивительно ли, что свѣтъ ея отразился и на вѣрной дочери Царьграда — церкви русской! По лѣтописнымъ извѣстіямъ въ томъ же 1204 г. явился къ Роману папскій посолъ „намовляти въ латинскую вѣру свою, обѣщая ему грады и королемъ въ Руси учинити. Романъ же препирашеся отъ письма, а они не срамяся палежаху ему ласковыми словесы“²⁾. Въ 1208 г. 7-го октября Иннокентій обращается ко всему русскому духовенству и народу, въ виду своей власти надъ Греціей,

¹⁾ *A. Fichler, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. München. 1864 г., I, стр. 309. Ср. тамъ же, стр. 306—307, сообщенія грековъ и латинянъ о занятіи крестоносцами Царьграда, доказывающія существенную невозможность взаимнаго пониманія.*

²⁾ *Россійская Библіотека. С.-Пб., 1767, стр. 300. Статья извѣстія, по справедливому замѣчанію Дашкевича, Первая уніа, 38, пр. 2, отличается новизною. Въ другихъ спискахъ его нѣтъ. Можно ли, однако, въ виду пропуска имени Романа въ Ипатьевскъ списокъ, отнимать значеніе у показанія, не заключающаго въ себѣ никакой внутренней недостоверности; ср. Татищевъ, Исторія, III, стр. 344.*

находить несообразнымъ, чтобы часть греческой церкви упорствовала въ раздѣленіи, извѣщаетъ о посылкѣ легата и предлагаетъ оказать ему во всемъ послушаніе ¹⁾).

Посланіе папы осталось безъ всякихъ послѣдствій, и долго послѣ этого съ посланіями подобнаго общаго характера не встрѣчаемся. Само по себѣ оно представляетъ доказательство отдѣльности русскаго православія отъ Рима ²⁾), а возобновлявшіяся время отъ времени попытки подчинить его власти папы достаточно ясно доказываютъ, что отдѣльность никогда не прерывалась. Это, однако, не мѣшаетъ униатскимъ и католическимъ писателямъ поднимать почти при каждомъ митрополитѣ, какъ предшествующаго, такъ и послѣдующаго времени, вопросъ объ его католической ортодоксін. У болѣе серьезныхъ писателей эти вопросы такъ и остаются не рѣшенными, а въ самомъ разсмотрѣніи ихъ, общій ходъ духовной жизни русскаго народа совершенно игнорируется и основаніемъ аргументаціи являются лишь совершенно случайные, не характерные факты ³⁾. Это обстоятельство даетъ намъ основаніе совсѣмъ не останавливаться на этой сторонѣ и перейти къ непосредственно интересующему насъ предмету—католической пропагандѣ и утвержденію католическихъ епископскихъ кафедръ въ Галицко-Владимірской землѣ.

.. Отъ смерти Романа до окончательнаго утвержденія власти Да-

¹⁾ *Турпинскъ*, Н. Р. М. I, № 3.

²⁾ *Ibid.* Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestrae tamquam filii alieni.

³⁾ Ср. *Пелешъ*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom. Wien. 1878, I, стр. 310: указавъ несостоятельность нѣкоторыхъ заключеній Кульчичскаго о католицизмѣ митрополита Матеея (умеръ въ 1220 г.), Пелешъ не находитъ однако возможнымъ считать его сторонникомъ „схизмы“ на слѣдующихъ основаніяхъ: не протестовалъ противъ папскаго посланія русскимъ епископамъ, не только не противодействовалъ коронаціи Коломана, но даже назначилъ въ Перемышль епископа Антонія; поставилъ въ Новгородкѣ епископы константинопольскаго монаха (II). Невольно вспоминается замѣчаніе *Лихлера*, II, 16: „es wird doch nachgerade komisch, mit welchen Beweismitteln man darthun will, dass die Russische Kirche, ganz verschieden von der Byzantinischen die längste Zeit hinaus im freundschaftlichen Verhältnisse zu Rom geblieben sei“. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что указываемый Пелешемъ константинопольскій монахъ былъ Добрыня Ядрѣковичъ, о которомъ Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1211 г. говоритъ слѣдующее: „бише пришелъ Добрыня Ядрѣковичъ изъ Царяграда, и привезе съ собою гробъ Господень, а самъ постригшея на Хутинѣ у святого Спаса, и волею божию вълюбилъ и князь Мстиславъ и вси Новгородци, и послаша и на Русь ставиться“.

ніла (1205—1245 г.) въ Галицкой землѣ много разъ встрѣчаемся съ уграми. Вообще господство ихъ въ Галичѣ было слѣдственно кратко-временно для того, чтобы они могли думать о католической пропагандѣ, но въ болѣе продолжительное правленіе Коломана (1214—1218 гг.) они несомнѣнно о ней думали. Русскіе источники говорятъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ угровъ ¹⁾, иностранные ²⁾ тоже сообщаютъ извѣстія о пропагандистскихъ замыслахъ Андрея — короля извѣстнаго крестовымъ походомъ. Попытки такимъ образомъ были ³⁾, но также несомнѣнно не привели ни къ чему. Окончившаяся въ непродолжительномъ времени борьба за Галичъ не могла уже обѣщать мира галицкой церкви. Вновь учрежденные монашескіе ордена — францисканцевъ и доминиканцевъ, съ необыкновенною ревностью ухватившіе дѣло пропаганды въ свои руки, въ скоромъ времени появились въ Польшѣ, ставшей съ этихъ поръ очагомъ католическаго миссіонерства въ предѣлахъ Руси.

Въ 1218 году прибыли доминиканцы въ Польшу, а черезъ десять лѣтъ, по орденскимъ преданіямъ, Яцекъ Одровонжъ основалъ монастырь въ Кіевѣ ⁴⁾. Можно думать, что доминиканцы приложили не мало стараній къ распространенію въ Польшѣ духа пропаганды, если уже съ 1257 года поляки стали домогаться канонизаціи доминиканскаго миссіонера. Время для пропаганды было тогда дѣйствительно благоприятное: въ XIII в. среди членовъ Пястовскаго дома видимъ цѣлый рядъ святыхъ; но несомнѣнно, широкіе успѣхи проповѣди, доминиканцевъ на Руси представляютъ не только легенду, но даже вымыселъ. По доминиканскимъ сообщеніямъ, еще до прибытія въ Польшу

¹⁾ Воскресенская лѣтопись, Полное собраніе, VIII, 119: „въ лѣто 6722 король Угорскій посади сына своего въ Галичъ, а епископа и поны изгна изъ церкви, а свои поны приведе латинскіи на службу“. О претвореніи церкви въ латинскую службу говоритъ и Никоновская лѣтопись, II. С., X, 66. О притѣсненіяхъ угровъ и противодѣйствіи галичанъ у *Татищева*, III, 377.

²⁾ *Raynald*, Annales, 1214, VIII: humiliter a nobis postularunt, писалъ Андрей папѣ, ut filium nostrum in regem ipsis praeficeremus, in unitate et obedientia Romanae ecclesiae perseveraturi in posterum, salvo tamen eo quod fas illis sit, a ritu proprio non recedere.

³⁾ *Пелешъ*, Geschichte der Union, I, 307, считаетъ насильственными мѣры невозможными, но приводящими ихъ доказательства—лишь логическія разсужденія: не возможно (?), говоритъ Пелешъ, чтобы столь осмотрительный король, какъ Андрей, прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ.

⁴⁾ О Яцкѣ: *И. И. Малишевскій*, Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мннимый апостолъ земли Русской, *Труды Кіевской духовной академіи* 1867 г., 4, 6, 8.

францисканцевъ, доминиканскіе проповѣдники достигли нѣкоторыхъ успѣховъ въ Галичинѣ: одновременно утвердились они въ Перемышлѣ и Львовѣ, гдѣ уже въ 1234 г. имъ принадлежала древнѣйшая католическая часовня св. Іоанна; въ 1238 году основали монастырь въ Галичѣ, а въ 1270 г. отъ Констанціи, дочери Бела IV, жены Льва Даниловича, они получили во Львовѣ ихъ нынѣшній монастырь ¹⁾. Свѣдѣнія эти основываются, впрочемъ, на позднѣйшихъ извѣстіяхъ, въ значительной мѣрѣ склонныхъ къ преувеличеніямъ. Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что доминиканцы прилагали не мало стараній къ распространенію на Руси католицизма, а Римъ внимательно слѣдилъ за ихъ дѣятельностью и старался по возможности облегчать ихъ миссію. 15-го марта 1233 года Григорій IX посылаетъ два письма „братьямъ проповѣдническаго ордена на Русь“; въ одномъ поручая сдерживать своеволие и безчинства „нѣкоторыхъ лишь по имени вѣрныхъ“, позволяеть дѣйствовать авторитетомъ папы ²⁾, въ другомъ даетъ имъ, до прибытія папскаго легата, особенныя преимущества на счетъ разрѣшенія отъ нѣкоторыхъ важныхъ грѣховъ ³⁾. Какъ будто въ помощь доминиканцамъ являются въ Польшу въ 1237 г. францисканцы. И они немедленно устремляются на Русь и, подобно доминиканцамъ, также преувеличиваютъ въ своихъ преданіяхъ размѣры своей первоначальной дѣятельности. Въ замѣткахъ орденскаго перемышльскаго архива сохранилось упоминаніе, что до 1255 года лишь они одни были въ Перемышлѣ ⁴⁾. Одновременно съ этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о намѣреніи папы поставить епископа для Руси. По крайней мѣрѣ 12-го мая 1232 года Григорій IX поручилъ доминиканскому провинціалу и братьямъ Якову и Домаславу разслѣдовать состояніе церкви на Руси и сообщить, долженъ ли быть туда назначенъ епископъ ⁵⁾. Такимъ образомъ не только „вѣроятно“ ⁶⁾, но совершенно несомнѣнно, что до 1232 г. на Руси никакого католическаго епископа не было,

¹⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 414.

²⁾ *Thiner*, M. P. I. № 47.

³⁾ *Ibid.*, № 48.

⁴⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 415, пр. 1.

⁵⁾ А. Гр. и З., VII, № 1. Рейенкугель заимствуетъ свѣдѣнія объ этомъ у Бавскаго, *Annales*; но у него дата (28-го апрѣля) и адресъ (провинціалу Якову Кресценцію и брату Домаславу) не вѣрны. Нѣкоторые пропуски этой буллы могутъ быть, кажется, дополнены содержаніемъ приведеннаго выше письма Григорія IX, см. выше пр. 2.

⁶⁾ *Н. П. Дашкевичъ*, Первая унія, 7.

и, какъ мы видѣли, еще въ 1233 году папа лишь собирался отправить туда своего легата, а въ буллѣ 12-го мая 1234 года видимъ опять жалобы папы на немногочисленность дѣятелей католической пропаганды, вынуждающую его снова предоставить доминиканцамъ особенныя полномочія ¹⁾). Можно, пожалуй, не отвергать доминиканскихъ преданій объ епископахъ въ средѣ самихъ же миссіонеровъ, безъ опредѣленныхъ резиденцій и юрисдикціи: назначенія заранѣе иногда практиковались, но если и были таковыя, то они не имѣли никакой власти и вліянія.

Лишь послѣ 12-го мая 1234 г. Опатовскій аббатъ Герардъ возведенъ былъ въ санъ русскаго епископа, но перенесеніе его резиденціи въ Любушь ²⁾ и полное отсутствіе какихъ-нибудь свѣдѣній о другихъ латинскихъ епископахъ для Руси ³⁾ даетъ основаніе думать, что католическая пропаганда не сдѣлала никакихъ особенныхъ успѣховъ. Еще въ 1254 г. Герардъ оставался въ живыхъ ⁴⁾, но въ русскихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія. Между тѣмъ именно какъ разъ тогда татарскій разгромъ заставилъ Данила обратить вниманіе на предложенія пословъ, отправленныхъ папой къ татарамъ въ 1245 г. ⁵⁾. Переговоры эти начались, какъ извѣстно, случайно, и Любушскій епископъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Очевидно, слѣдовательно, „первый русскій епископъ“ не имѣлъ ни-

¹⁾ А. Гр. и З., VII, № 2.

²⁾ Вогуеаль сообщаетъ объ этомъ такими словами: *iste namque Henricus (то-есть, Генрихъ I Силезскій) monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas Gerhardus Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit*, М. Р. Н. II, 556. Объясненіе словъ: „pro catholicis ibi degentibus“ существованіемъ около Опатова „католической Руси“, *Зубрицкій*, Повѣсть, 54, пр. 35; *Петрушевичъ*, Холмская Епархія, 5, пр. 7, на нашъ взглядъ представляетъ простое недоразумѣніе. Выраженіе „de novo“ имѣетъ, конечно, такое же значеніе, какъ и въ папскихъ буллахъ, см. ниже.

³⁾ *Reifenkugel*, *Gründung*, 417, пр. 2. Указываемая здѣсь неосновательность доминиканскихъ преданій о двухъ галицкихъ латинскихъ архіепископахъ, надо сказать, въ значительной степени ослабляетъ вѣроятность существованія епископовъ даже въ средѣ миссіонеровъ. Папскія буллы о нихъ не упоминаютъ вовсе, и можно только удивляться, что *К. Стадницкій*, даже послѣ *Рефенкугеля*, все-таки настаиваетъ на ихъ существованіи, *O posątkach arcybiskupstwa i biskupstwa katolickich na Rusi*. Львовъ. 1882.

⁴⁾ М. Р. Н. II, 573: при открытіи костей св. Станислава присутствовалъ *Gerhardus primus Russiae ordinis Cisterciensis quondam abbas de Opatow (episcopus)*. Въ ряду епископовъ онъ поставленъ послѣднимъ.

⁵⁾ *Н. П. Дашкевичъ*, Перв. унія, 20 сл.

какого отношенія къ церковнымъ дѣламъ на Руси, и не ему, а Генриху, архіепископу Пруссіи, Ливоніи, Эстоніи, апостолическому легату поручаетъ папа въ 1246 г. устройство іерархіи на Руси ¹⁾, очевидно, до сихъ поръ остававшейся безъ латинской іерархіи. Въ концѣ 1254 г. переговоры съ папой прекратились, а въ 1257 г. были прерваны окончательно ²⁾. Но они не остались безъ послѣдствій. Ко времени ихъ прекращенія относится весьма характерный документъ папской канцеляріи, 11-го февраля 1257 г. Александръ IV утвердилъ права духовной юрисдикціи Любушскаго епископа въ предѣлахъ Руси. По документу оказывается, что предшественники Любушскаго епископа „съ незапамятныхъ временъ“ (?) вѣдали духовныя дѣла католиковъ на Руси. Исполненію пастырскихъ обязанностей иѣшали однако „вѣроломство князей и злоба жителей“. Любушскій епископъ, обращаясь къ папѣ съ просьбой, не имѣетъ надежды на измѣненіе положенія дѣлъ. Онъ хлопочетъ лишь въ виду того, чтобы права его кафедръ не потерпѣли ущерба ³⁾, а папа охотно исполняетъ его просьбу, явно выражая досаду на неудачу переговоровъ съ Данииломъ („вѣроломство князей“) и — что еще важнѣе — обнаруживая совершенную беззаботность на счетъ исторической дѣйствительности, ибо какихъ же „предшественниковъ“ Любушскаго епископа могъ имѣть въ виду Александръ IV, о какихъ „незапамятныхъ“ временахъ можетъ быть рѣчь? Вѣдь „первый русскій епископъ“ былъ поставленъ, какъ мы видѣли, не ранѣе 1234 г. Все это представляетъ лишь завязку той необыкновенной путаницы, съ какою намъ придется встрѣчаться на протяженіи всей настоящей главы, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи католицизма въ предѣлахъ Руси. Болѣе или менѣе она разъяснится только въ концѣ. Теперь ограничимся замѣчаніемъ, что указанное порученіе архіепископу Генриху въ 1246, какъ равно возникшая тоже одновременно съ прекращеніемъ переговоровъ съ Данииломъ мысль объ основаніи епископства въ Луковѣ ⁴⁾ могла послужить достаточною побудительною причиною къ указаннымъ дѣйствіямъ Любушскаго епископа, который могъ считать себя преемникомъ скончавшагося недавно „перваго русскаго епископа“. Права любушскихъ епископовъ были такимъ образомъ законно утверждены, но замѣчательно, вспомнили они объ этомъ лишь тогда, когда для ка-

¹⁾ Туркеновъ, Н. Р. М. I, № 61.

²⁾ Дашковичъ, Перв. Ун. 39—40, пр. 1. *Raynald* подъ 1257, 26—28.

³⁾ *Theiner*; М. Р., I, № 144.

⁴⁾ *Ib.*, № 143.

толической пропаганды настало опять время болѣе благоприятное. Такимъ временемъ были 20-е годы XIV вѣка.

15-го декабря 1320 г. Іоаннъ XXII назначилъ доминиканскаго лектора въ Норвалле, Генриха Кіевскимъ епископомъ. Назначеніе это послѣдовало первоначально отъ епископа Любушкаго, но, усумнившись въ его компетенціи, Генрихъ обратился къ папѣ, который, признавъ его сомнѣнія правильными ¹⁾, утвердилъ его въ санѣ, найдя его достойнымъ, а въ слѣдующемъ году поручилъ ему отправиться въ свою епархію ²⁾. Такимъ образомъ въ первой четверти XIV вѣка католическая пропаганда проникаетъ, по видимому, далеко на востокъ, и матеръ городовъ русскихъ получаетъ латинскаго епископа. Если примемъ во вниманіе, что въ 1234 г. небольшой католической колоніи въ Кіевѣ, съ какимъ-то Ульрихомъ во главѣ, во всякомъ случаѣ не епископомъ, приходилось очень плохо ³⁾, что тогда же папа обращался къ сандомірскому духовенству, предлагая ему защищать кіевскихъ единовѣрцевъ ⁴⁾, при чемъ сандомірскій католическій клиръ являлся, очевидно, крайнимъ на востокъ, а потому ближайшимъ къ Кіеву, что въ упомянутой буллѣ Генриху папа говоритъ, что минуло уже 100 съ лишнимъ лѣтъ, какъ въ Кіевѣ по причинѣ схизмы, не только не было католическаго епископа и клира, но даже не было католиковъ ⁵⁾, то послѣдовавшее въ 1320 г. назначеніе туда католическаго епископа представитъ фактъ, заслуживающій полнаго вниманія. Разсмотрѣніе его поможетъ намъ уяснить характеръ католической пропаганды на Руси, а отношенія Любушкаго епископа, обна-

¹⁾ Tu vero de privilegio ipso merito hesitans, то-есть, правъ Любушкаго епископа поставлать епископовъ. Ibid., № 252.

²⁾ Ib., № 255.

³⁾ Ib., № 55.

⁴⁾ Ib., № 56.

⁵⁾ Ecclesia Kijoviensis elapsis centum annis et amplius propter scisma, quod instigante maligno spiritu in illis partibus inolevit, infeliciter caruit pastore proprio, clero et populo christianis. Показаніе папы совпадаетъ съ свидѣтельствомъ Длугоша объ изгнаніи изъ Кіева католическихъ миссіонеровъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ 1233 г. (VI, 240) и доминиканскими преданіями о дѣятельности Яцка, Дамкесмиъ, Первая унія, 5, пр. 4, и Голубинскій, Исторія Русской церкви, 1, 700. Врядъ ли папа имѣлъ въ виду эти факты, ибо въ такомъ случаѣ онъ заявилъ бы о нихъ прямо; всего вѣроятнѣе, онъ руководился общими взглядами куріи на „схизматическій“ востокъ. „Centum annis et amplius“—крайне неопредѣленно, но въ такомъ случаѣ можно еще болѣе усумниться въ успѣхъ католической пропаганды на Руси въ XIII в.

ружившіяся по поводу назначенія помянутаго Генриха, связаны ближайшимъ образомъ съ учрежденіемъ католической іерархіи въ Галицкой Руси.

Замѣтимъ прежде всего, что новому Кіевскому епископу не пришлось даже увидѣть своей столицы. Не смотря на предписаніе папы, онъ до самой смерти оставался епископомъ *in partibus*, подобно Герарду: въ 1322 г. онъ былъ въ Бамбергѣ; вѣроятно, на обратномъ пути изъ Авиньона, затѣмъ онъ поселился въ Альтмаркѣ и оставался здѣсь, по видимому, до смерти ¹⁾. О состояніи Кіева въ то время мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія. Несомнѣнно, однако, назначеніе туда католическаго епископа не могло быть слѣдствіемъ включенія его въ составъ литовскихъ владѣній, ибо такое произошло во всякомъ случаѣ не раньше 1332 г. ²⁾, не могло быть и слѣдствіемъ того, что Кіевъ былъ городъ безъ всякой власти, какъ думаетъ Рейфенкугель ³⁾, ибо еслибы и такъ было, то это не причина; не могло быть наконецъ—что самое главное—слѣдствіемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ, ибо въ такомъ случаѣ Генрихъ хотя на короткое время посѣтилъ бы паству для удовлетворенія ея духовныхъ нуждъ. Этого, какъ мы видѣли, онъ не сдѣлалъ. Какая-нибудь причина назначенія должна была, однако, быть, и ее, всего вѣроятнѣе, слѣдуетъ усматривать въ тогдашнихъ дѣлахъ литовскихъ. Разумѣемъ начавшіяся въ 20-хъ годахъ переговоры Гедимина съ папой. Они завязались въ самомъ началѣ 1323 г., и если, подобно переговорамъ Данила, вытекали исключительно изъ политическихъ расчетовъ и, подобно имъ, разрѣшились ничѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, связанные съ ними факты могутъ наводить на нѣкоторые соображенія, относящіяся прямо къ интересующему насъ вопросу. Изъ папскихъ буллъ 1324 г. (1-го іюня) ⁴⁾, передающихъ содержаніе писемъ Гедимина къ папѣ, узнаемъ, что литовскій государь держалъ при своемъ дворѣ доминиканцевъ и миноритовъ, пользовавшихся полною свободой миссіонерской дѣятельности, а въ грамотѣ Гедимина отъ 25-го января 1323 г. ⁵⁾, обращенной ко всемъ почи-

¹⁾ *Reifenkugel*, *Gründung*, 421, пр. 2 и 4.

²⁾ *Дашковичъ*, *Замѣтки*, 64.

³⁾ *Gründung*, 420.

⁴⁾ *Theiner*, *M. P.* 1, № 290 и 293.

⁵⁾ Русско-ливонскіе акты, № 67. Соображенія о подлинности грамоты см. *В. Г. Васильевскій*, *Обращеніе Гедимина въ католичество*, *Журн. М. Нар. Пр.* 1872, 2, стр. 155, пр. 2.

тателямъ Христа, разсѣяннымъ въ мірѣ и особенно къ жителямъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ: Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Любека и Кельна, Гедиминъ говоритъ слѣдующее: „Мы будемъ стараться соблюдать все то, что письменно общали святѣйшему отцу: будемъ строить церкви, какъ уже дѣлали это и до сихъ поръ. Ибо знайте, что за два года передъ симъ мы построили вновь двѣ церкви въ городѣ нашемъ Вильгѣ: одну для ордена доминиканцевъ, другую для миноритовъ, и сверхъ того, въ нынѣшнемъ году мы приказали возобновить для послѣдняго ордена, на пользу нашу и на спасительное врачеваніе сыновей и женъ нашихъ, прежде нами основанную церковь въ Новгородѣ, которую недавно сожгли огнемъ крестоносцы прусскіе. Мы съ охотою готовы принимать у себя епископовъ, священниковъ, монаховъ какого бы то ни было ордена, только бы жизнь ихъ не была порочна, какъ жизнь тѣхъ, которые строятъ монастыри и потомъ насильно берутъ милостыню у добрыхъ людей и продаютъ ее¹. Такимъ образомъ около 1320 г. монахи миссіонеры, въ виду благосклоннаго отношенія къ нимъ Гедимина, могли предаваться самымъ ровнымъ надеждамъ на счетъ дальнѣйшихъ успѣховъ своей дѣятельности. Такъ какъ монахи эти были несомнѣнно изъ Польши—такъ слѣдуетъ думать въ виду враждебныхъ отношеній Гедимина къ рыцарямъ—то надежды эти очень скоро могли сообщиться и польскому духовенству. Любушскій епископъ немедленно-же фактически заявляетъ свои права: но, быть можетъ, соблазненный легкостью, съ какою удалось ему добиться желаемого въ 1257 г., онъ на этотъ разъ далеко вышелъ за предѣлы признанной тогда за нимъ компетенціи¹). Притязанія были въ дѣйствительности дерзки, и если „незапамятной давности“, приведенной въ 1257 г. какъ основаніе для полученія права юрисдикціи, некому было оспаривать или даже подвергать сомнѣнію, то на этотъ разъ въ правахъ Любушскаго епископа усумнился самъ избранный имъ кандидатъ и осно-

¹) Stephanus episcopus Lubucensis asserens sibi fore per speciale privilegium apostolicæ sedis indultum, ut possit ecclesiis dictarum partium, *que de scismate redierunt ad S-æ Matris ecclesie unitatem de pontificibus providere*, *Theiner*, M. P. 1, № 252. Районъ, на который претендовалъ Любушскій епископъ, названъ здѣсь Galatha: въ буллѣ о юрисдикціи 1257 г. говорится о Ruscia. Терминъ—Galatha объясняетъ булла Гизьяненскому архіепископу 1327: *quod sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Ruscia nuncupatur*, *ib.*, № 376. Выходитъ одно и то же, но вѣроятно Любушскій епископъ предпочиталъ неопредѣленный терминъ Galatha.

вательность сомнѣній подтвердилъ папа. Дѣйствительно, приглашенный, надо думать, именно по этому поводу въ 1327 г. въ Авиньонъ Любушскій епископъ Стефанъ, сообщилъ куріи объясненія, которыя должны были привести ее въ немалое недоумѣніе. По его словамъ, любушская епископская кафедра существовала на Руси издавна во Фляндеміріи (Владимірѣ?), гдѣ до сихъ поръ, то-есть, въ 1327 г., видны гробницы епископовъ, да и самъ Стефанъ, до прибытія въ Римъ, бывалъ тамъ даже по долгу, исполняя пастырскія обязанности. Завзятость (gabies) схематиковъ заставляла его, однако, нерѣдко покидать городъ, чѣмъ пользовались сосѣдніе епископы, присваивая себѣ принадлежащую ему духовную власть. Обо всемъ этомъ папѣ ничего не было извѣстно, а потому онъ и обращается къ Гнѣзненскому архіепископу, предлагая ему узнать дѣло, не производя, однако, официальнаго разслѣдованія ¹⁾. Что отвѣтилъ папѣ архіепископъ, не знаемъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на то, что именно около этого времени Любушскіе епископы переживали весьма тяжелые моменты, испытывая жестока преслѣдованія со стороны подлежащихъ ихъ власти жителей, которые не только завладѣли церковными имѣніями, но даже „до основанія разрушили“ самую церковь. Столь враждебныя отношенія между епископомъ и паствою были, какъ оказывается, „весьма давними“. Положеніе было на столько острое, что пришлось не только обращаться къ королю съ просьбой о защитѣ епископа, но и думать о перенесеніи его резиденціи въ другое болѣе удобное и безопасное мѣсто ²⁾. Дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ Любушскіе епископы резидировали попеременно то въ Фирстенвальде (на рѣкѣ Шпре), то во Франкфуртѣ, то въ с. Горницѣ, то наконецъ снова въ Любушѣ, гдѣ въ 1374 г. гостилъ у епископа Петра Янъ Чарнковскій.

Далѣе: притязанія Любушскихъ епископовъ вызвали сомнѣніе не только со стороны куріи, которая объ ихъ отношеніяхъ къ Руси, какъ сказано, ничего не знала, но у самого Генриха—доминиканца, по мѣстопробыванію болѣе близкаго къ спорнымъ районамъ, а по принадлежности къ ордену, который лучше другихъ могъ знать та-

¹⁾ Ibid., № 376. *К. Стадницкій*, О росзѣткахъ, 14, не сомнѣвается въ справедливости показаній Любушкаго епископа и полагаетъ, что нарушали его права титулярные епископы монашескихъ конгрегацій. Что же мѣшало Любушскому епископу заявить объ этомъ прямо, а не столь неопредѣленно: „aliqui vicini episcopi“; почему, далѣе, курія ничего не знала объ епископахъ титулярныхъ?

²⁾ Ibid., № 377, 378.

мошнія дѣла, едва ли не наиболѣе компетентнаго въ вызвавшемъ сомнѣніе вопросѣ. Исторія Любушскаго епископства представляетъ до сихъ поръ не мало загадокъ ¹⁾. Ав. Малецкій ²⁾ называетъ его „польской духовной маркой“, но такой характеръ оно могло имѣть лишь въ планахъ его основателя. Уже съ 1250 г. Любушъ политически, а послѣ 1378 г. и въ церковномъ отношеніи навсегда отпалъ отъ Польши, войдя въ составъ маркграфства Бранденбургскаго и Магдебургской епископіи и, подобно другимъ бранденбургскимъ пріобрѣтеніямъ на славянской почвѣ, вскорѣ былъ совершенно оцѣмченъ. Вообще судьба этого епископства нѣсколько исключительна: переставъ быть польскимъ, оно какъ будто не стало и нѣмецкимъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIII вѣка оно подвергалось сильнымъ гоненіямъ какъ со стороны маркграфовъ, такъ и Магдебургскихъ архіепископовъ; его отношенія къ Руси неясны и какъ будто загадочны, по интересности они заслуживаютъ полнаго вниманія, но едва ли слѣдуетъ усматривать въ нихъ особенную важность, ибо едва ли самое предположеніе объ этихъ отношеніяхъ не вытекаетъ лишь изъ позднѣйшихъ притязаній, характеръ которыхъ достаточно ясно сказанъ въ извѣстномъ намъ заявленіи епископа Стефана. По крайней мѣрѣ уже Репель ³⁾ считалъ возможнымъ отвергнуть мнѣніе Вольбрюка о первоначальномъ назначеніи епископства для Червонной Руси и будто бы оттуда перенесенномъ въ Любушъ—мнѣніе, основанное исключительно на ложномъ представленіи исторической жизни Галицкой Руси. Въ 1033 г. епископство Любушское уже существовало, но не могло быть основано раньше 1018 г. (послѣ Будишинскаго мира). Его сравнительно бѣдная дотация и первоначальное положеніе какъ бы *in partibus* могло подогрѣвать миссіонерскую ревность его представителя, но до половины XIII вѣка обстоятельства не давали ей ни малѣйшей возможности въ чемъ бы ни было обнаружиться. Какъ и почему обнаружилась она съ этого времени—мы видѣли. Эти отношенія къ Руси увлекаютъ Любушскихъ епископовъ въ занимающее насъ время въ прямое столкновеніе съ куріей, тянувшееся долго, благодаря, кажется, главнымъ образомъ, попятной сдержанности куріи, и

¹⁾ Специально обследовалъ ее *Wolbrück, Geschichte des ehemaligen Bisthums Lebus und des Landes dieses Namens*, но достаточно сказать, что трудъ этотъ вышелъ въ 1829 г. (Берлинъ).

²⁾ *Kościelne stosunki, Przewodn lit. i nauk*, 1875 г.

³⁾ Исторія Польши, прилож. IV.

кончившееся въ 1375 г. полнымъ отрѣшеніемъ ихъ отъ всякой власти и вліянія на Русь, когда здѣсь дѣло католической пропаганды можно уже было считать упроченнымъ. Традиція, однако, упорно держалась: еще въ 1394 г. Любушскіе епископы спорили съ Перемышльскими о имѣніяхъ, а въ 1400 г. епископъ Іоаннъ Боршницъ въ составленномъ имъ регистрѣ помѣстилъ характерный отголосокъ старыхъ притязаній¹⁾. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ епископство это совершенно исчезаетъ. Въ 1518 г. Опатовъ и его окрестности переходятъ въ частныя руки—къ Шидловецкимъ, а въ 1556 г., вслѣдствіе реформациі, оно было совсѣмъ упразднено. Для насъ впрочемъ, въ данномъ случаѣ, достаточно отмѣтить, что Римская курія объ отношеніяхъ Любушкаго епископа къ Руси ничего не знала; что католическіе миссіонеры на Руси утверждались за ново, ибо, какъ доминиканцы, такъ и францисканцы, по своимъ орденскимъ преданіямъ явились здѣсь первыми проповѣдниками католицизма; наконецъ, взглядъ куріи на давнишнее существованіе католическихъ епископствъ на Руси, высказываемый папами въ буллахъ, касающихся учрежденія латинскихъ епископскихъ кафедръ въ Галичинѣ, не могъ быть заимствованъ папами у Любушскихъ епископовъ, какъ думаетъ Рейфенкугель²⁾, ибо такой взглядъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ буллѣ Іоанна XXII къ легатамъ, отправленнымъ къ Гедимину въ 1324 году³⁾, то-есть, когда столкновеніе Любушскихъ епископовъ съ куріей только-что началось и еще не получило полной опредѣленности. Основаніемъ такого взгляда служило тщательно поддерживаемое папствомъ представленіе о право-

¹⁾ Item scias, quod *tota Russia* pertinuit ad episcopum Lubucensem tam Dyocessana quam iurisdictionis legibus, et in eadem Russia et per consequens de diocesi Lubucensi sunt per dominum Gregorium Papam XI creati primo Archiepiscopus Alciensis. Item Episcopus Ladimiriensis. Item Episcopus Chelmensis. Item Episcopus Premislaviensis. Et scias, quod hec creatio fuit facta per D. Gregorium ad instancam Ducis Russie et Opoliensis et fuit facta tempore dni. Wenczeslay tunc Episcopi Lubucensis nunc autem Wratislaviensis. Item scias, quod Episcopus Premislaviensis est bonus et valet bene quibus annis CCCC. sexagenis, ut michimet retulit idem Episcopus Premislaviensis, alii autem parum valent. *Reifenkugel*, Gründung, 473, пр. 1 (изъ *Вольбрюка*).

²⁾ Gründung, 428.

³⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 290: Vobis eіam resumendi sedes in eisdem partibus, de quibus haberi potest memoria et eіam certitudo, quod *hactenus Metropoles fuerint vel ecclesie cathedrales* et eas in statum pristinum reponendi, eis antiquis provinciis et diocesis restitutis, servata tamen limitacione seu terminacione, quam vetustis temporibus habuerunt, libera sit facultas; vel si forte nulle hactenus fuerunt ibidem Metropoles... erigendi de novo alias metropoles.

славномъ востокѣ, какъ о мірѣ схизматическомъ, то-есть, отдѣлившемся, а слѣдовательно—логически—бывшемъ нѣкогда въ единеніи или, что по римскому взгляду одно и то же, подчиненіи у Рима ¹⁾). Риму въ данномъ случаѣ нечего было усваивать взглядъ Любушскихъ епископовъ, ибо, какъ сказано, онъ заключался въ самой сущности католическаго представленія о православномъ востокѣ, а позднѣйшее измѣненіе взглядовъ Любушскихъ епископовъ, не усумнившихся доказывать, что на Руси не было епископскихъ кафедръ, а были лишь церкви приходскія, также какъ и разслѣдованія, производимыя куріей специально по этому поводу, при чемъ ей самой приходилось сознаваться, что объ этомъ у нея „свѣдѣній нѣтъ никакихъ“ ²⁾), доказываютъ лишь мѣру основательности подобнаго представленія, поддерживаемаго однако ревнителями католицизма и понтифъ.

Вотъ тѣ предварительныя замѣчанія, которыя мы считали необходимымъ предпослать обзору утвержденія католической церкви въ предѣлахъ ближайшей къ западу Галицкой Руси. Ничего, кромѣ попытокъ въ этомъ направленіи, мы не можемъ указать. Попытки эти предпринимались Римомъ при каждомъ удобномъ случаѣ: оттуда, а не отъ Любушскихъ епископовъ исходила инициатива, то въ видѣ непосредственныхъ обращеній къ князьямъ и народу, то въ видѣ миссіонерской дѣятельности монашескихъ орденовъ, зависимыхъ и руководимыхъ куріей.

Любушскій епископъ, тѣспимый у себя дома, не могъ имѣть средствъ вліянія на Русь, былъ, очевидно, не прочь приобрести такое, но его попытки, закончившіяся полною неудачей, показываютъ лишь, до какой степени дѣло католицизма на русской почвѣ было ново, совершенно не установлено, и имѣютъ лишь эпизодическій характеръ. Католическіе (польскіе) поселенцы подвергались на Руси вліянію православія, не избѣгали съ нимъ общенія; въ глазахъ папскихъ миссіонеровъ они являлись „лишь по имени вѣрными“ ³⁾ и

¹⁾ Это, какъ мы видѣли, высказано прямо въ булѣ Генриху: *elapsis centum annis et amplius propter scisma*. Такой же взглядъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ и первый латинскій Перемышльскій епископъ Эрихъ.

²⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 908: *Intelleximus*, пишетъ Григорій XI въ 1373 г. архіепископу Гвѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому, — *per relationes quorundam, quod Halicziensis, Primisliensis, Laudimiriensis et Chelmensis ecclesie cathedrales fore noscuntur, nonnullis aliis pretendentibus, ecclesias ipsas non cathedrales sed dumtaxat parochiales ecclesias existere. Nos de premissis certam noticiam non habentes, поручаемъ узнать и не медля довести.*

³⁾ *Ibid.*, № 47.

даже отказывались подчиняться папѣ ¹⁾, однимъ словомъ, совершенно пропадали въ православномъ русскомъ морѣ. Происходило на окраинѣ русскаго міра въ XIII—XIV вѣкахъ то же, что происходило потомъ въ предѣлахъ болѣе отдаленныхъ отъ польскаго вліянія— въ Кіевщинѣ и южныхъ степяхъ. Правда, доминиканскія и францисканскія преданія представляютъ успѣхи пропаганды весьма значительными, но ихъ взаимныя противорѣчія доказываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ весьма подозрительнымъ, рѣшительно не позволяющимъ основывать на немъ прочныя выводы. „Судя по описаніямъ подвиговъ и успѣховъ пропаганды, какъ они излагаются въ орденскихъ источникахъ, невольно спрашивается“, замѣчаетъ И. Малышевскій ²⁾,— „какимъ образомъ доселѣ весь міръ не покоренъ папству? Это, кажется, должно было бы быть, если бы не оказывалось, что огромная часть разказовъ о подвигахъ и успѣхахъ римско-католической пропаганды—не болѣе какъ легенды, даже намѣренно сложенные, и пущенныя въ ходъ вымыслы“. Можно поэтому думать, что почти до половины XIV вѣка православная церковь въ Галицкой землѣ наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, а по крайней мѣрѣ не испытывала никакихъ грозныхъ потрясеній и опасностей, оставаясь все тѣмъ же отдѣльнымъ отъ католицизма, „какъ бы другимъ міромъ“, по выраженію Краковскаго епископа Матвѣя ³⁾.

Миръ и спокойствіе православной церкви впервые были нарушены со вступленіемъ на русскую почву ляха въ качествѣ владѣтельнаго лица, но и въ этомъ случаѣ дѣло кончилось лишь не вполне ясными попытками, имѣвшими однако для начинателя весьма трагическія послѣдствія.

16-го іюня 1327 г. Іоаннъ XXII пишетъ ликующее письмо Галицкому князю, по поводу желанія послѣдняго приступить къ единенію съ Римскою церковью. По видимому, папа могъ надѣяться осуществить теперь планы Иннокентія III и Александра IV, но намѣренія князя скоро сдѣлались извѣстны митрополиту Теогносту, и онъ поспѣшилъ къ мѣсту опасности. Съ 1329 по 1331 г. Теогностъ былъ въ Кіевѣ, потомъ на Волини. Здѣсь во Владимірѣ въ 1331 г. онъ рукоположилъ въ Новгородскіе епископы Василія, вызваннаго

¹⁾ А. Гр. и З., VII, № 1.

²⁾ Доминиканецъ Яцекъ, *Труды Кіевск. духовн. акад.* 1867, 4, стр. 33.

³⁾ Письмо Матвѣя къ Вернару Клервальскому, М. Р. Н., II, 15.

снова туда же въ 1334 г. по возвращеніи Θεогноста изъ Греціи. Въ рукоположеніи принимали участіе епископы: Григорій Полоцкій, Аванасій Владимірскій, Θεодоръ Галицкій, Маркъ Перемишльскій и Іоаннъ Холмскій ¹⁾). Цѣль этого полнаго собора западно-русскихъ іерарховъ объясняется характеромъ и дѣятельностью Юрія-Волеслава, открыто перешедшаго въ католицизмъ и долженствовавшего поэтому съ ревностью ренегата содѣйствовать цѣлямъ католической пропаганды, ставшей, какъ мы видѣли, именно къ этому времени особенно напряженной. Видно, митрополитъ придавалъ серьезное значеніе церковнымъ дѣламъ православной охранны и желалъ укрѣпить духъ пастырей для мужественнаго отпора угрожавшей опасности. Трудно сказать съ полною опредѣленностью, каковы были замыслы Юрія Волеслава; они, какъ и все, касающееся галицкой исторіи занимающаго насъ періода, темны, и изслѣдователямъ поневолѣ приходится прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Юрію-Волеславу приписываютъ желаніе учредить отдѣльную митрополию въ Галичѣ и такимъ образомъ подготовить введеніе униі или католицизма, такъ какъ новый митрополитъ долженъ былъ быть лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя. Такимъ образомъ мы прямо подходимъ къ вопросу о Галицкой митрополіи, то-есть, духовному разобщенію русскаго міра, факту, осуществлявшемуся, какъ извѣстно, въ позднѣйшее время и дѣйствительно подрывавшему одинъ изъ коренныхъ устоевъ духовнаго русскаго благосостоянія. Вотъ почему указанный вопросъ мы считаемъ необходимымъ рассмотретьъ по возможности обстоятельно, такъ какъ онъ прямо затрагиваетъ самую сущность, какъ внутреннаго состоянія православной церкви въ Галичѣ, такъ и ея отношенія къ остальному православному міру. Предположеніе Ржежабка, приписывающаго Юрію-Волеславу планы духовнаго разобщенія русскаго міра, съ особенною яркостью можетъ иллюстрировать какъ способъ возникновенія, такъ и характеръ научной постановки вопросовъ, касающихся нерѣдко существенныхъ сторонъ галицко-русской жизни, а потому рассмотрѣніе вопроса объ отдѣльности Галицкой митрополіи мы и начнемъ съ разбора указаннаго предположенія Ржежабка, столь блистательно обнаружившаго и научную основательность, и научное остроуміе.

На чемъ основываетъ Ржежабекъ свое мнѣніе? На предполагаемыхъ, но совершенно не извѣстныхъ намъ въ точности, переговорахъ

¹⁾ Новгор. 1-я лѣт., 75, 77.

Юрія Болеслава съ Θεогностомъ ¹⁾, на упоминаніи имени Θεодора въ числѣ Галицкихъ митрополитовъ въ грамотѣ Казимира Константинопольскому патриарху и, наконецъ, на подписяхъ въ грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Недостаточность перваго основанія видна сразу, и конечно, самъ Ржежабекъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Документальнымъ основаніемъ правдоподобности предположенія Ржежабекъ считаетъ упомянутую грамоту Казимира, сообщеніе которой онъ, конечно, не подвергаетъ никакому сомнѣнію. Но дѣло въ томъ, что, какъ увидимъ ниже, точное согласованіе ея показаній съ извѣстными намъ несомнѣнными фактами изъ исторіи Русской церкви не возможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казиміромъ перечня Галицкихъ митрополитовъ, изъ которыхъ послѣдній (въ грамотѣ названъ: Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Θεодоръ), Θεодоръ, обыкновенно отождествляется съ бывшимъ при Юрія-Болеславѣ Галицкимъ епископомъ Θεодоромъ.

Хронологическая возможность такого отождествленія должна была въ глазахъ Ржежабка поддержать вѣру въ точность перечня, котораго онъ не имѣлъ надобности подвергать подробному разсмотрѣнію, такъ какъ вопроса о Галицкихъ митрополитахъ онъ касался лишь мимоходомъ, а затѣмъ та же самая вѣра могла дать Ржежабку основаніе для смѣлаго предположенія, которое онъ высказалъ по поводу подписей въ упомянутой грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Θεодора, упоминаемаго въ этой грамотѣ безъ всякаго титула, Ржежабекъ считаетъ однимъ и тѣмъ же лицомъ съ Θεодоромъ епископомъ Галицкимъ, упоминаемымъ въ грамотѣ того же князя отъ 1334 г. Титулъ при имени Θεодора пропущенъ, по мнѣнію Ржежабка, именно потому, что какъ разъ около этого времени шла рѣчь о назначеніи его въ митрополиты ²⁾

Съ этимъ предположеніемъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Епископъ Галицкій Θεодоръ занимаетъ въ грамотѣ 1334 г. первое мѣсто, что совершенно естественно по его сану: даже въ грамотахъ

¹⁾ „Пребываніе Θεогноста во Владиміръ было сначала не противно планамъ Юрія Болеслава. Кто знаетъ, не пыталъ ли онъ тайной надежды склонить Θεогноста остаться навсегда въ его землѣ и такимъ образомъ положить основаніе самостоятельной Галицко-Волынской митрополіи. Двадцать лѣтъ назадъ подобную попытку сдѣлалъ Юрій I; для его внука не могло быть тайной, какія выгоды могло бы принести осуществленіе этой мысли“. *Ржежабекъ—Часол.*, 214.

²⁾ *Часол.*, 215.

Владислава Опольскаго православные архієпископы, если имъ приходилось присутствовать при совершеніи актовъ, помѣщались на первомъ мѣстѣ ¹⁾. Въ грамотѣ 1335 г. мы встрѣчаемъ Феодора безъ всякаго титула послѣ Дмитрія Дѣтка, „воеводы“ белзскаго, придворнаго судьи, „воеводъ“ перемышльскаго и львовскаго, то-есть, на шестомъ мѣстѣ, при восьми присутствующихъ лицахъ; между тѣмъ, еслибы дѣйствительно Феодора прочли въ митрополиты, это было бы лишь новымъ основаніемъ выдвинуть его на первое мѣсто, какую бы силу и вліяніе ни получили къ тому времени „бояре и воеводы“. Если ко времени составленія грамоты онъ не получилъ каноническаго утвержденія, то это врядъ ли могло мѣшать назвать его „назначеннымъ“ и во всякомъ случаѣ не могло служить основаніемъ отнимать у него его епископскій титулъ и, такъ сказать, понижать его въ подписяхъ. Всѣ подписавшіеся называютъ себя по именамъ и фамиліямъ (провницамъ) или по отчеству ²⁾; исключеніе представлялъ бы только „воевода“ луцкій, названный въ грамотѣ, при чтеніи Ржежабка, просто—Otek. Гораздо естественнѣе считать воеводой луцкимъ Феодора Otekъ и не ставить запятой между словами: Chodoge и Otek. Въ такомъ случаѣ подпись луцкаго воеводы не будетъ представлять ничего страннаго, не будетъ и непонятнаго пониженія представителя церкви, котораго, напротивъ, слѣдовало возвышать, если дѣйствительно на него возлагались извѣстныя надежды. Отсутствіе подписи епископа Феодора въ грамотѣ 1335 г. объясняется, на нашъ взглядъ, совершенно естественно. Вонервыхъ, грамота дана во Владимірѣ, и если Феодору не трудно было въ 1334 г. доѣхать изъ Галича до Львова, то странно было бы ѣхать во Владиміръ за тѣмъ только, чтобы положить свою подпись на документѣ, не имѣющемъ къ церкви никакого отношенія. Епископъ могъ быть призванъ въ княжескую раду, но непременнымъ ея членомъ, какъ извѣстно, не былъ. Вовторыхъ, предположеніе, что епископъ Феодоръ былъ орудіемъ Болеслава есть только предположеніе, основаній для него никакихъ не имѣется, на оборотъ всѣ вѣроятности говорятъ противъ такого предположенія. Мы видѣли, что епископъ Феодоръ не избѣгалъ общенія съ митрополитомъ Феогностомъ. Къ 1334—1335 г. противъ Юрія Болеслава составилаь сильная оппозиція. Нечего говорить о духовенствѣ,—сами бояре выступили на защиту

¹⁾ А. Гр. и З., II, 6, 8.

²⁾ Chotcone filio Ieromiri.

угрожаемаго со стороны князя православія. Это призываетъ и Ржежабекъ. Въ виду всего этого представителю Галицкой церкви, о которомъ вообще нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, пришлось бы приписать невѣроятное ослѣпленіе, еслибы онъ дѣйствительно рѣшился содѣйствовать планамъ, не имѣвшимъ подъ собою никакой почвы. Ѳеодоръ долженъ былъ избѣгать князя, быть можетъ, стоялъ во главѣ оппозиціи противъ него, и во всякомъ случаѣ она должна была находить въ немъ сочувствіе и поддержку, и слѣдовательно, предположеніе Ржежабка не имѣетъ въ сущности никакихъ другихъ основаній, кромѣ вѣры въ точность Казимірова перечня. Перейдемъ поэтому къ рассмотрѣнію данныхъ Казиміровой грамоты къ Константинопольскому патріарху ¹⁾, на которой основывается мнѣніе объ отдѣльности Галицкой митрополіи, и не мимоетной, а довольно продолжительной. Въ подтвержденіе своей просьбы назначить въ Галичѣ особаго митрополита, Казиміръ перечисляетъ Галицкихъ митрополитовъ, прежде бывшихъ. Таковыми называются въ грамотѣ Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ. Мы уже замѣтили, что свидѣтельство это, при несомнѣнной подлинности, не устраиваетъ недоумѣній, такъ какъ сообщаемыя имъ показанія не могутъ быть примирены съ извѣстными намъ въ точности другими фактами русской церковной жизни. Въ виду этого митрополитъ Макарій прямо считаетъ показанія Казиміра „ложными или не точными“, „очевидно преувеличенными“; патріарху не трудно было бы обличить это, но онъ не могъ этого сдѣлать въ виду прямой угрозы Казиміра крестить русскихъ въ латинскую вѣру ²⁾.

Совершенно иначе относятся къ документу другіе, напримѣръ, одинъ изъ теперешнихъ представителей Галицкой греко-уніатской церкви Ю. Пелешъ ³⁾. Постараемся вкратцѣ суммировать его разсужденія. Первый изъ называемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитовъ Нифонтъ представляетъ личность, по словамъ Пелеша, вообще совершенно неизвѣстную; Петръ былъ, конечно, митрополитомъ Галицкимъ, но лишь по столько, по сколько былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Отдѣльнаго митрополита Галицкаго въ періодъ времени 1305—1326 годовъ несомнѣнно не было. Гавріилъ,

¹⁾ Acta patriarchatus, I, 577, Русск. историч. библ., VI, прилож. № 22; М. Р. Н., II, 626.

²⁾ Макарій, IV, 56 и пр. 68.

³⁾ Geschichte der Union, I, стр. 380—390.

также какъ и Нифонтъ, „совершенно не извѣстенъ“. Что касается Θεодора, то онъ, по мнѣнію Целеша, предназначался въ митрополиты (къмъ?), но патриаршаго утвержденія не получалъ. Таковы фактическія свѣдѣнія о перечисляемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитахъ. „Сопоставляя данныя о нихъ съ исторіей тогдашней Кіевской митрополіи“¹⁾, Целешъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Нифонтъ дѣйствительно можетъ быть принимаемъ за перваго Галицкаго митрополита (1299—1305 гг.)“²⁾, ибо какъ разъ тогда митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ и переселился во Владиміръ, что должно было побудить Льва Даниловича къ установленію собственной митрополіи. Во всякомъ случаѣ митрополія эта „канонически установлена не была“, такъ какъ потомъ напрасно, какъ оказалось, хлопоталъ объ этомъ Юрій Львовичъ, пославъ Петра къ патриарху. Съ 1305—1326 годовъ, какъ сказано, не было отдѣльнаго Галицкаго митрополита; то же слѣдуетъ сказать о времени 1329—1331 годовъ, когда на Волнни дѣйствовалъ Θεогностъ. Вотъ почему относительно послѣднихъ двухъ митрополитовъ, упоминаемыхъ Казиміромъ, возникаетъ предположеніе, что они были лишь викарными Кіевского митрополита, и что въ перечнѣ митрополитій титулъ приписанъ имъ не вѣрно³⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что перечень Казиміра никакъ не можетъ быть примиренъ съ несомнѣнными историческими фактами, а между тѣмъ онъ представляетъ единственное основаніе для утвержденія о существованіи Галицкой митрополіи въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, а не мимолетномъ, какъ оно было въ дѣйствительности³⁾.

Относительно Гавріила и Θεодора Целешъ, хотя и ссылаясь на

¹⁾ Мы этого не понимаемъ. Какія же „данныя“, когда о трехъ митрополитахъ ничего не извѣстно, когда, напримеръ, о Гавріилѣ Целешъ говоритъ такъ: „wenn also Gabriel wirklich eine historische Person ist“?

²⁾ Напримеръ, А. Петрушевичъ, О Галицко-Русскихъ митрополитахъ, Гал. Истор. Сб., ч. III, стр. 16, говоритъ: „вѣроятно, одинъ только Нифонтъ былъ настоящимъ Галицкимъ митрополитомъ, прочіи же пользовались, можетъ быть, только титуломъ“.

³⁾ О митрополитахъ Крымскихъ, то-есть, тѣхъ же Галицкихъ (Крымскъ—село недалеко отъ Галича, принадлежитъ и теперь Львовскимъ греко-уніатскимъ митрополитамъ) Юсифъ и Григорій нечего говорить, ибо такъ-называемыя „Львовы грамоты“ (см. у Зубрицкаго, Повѣсть, прилож.: В, В, Г, Д, Е, Ж,) несомнѣнно подложны. Мнѣніе Гарасевича, Annales ecclesiae Ruthenae, Leopoli, 1862, стр. 12, относящаго отдѣльность Галицкой митрополіи даже къ 1240 году, отвергаетъ и Целешъ.

другихъ, считаетъ возможнымъ допустить ошибку въ Казиміровомъ документѣ. Отчего же не допустить ошибки и относительно Нифонта? „Такъ какъ“, говоритъ Пелешъ,—„Нифонтъ названъ первымъ, то время его правленія должно отнести къ 1299—1305 гг.“ Въ дѣйствительности нельзя считать Нифонта митрополитомъ на томъ же основаніи, какъ и Гавріла и Теодора, ибо во время путешествія митрополита Максима въ Царьградъ, гдѣ онъ въ 1301 г. присутствовалъ на соборѣ, „онъ обозрѣвалъ Волинскую землю и здѣсь, въ числѣ прочихъ, ему представлялся игуменъ Ратскаго монастыря Петръ“¹⁾. Если въ перемышльской рукописи, о которой упоминаетъ Пелешъ²⁾, названъ Нифонтъ, то впервыхъ, онъ названъ здѣсь епископомъ, а не митрополитомъ, ввторыхъ, рукопись эта очень поздняя³⁾ и, наконецъ, въ ней послѣ Нифонта поставленъ Игнатій. Такимъ образомъ считаютъ Нифонта отдѣльнымъ Галицкимъ митрополитомъ нѣтъ никакихъ основаній, но въ такомъ случаѣ точность Казимірова перечня окажется совершенно недостоверною. Между тѣмъ Пелешъ не только не отступаетъ передъ очевидною фактической несостоятельностью перечня, но считаетъ его даже хронологически послѣдовательнымъ и соотвѣтственно этому назначаетъ годы митрополитства названныхъ лицъ.

Искусственность и натянутость разсужденій Пелеша рѣзко бросаются въ глаза. Всѣ эти разсужденія въ основѣ своей имѣютъ мысль, что Галичъ постоянно, стремился къ отдѣльности и осуществлялъ ее при всякой возможности. Но, спрашивается: отчего же такъ легко она уничтожалась? Стоитъ только явиться дѣйствительному митрополиту, и нѣтъ ей, этой предполагаемой отдѣльности! Ясно, слѣдовательно, далѣе что въ данномъ случаѣ просто пользуются отсутствіемъ опредѣленныхъ указаній на отношенія Галицкой епархіи къ митрополіи. Такимъ образомъ, наприѣръ, для митрополитства Гавріла назначаются 1326—1329 гг. Но вотъ въ „записяхъ о поставленіи русскихъ епископовъ“⁴⁾, при Теодорѣ Галицкомъ стоитъ годъ 1328. Митрополитство Гавріла становится такимъ обра-

¹⁾ Макарій, Исторія, IV, 14. О рѣчкѣ Ратъ и существующемъ донныя названіи—Петрова долине, *Петрушевичъ*, о Галицкихъ митрополитахъ, пр. 6.

²⁾ Geschichte der Un., 380, пр. 82.

³⁾ Петрушевичъ приписываетъ ее греко-униатскому митрополиту Льву Кишиѣ (1711—1728 г.).

⁴⁾ В. Г. Васильевскій—*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1888, II.

зомъ еще менѣе вѣроятнымъ ¹⁾. „Отъ вѣка вѣковъ“, говоритъ Казиміръ,—„Галичъ слылъ митрополіей во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣковъ“. Что же это за особенная извѣчность, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ? 13-го декабря 1539 года православные галичане и подоляне обращаются къ митрополиту Макарію съ просьбой о посвященіи для нихъ епископа, и вотъ что говорятъ они митрополиту: „тому есть 200 лѣтъ и одинъ рокъ минуло (опредѣленность, неволью обращающая на себя вниманіе), якъ владыка на Галичѣ былъ“ ²⁾.

„Духовенство и миряне“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу М. Смирновъ ³⁾,—„запомнили, когда былъ послѣдній еписковъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ (то-есть, 1347 и 1371 гг.), тамъ жившихъ и правившихъ, совершенно забыли“. Вотъ каково было стремленіе православныхъ галичанъ къ духовной отдѣльности; даже памяти о ней не осталось въ народѣ! Политическая махинація прошла надъ нимъ безъ всякаго слѣда, не смотря на то, что была продѣлана даже неоднократно. Что теперешніе духовные представители галичанъ смотрятъ на дѣло иначе,—понятно. Но странно и по истинѣ грустно вотъ что: предположимъ, что стремленія къ духовной отдѣльности, приписываемыя Пелешемъ галичанамъ, осуществлялись въ лицѣ митрополитовъ Гавріила и Федора. Во всякомъ случаѣ они могли быть осуществяемы не канонически. Въ глазахъ духовныхъ лицъ—а таковы почти всѣ, сколько-нибудь подробно касавшіеся вопроса о Галицкой митрополіи и утверждающіе ея отдѣльность въ указанный періодъ времени—это обстоятельство должно бы имѣть извѣстное значеніе, но какія-то другія соображенія оказываются сильнѣе.

Какъ же быть однако съ несомнѣнно подлинною грамотой Казиміра? Почему, и на какомъ основаніи, спросимъ мы, должно приписывать его словамъ несомнѣнную историческую точность? „Ради Бога, ради насъ и святыхъ церквей“, взываетъ Казиміръ къ патриарху,—„да будетъ ваше благословеніе и надъ симъ человекомъ (Антоніемъ), чтобы престолъ этой митрополіи не оставался пустымъ, рукополо-

¹⁾ Для Нисонта назначаются 1299—1305 гг. Фактъ посещенія Волыни митрополитомъ Максимомъ около 1301 г. извѣстенъ *Пелешу*, *Geschichte der Un.*, 328; но въ данномъ случаѣ почему-то игнорируется.

²⁾ А. З. Р., II, 361; о датѣ документа см. тамъ же примѣчаніе.

³⁾ Судьбы Галицкой Руси, 141.

жите Антонія въ митрополита, дабы не исчезъ, не разорился законъ русскій*. Что же, слѣдуетъ считать Казимира стоятелемъ и оберегателемъ русскаго закона? Такое предположеніе, въ виду фактовъ, вызываетъ лишь улыбку, по вѣдь столь же несомнѣнны факты, опровергающіе точность Казимирова перечня. Очевидно, довѣріе къ документу основывается вовсе не на его дѣйствительномъ характерѣ и значеніи, а поддерживается по совершенно другимъ соображеніямъ, которыя не могутъ имѣть ничего общаго съ научной истиной. Во имя чего и на какомъ основаніи, спрашивается,—если не допускать прямой злонамѣренности—вносится въ науку принципъ: *credo, quia absurdum?* Въ наукѣ нѣтъ для него мѣста! Если примемъ во вниманіе, что грамота Казимира послужила главнымъ основаніемъ для указаннаго выше предположенія Ржежабка о замыслахъ Юрія Волеслава касательно Галицкой церкви, что та же грамота побудила его считать Феодора (Отека), скрѣпившаго грамоту Юрія II въ 1335 г., епископомъ Феодоромъ, мы будемъ въ состояніи представить себѣ, какимъ образомъ возникаетъ рядъ аргументовъ со всѣми признаками научной основательности. Связанные вмѣстѣ, эти аргументы составляютъ цѣль, скользящую изслѣдователя, и сколько труда, сколько усилій приходится употребить, чтобы хоть немного освободиться отъ ея давленія!

Отдѣленіе Галицкой митрополіи дѣйствительно произошло около половины XIV вѣка, и конечно, какъ фактъ, касающійся коренныхъ основъ жизни, было подготовлено предшествовавшимъ ей ходомъ, выработаннымъ въ русской жизни тѣсное взаимодействіе верховной власти духовной и свѣтской. Съ того времени, какъ Кіевъ потерялъ свое первенствующее значеніе, митрополиты въ немъ, такъ-сказать, осеротѣли; но все же Кіевъ, какъ первый русскій городъ, былъ наиболѣе подходящимъ для пребыванія представителя духовнаго единства Русской земли. До самаго татарскаго разгрома продолжалась эта традиція, все болѣе и болѣе теряя реальныя основы. Большое Гнѣздо еще считался съ нею и подготовлялъ господство съвера благоразумною политикой, вовсе не слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру своего старшаго брата ¹⁾). Послѣ смерти Всеволода наступаютъ замѣшательства, а затѣмъ татарскій разгромъ совершенно нарушаетъ естественный ходъ развитія. Въ 1240 году въ Кіевѣ сидѣлъ намѣстникъ

... ¹⁾ О неудачной попыткѣ Андрея учредить во Владимірѣ отдѣльную митрополію, см. *Макарій*, *Исторія*, III, 16.

Даніила. Казалось, верховенство на Руси стало рѣшительно склоняться на сторону юга, и когда во время разгрома безвѣстно погибъ митрополитъ Іосифъ, встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе объ Угровскоуѣ епископѣ Асафѣ „иже скочи на столъ митрополичъ“¹⁾. Очевидно, ни чѣмъ другимъ не могъ руководиться Асафъ, какъ лишь видимымъ перевѣсомъ Даніила надъ всѣми тогдашними русскими князьями, но стараясь предвосхитить мысль южно-русскаго князя, онъ, быть можетъ, именно поэтому, а можетъ быть, и потому, что дѣйствовалъ безъ его воли и согласія, и поплатился: „сверженъ бысть стола своего“, какъ говоритъ лѣтопись. Угровскій епископскій столъ былъ перенесенъ въ Холмъ, а въ митрополиты былъ поставленъ кандидатъ Даніила Бирилль²⁾. Преемникъ его Максимъ былъ избранъ и рукоположенъ въ Царьградѣ, но немедленно послѣ его смерти (1305 г.) встрѣчаемся съ фактомъ чрезвычайно характернымъ: „одинъ изъ игуменовъ (судя по мѣсту дѣйствія владимірскій), именовъ Геронтій, взявъ святительскую ризницу, утварь, самую икону, подаренную нѣкогда Максиму игуменомъ Петромъ, а также церковныхъ сановниковъ и отправился въ Константинополь искать себѣ поставленія на Русскую митрополию. Это, конечно, онъ сдѣлалъ не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владиміра, а также нѣкоторыхъ изъ духовенства. Поступокъ Геронтія, когда огласился въ Россію, не понравился очень многимъ, особенно же Волынскому князю Георгію Львовичу. Не желая видѣть первосвятителя въ лицѣ властолюбиваго Геронтія и, можетъ быть, недовольный переселеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ на сѣверъ Россіи, Георгій „воскотѣ Галицкую епископію въ митрополию претворити“³⁾ и убѣдилъ ратскаго игумена Петра ѣхать къ Царьградскому патріарху съ письмомъ отъ князя и съ его посломъ“⁴⁾. Сѣверъ и югъ одновременно выставляютъ своихъ кандидатовъ, и всего только нѣсколькими днями Петръ предупреждаетъ Геронтія въ Царьградѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, и Петръ, и Геронтій были кандидатами мірянъ⁵⁾, но Петръ оказался счастливѣе. Получивъ отъ патріарха привезенные Геронтіемъ знаки святительскаго сана, онъ былъ отпу-

¹⁾ Ип. л. 494. *Петрушевичъ*, Краткое извѣстіе о Холмской епархіи, 22.

²⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 7—8 и прилож. 1.

³⁾ Справедливо замѣчаетъ по этому поводу *Макарій*: „прежде, значить, эта епископія не была митрополіей“. Ib. прилож. II.

⁴⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 15.

⁵⁾ Огнергнувъ Геронтія, патріархъ сказалъ ему: „не достоинъ міряномъ избранія святительскія творити“.

щенъ въ 1308 году какъ дѣйствительный первосвятитель Кіевскій и всея Россіи. „Мысль Волынскаго князя“, замѣчаетъ по этому поводу пр. Макарій, — „осуществилась только въ половину“. Именно гѣтъ: мысль Юрія о избраніи Петра осуществилась вполнѣ, но его планамъ былъ нанесенъ смертельный ударъ и не патріархомъ, а самимъ Петромъ, и въ нашихъ глазахъ фактъ этотъ является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что Петръ былъ кандидатъ Юрія и природный южанинъ. Переселеніе его на сѣверъ, его отношенія къ Московскимъ князьямъ какъ пельза болѣе ярко показываютъ, что лучшіе русскіе люди того времени уже не колебались въ выборѣ между сѣверомъ и югомъ. Для нихъ было очевидно, что югъ представлялъ лишь традицію. Попытка Юрія получаетъ такимъ образомъ смыслъ послѣдней попытки юга удержать въ своихъ рукахъ традиціонное верховенство. Во всѣхъ отношеніяхъ побѣда оказалась на сторонѣ новаго русскаго центра, который на зарѣ своей исторіи получаетъ въ лицѣ святителя и чудотворца драгоцѣнный залогъ сознательной и добровольной, а слѣдовательно, неразрывной связи съ югомъ. Обстоятельство, что переселеніе Петра на сѣверъ нисколько не нарушило духовнаго единства Русской земли ¹⁾ открываетъ истинный смыслъ словъ Степенной книги о „претвореніи Галицкой епископіи въ митрополію“. Не о претвореніи въ буквальный смыслъ, а лишь о сохраненіи вліянія на выборъ русскаго первосвятителя могла быть рѣчь по смерти митрополита Максима. Что югъ прилагалъ старанія о сохраненіи этого вліянія показываютъ какъ сообщенные факты, такъ и перечень подчиненныхъ Константинопольскому патріарху епископскихъ кафедръ, въ которомъ сохранилось упоминаніе, что Галицкая епископія удостоилась повышенія въ митрополію при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ и святѣйшемъ патріархѣ Аванасіи въ 6811, то-есть, въ 1303 году ²⁾. Неточности перечня позволяютъ усумниться въ вѣрности даты, и показанія его свидѣлствуютъ лишь о безсиліи Царьграда по отношенію къ подчиненнымъ его духовной власти церквамъ. Въ Царьградѣ естественно могли придать именно такое толкованіе назначенію

¹⁾ И митрополитъ Кириллъ II, ставленникъ южно-русскаго князя и самъ южанинъ, не находилъ возможности оставаться на югѣ; но переселеніе его на сѣверъ могло быть естественно объяснено крайне тяжелымъ, послѣ разгрома, состояніемъ обширныхъ сѣверныхъ епархій, а также и тѣмъ, что Владимірская кафедра какъ разъ въ это время оставалась вакантною. *Макарій*, IV, 10.

²⁾ Списокъ перечня относится къ XIV вѣку. Русск. ист. библ., VI, прилож., стр. 15, прим.

Петра, переѣздъ котораго на сѣверъ вовсе не былъ слѣдствіемъ греческаго вліянія, а лишь результатомъ выработаннаго русскою жизнью тѣснѣйшаго взаимодѣйствія представителей власти духовной и свѣтской. Если, такимъ образомъ, потерпѣвъ чувствительный ударъ, югъ склонился передъ фактомъ, то это можетъ свидѣтельствовать лишь о силѣ общерусскаго единенія, и надо было появиться на сценѣ другимъ факторамъ для того, чтобы порѣшенный вопросъ опять всплылъ. Такимъ новымъ факторомъ оказалась Литва. Въ борьбѣ съ нею пали преемники Юрія, обнаруживъ на дѣлѣ явное для Петра безсиліе юга, а Литва вскорѣ послѣ этого стала Литвой уже только по имени. Кіевъ перешелъ подъ ея власть, а городъ этотъ сохранялъ свое обаяніе даже тогда, когда уже давно резиденція митрополита была перенесена изъ Владиміра въ Москву ¹⁾. Мы видѣли, какъ въ лицѣ Любарта сливалась Литва съ Русью, а изъ словъ Ольгерда, что вся Русь должна перейти подъ власть Литвы ясно открываются политическіе замыслы Гедиминовичей. Но поперекъ этихъ замысловъ стояла Москва, а вмѣстѣ съ нею и представитель единства Руси — митрополитъ, все еще официально носившій титулъ Кіевскаго. „По твоему благословенію“, говоритъ Ольгердъ, — „патріарху Филоою въ 1371 году митрополитъ и донынѣ благословляетъ ихъ (москвитянъ) на пролитіе крови, и при отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ каковъ сей митрополитъ! Благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ. И кто поцѣлуетъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бываетъ ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе? Митрополиту слѣдовало благословить москвитянъ, чтобы помогли намъ, потому что мы за нихъ воюемъ съ нѣмцами. Мы зовемъ митрополита къ себѣ, но онъ не идетъ къ намъ: дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малуя Русь, Новосиля, Нижній Новгородъ“ ²⁾. Это отношенія уже вполне соврѣвшія, ясно обрисовавшіяся. Глянувъ

¹⁾ Еще въ соборномъ патріаршемъ постановленіи касательно Пимена въ 1380 году говорится: „пусть возглашается онъ (Пимень) и Кіевскимъ, ибо не возможно ему быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде Кіевскимъ, такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія“, *Макарій*, IV, 70; а въ 1415 году Витовтъ такъ, между прочимъ, объясняетъ поставленіе Цамблака: „заемъ божиимъ изволеніемъ мы нѣсто то обладаемъ Кіевъ“, А. З. Р. I, 36.

²⁾ Русск. истор. библ., VI, прилож. № 24.

и злоба водять перомъ Ольгерда. И какъ могъ Ольгердъ въ самомъ дѣлѣ не дать имъ воли?

Онъ въ собственномъ сознаніи—русскій государь, щить и охрана Руси отъ нѣмцевъ, грозную силу которыхъ онъ въ такой степени чувствовалъ на себѣ, встрѣчаетъ въ лицѣ представителя русскаго единства, въ лицѣ митрополита, главнѣйшее препятствіе на своемъ пути къ созданію всерусскаго государства! Ольгердъ душою, а быть можетъ, и по вѣрѣ русскій, благодаря опасности со стороны нѣмцевъ, вынужденъ оставаться язычникомъ, слѣдовательно, въ глазахъ русскихъ „зловѣрнымъ безбожнымъ, печестивымъ“, въ глазахъ патріарха „врагомъ креста, не вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но скверно и безбожно поклоняющимся огню“ ¹⁾, долженъ испытывать постоянную внутреннюю борьбу и, быть можетъ, въ концѣ концовъ проститься съ своими политическими планами! Вѣдь соединившіеся съ нимъ русскіе князья отлучены отъ церкви и патріархомъ, который приглашаетъ ихъ „прийти и припасть къ митрополиту“, иначе говоря, соединиться съ Москвою противъ Литвы ²⁾. Какъ тутъ не быть гнѣву и злобѣ! Какъ не запросить себѣ отдѣльнаго митрополита!

Въ то время, когда впервые возникаетъ отдѣльная митрополія на Руси, отношенія обѣихъ русскихъ державъ еще не дошли до такой степени напряженія, они только впервые обозначились. Оттого-то первое столкновеніе Москвы и Литвы отличается сдержанностью, нерѣшительностью. Изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи Галицкой митрополіи къ Кіевской и его же грамоты къ Дмитрію Любарту, а также синодальнаго постановленія патріарха Исидора ³⁾ узнаемъ, что не задолго до 1347 г., во время происходившихъ въ Царьградѣ церковныхъ смуть, въ Галичѣ была открыта отдѣльная митрополія, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій малой Россіи. Учредительной грамоты не сохранилось, но обращеніе императора къ Любарту достаточно ясно указываетъ, что именно его слѣдуетъ считать виновникомъ такого утвержденія. Въ свое время мы говорили о значеніи этого факта для объясненія отношеній Любарта къ Галицкой землѣ. Теперь вспомнимъ сказанное о солидарности

¹⁾ Ibid., стр. 118.

²⁾ См. отлучительную грамоту патріарха Филофея Смоленскому князю Святославу, Ib. № 21.

³⁾ Ibid., №№: 3, 6, 7.

дѣйствій Гедиминовичей, и тогда характеръ и значеніе попытки представляется намъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Великій князь Литовскій, непосредственно руководившій отношеніями Литвы къ Москвѣ, оставался какъ будто совершенно въ сторонѣ отъ затѣи своего брата, нарушавшаго самые существенные интересы Москвы. Въ то же время Любартъ, наслѣдникъ южно-русскихъ князей, бывшихъ въ сношеніяхъ съ патриархомъ, послывавшихъ туда для поставленія своихъ кандидатовъ, имѣлъ гораздо ббльшую возможность вести переговоры и въ данномъ случаѣ. Что они такъ легко увѣнчались успѣхомъ, объясняется какъ смутами въ Царьградѣ, такъ и слабостью вліянія патриарха на подчиненныя ему церкви.

Еще съ 1234 г. Болгарія составляла отдѣльный патриархатъ; въ концѣ 1345 г. или въ 1346 г. былъ учрежденъ Стефаномъ Душаномъ патриархатъ Сербскій ¹⁾. Патриархъ рѣшительно не имѣлъ возможности остановить это стремленіе подчиненныхъ ему церквей къ независимости, ему оставалось только соглашаться во избѣжаніе большихъ смутъ и непріятностей.

Во всѣхъ указанныхъ нами грамотахъ, относящихся ко времени возникновенія Галицкой митрополіи, учрежденіе ея, съ не допускающею никакихъ сомнѣній категоричностью, называется „новизною“, нарушеніемъ издревле установившихся обычаевъ, и если указываются какія-то возникавшія прежде попытки, то тутъ же заявляется, что онѣ „тотчасъ же разрушались и отвергались, едва возникали“, очевидно, разрушаясь именно въ силу собственной несостоятельности.

Конечно, отмѣна недавняго учрежденія совершилась не безъ вліянія Феогноста и Семена Ивановича ²⁾, но рѣшительность тона императора въ его обращеніи къ Любарту, могла опираться главнѣйше именно на новизнѣ и необщности явленія, не имѣвшаго подъ собою никакихъ внутреннихъ основъ. Какова была судьба мимолетнаго Галицкаго митрополита и кто былъ этотъ мимолетный митрополитъ— не извѣстно. Былъ ли это Феодоръ—Пелешъ ³⁾ утверждаетъ это, Ма-

¹⁾ *Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва. 1871 г., стр. 80 и 472.

²⁾ Грамоты къ нимъ Іоанна Кантакузина, Русск. и. библ., VI, Прилож. № 4, и 5. Въ Никоновской лѣтописи подъ 6855 г. сказано: „того же лѣта пресвященный Феогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Русіи посовѣтова нѣчто духовнѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ и тако послаша въ Царьградъ къ патриарху о благословеніи“, Полн. собр. р. л., X, 218.

³⁾ *Gesch. d. Un.*, I, 385.

карій) ¹⁾ считаетъ вѣроятнымъ,—нельзя однако, не замѣтить, что прямо по имени онъ не названъ ни въ одной изъ относящихся сюда грамотъ, данныхъ въ Царьградѣ ²⁾; а на основаніи приведеннаго выше обращенія галичанъ и подоланъ къ митрополиту Макарію слѣдуетъ думать, что извѣстный намъ епископъ Галицкій Θεодоръ умеръ около 1338 года ³⁾.

Возможно поэтому думать, что Галицкій митрополитъ былъ не Θεодоръ, или по крайней мѣрѣ, если ужъ придавать какую-нибудь вѣру перечню Казимира, не тотъ Θεодоръ, подчиненіе котораго Θεогносту составляютъ фактъ несомнѣнный. Такъ по всѣмъ даннымъ представляется намъ дѣло о Галицкой митрополіи, или точнѣе, о первомъ духовномъ раздѣленіи Руси. Оно возникло около 1345 г., какъ небывалая новизна, какъ произвольное нарушеніе извѣчнаго порядка. Нужна была эта новизна лишь Гедиминовичамъ, но и они отступили передъ крѣпостью и силой старинны, соединявшею всю Русь отъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ распространенія русскаго племени до подножія Карпатъ въ единое неразрывное, по крайней мѣрѣ духовно-цѣлое.

Вскорѣ по церковномъ воссоединеніи митрополитъ Θεогностъ посѣтилъ Волинь, устранивъ, конечно, при этомъ всѣ возникшія во время замѣшательства недоразумѣнія ⁴⁾. Какъ должны были отнестись къ этому посѣщенію Гедиминовичи, и особенно Ольгердъ, можемъ только догадываться. Во всякомъ случаѣ они не посмѣли поступить съ Θεогностомъ такъ, какъ потомъ рѣшился поступить Ольгердъ съ Алексіемъ, когда тотъ посѣтилъ южныя епархіи. Положеніе было, однако, таково, что для честолюбивцевъ, не брезгавшихъ средствами, являлась возможность пытаться счастье. Такимъ честолюбцемъ считаемъ мы какого-то Θεодорита, прибывшаго въ 1352 г. въ

¹⁾ Исторія, IV, 26.

²⁾ Въ грамотѣ патріарха Исидора, вызывающей Галицкаго митрополита къ суду, онъ называется: „пресвященныи митрополитъ Галицкій и пречестныи, возлюбленныи по Господу братъ и сослужитель нашей мѣрности“, Р. и. б., VI, Прилож., № 8.

³⁾ Въ „запискахъ о поставленіи“ послѣдній годъ при имени Θεодора—1335. И *Петрушевичъ*, О Галицкихъ митрополитахъ, пр. 16, и *Шаранговичъ*, Kościelne wprawo na Rusi za rządów Kazimierza W, Bibl. Ossol., II, 1863, принимаютъ 1338 г. за годъ смерти Θεодора.

⁴⁾ Никоновская лѣтоп. годъ 1349 г.: того же лѣта приде прѣсвятенныи Θεогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси изъ Волини, II. с. р. л., X, 221.

Царьградъ, съ цѣлью искать митрополін. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ обратился къ Болгарскому патриарху въ Терновъ и былъ здѣсь рукоположенъ. Вернувшись въ Россію, онъ, какъ подобало самозванцу, „разбойнически и тирански присваивалъ себѣ Кіевъ“ ¹⁾; но удержаться не могъ. „Нельзя сомнѣваться“, говоритъ Макарій, — „что низложенный и отлученный патриаршею властью, онъ всѣми былъ отвергнутъ въ Россіи“ ²⁾. Дѣйствительно, о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не извѣстно.

Попытку Θεодорита нельзя не сопоставить съ попыткой Угровскаго Асафа: подобно ему, Θεодоритъ задумалъ „скакнуть“ на столъ митрополита и если немедленно же не заплатилъ за свой дерзостный замыселъ, то причина этого заключалась въ отношеніяхъ Ольгерда къ Москвѣ, заставлявшихъ Литовскаго князя смотрѣть сквозъ пальцы на самозванца, не сумѣвшего, однако, надлежащимъ образомъ расположить обстоятельства въ свою пользу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакихъ основаній считать Θεодорита „первымъ Литовскимъ митрополитомъ“ ³⁾. Не факты, даже не слова, а лишь „воварный умыселъ“, говоря словами патриарха Нила ⁴⁾, можетъ давать основаніе для подобнаго утвержденія, но разумѣется, ничего нельзя построить на подобномъ основаніи.

Въ 1364 г. наконецъ Ольгердъ рѣшился запросить себѣ отдѣльнаго митрополита и на этотъ разъ добился желаемаго. Въ Литовскіе митрополиты поставленъ былъ Романъ; столъ Литовскаго митрополита назначенъ былъ въ Новгородкѣ, и подчинены ему были епархія Литовскія — Полоцкая и Туровская, а также Малорусскія ⁵⁾. Не смотря на то, что Литовская митрополія просуществовала цѣлыхъ 12 лѣтъ, она не могла установиться прочно. Вскорѣ по смерти Романа (1362 г.) патриархъ Филофей постановляетъ „чтобы Литовская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго, ибо это, бывъ разъ допущено, произвело много замѣшательствъ и безпорядковъ, хотя,

¹⁾ Макарій, Исторія, IV, Прилож. VIII.

²⁾ Ibid., стр. 42.

³⁾ Палезиъ, Gesch. d. Un., I, 387.

⁴⁾ Р. И. В. VI, Прилож., стр. 170.

⁵⁾ Ibid., стр. 86. Патриаршія грамоты, относящіяся къ утвержденію Литовской митрополіи, ib., №: 13, 14, 15, 30 и 33. О личности Романа, вѣроятно родственника Ольгердова по второй женѣ, тверской княжнѣ Ульянѣ, ib., стр. 71, пр.

по видимому, допущено было по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ" ¹⁾). Было ли это постановленіе опубликовано или нѣтъ ²⁾)—въ точности не извѣстно; но важенъ въ данномъ случаѣ взглядъ такого предстоятеля церкви, какимъ былъ Филофей, хотя бы даже безсильнаго устранить ея нестроенія.

Въ 1376 г. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Ольгердъ наконецъ добился своихъ цѣлей. Въ митрополиты Кіевскіе и Литовскіе поставленъ былъ Кипріанъ, съ правомъ и на всю Россію послѣ Алексія ³⁾). Въ виду старости и заслугъ московскаго святителя уважены были его права, но дѣйствія патріархата, несомнѣнно сообразовавшагося съ положеніемъ вещей, заслуживаютъ полнаго вниманія: очевидно, въ лицѣ Ольгерда патріархъ видѣлъ „новую звѣзду на русскомъ горизонтѣ" ⁴⁾). Звѣзда эта чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ померкла, а въ какіе-нибудь два-три года положеніе дѣлъ измѣнилось совершенно. Московскій князь Дмитрій стоялъ твердо за свои права и даже въ 1379 г., когда церковныя дѣла складывались, по видимому, въ особенно благоприятномъ для Литвы смыслѣ ⁵⁾), имѣлъ много сторонниковъ среди русскихъ, даже при Вилепскомъ дворѣ, а когда союзъ съ Мамаемъ покрылъ близорукаго Ольгердовича несмысленнымъ позоромъ, а Куликовская побѣда разнесла славу имени Дмитрія по всей Русской землѣ, русское дѣло Литвы было проиграно окончательно и навсегда. Дмитрій могъ вступить въ сношенія съ Кипріаномъ, могъ не бояться его естественнаго, казалось бы, тяготѣнія къ Литвѣ: онъ былъ тогда одинъ истинный князь „всая Руси". Литва въ смыслѣ русской державы погибла недалеко отъ Куликова

¹⁾ *Ib.*, стр. 96.

²⁾ Въ рукописи грамота перечеркнута.

³⁾ Грамоты о поставленіи Кипріана нѣтъ, ибо въ „Актахъ Патріархата" нѣтъ грамотъ, относящихся къ 1374—79 г.г. Положеніе дѣлъ объясняется позднѣйшими грамотами 1380 и 1389. Р. И. Б., VI, прилож. №№ 30 и 33.

⁴⁾ *Смолька*, *Kiejstut i Jagiełło*. Краковъ, 1888, стр. 39.

⁵⁾ *Cp. ib.*, 44, пр. 4 и 5, гдѣ указывается на подпись Кипріана въ соборномъ постановленіи въ Царьградѣ 1379 г.: „смиранный митрополитъ всея Россіи Кипріанъ", *Acta patr.* II, 6; и отвѣтъ императора посламъ Дмитрія: „что сиче пишеть князь великій Рускій о Пиминѣ, а поставленъ есть готовъ митрополитъ на Руси Кипріанъ, данно поставленъ есть святѣйшимъ патріархомъ Филофеемъ, того и отпустили есыми на рускую землю митрополитомъ, а кромѣ того иного не требуемъ поставити". Воскрес. л., *Поля. собр.* р. л., VIII, 32. Представленіе дѣлъ въ грамотѣ патріарха Нила 1380 г. *Смолька* считаетъ „крайне тенденціознымъ".

поля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился ведшій русскіе полки на братоубійственную войну, по истинѣ „нечестивый“ Ягайло, и не московская рать гнала его назадъ оттуда: „не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его бояхуся и трепетаху“¹⁾. Еще разъ возвысилась Литва при Витовтѣ. Граница ея, простираясь до Угры, отстояла весьма недалеко отъ столицы Московскаго княжества. Московскій государь, зять Витовта, передъ смертью поручилъ сына опеку великаго князя Литовскаго, съ которымъ соединялись князья Тверской и Рязанскій, Псковъ и Новгородъ. При Витовтѣ снова осуществляется духовное разъединеніе русскаго міра, но оно было столь же мимолетно (продолжалось всего четыре года), какъ мимолетно было видимое могущество Витовта. Однимъ словомъ, попытки къ духовному разъединенію были, но обстоятельство, что онѣ, говоря словами хрисовула Іоанна Кантакузина, скоро „падали и разрушались“, что для осуществленія ихъ требовалась вся сила и вліяніе такихъ государей, какъ Ольгердъ или такой складъ обстоятельствъ, какимъ воспользовался Казиміръ, доказываютъ несомнѣнно, съ какимъ трудомъ могло быть нарушено духовное единство русскаго міра, и слѣдовательно, до какой степени оно было прочно. Возникавшія раздѣленія совершенно не вытекали изъ условій русской жизни, вовсе не отвѣчали стремленіямъ и понятіямъ народа²⁾, а были лишь слѣдствіемъ политическихъ обстоятельствъ, иррипче—политическихъ несчастій, столь обильныхъ на Руси и, надо думать, необходимыхъ для того, чтобы выковать ея политическое могущество. Гдѣ, какъ на примѣръ, въ Галичѣ, раздѣленіе продолжалось болѣе значительное время, тамъ эта отдѣльность сказывалась самымъ печальнымъ образомъ именно какъ разъ на томъ, что составляло ея внѣшній признакъ, то-есть, на ея представителяхъ.

Объ Антоніи, несомнѣнно поставленномъ въ Галицкіе митро-

¹⁾ Воскрес. л., Поля. собр. р. л., VIII, 40.

²⁾ Яснѣ всего это доказывается отношеніемъ новгородцевъ къ Кипріяну, 1376 г. поставленъ бысть въ Царьградѣ Кипріяну митрополитъ; и пришедъ въ Литву, посла въ Новгородъ Великій послы свои къ владыцѣ и патриарши грамоты, а глагола тако: „благословилъ мя вселенскій патриархъ Филофей митрополитомъ на Кіевъ и на всю Рускую землю“. Слышавъ же се владыка и Новгородци и сице отвѣтъ послаша къ нему: „иши къ великому князю на Москву: и аще ты приметъ митрополитомъ на Руси, то и намъ еси митрополитъ“. Сидяшъ же митрополитъ отвѣтъ Новгородцѣи и не посла къ великому князю на Москву. Ibid., стр. 25.

политы по требованію Казимира, рѣшительно ничего не извѣстно. Въ 1391 году патріархъ поручилъ Симеону, монаху одного изъ молдавскихъ монастырей, завѣдываніе Галицкою церковью. Какъ разъ около этого времени явился въ Галичѣ какой-то Тагарясъ. Онъ выдавалъ себя за уполномоченнаго отъ патріарха и посвятилъ Симеона во епископа, но тотъ, узнавъ обманъ, сложилъ съ себя санъ. Надо думать поэтому, что около 1391 г. скончался Антоній¹⁾. Въ 1393 г. искателемъ Галицкой митрополіи является въ Царьградѣ Луцкій епископъ Іоаннъ, личность, мало стѣснявшаяся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли²⁾. Пользуясь заступничествомъ короля, онъ управлялъ дѣлами до 1397 г. Въ этомъ году патріархъ отправилъ въ Галичъ Виселемскаго епископа, а въ грамотѣ къ королю предлагалъ Іоанну обратиться къ „своему митрополиту“, выпросить у него прощеніе, и только въ такомъ случаѣ разрѣшалось ему прибыть въ Царьградъ. Врядъ ли однако Іоаннъ исполнилъ приказъ патріарха. По крайней мѣрѣ подъ 1414 г. Никоновская лѣтонисъ упоминаетъ о Галицкомъ епископѣ Іоаннѣ; по всей вѣроятности, это тотъ самый Іоаннъ, бывший епископъ Луцкій, который поведеніемъ въ Царьградѣ совершенно опредѣленно заявилъ свое отношеніе къ духовной власти³⁾. Затѣмъ до 1529 г. о Галицкихъ епископахъ ничего не слышимъ, а и указанные два — одинъ митрополитъ, другой нареченный въ митрополиты⁴⁾ — не были, какъ сказано, признаваемы галичанами

¹⁾ *Петрушевичъ*, О Гал. митр., пр. 18, полагаетъ, что около 1380 г.

²⁾ Содѣйствіе короля онъ купилъ за 200 гривенъ и 30 копей. А. З. Р., I, № 12.

³⁾ 1393 г. патріархъ писалъ Кипріану: „Епископъ Луцкій пришелъ сюда и принесъ грамоты отъ короля, просящаго его въ митрополита Галиціи. Когда открылся соборъ, были прочитаны грамоты, присланныя священствомъ твоимъ еще прежде прибытія его сюда, и признано за лучшее, что такъ какъ идетъ сюда и епископъ Владимірскій, то задержать здѣсь и его (епископа Луцкаго) и потомъ прозвести между ними судъ и найти права каждаго изъ нихъ. Но сей бжгалъ и, нашедши корабль готовый къ отплытію, вошелъ въ оный, приглашенный придти сюда и оставить корабль, сказалъ: „Галицію мнѣ далъ король, который есть самодержавный властитель страны, и если мнѣ недоставало благословенія отъ патріарха, то пришедши, я уже получилъ оное, а больше мнѣ ничего не нужно; чего мнѣ на соборъ? пойду въ Галицію, въ мою церковь“, — называя благословеніемъ то, которое онъ, пришедши сюда, просто какъ христіанинъ, униженно просилъ у меня и получилъ, какъ и всѣ сопутствовавшіе ему подчиненные ею благословились“. *Макарій*, Исторія, IV, прил. XXX. Ср. *Пеллшъ*, *Gesch. d. Un.*, I, 395—396.

⁴⁾ Впрочемъ Іоанна, собственно говоря, трудно считать даже нареченнымъ въ митрополиты, можно думать, онъ самъ довольствовался титуломъ епископа.

за духовныхъ пастырей, — не только имена, но даже самое ихъ существованіе народъ предалъ забвенію, тѣмъ болѣе краснорѣчивому, что, не смотря на всѣ бѣдствія, которымъ съ 1340 г. подвергалась Галичина, православіе въ ней не поникло, стояло твердо, а святой Юрь величаво и гордо высился надъ всѣми зданіями Львова⁴. Эту твердость и неизблемость православія въ отдаленной русской окраинѣ нагляднѣе всего подтверждаетъ исторія утвержденія въ ней епископскихъ католическихъ кафедръ. Къ этой исторіи мы теперь и перейдемъ.

Епархіальнаго католическаго епископа въ предѣлахъ Галичины встрѣчаемъ впервые въ Перемышлѣ, что совершенно естественно по близости этого города къ польской границѣ. Исторія утвержденія епископской католической кафедры въ Перемышлѣ представляется намъ особенно важною и характерною, бросая не мало свѣта какъ на общія отношенія Рима къ Польшѣ и Руси, такъ въ частности на время окончательнаго утвержденія польскаго господства въ Галичинѣ. Съ другой стороны, всѣ относящіяся сюда главнѣйшіе факты могутъ быть обоснованы на не подлежащихъ никакому сомнѣнію документальныхъ свидѣтельствахъ, что въ данномъ случаѣ, при общей неопредѣленности и запутанности занимающихъ насъ вопросовъ, имѣетъ весьма существенное значеніе. Мы видѣли, что до окончательнаго устраненія отъ всякаго участія въ дѣлахъ католической церкви на Руси, Любушскій епископъ старался обращать въ свою пользу событія уже совершившіяся, или по крайней мѣрѣ обѣщающія болѣе или менѣе вѣрный успѣхъ. Борьба Казимира съ Литвой-Русью, безъ сомнѣнія, вызвала въ Любушскихъ епископахъ тревогу и надежду, и они не замедлили попыткой обратить ее въ свою пользу. По крайней мѣрѣ въ маѣ 1352 г. Климентъ VI, извѣстившись о смерти Перемышльскаго епископа Ивана „поспѣшилъ“ назначить на его мѣсто доминиканскаго сандомирскаго пріора Николая, чтобы такимъ образомъ „пресѣчь чье-либо постороннее вмѣшательство“¹⁾. Очевидно, такимъ образомъ, первый католическій епископъ, котораго встрѣчаемъ въ Перемышлѣ, Иванъ не былъ назначенъ куріей, съ другой стороны, назначеніе Климентомъ VI Николая въ самый разгаръ борьбы за Галичину, когда Казимиръ хлопоталъ лишь о денежной поддержкѣ, и рѣшительно, какъ увидимъ, некому было — развѣ только проповѣдничествующимъ монахамъ — торопить курію таковымъ на-

¹⁾ Theiner, M. P., 1, № 720.

значеніемъ, не могло быть вызвано никакими другими причинами, кромѣ указанного въ самой буллѣ желанія куріи пресѣчь постороннее вмѣшательство, которое, конечно, могло исходить лишь отъ Любушскаго епископа. Иванъ для Перемишля былъ такимъ образомъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіева въ 1320 г. Генрихъ изъ Порвелле. Вѣроятно, послѣдовавшая вскорѣ смерть помѣшала Ивану обратиться въ курію за утвержденіемъ, какъ это сдѣлалъ Генрихъ ¹⁾.

Неканоничностью поставленія Ивана объясняется отсутствіе его имени въ спискахъ Перемишльскихъ епископовъ ²⁾, а еще болѣе эта неканоничность подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что папская канцелярія въ назначеніи Николая торопилась лишь заявленіемъ своихъ правъ на Перемишльскую кафедру ³⁾, а вовсе не удовлетвореніемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ. Указанная папская булла дана 18-го января 1353 г., но лишь 24-го августа 1354 г. Николай былъ поставленъ въ епископы и получилъ приказаніе отправиться въ свою епархію ⁴⁾. Дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ первомъ, назначенномъ папой, католическомъ Перемишльскомъ епископѣ крайне скудны. Изъ буллы Григорія XI отъ 13-го апрѣля 1377 г., по которой въ Перемишльскіе епископы назначается миноритъ Эрихъ Винзень, мы узнаемъ, что предшественникъ его Николай умеръ въ предѣлахъ, подвѣдомыхъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ Перемишльской епархіи, что затѣмъ, послѣ его смерти епископская кафедра оставалась нѣкоторое время вакантною ⁵⁾; что, слѣдовательно, не только не ощущалось никакой особенной надобности въ католическомъ епископѣ для Перемишля, но что, собственно, даже не было возможности утвердить въ этомъ городѣ епископскую

¹⁾ Скопчался Иванъ, надо думать, или въ концѣ 1351, или въ началѣ 1352 г., гдѣ именно—не извѣстно; въ указанной буллѣ неопредѣленно: *in partibus illis*. Время назначенія его въ епископы также не извѣстно, во всякомъ случаѣ врядъ ли раньше 1349 г.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 429, пр. 1. Надо впрочемъ замѣтить, что спискомъ *Гамса*, *Series episcoporum ecclesiae catholicae quotquot innotuerunt a beato Petro. Ratisbonae. 1878*, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ особеннаго значенія, какъ составленные по *Рижскому*, *Vitae praesulum Poloniae, Romaniae, 1761—1768 г.*, 3 т., *Reifenkugel*, *ib.*, 404 пр.

³⁾ Она была подчянена непосредственно куріи, о чемъ многократно задѣлется въ папской буллѣ, и что всегда практиковалось при учрежденіи новыхъ епископствъ и продолжалось до окончательнаго ихъ устройства.

⁴⁾ *Theiner*, *M. P.*, 1, № 787.

⁵⁾ *Ib.*, № 1006.

резиденцію. Николай, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и не былъ въ Перемышль, а ближайшія по времени свидѣтельства даже не считали его Перемышльскимъ епископомъ: по прямому показанію Эриха, въ Перемышль не жилъ до него, (то-есть, до 1379 г.) ни одинъ католическій епископъ ¹⁾, а епископъ Краковскій Петръ, разграничивавшій въ 1398 г. по порученію Бонифація IX Перемышльскую епархію отъ Галицкаго архіепископства, называетъ преемника Эриха, епископа Матвѣя „вторымъ“ Перемышльскимъ епископомъ ²⁾. О состояніи католицизма въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышль мы имѣемъ свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это свидѣтельство упомянутаго Эриха. Въ своемъ уставѣ перемышльской капитулы онъ говоритъ слѣдующее: „Послѣ труднаго и долгаго пути, приѣхавъ къ нашей невѣстѣ—церкви Перемышльской, мы нашли ее, къ нашему огорченію, обезображенною и разоренною, точно вдову лишенною всякой красоты и чести кафедральнаго храма, ибо до сихъ поръ еще ни одинъ женихъ, то-есть, католическій епископъ съ нею не пребывалъ ³⁾, и хотя, безъ сомнѣнія, по свидѣтельству разныхъ папскихъ грамотъ, она всегда была кафедральною, а благодаря щедрости Людовика и грамотамъ Григорія XI, была восстановлена снова, тѣмъ не менѣе какъ ее самое, такъ и ея имущество мы нашли въ рукахъ схизматиковъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышль, спустя четверть съ лишнимъ вѣка по завоеваніи Галичины, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ католицизма: въ рукахъ православныхъ находилась даже основанная въ 1230 годахъ, по доминиканскимъ преданіямъ, часовня св. Іоанна. Приходилось „восстанавливать ее снова“, то-есть, прежде всего отнять у „схизматиковъ“. Это какъ будто невѣроятно, а между тѣмъ объ этомъ прямо говоритъ тотъ же Эрихъ ⁵⁾. Можно ли отвергать это показаніе ближайшаго свидѣтеля? Его уставъ основанной имъ

¹⁾ А. Гр. II 3., VIII, 80.

²⁾ Ib. VII, 89. Dominus Mathias episcopus premisliensis secundus.

³⁾ Ib. VIII, № 20. quod cum ipsa nullus umquam ante nos personaliter catholicus sponsus scilicet pontifex habitavit.

⁴⁾ Ib. Nos tamen eandem ecclesiam cum multis suis possessionibus a schismaticis repperimus occupatam.

⁵⁾ Ib., et in civitate Premisliensi sedem et cathedram episcopalem collocavimus et inibi ecclesiam cathedralem dudum... instauratam rursus ad honorem omnipotentis Dei... restauravimus, refecimus et reedificavimus et primitivos in eadem nostra ecclesia cathedrali prelatos, canonicos et capitulum... de novo creavimus...

капитулъ, откуда мы заимствовали приведенныя свѣдѣнія, данъ имъ 1-го января 1390 года незадолго до смерти ¹⁾ и представляетъ какъ бы духовное завѣщаніе капитулъ и преемникамъ по епископству. Все это сообщаетъ показаніямъ документа характеръ несомнѣнной точности. И для чего было Эриху прибѣгать къ измышленіямъ? Для славы? Какъ увидимъ сейчасъ, онъ слишкомъ много сдѣлалъ для своей „невѣсты“, чтобы нуждаться въ искаженіи истины, да и вообще личный его характеръ, ярко сказавшійся въ заведенныхъ имъ порядкахъ, исключаетъ возможность подобнаго предположенія. Повторяемъ, свидѣтельство Эриха представляетъ документъ, доказывающій самымъ несомнѣннымъ образомъ, что въ Галицкой Руси, не смотря на всѣ обрушившіяся на нее несчастія, православіе стояло неизменно твердо. Нужны были такіе столпы, каковымъ былъ Эрихъ, нужно было всецѣльное покровительство власти ²⁾ и могущество Рима для того, чтобы сколько-нибудь прочно утвердить среди православнаго міра епископскую католическую катедру. Эриха мы не даромъ назвали столпомъ. Этотъ саксонецъ „изъ знаменитаго, по его словамъ, княжества Люнебургскаго“ соединялъ въ себѣ настойчивость и упорство нѣмца съ фанатизмомъ и суровою строгостью монаха. Ему обязана католическая Перемышльская катедрра своимъ устройствомъ и упроченіемъ. Не мало хлопоталъ онъ о ней у Людовика, и замѣчательно, этотъ любимецъ куріи оказался не въ силахъ сколько-нибудь упрочить положеніе епископства. Только преемница Людовика, Марія, пожаловавъ 3-го апрѣля 1384 года Перемышльской катедрѣ пять селъ въ Перемышльскомъ и Санецкомъ округахъ, привела въ исполненіе то, о чемъ думалъ и даже рѣшилъ, но, чего по словамъ грамоты, „не успѣлъ, (!) за смертью“, сдѣлать Людовикъ ³⁾. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ Эрихъ постарался обезпечить созданную имъ капитулу и выхлопоталъ для нея десятину съ г. Ланцута и 10 селъ въ Ланцутскомъ, Переворскомъ и Тынчинскомъ округахъ ⁴⁾. Онъ могъ умереть спокойно. Его „невѣста“ была обезпечена; но строго монашескій характеръ порядковъ, заведенныхъ Эрихомъ, не могъ долго удержаться. Преемникъ его Матвѣй

¹⁾ Онъ умеръ, вѣроятно, въ 1391 году.

²⁾ Яркій примѣръ его мы увидимъ при окончательномъ устройствѣ Перемышльской латинской катедрры въ 1412 году.

³⁾ А. Гр. н З. VII, № 15.

⁴⁾ Ib., VIII, № 14.

отмѣнилъ въ 1398 году постановленіе относительно общаго стола и квартиръ канониковъ ¹⁾; общность имущества удержалась однако до 1421 года и лишь тогда была отмѣнена преемникомъ Матвѣя Янушемъ ²⁾. Всѣ указанная дѣйствія Эриха были, очевидно, самими начальными, вызывались насущною необходимостью; въ то же время они ясно обличаютъ все еще миссіонерское, такъ сказать, боевое положеніе католической іерархіи, даже въ Перемышлѣ. Но далеко не все было имъ устроено. Такъ, напримѣръ, опредѣленіе границъ епархіи было предпринято лишь въ 1397 году, по порученію Бенедикта IX ³⁾, и окончено въ слѣдующемъ году Петромъ епископомъ Краковскимъ ⁴⁾. Только съ этого времени можно считать Перемышльскую католическую епархію устроенною. Епископскую кафедру и капитулу щедро одарилъ Ягайло земельными и другими пожалованіями, а въ 1412 году передалъ католическому епископу кафедральный православный храмъ. Сообщимъ этотъ фактъ словами Длугоша: „Въ Перемышль прибылъ Ягайло (изъ Медики) въ сопровожденіи Стригонскаго архіепископа и Михаила Кохмейстера, и чтобы очистить себя отъ несправедливаго упрека нѣмцевъ, будто онъ преимущественно благоволитъ и покровительствуетъ схизматикамъ, велѣлъ посвятить въ католическій храмъ, прекраснѣйшую православную кафедральную церковь, построенную изъ квадратнаго камня, расположенную посреди города и подлежавшую до тѣхъ поръ вѣдѣнію русскаго епископа, при этомъ гробы православныхъ были выброшены и вырыты. Русскій клиръ и народъ сочли это тяжелымъ оскорбленіемъ и горько при этомъ плакали, рыдали и воили“ ⁵⁾. Комментаріи излишни.

Мы видѣли изъ свидѣтельства Эриха, каково было состояніе католицизма въ Перемышлѣ. Оно не было исключительнымъ или временнымъ, считать его результатомъ военныхъ событій 1376 года не приходится. Такимъ же было оно въ 1372 году, какъ сообщалъ куріи францисканскій викарій Бартоломей изъ Альверны: „Не было на Руси“, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, — „ни кафедральныхъ, ни приходскихъ церквей, не было ихъ предстоятелей, которые могли бы заботиться о спасеніи душъ, и лишь немного вѣрныхъ можно было

¹⁾ Ib., № 27.

²⁾ Ib., № 45.

³⁾ Ib., VII, № 20.

⁴⁾ Ib., № 21.

⁵⁾ Длугошъ подъ 1412, XI, 149.

замѣтить среди громаднаго множества невѣрныхъ и (?) схизматиковъ¹⁾. Въ 1353 году (16-го ноября) Иннокентій VI поручаетъ Николаю изъ Кросна, представителю миноритовъ на Руси, набрать во что бы то ни стало 30 человекъ новыхъ миссіонеровъ, въ виду уменьшенія ихъ числа и грозящей вслѣдствіе этого католицизму опасности²⁾. Немногимъ раньше, при занятіи Казиміромъ Львова, въ городѣ не оказалось ни одного католическаго храма, гдѣ бы можно было совершить благодарственное служеніе³⁾. Доминиканская часовня св. Іоанна, устроенная въ 1234 году, и новый конвентъ, который они получили въ 1270 году, не остались такимъ образомъ въ ихъ рукахъ, и Рейфенкугель считаетъ возможнымъ, что они принуждены были временно оставить страну въ тяжелый періодъ антикатолической реакціи послѣ гибели Юрія Волеслава⁴⁾. Въ виду приведенныхъ выше свидѣтельствъ, приходится предполагать это не только относительно доминиканцевъ, но и всѣхъ другихъ дѣятелей католической пропаганды, а переходъ владѣній, пожалованныхъ Владиславомъ Опольскимъ Галицкой архіепископской кафедрѣ, изъ руки православныхъ, о чемъ упоминается въ буллѣ Бонифація IX⁵⁾, доказываетъ, что подобная реакція на галицкой почвѣ могла произойти даже значительно позже при малѣйшихъ благоприятныхъ для нея обстоятельствахъ. Судя по той страстно-напряженной дѣятельности, какую обнаруживали Казиміръ и Людовикъ съ Владиславомъ Опольскимъ, Римская курія и ея безчисленные агенты, можно бы думать, что православіе исчезнетъ въ Галицкой Руси безслѣдно, что залыютъ его до самаго края тѣ волны, которыя со всѣхъ сторонъ на него нахлынули, и что же? Грозно бушуютъ онѣ, далеко, до самаго Рима раздается ихъ оглушительный гулъ, съ восторгомъ внемлетъ ему представитель католическаго міра, всѣми зависящими отъ него средствами старается поддержать ихъ ярость, и все это не въ состояніи даже сколько-нибудь поколебать корней вѣковаго древа! Какова же должна быть ихъ крѣпость!..

¹⁾ Non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russia nec Rectores earum, quibus cura immineret animarum, et tanta multitudo infidelium et schismaticorum, ut paucae personae reputarentur fideles, respectu multitudinis errantium. *Reifenkugel*, Gründung, 444, пр. 1, изъ францисканскаго архива во Львовѣ у Скробишевскаго, Vitae, гл. VI.

²⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 726.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 424, пр. 3.

⁴⁾ *Ib.*, 425.

⁵⁾ А. Гр. и З., III, № 51.

Перейдемъ теперь къ исторіи утвержденія второй по времени основанія епископской католической каѳедры — Владимірской. Мы встрѣтимся здѣсь съ обстоятельствами по существу не новыми, но весьма характерными. О нихъ сообщаетъ папская булла 1358 г. мая 2-го, которою въ епископы Владимірскіе назначается доминиканецъ Петръ ¹⁾. Содержаніе ея слѣдующее: Владимірская епархія съ незапамятныхъ временъ оставалась безъ пастыря, и вслѣдствіе того, по соборнымъ постановленіямъ, попеченіе о ней принадлежитъ апостолическому престолу; ²⁾ но такъ какъ (?) о послѣднемъ Владимірскомъ епископѣ не сохранилось никакой памяти, то Селиврскій епископъ Августинъ, съ согласія Константинопольскаго патріарха Вильгельма, повѣрившаго ему, что помянутая епархія находится въ его завѣдываніи ³⁾, назначилъ Петра въ епископы Владимірскіе. Епископъ Мишинскій, по порученію помянутаго патріарха, рукоположилъ его, но здѣсь Петръ узналъ, что его епархія находится въ непосредственномъ завѣдываніи куріи. Онъ отправляется туда лично, и, по уничтоженіи папой прежнихъ назначеній (то-есть, со стороны епископа Селиврскаго и патріарха Константинопольскаго), былъ утвержденъ папой.

Вотъ документъ, съ чрезвычайною яркостью рисующій отношенія къ занимающей насъ территоріи со стороны католическаго духовенства и куріи—не говоримъ уже о логическомъ ходѣ мыслей, ибо онъ одинаковъ во всѣхъ относящихся къ нашему предмету документахъ папской канцеляріи! О Константинопольскомъ патріархѣ мы знаемъ, что ему, въ качествѣ апостолическаго легата, поручены были какъ разъ около этого времени—1359 г. декабря 2-го—дѣла сосѣднихъ съ Польшей церквей ⁴⁾. Впрочемъ, вопросъ о его личности ⁵⁾ не имѣетъ

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 786.

²⁾ *Dudum siquidem ecclesia Ladimiriensi tanto et tam longo tempore pastoris solatio destituta, quod eius dispositio et provisio esset, prout est (?), ad sedem apostolicam secundum generalis statuta concilii legitime devoluta.*

³⁾ *Sed cum ultimi etiam Ladimiriensis Epi, qui eidem ecclesie prefuit, noticia seu memoria non habeatur, Venerabilis frater noster Augustinus Episcopus Salubriensis cui Venerabilis frater noster Guillelmus Patriarha Constantinopolitanus credens, ut dicitur, provisionem ipsius Ladimiriensis ecclesie ad eum ea vice pertinere, providendi eidem ecclesie de pastore idoneo dederat potestatem, ignorans, prout asseritur, provisionem ipsius ecclesie ad sedem predictam fore, ut promittitur, devolutam.*

⁴⁾ *Ib.*, № 798.

⁵⁾ См. *Reifenkugel*, Gründung, 481, стр. 1. *Каро*, G. P., II, 610, попалъ въ странное недоумѣніе, сочтя его патріархомъ православнымъ.

никакого существеннаго значенія. Важно лишь то, что состояніе католицизма въ Галицко-Владимірской землѣ, ея церковно-іерархическія отношенія были ему совершенно не извѣстны. Не отъ него впрочемъ вышла инициатива назначенія. Она принадлежала епископу Селиврскому Августину. Ближайшихъ свѣдѣній объ этой личности мы не имѣемъ, но въ качествѣ Селиврскаго епископа Августинъ не могъ не знать того, что происходило въ это время въ Царьградѣ, гдѣ Ольгердъ употреблялъ всѣ средства для полученія отдѣльнаго митрополита. Быть можетъ, Августинъ замѣщаль отсутствовавшаго Вильгельма, во всякомъ случаѣ, какъ епископъ *in partibus*, онъ долженъ былъ особенно заботиться, чтобы церковь, говоря словами Иннокентія VI „*commodis et successibus prosperis augeatur*“. На такія заботы не могъ не отозваться монахъ проповѣдническаго ордена, и вотъ въ результатѣ—новая католическая кафедра.

Назначеніе Петра задумано и осуществлено было далеко отъ Владимира, безъ всякаго участія мѣстной предержащей власти и населенія. Случайная мысль, осѣнившая католическаго епископа, по своему положенію *in partibus* думавшаго лишь о приумноженіи римскаго стада, а въ нестроеніяхъ православной Русской церкви видѣвшаго благоприятный для этой цѣли моментъ, была причиной возникновенія епископской кафедры, конечно, номинальной. О Петрѣ мы больше ничего не знаемъ; въ его исторіи повторяется, слѣдовательно, буквально то же, что мы видѣли въ исторіи Генриха Кіевскаго, Николая Перемышльскаго. Изъ папской буллы мая 5-го 1371 г., по которой во Владимірскіе епископы назначенъ августинскій монахъ Гинко, узнаемъ, что Петръ, подобно Перемышльскому Николаю, умеръ вѣдѣ предѣловъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ своей епархіи, когда именно — не извѣстно¹⁾. 20-го мая 1359 г. Иннокентій VI назначаетъ миорита Тому епископомъ Холмскимъ. Содержаніе данной по этому поводу буллы ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ документовъ папской канцеляріи; точно также имя послѣдняго Холмскаго епископа не было извѣстно куріи, и точно также новое епископство подчиняется непосредственному ея вѣдѣнію²⁾. Нельзя не указать на то, что оба назначенія касаются территоріи, бывшей въ литовскихъ рукахъ, слѣдовательно,

¹⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 890.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 433, стр. 1. Содержаніе буллы приводится здѣсь по *Wadding*, *Annales minorum*, t. VIII, Romae, 1733, p. 483.

обѣ епархіи могли имѣть смыслъ миссіонерскихъ постовъ, хотя въ успѣхѣ миссіи можно очень сомнѣваться. Мы видѣли, что Петръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. То же можно сказать и о Томѣ. Мы имѣемъ о послѣднемъ одно случайное свѣдѣніе, относящееся къ 1365 г., когда 26-го декабря онъ освятилъ часовню св. Доротеи въ Краковѣ; здѣсь онъ называется викарнымъ Краковскаго епископа ¹⁾; по всей вѣроятности, онъ и жилъ въ Краковѣ.

Мы разсмотрѣли исторію возниженія трехъ епископскихъ католическихъ кафедръ въ предѣлахъ Галицко-Владимірской территоріи. Исторія эта въ сущности одна и та же. Кафедръ учреждаются не вслѣдствіе дѣйствительной въ нихъ потребности, а по совершенно посторопнымъ причинамъ, важнымъ для куріи, которая не могла терпѣть чьего бы ни было посторонняго вмѣшательства—Любушскихъ ли епископовъ, или патріарха Константинопольскаго—но не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ мѣстности, для которой онѣ устанавливаются. Назначеніе Холмскаго епископа, правда, исходитъ непосредственно отъ папы, но въ этомъ случаѣ Иннокентій VI, очевидно, лишь возревновалъ примѣру Селиврскаго епископа; на это указываетъ хронологія и то обстоятельство, что Тома былъ лицо столь же не нужное для Холма, какъ Петръ для Владимира. Вотъ почему о дѣятельности всѣхъ названныхъ „первыхъ“ епископовъ мы рѣшительно ничего не знаемъ. Всѣ они никакихъ слѣдовъ по себѣ не оставили. Совпаденіе знаменательное! Когда 13-го февраля 1375 г. Григорій XI издалъ буллу, окончательно опредѣлившую устройство католической іерархіи въ предѣлахъ занимающей насъ территоріи, оказалось, что всѣ епархіи оставались безъ пастырей, и папа счелъ необходимымъ пригласить архіепископа Гнѣзненскаго, епископовъ Краковскаго и Плоцкаго къ содѣйствію въ выборѣ лицъ, годныхъ для замѣщенія епископскихъ кафедръ, при чемъ Владиславу Опольскому папа счелъ излишнимъ предложить побуждать епископовъ къ возможному ускоренію дѣла ²⁾. Незадолго передъ этимъ, 19-го ноября 1371 г., появленіе во Львовѣ какого-то священника Ивана, быть можетъ, подосланнаго Любушскимъ епископомъ съ цѣлью вызвать церковныя смуты ³⁾, грозило полнымъ уничтоженіемъ результатовъ мис-

¹⁾ Ib., 433, пр. 2.

²⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 963.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 452.

сіонерской дѣятельности Николая изъ Кросна и его миноритовъ ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1372 году Любушскій епископъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ заявилъ—нужды нѣтъ, что это прямо противорѣчило прежнимъ его утвержденіямъ,—что церкви Галицкая, Перемишльская, Владимірская и Холмская не епархіальныя, а только приходскія. Папѣ пришлось забирать справки, при чемъ онъ прямо заявляетъ, что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у него нѣтъ ²⁾.

Дошедшія въ этомъ году до Рима опредѣленныя свѣдѣнія были совершенно другаго характера: „Не безъ великаго смущенія“, пишетъ Григорій XI Гнѣзненскому архіепископу (іюль, 1372 года),—„узнали мы, что на Руси находится очень много схизматическихъ епископовъ“. Таковыхъ папа поручаетъ лишать епархій и всѣми мѣрами удалить ³⁾, очевидно, не подовѣривъ, что всѣмъ подобнаго рода предписаніямъ заранѣе суждено было оставаться мертвою буквою. Все это, кажется, съ достаточною опредѣленностью рисуется намъ положеніе католицизма въ Галичинѣ, но конечно, совмѣстныя напряженныя усилія куріи, духовенства и правительства не могли не приводить къ извѣстнымъ результатамъ. Если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ официально положеніе католицизма, въ виду упроченія польскаго господства, должно было измѣняться. Признаки такой перемѣны обнаруживаются еще въ 60-хъ годахъ, когда Казиміръ обратился къ папѣ съ просьбой назначить епископа въ любимый имъ Львовъ. Давно уже сообщалъ онъ куріи, что въ его пріобрѣтеніяхъ могло быть основано семь обширныхъ епархій, но только въ 60-хъ годахъ нашелъ возможнымъ подумать объ учрежденіи одной. Львовъ, выдержавшій первый натискъ Литвы, былъ особенно дорогъ Казиміру, а крѣпкія стѣны и сравнительная многочисленность католиковъ-нѣмцевъ давали Казиміру основаніе настаивать именно на этомъ городѣ. Въ апрѣля 6-го Урбанъ V обратился къ Гнѣзненскому архіепископу съ запросомъ на счетъ предполагаемой Казиміромъ епископской резид-

¹⁾ Въ буллѣ Гнѣзненскому архіепископу Григорій XI говоритъ по этому поводу: *multi ex eisdem conversis et absolutis ad infidelitatis et scizmatis vomitum sunt reversi, et alii a conversione salutifera retrahuntur*, *Theiner*, M. P., 1, № 900.

²⁾ *Nov de premissis certam noticiam non habentes*, *Ib.*, № 908.

³⁾ *Ib.*, № 910. „Схизматическими“ епископами *К. Стадницкій*, О роззяткахъ, 26, считаетъ епископовъ любушскаго поставленія, но достаточно сравнить настоящую буллу съ буллою „*Debitum pastoralis officii*“, чтобы убедиться въ натуристости такого толкованія; ср. также *Петрушевскій*, О Галицкихъ митр., пр. 34.

денціи: „указанный городъ“, спрашиваетъ папа, — „значителенъ ли, есть ли тамъ духовенство и паства, отвѣчаетъ ли принадлежащая къ нему территорія размѣрамъ епархіи; каково, наконецъ, можетъ быть матеріальное обезпеченіе?“¹⁾ Вотъ какіе вопросы задавались куріей, когда дѣло имѣло не отвлеченный, а дѣйствительно практическій характеръ. Ни разу не возникали они въ случаяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Налагая на нищенствующимъ или проповѣдничествующимъ монаховъ „бремя епископства“, курія просто поручала ихъ „десницѣ Вожіей“²⁾, быть можетъ, надѣялась на успѣхъ, но во всякомъ случаѣ понимала, что дѣло это есть, въ лучшемъ случаѣ, дѣло неизвѣстнаго будущаго. Что оно не увѣнчивалось желательными для куріи успѣхами, видно изъ того, что она не имѣла никакихъ рѣшительно о немъ свѣдѣній. При извѣстной ревности католическихъ миссіонеровъ, это можно объяснять лишь тѣмъ, что Русь была совершенно недоступна ихъ воздѣйствію, что успѣхи католицизма среди русскихъ могли обуславливаться единственно лишь силой, скажемъ прямо — насиліемъ³⁾, что, слѣдовательно, на такіе успѣхи католицизмъ могъ рассчитывать лишь съ упроченіемъ на Русской землѣ польскаго господства. Поддержка, во что бы ни стало, католической пропаганды должна была со стороны польскихъ государей послужить наградой куріи за ея содѣйствіе въ завоеваніи, и понятно, почему въ 1363 г. Урбанъ долженъ былъ иначе отнестись къ утвержденію епископской резиденціи, чѣмъ его предшественники, въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ.

1363 годъ можно такимъ образомъ поставить, какъ грань въ отношеніяхъ Рима къ Галицкой Руси, иначе говоря, только съ 60-хъ годовъ можно считать прочное утвержденіе польскаго господства въ Галичинѣ; но прошло еще много времени, пока дѣйствительно были устроены на ея территоріи дѣла католической церкви. По крайней мѣрѣ все время правленія Казимира она оставалась въ миссіонерскомъ, такъ сказать, положеніи, не имѣя опредѣленной организаціи и матеріальнаго обезпеченія. Организація католической церкви въ Галичинѣ была установлена лишь 13-го февраля 1375 года буллой Григорія XI „*Debitum pastoralis officii*“. Содержаніе этой знаменитой

¹⁾ Ib., № 826.

²⁾ *Dextera domini tibi assistente propicia*, говоритъ Иннокентій VI Николаю Перемышльскому.

³⁾ Вспомнимъ 1412 годъ въ Перемышлѣ.

буллы, вкратцѣ передающей весь ходъ дѣла, таково: „До свѣдѣнія нашего (папы) дошло: блаженной памяти король Казиміръ, благодаря своему мужеству и содѣйствію вѣрныхъ, подчинилъ себѣ и своему государству, какъ католическому, сосѣднюю Русь, въ которой обитали не только схизматики, но и различные еретики. Многіе изъ нихъ, по милости Божіей, и благодаря содѣйствію вѣрныхъ, оставили свои заблужденія. Далѣе церкви — Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская были кафедральныя, какими состоятъ и нынѣ. Назначаемые туда нашими предшественниками католическіе предстоятели встрѣчали затрудненія со стороны Любушскаго епископа.

Дѣло это обсуждалось въ куріи; теперь, по просьбѣ князя Опольскаго и другихъ, мы призваны постановить, соотвѣтственно нашему долгу, окончательное рѣшеніе. Мы обращались къ архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому съ запросомъ, епархіальны ли указанныя выше церкви, или только приходскія, достаточное ли количество народа находится въ ихъ вѣдѣніи и по всемъ этимъ пунктамъ мы получили утвердительные отвѣты. Теперь король Людовикъ и упомянутый выше князь сообщили намъ, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ много христіанскаго народа, нуждающагося въ пастырскомъ руководствѣ, что онѣ далеко отстоятъ отъ епархіи Любушской, и что Любушскій епископъ во всякомъ случаѣ (то-есть, епархіальны ли эти церкви, или только приходскія) не можетъ съ должнымъ успѣхомъ исполнять тамъ пастырскія обязанности. Чтобы поэтому положить конецъ недоразумѣніямъ и принимая во вниманіе, что чѣмъ болѣе будетъ тамъ католическихъ пастырей, тѣмъ это будетъ полезнѣе и благотворнѣе для руководства душъ, для защиты и распространенія религіознаго культа, апостолическимъ авторитетомъ постановляемъ: церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская, Холмская были и суть епархіальныя; мѣста, въ которыхъ она утверждены, были и суть города; для большей вѣрности мы постановляемъ это снова и желаемъ, чтобы такъ оставалось навсегда; всякое участіе въ ихъ дѣлахъ со стороны Любушскаго епископа устранимъ, постановляя вмѣстѣ съ симъ, что православные предстоятели, еслибы таковые оказались, должны быть отъ нихъ удалены какъ безчестные и недостойные. Постановляемъ, чтобы Галицкая церковь была архіепископальной, а Перемышльская, Владимірская и Холмская—епископальными и подчиненными Галицкой въ качествѣ суффраганныхъ. Желаемъ также, чтобы во главѣ всѣхъ указанныхъ церквей, остающихся теперь безъ пастырей, были поставлены

часть сослухи, отд. 2.

предстоятели, которые умѣли бы и были въ состояніи искоренить тамошнія заблужденія и служить примѣромъ для подвѣдомаго имъ словеснаго стада. Заранѣе уничтожаемъ все, что сознательно или по невѣдѣнію было бы учинено противъ этого нашего распоряженія¹⁾. Какую силу вѣры въ свое могущество надо было имѣть, чтобы говорить такимъ образомъ! Но и это не помогло. Немедленное осуществленіе папскихъ приказаній было бы чудомъ,—но чудеса не бывають въ исторіи. Только 13-го апрѣля 1377 года назначень былъ епископъ въ ближайшій къ Польшѣ Перемышль. Въ какомъ положеніи засталъ Эрихъ свою церковь, мы видѣли. Относительно епископовъ Владимірскаго и Холмскаго нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Какова была судьба назначеннаго во Владимірскіе епископы въ 1371 году Гинка— не извѣстно. По голословному показанію Накельскаго, послѣ буллы „Debitum“ туда былъ назначень нѣкто Исидоръ, умершій въ 1380 году. Ему наследовалъ Ругіанъ. О дотаціи епископства тоже нѣтъ извѣстій. Знаемъ только, что преемникъ Ругіана, Андрей Плавка, перенесъ въ 1428 году свою резиденцію въ Луцкъ, и что епископы этого города по постановленію Флорентійскаго собора получили титулъ: *episcopi Luceogienses*, въ отличіе отъ епископовъ Лукки²⁾. Холмскимъ епископомъ около 1308 года былъ доминиканецъ Стефанъ³⁾. Дотировано было Холмское епископство Ягайлой въ 1417 году, въ воспоминаніе Грюнвальдской побѣды⁴⁾. Въ 1473 году резиденція епископа была перенесена въ Грубешовъ, а въ 1490 году—въ Красноставъ.

Такимъ образомъ рѣшеніе папы не было приведено въ исполненіе. Назначенные имъ для резиденціи епископовъ города оказались для этой цѣли негодными. Только въ Перемышль удержалась латинская кафедра, благодаря какимъ средствамъ — мы видѣли. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ совмѣстное пребываніе съ православными представителями церкви оказалось для католиковъ невозможнымъ, и они сочли необходимымъ нарушить папское предписаніе и избрать для себя другія болѣе подходящія мѣста.

Въ какой степени оказались пустыи грозныя слова папы отно-

1) *Theiner*, M. P. 1, № 964.

2) *Reifenkugel*, *Gründung*, 467. Дотацію епископства *X. Стадницкій* приписываетъ Витовту, *O początkach*, 32.

3) *Ib.*, 468, пр. 2 и 3.

4) *Ib.*, пр. 4.

относительно православныхъ архіереевъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что въ томъ же 1375 г. на двухъ документахъ, данныхъ 31-го августа Владиславомъ Опольскимъ, находимъ подпись Антонія Галицкаго митрополита ¹⁾. Иерархическое неустройство католической церкви въ Галичинѣ обнаруживалось и въ томъ, что она не имѣла своего представителя.

Уже въ 1367 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Галицкомъ архіепископѣ Христинѣ ²⁾, а Львовскіе капитульные анналы сообщаютъ о немъ слѣдующія подробности: „Христинъ архіепископъ Галицкій соорудилъ въ Галичѣ храмъ св. Маріи Магдалины и по мѣрѣ возможности дотировалъ его; установилъ прелатовъ и канониковъ, но такъ какъ они носили лишь пустыне титулы, то кормилъ ихъ отъ своего стола. Поддерживалъ нищихъ и питомцевъ, и скончался славный наукой и полнымъ добрыхъ дѣлъ“ ³⁾.

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ титулярныхъ епископовъ, которые были среди миссіонерскихъ конгрегацій и которые не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія ⁴⁾, будучи назначаемы заранѣе, на случай успѣха пропаганды. Нечего, слѣдовательно, искать учредительной буллы, приписывать ее Любушскому епископу или стараніямъ Казимира ⁵⁾.

Архіепископъ Галицкій—тотъ ли самый Христинъ, или другой какой-нибудь нищенствующій монахъ, не знаемъ — упоминается и въ 1371 г. въ буллѣ о поставленіи Гинка епископомъ Владимірскимъ, но обстоятельство, что онъ поставленъ въ адресѣ на послѣднемъ мѣстѣ, а равно, что въ томъ же 1371 г. поставленіе латинскаго епископа Андрея въ Сереть обошлось безъ всякаго участія Галицкаго архіепископа ⁶⁾, хотя онъ былъ ближайшимъ и хотя потомъ въ 1412 г. Серетская епархія была подчинена ему въ качествѣ суффраганной, доказываетъ, что еще и въ это время положеніе его было такое же миссіонерское, неопредѣленное.

Только 26-го января 1376 г. Григорій XI назначилъ каноника

¹⁾ А. Гр. и 8., II, 6, 8.

²⁾ *Reifenkugel*, Grundung, 437: illustrissimus dominus Christianus archiepiscopus Haliciensis 1367; у Скробишевскаго изъ францисканскаго архива во Львовѣ.

³⁾ *Ib.*, 440.

⁴⁾ Христинъ былъ, по всей вѣроятности, францисканецъ, по крайней мѣрѣ, замѣтка о немъ сохранилась во францисканскомъ архивѣ.

⁵⁾ *Reifenkugel*, 437.

⁶⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 891 и 894.

изъ Ягра ¹⁾, Матвѣя въ архіепископы Галиціе ²⁾. Въ документахъ этотъ первый глава католической іерархіи въ Галичинѣ носитъ титулъ: *Electus Archiepiscopus Lemburgensis* ³⁾, въ виду, надо думать, увѣренности, что хлопоты Владислава Опольскаго о перенесеніи архіепископской резиденціи изъ Галича во Львовъ, точнѣе, о назначеніи таковой во Львовъ, а не въ Галичъ, увѣнчаются успѣхомъ. О ходатайствѣ Владислава сообщаетъ Григорій XI въ письмѣ къ архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому ⁴⁾. Оно дано 3-го марта 1375 г. — двѣ недѣли спустя послѣ буллы „*Devotum*“, и все еще о положеніи дѣлъ папа не имѣлъ никакихъ данныхъ, все еще Владиславъ считалъ возможнымъ выставить крѣпкія стѣны Львова, какъ наиболѣе убѣдительный аргументъ для утвержденія въ немъ резиденціи главы церкви. Безъ всякаго сомнѣнія, Григорій XI, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Урбанъ V, долженъ былъ интересоваться вопросомъ о матеріальномъ обеспеченіи катедры. Мы не знаемъ въ точности, когда именно оно послѣдовало, несомнѣнно только, что при Владиславѣ Опольскомъ. Вотъ, что разказываетъ объ этомъ Боифацій IX въ 1390 г. „такъ какъ церковь Галицкая въ предѣлахъ русскаго княжества, которое блаженной памяти Венгерскимъ королемъ Людовикомъ вновь возвращено было изъ рукъ невѣрныхъ и схизматиковъ католической вѣрѣ и повиновенію святой Римской церкви, находилась тогда въ рукахъ невѣрныхъ и схизматиковъ и была лишена католическаго предстоителя въ теченіе столь долгаго времени, что даже положеніе и размѣръ ея владѣній не могли быть легко опредѣлены, то любезный сынъ нашъ Владиславъ Опольскій, тогдашній князь Руси, воспылавъ ревностнымъ усердіемъ по вѣрѣ, пожаловалъ ей въ вѣчное и не отъемлемое владѣніе Рогатинъ и замки Олеско и Тустанъ въ предѣлахъ Галицкой епархіи, съ округами, селами и со всѣмъ, что сюда отнесется, а также одинъ домъ въ верхней части города Львова со всѣми правами и принадлежностями, а равно десятину таможенныхъ доходовъ въ томъ же городѣ и десятину соляныхъ доходовъ въ Дрогобычѣ и Жидачовѣ; такъ какъ, далѣе, предѣлы указанной Галицкой епархіи не могли быть обозначены въ виду того, что до указаннаго присоединенія ея

¹⁾ Agria—Фрлау.

²⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 988.

³⁾ Такъ-называется онъ въ А. Гр. и З., 1376 г.—VIII, 16; 1378 г.—III, 52; 1380 г.—III, 63. Другія указанія см. у *Рейфенкугеля*, 459, пр. 4.

⁴⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 967.

(Людвикомъ) ею слишкомъ долго владѣли и держали въ своихъ рукахъ невѣрные и схизматики, вслѣдствіе чего какъ въ самой Галицкой епархіи, такъ и въ другихъ ей подвѣдомыхъ божественныя службы совершались не въ должной мѣрѣ и формѣ, а Галицкіе суффраганы (викарные епископы) не пребывали въ своихъ кафедральныхъ церквахъ,—поманутый нами предшественникъ (Урбанъ VI) поручилъ кардиналу Дмитрію не гласно разузнать дѣла и учинить по нимъ надлежащія распоряженія“¹⁾. Вотъ каково было состояніе католицизма въ Галичинѣ еще въ 80-хъ годахъ²⁾. Людовика называютъ документами утвердителемъ католической іерархіи въ Галичинѣ, но фактически и онъ, какъ мы видѣли, въ исторіи перемишльской кафедры, не былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь существенное въ пользу католицизма, и честь, приписываемую ему въ грамотахъ Маріи, едва ли не вѣрнѣе отнести на счетъ ея дочерней скромности и общаго расположенія куріи къ Анжуйцамъ. Что же касается Казимира, то кромѣ хвастливаго упоминанія о семи епископствахъ и не приведшаго ни къ чему обращенія къ папѣ съ просьбой основать епископскую кафедру во Львовѣ, мы не встрѣчаемъ съ его стороны рѣшительно никакого другаго участія въ дѣлѣ утвержденія католицизма на Руси. Мнѣніе Каро, что „не другой кто, а именно Казимиръ устроилъ Галицкое архіепископство между 1366 — 1370 гг.“, является совершенно неосновательнымъ, хотя высказано имъ съ чрезвычайною рѣшительностью³⁾.

Казимиру рѣшительно нельзя было думать объ устройствѣ католической іерархіи въ Галичинѣ; его отношенія къ Руси представляютъ лишь безкопечную борьбу въ самомъ, такъ сказать, грубомъ смыслѣ слова. Свои надежды онъ возлагалъ единственно на крѣпкія стѣны, войско и нѣмецкихъ поселенцевъ; на учрежденіи епископства во Львовѣ вовсе не настаивалъ. Ему ли, на опытѣ извѣдавшему русскую стойкость и „завзятость“, было мечтать объ окатоличеніи Руси! Только далекій и мало знавшій ее Анжуйецъ могъ задаваться подобными мечтами, не говоря о Владиславѣ Опольскомъ, ибо онъ былъ лишь орудіемъ Людовика. Но и Людовикъ, собственно говоря, больше мечталъ, чѣмъ дѣлалъ, быть можетъ, онъ вѣрилъ во всемогу-

¹⁾ А. Гр. в З., III, № 51.

²⁾ Архіепископа Стригонскаго Дмитрія встрѣчаемъ въ Галичинѣ въ 1384 г.: А. Гр. в З., VII, № 15; VIII, № 14.

³⁾ Каро, II, 612.

шество папскихъ предписаній. На дѣлѣ даже самыя грозныя изъ нихъ совершенно теряли свою силу на русской почвѣ Галичины. Во всемъ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ Казимиру нельзя приписать даже той отвлеченной доли участія, какую признаетъ за нимъ Рейфенкугель, считая совершившееся отголоскомъ идей и плановъ Казимира ¹⁾. Все, о чемъ мечталъ Казимиръ, заключалось въ стремленіи духовно разобщить Галицкую Русь отъ остального православно-русскаго міра. Но даже къ этому Казимиръ рѣшился приступить лишь въ послѣдній годъ жизни.

Упомянутое выше утвержденіе Галицкой архіепископской резиденціи во Львовѣ было признано окончательно буллою 28-го августа 1412 г. Только въ этомъ году такимъ образомъ іерархическое устройство Галичины было закончено ²⁾. Львовскому архіепископу подчинены были епархіи: Перемышльская, Владимірская, Холмская, а также вновь основанныя—Кіевская, Каменецкая ³⁾ и Серетская ⁴⁾.

Ш. Филевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Gründung, 457.

²⁾ Хотя, напримѣръ, Холмское епископство было, какъ мы видѣли, дотирровано лишь въ 1417 г.

³⁾ То-есть, Каменецъ-Подольская. Объ не раньше 1375 г. О послѣдней см. М. Симашкевичъ, Римское католичество и его іерархія въ Подоліи. Кам.-Под. 1872 г., стр. 18—26.

⁴⁾ Theiner, M. P. II, № 8.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVIII.

3-1/2
1890.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашкѣ, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. П. Веселовскій. Мелкія замѣтки къ былинамъ	1
Е. В. Пѣтуховъ. Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и ли- тературной дѣятельности А. Х. Востокова	66
И. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Вла- димірское наслѣдіе (окончаніе)	119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. П. Вестужевъ-Рюминъ. Біографія Александра Ивановича Ко- шелева. О. Θ. Кошелевой. Т. I. М. 1889.	169
Н. П. Новосадскій. В. В. Латшисъ. Очеркъ греческихъ древно- стей. С.-Пб. 1889.	182
С. Л. Игатицкій. Н. Карсезъ. Польскія реформы XVIII вѣка. С.-Пб. 1890.	199
П. О. Снисонъ. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. П. Д. Чечулина. С.-Пб. 1889.	204
К. П. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. Нагодина. Николая Барсукова. С.-Пб. 1890.	233
Н. А. Сырку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Urednik K. Hidvegi. Sarajevo. 1889 (окончаніе).	239
Н. А. В. Бѣлоруссія и Литва. П. Н. Батюшкова. С.-Пб.	
Книжныя новости.	
В. А. Латышевъ. Замѣтки о потребностяхъ средней школы.	1
— Наша учебная литература (разборъ 11 книгъ).	8
Л. А. Георгіевскій. { Нѣсколько словъ по поводу замѣтки г. Ку-	
С. Л. Манштейнъ. { лаковского о предполагаемомъ русскомъ учеб- номъ изданіи классическихъ авторовъ	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Варшавскій университетъ въ 1888 году.	1
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	12
— И. В. Гавриловъ (некрологъ)	

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Д. Первовъ. } Метафизика Аристотеля.	113
В. В. Розановъ. }	

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 2-го марта).

БОРЬБА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИ- МИРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾).

IV.

Дѣла гражданскія.

Галачъ, гдѣ твои сны?..

А. С. Хомяковъ.

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменинъ,
Что шепочетъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной...

Ө. И. Тютчевъ.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы рассмотрѣли борьбу между Польшей и Литвой-Русью. Первый моментъ этой борьбы—неудачная попытка Казимира въ 1340 г. — былъ освященъ авторитетомъ главы католическаго міра, какъ дѣло, справедливо поднятое въ отмщеніе преступленія и нанесенной католической вѣрѣ обиды. Последній моментъ, на которомъ мы остановились,—окончательное устройство католической іерархіи въ предѣлахъ Галичины, послѣдовавшее въ 1412 г. Оба момента связываются интересами Рима, съ которыми Польша вступаетъ въ тѣснѣйшій союзъ съ 1343 г., являясь какъ бы борцомъ за католицизмъ, давно желавшій, но не могшій утвердиться въ Галичинѣ. За 20 лѣтъ до окончанія вооруженной борьбы Римъ формулируетъ ея смыслъ, опредѣляетъ значеніе, указываетъ дѣли отдаленнаго будущаго. Въ 1367 г. Урбанъ V такъ писалъ Познанскому епископу объ утвержденіи и первыхъ дѣйствіяхъ Казимира въ русской землѣ: лѣса, пустыни и урочища, въ которыхъ свирѣйство-

¹⁾ Окончаніе. См. северальскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

вали дикіе звѣри, обращены теперь къ культурѣ, воздвигнуты города, міръ увеличился новой землей, а обитающіе здѣсь католики, то въ перемежку, то лишь гранича съ православными могли бы утверждаться въ вѣрѣ и привлекать невѣрныхъ къ единенію, еслибы имѣли мужей ученыхъ и благоразумныхъ ¹⁾. Что это, какъ не исходная точка, съ которой оцѣнивается и прославляется въ польскихъ сочиненіяхъ и по настоящее время дѣятельность Казимира и его преемниковъ въ западно-русской землѣ? Тщательно оберегается эта точка зрѣнія и теперь ²⁾, и сообразно съ нею польская исторія то изображаетъ плѣнительными чертами „побѣды польскаго плуга“ (Шайноха), то какъ бы буквально повторяя слова Урбана V, говорить о пустынности Русской земли ³⁾, то въ виду послѣдующихъ событій, смотря на Галичину, какъ на связь между Польшей и Литвой-Русью, въ „быстрыхъ (?) успѣхахъ колонизма въ Галичинѣ“ видитъ лишь доказательство хрватско-лехитскаго происхожденія русскихъ галичанъ, покрывшихся, правда, отъ времени „русскою оболочкой“, которая, однако, не уничтожила тѣхъ типическихъ отличій, какія выдѣляли Галицкую Русь на широкомъ пространствѣ русскаго міра, а самъ этотъ міръ представляетъ только какъ сырой хотя и богатый матеріалъ, „погруженный въ доисторическое усыпленіе“, по крови родственныи, до степени отдѣльной народности, еще не достигшіи, а потому легко могущіи быть присвоеннымъ безъ нанесенія тѣхъ кривдъ, какія теперь соединяются въ нашемъ умѣ съ понятіемъ захвата ⁴⁾. Благодаря Казимиру, говоритъ Шуйскій, — „Польша на громадномъ пространствѣ соудала тысячи костеловъ и монастырей; посадовъ, селъ, городовъ и усадебъ, занесла западную муниципальность въ Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ, за Днѣпръ, на „дѣвственпой (?) почвѣ вызвала великіи историческія имена“; все это останется ея славой и гордостью, ибо благодаря ей „Европа подвинулась къ востоку на 200 миль“ ⁵⁾.

¹⁾ См. выше.

²⁾ Kiedy my w historii Litwy i Rusi południowej przyznajemy się do różnych błędów w polityce naszej w obec Rusinów, ale równocześnie podnosimy *wszyscy bez wyjątku* cywilizacyjny nasz wpływ na przęstrzenie wschodu... *Bobacynicki* Kwart. hist. 1889, I.

³⁾ Ziemia lwowska, gdy przeszła pod polskie panowanie była *bezludnym* krajem. Zaludnili i zбогаeili go dopiero krolowie polscy licznem rozdawnictwem krolowszczyzn... *A. Стадникій*, Ziemia lwowska, Вѣд. Осоелянск., 1863, III, 53.

⁴⁾ С. Смолька, Rok 1886, стр. 46.

⁵⁾ Opowiadania, 22.

Такимъ образомъ варьируется въ трудахъ современныхъ польскихъ историковъ мысль Урбана V, примѣнительно къ нынѣшнимъ понятіямъ, взглядамъ и даже научнымъ требованіямъ. Культурно-религіозный характеръ борьбы съ перваго ея момента, даже по сей день не можетъ подлежать сомнѣнію; Польша является не только борцомъ за интересы Рима, но какъ бы исполнительницей предначертаній куріи; въ этомъ ея задача, въ этомъ ея заслуга! Давнымъ давно миновало время господства и руководительства Рима, а современные представители польской мысли все еще не расстаются съ точкой зрѣнія Урбана V. Нельзя не подивиться силѣ исторической преобладающей, упорству и безостановочности работы все въ одномъ и томъ же направленіи! Задача русскаго исследователя эпохи давно минувшей и, по видимому, не долженствующей затрогивать современныхъ политическихъ и національныхъ страстей, вслѣдствіе этого немовѣрно затрудняется, главнымъ образомъ, отъ совнанія важности поднимаемаго вопроса. Съ указанными взглядами приходится, однако, считаться, обойти ихъ нѣтъ никакой возможности, но при болѣе или менѣе серьезномъ отношеніи, грустно и обидно имѣть дѣло лишь съ доктринами, не имѣющими въ своемъ основаніи ничего другаго, кромѣ культурно-тенденціознаго заблужденія. Вотъ почему, указавъ общіе взгляды польской исторической науки на занимающую насъ эпоху, взгляды, какъ мы видѣли, представляющіе лишь повтореніе словъ папы, мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи держаться исключительно голыхъ фактовъ, какъ единственно возможныхъ въ данномъ случаѣ аргументовъ, не вдаваясь вовсе въ культурно-философскіе споры.

Резюмируемъ прежде всего сказанное въ двухъ предыдущихъ главахъ:

- 1) Борьба имѣетъ характеръ культурно-религіозный: рядомъ съ польскимъ мечомъ идетъ латинскій крестъ; потому она тянется еще долго по окончаніи борьбы вооруженной. 1387 годъ составляетъ моментъ, послѣ котораго она имѣняетъ лишь форму.
- 2) Только случайность — вступленіе Ягайла на польскій престолъ — закрѣпляетъ Галичину за Польшей, и — что составляетъ иррину исторіи, — закрѣпляетъ литовскими же силами.
- 3) Только при Ягайлѣ могла быть устроена въ предѣлахъ Галичины католическая іерархія; только съ этого времени сопротивленіе стало насивнымъ, выражаясь — скажемъ словами Длугоша —, плачемъ;

рыданіями, воплями". До этого времени нѣсколько разъ встрѣчаемся съ грозными для католицизма реакціями.

Вотъ главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ содержанія двухъ предыдущихъ главъ.

Если мысленно сопоставить силы противниковъ, то сдѣланные нами выводы, на первый взглядъ, покажутся невозможными. Въ самомъ дѣлѣ, на напорающей сторонѣ—Польша, Венгрія, орденъ, наконецъ Римъ. Польша напругаетъ всѣ силы; угры въ значительномъ числѣ являются два раза на театр военныхъ дѣйствій, орденъ получаетъ отъ Рима сильныя и краснорѣчивыя напоминанія о долгѣ бороться противъ невѣрныхъ въ союзѣ съ „христіанами“, и, какъ будто подогрѣваемый этими напоминаніями, устремляетъ на Литву всю свою „тевтонскую ярость“, а Римъ... сколько разъ онъ шлетъ посланія на всѣ стороны, при самыхъ, по видимому, затруднительныхъ обстоятельствахъ, не отказываетъ Польшѣ въ денежной поддержкѣ, какими ликованіями и прославленіями сопровождаетъ всякіе успѣхи!... И что же? Борьба все-таки продолжается. Гдѣ же были силы, такъ долго выдерживавшія столь жестокий напоръ?

Два Гедиминовича сошли со сцены, внукъ Гедимина присталъ къ сторонѣ напорающей, а борьба все же не прекратилась. Очевидно, эти силы заключались не въ Литвѣ, не въ талантахъ Гедиминовичей, не въ условіяхъ имъ благопріятныхъ, ибо нельзя и придумать условій менѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ были поставлены Гедиминовичи. Сила эта была народъ, мѣстное населеніе, роль котораго совершенно игнорируется, особенно—понятно—въ польскихъ сочиненіяхъ.

Съ самаго начала и до самаго конца борьба была въ полномъ смыслѣ слова народною, и въ этомъ именно и заключается ея глубокий смыслъ, ея громадное историческое значеніе. Происходя въ самомъ крайнемъ углу русскаго міра, по видимому, отрѣзанномъ отъ остальной части, она тѣмъ не менѣе тѣснѣйше связывалась съ ходомъ не только всей западно-русской жизни, но, какъ это мы видѣли въ церковныхъ дѣлахъ, ближайше касалась представителя духовнаго русскаго единства — митрополита, а по естественной его связи съ Московскимъ княземъ и сего послѣдняго. Невольно возникаетъ мысль, что представляемый обыкновенно, даже въ русскихъ сочиненіяхъ, отрѣзаннымъ, какъ бы отдѣльнымъ отъ остального русскаго міра Галичъ въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, во все таковымъ не былъ, что и отдаленность, и нѣкоторая своеобраз-

ность исторической жизни не нарушали и не ослабляли тѣхъ коренныхъ основъ духовнаго и племеннаго единства, какія обусловлены были самою природою. Еслибъ исторія покрыла галичанъ лишь „русскою оболочкой“, какъ думаетъ, наиримѣръ, Смолька, то было бы совершенно непостижимо, какимъ образомъ налетѣть, хотя бы даже историческій, удержался и не сошелъ въ теченіе вѣковъ, составляя и понинѣ типическое отличіе населенія по Бугу, Вепрю, Сану и до Карпатъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ отступить далеко назадъ, не для опроверженія взглядовъ, подобныхъ взглядамъ Смольки, ибо они, по своей очевидной тенденциозности, вовсе не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, а въ виду того, что исторія занимающей насъ русской окраины представляется не въ надлежащемъ, не въ исторически вѣрномъ освѣщеніи, не только въ трудахъ польскихъ, но даже и въ русскихъ. Много, очень много вопросовъ возбуждаетъ наша окраина, многого должны ждать наша наука и наше общество отъ правильнаго ихъ разрѣшенія.

Значительная часть этихъ вопросовъ можетъ быть окончательно разрѣшена послѣ многостороннихъ мѣстныхъ изысканій этнографическихъ и историческихъ. Надо впрочемъ сказать, что начало въ этомъ отношеніи положено уже давно, но кажется, до сихъ поръ еще оно недостаточно отразилось на общей постановкѣ дѣла въ нашей исторической наукѣ.

Если не ошибаемся, главнѣйшіе частные вопросы, возбуждаемые исторіей Галичины, сводятся къ двумъ кореннымъ—объ отношеніяхъ Галичины 1) къ Волынѣ и 2) къ центру русской исторической жизни Кіеву.

Оба эти вопроса находятся въ тѣсной связи между собою; факты, разъясняющіе второй, должны содѣйствовать правильному разрѣшенію перваго, такъ какъ никакихъ переворотовъ въ составѣ населенія нашей области за извѣстное намъ историческое время не произошло. Не останавливаясь на вопросѣ: каковы были отношенія ея къ остальному русскому міру въ періодъ времени съ 907 по 981 г. Отвергать всякія отношенія нельзя, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы отвергнуть показаніе лѣтописи объ участіи хорватовъ въ походѣ Олега¹⁾; но безъ сомнѣнія, нельзя представлять себѣ эти отношенія

¹⁾ Включеніе Галичины въ составъ владѣній Олега *Доминикова*, Червенск. гор., 48, считаетъ „недоразумѣніемъ“. Северо-западную границу русскихъ вла-

сколько-нибудь опредѣлившимися. Ничѣмъ инымъ, какъ единственно нашимъ стремленіемъ къ точной формулировкѣ отношеній и трудностью представить себѣ начальную безформенность и неопредѣленность мы не можемъ объяснить тѣхъ сомнѣній, которыя высказаны въ наукѣ по поводу похода Владиміра въ 981 г. „на ляховъ“. Наша наука обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ явную придирчивость: не удовольствія, естественно вызываемыя тягостью государственнаго порядка, допускаются у древлянъ, у вятичей, но отъ крайней окраины почему-то требуется чего-то особеннаго: „свою принадлежность къ Руси она должна была засвидѣтельствовать исключительною лояльностью“¹⁾. А между тѣмъ, съ другой стороны, совершенно не обращаетъ на себя надлежащаго вниманія фактъ, что дѣятельность Владиміра; положившаго новыя начала исторической жизни нашей окраины, не вызвала до смерти Равноапостольнаго никакого противодѣйствія: „въ любви и мирѣ жилъ“, по словамъ летописца, „Владиміръ съ сосѣдними князьями: съ Болеславомъ Мядскимъ, Стефаномъ Угорскимъ, Ондроникомъ Чешскимъ“²⁾.

Это ничѣмъ не нарушаемое спокойствіе тѣмъ болѣе знаменательно, что въ дѣятельности Владиміра встрѣчаемся съ фактами, которые въ послѣдующей русской исторіи имѣютъ громадное, вполне опредѣленное значеніе—введенія и упроченія государственной власти: противъ стараго цѣentra земли, Червена, Владиміръ выдвигаетъ новый—Владиміръ, и въ 988 году сажаетъ туда своего сына. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ первомъ галицко-волынскомъ князѣ нѣтъ. Мало знаемъ и о другомъ Владиміровичѣ, получившемъ въ удѣлъ западно-русскія земли, Святославѣ, но нельзя не отмѣтить, что Святополку пришлось послать за нимъ убійцъ къ „горѣ угорской“, а мѣстныя преданія до сихъ поръ помнятъ мѣсто убіенія какого-то Святославчика³⁾.

Смуты послѣ смерти Владиміра даютъ поводъ къ вышательству Болеслава, „заявшаго грады Червѣньскія собѣ“ и послѣ этого „при-

дѣній при Олегѣ онъ доводитъ лишь „до юго-западной части земли Ятвяжской“, близъ г. Визны, гдѣ рѣка Олегъ. (Это названіе и наводитъ г. Лонгиновъ на такое соображеніе). Но гдѣ же юго-западная граница?

¹⁾ Въ объясненіе нашего, по видимому, поверхностнаго отношенія къ важному научному вопросу скажемъ, что мы считаемъ его совершенно исчерпаннымъ въ прекрасной статьѣ *Е. М. Крижановскаго*, *Забужная Русь*. С.-Пб. 1885.

²⁾ Ип. л., 87.

³⁾ *Андріянцевъ*, *Очеркъ*, 103, пр. 2.)

шедшаго въ свою землю¹⁾. Но напряженныя усилія Ярослава вернуть отнятое, къ чему онъ обращается при первой возможности—съ 1022 г.²⁾, и немедленное повтореніе попытки, оцѣнь-таки при первой возможности, наконецъ совмѣстныя дѣйствія братьевъ, быть можетъ, и не особенно расположенныхъ другъ къ другу, кончившіяся полнымъ успѣхомъ, при чемъ оба брата внесли оружіе въ землю лядскую, а воинственный Мстиславъ, быть можетъ, въ память этого основалъ церковь Опаса въ Черниговѣ³⁾, все это не можетъ не указывать на какую-то особенно тѣсную связь отдаленной окраины съ центромъ. Что вниманіе Мудраго было особенно обращено на западъ, доказываютъ его походы на Ятвяговъ и Литву, въ свою очередь свидѣтельствующіе, что на юго-западной границѣ было полное спокойствіе; что, слѣдовательно, отношенія окраины и центра, въ смыслѣ взаимнаго тяготѣнія, вполне установились. Ярославу не приходилось употреблять усилій для поддержанія здѣсь своей власти, но онъ усердно заботился объ установленіи твердыхъ отношеній съ Казиміромъ Польскимъ, которому весьма энергично помогаетъ въ его борьбѣ съ мазовшанами, и наконецъ, родится съ нимъ⁴⁾.

Замѣчательно, что съ этого времени сознаніе лѣтописца какъ будто проясняется. Съ 1081 г. не встрѣчаемся уже съ терминомъ „Червенскіе грады“; судьба окраины тѣсно связывается съ Волынью. Таковы не многіе, но краснорѣчивые факты перваго періода нашей исторіи, пока главнѣйшими, пожалуй даже единственными, факторами жизни являются, съ одной стороны—племена съ своею старою особенностью, съ другой—князь, какъ представитель новаго начала, государственности. При столкновеніи первый факторъ сразу, безъ особеннаго сопротивленія, уступаетъ второму.

Чѣмъ подготовлена была такая побѣда, этого вопроса намъ не вѣдьмъ касаться. Для нашей цѣли достаточно констатировать фактъ

¹⁾ Ип. л., 101.

²⁾ „Ярославъ приде къ Берестью“, Ип. л., 102, и только; но о цѣли похода не можетъ быть сомнѣнія. Берестье и потомъ всегда было сборнымъ пунктомъ рускихъ князей въ походы на Польшу; см. Забужная Русь, 53. Первая неудача попытка была предпринята такимъ образомъ при жизни Волеслава Храбраго. Можно думать, что Великъ былъ возвращенъ Русью при немъ же: въ лѣтописи хронологія не вѣрна, но послѣдовательность фактовъ обозначена ясно, Ип. л., 105.

³⁾ Д. И. Иловайскій, Исторія, II, 58.

⁴⁾ И. Лимиченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши, 48 и сл.

крѣпкой связи отдаленной окраины новаго государства съ его центромъ. Мнѣніе, что это новое и, если вѣрить летописи, столь быстро создавшееся государство „разложилось“ уже въ XI вѣкѣ на свои составные элементы—городовыя волости¹⁾ (?), что „интересъ его создавшій не былъ достаточно силенъ, чтобы поддержать и укрѣпить его на долго“²⁾, врядъ ли нужно опровергать. Историки задаются вопросомъ не о разложеніи государства, а о томъ, чѣмъ поддерживалось единство Русской земли въ періодъ удѣльный.

Это единство объясняется различно, но объясненія не удовлетворяютъ историка, „Мы недовольны“, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, „ви одну изъ теорій, влывшихся объяснять государственный бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало“³⁾: Намъ кажется, что другой историкъ въ общемъ обзорѣніи строя древней Руси вполне удовлетворительно объясняетъ этотъ фактъ. Ярославъ, говоритъ С. М. Соловьевъ, „раздаетъ своимъ сыновьямъ волости, города, а не племена; это исчезновеніе племенныхъ именъ служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ слабости племеннаго начала у насъ на Руси“; гдѣ племена путемъ исторической дѣятельности не получили яснаго сознанія о своей самостоятельности, сознанія о противоположности своей другимъ племенамъ, вслѣдствіе приобрѣтенія особыхъ интересовъ. Въ начальный періодъ русской исторіи замѣчаемъ раздѣленіе, но должны ли мы здѣсь останавливаться на одной видности, ограничиваться однимъ внѣшнимъ, поверхностнымъ взглядомъ и признать дѣйствительное раздѣленіе? Конечно, нѣтъ! Мы должны, на оборотъ, обратить все наше вниманіе на то, на чемъ, при внѣшнемъ дѣленіи, держится внутренняя связь частей, что не даетъ имъ обособиться; какъ постепенно укрѣпляется связь частей, единство государственное; мы должны слѣдить за развитіемъ, ростомъ государства, вмѣстѣ съ развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ уясненіемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ“. Въ началѣ исторіи, говоритъ далѣе историкъ, — существуютъ отдѣльныя племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности, а „благодаря явленіямъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII вѣка, является русскій народъ“⁴⁾.

Еслибы въ дѣйствительности племенное начало имѣло значи-

¹⁾ В. Ключевскій, Воярская дума, 36.

²⁾ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Исторія, I, 162.

³⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія, XIII, 8, 9, 13.

тельную силу, еслибы дѣйствительно были существенныя племенные особенности ¹⁾, еслибы онѣ не „сводились къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія и, можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту“ ²⁾, то фактъ образованія обширнаго государства почти сразу и его единство, удержавшееся при наличности многихъ данныхъ, способныхъ его уничтожить, представлялъ бы безпримѣрное въ исторіи народовъ чудо. На оборотъ, быстрота образованія Русскаго государства и крѣпость его состава лучше всего доказываютъ, что оно вытекало и поддерживалось племенною однородностью, которой не въ состояніи были одолѣть другія враждебныя единству начала. Стремленія, напри- мѣръ, городскихъ общинъ и князей могли совпадать, но ни разу не приводили къ созданію чего-нибудь прочнаго, являясь началомъ, очевидно второстепеннымъ. „Повѣсть“ помнитъ названія племенъ, знаетъ ихъ бытовныя особенности, къ однимъ расположена болѣе, къ другимъ менѣе, и позже князь, ставъ на полѣ битвы, могъ сказать: вотъ дежать сѣверяне, вотъ варяги, но никогда „не было ни одной области, которая бы состояла изъ одного дѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ“ ³⁾, и это никогда не вызывало никакихъ осложненій. „Жидкое“, по мѣткому выраженію Соловьева, состояніе общества продолжается довольно долго, но стремленія отдѣльныхъ выдающихся личностей сообщить ему твердость, если и встрѣчаютъ на первыхъ порахъ помѣхи, не пропадаютъ и, подобно сѣменамъ, павшимъ на добрую землю, даютъ плодъ. Въ сѣверо-восточной Руси все это обнаруживается позже, въ юго-западной гораздо раньше, и мы врядъ ли ошибемся, если болѣе раннюю зрѣлость народнаго самоопредѣленія объяснимъ сосѣдствомъ чужихъ уже самоопредѣлившихся народностей. Почему выросшій на юго-западѣ плодъ не могъ созрѣть окончательно? Этотъ вопросъ, кажется, вполне удовлетворительно разрѣшается послѣдующимъ ходомъ событій, да и не въ немъ сила. Важно то, что однородныя явленія обнаруживаются на разныхъ концахъ русскаго міра, ярче всего подтверждаая однородность его организма. Гдѣ окончательно созрѣлъ плодъ—рѣшительно все равно, лишь бы

¹⁾ Не говоримъ уже о шести (1) народностяхъ Н. И. Костомарова: южно-русской, сѣверной, великорусской, блгаруской, поковской, новгородской.

²⁾ Н. П. Барсовъ, Очерки, 79.

³⁾ В. Ключевскій, Волякая дума, 26.

только питался отъ него весь организмъ. Все это, кажется намъ, необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки дальнѣйшаго хода событій.

Въ 1054 г. Русская земля дѣлится. По переходѣ Игоря въ Смоленскъ, на Волни княжить Ростиславъ ¹⁾. Это подтверждается главнымъ образомъ обстоятельствами жизни его сыновей, которые живутъ во Владимірѣ, здѣсь стараются утвердиться, враждуютъ съ тѣми князьями, которые также здѣсь ищутъ себя волостей ²⁾. Если примемъ во вниманіе, что послѣ бѣгства Ростислава, Изяславъ, по всей вѣроятности, взявъ Волни съ собою и посадилъ туда кого-нибудь изъ сыновей ³⁾, что затѣмъ то же сдѣлалъ Святославъ, посадивъ туда Олега, который и оставался во Владимірѣ до смерти отца, то эти обстоятельства прежде всего объясняютъ причину бѣгства Ростислава: смѣлый и жаждавшій дѣятельности князь не могъ чувствовать себя хорошо подъ бдительнымъ надзоромъ изъ Кіева,—затѣмъ показываютъ, что тѣсная связь нашей окраины съ центромъ нисколько не ослабѣвала; по крайней мѣрѣ, Кіевскіе князья ничего не упустили, чтобы поддержать ее. Говоримъ: нашей окраины, ибо за все это время нѣтъ никакихъ основаній предполагать отдѣльность Галичины отъ Волни ⁴⁾.

Возвращенные Владиміровичами „Червенскіе грады“ уже не выдѣлялись изъ состава Русскаго государства ⁵⁾. Затѣмъ до Любецкаго съѣзда, и даже послѣ него, до вступленія на кіевскій столъ Мономаха, идетъ борьба, не имѣющая никакого другаго смысла, кромѣ

¹⁾ *Татищевъ*, II, 117.

²⁾ *Соловьевъ*, II, пр. 32.

³⁾ Это подтверждается какъ тѣмъ, что Святославъ передалъ Волни Олегу, такъ и тѣмъ, что потомъ Всеволодъ передалъ ее Ярополку Изяславичу.

⁴⁾ *Зубрицкий*, *Исторія*, II, 11, предполагаетъ, что Ростиславъ сначала княжилъ въ Галичинѣ, а по переходѣ Игоря въ Смоленскъ, можетъ быть, и на Волни; но это лишь догадка. *Татищевъ*, II, 117, говоритъ прямо, что Ростиславъ правилъ сначала въ Ростовѣ и Суздаль.

⁵⁾ *И. Димченко*, *Взаимныя отношенія*, 117, пр. 3. Иначе смотритъ *Барсовъ*, *Очеркъ*, 105, пр. 179. По его мнѣнію, „подлинность самого факта (занятія Болеславомъ Смѣлымъ Перемышля) подтверждается ходомъ событій, какъ онъ сообщается въ нашихъ и польскихъ источникахъ“. Но чѣмъ же именно? Болеславъ осаждалъ Перемышль, но безуспѣшно; у Сутесѣ появился Владиміръ Мономахъ, которому поручено было охраненіе Волни; начались переговоры, и яхи показали Изяславу путь; *Андриличевъ*, *Очеркъ*, 109. О Сутесѣ см. *Барсовъ*, *Очеркъ*, пр. 150. Очевидно, граница не была измѣнена.

княжескихъ притязаній. Но и здѣсь въ дѣятельности Святополка снова обнаруживается всегдашнее стремленіе великихъ князей прибрать Волынь въ свои руки, и только мужество Ростиславичей останавливаетъ Святополка на Рожни полѣ, не позволивъ ему вполне осуществить его желанія ¹⁾. Другіе мелкіе факты борьбы доказываютъ связь Волыни съ территоріей старыхъ Червенскихъ городовъ. Давыдъ послѣ побѣды у Перемишля начинаетъ захватъ земли съ Сутеска и Червена, оттуда идетъ ко Владиміру ²⁾. То же видимъ позже въ попыткѣ Ярослава Святополковича ³⁾. „Довѣсть нама стати на межи своей“, говорятъ рыцарственные Ростиславичи послѣ побѣды надъ Святополкомъ. Гдѣ пролегла эта межа—не извѣстно, но врядъ ли можно сомнѣваться, что это была условная граничная линія, которой теперь не востановятъ никакія розысканія; и въ то время она мѣнялась, да къ тому же, подобныя условныя граничныя линіи пролегли и на территоріи другихъ земель, въ частности Волыни; тоже мѣнялись и тоже не имѣли другаго смысла, кромѣ временнаго обозначенія владѣній князя, остававшагося безъ земли, но требовавшаго своего „хлѣба“. Окончательно обособляются Волынь и Галичь почти одновременно, съ появленіемъ тутъ и тамъ энергическихъ личностей, направившихъ свои усилія на то, что не вызывалось какими-нибудь мѣстными особенностями, а составляло общее стремленіе тогдашнихъ князей, на закрѣпленіе за собою волости-отчины. Въ ряду такихъ князей „многоглазовый“ Владимірко, также точно, какъ и его волыньскій сосѣдь, представляютъ лишь типъ болѣе яркій, но во все не исключеніе. Въ дѣлахъ остальной Руси Владимірко принимаетъ живѣйшее участіе, даже въ большей степени, чѣмъ другіе близкіе къ Кіеву князья, а избраніе столицей новаго города (съ 1141 г.—Галичь) едва ли не обусловлено было тѣми же причинами, какія немного спустя заставили Андрея Боголюбскаго предпочесть Владиміръ старымъ городамъ. Одновременно на двухъ концахъ русскаго міра встрѣчаемся съ явленіями однородными, которыя едва ли не по одинаковымъ причинамъ обрисовываются здѣсь гораздо вы-

¹⁾ „Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Васильки, глаголя: „яко се есть волость отца моего и брата“; и поиде на нѣ“. Ил. л., 176. Слабый Всеволодъ, по видимому, не стремился на Волынь, но едва ли это не объясняется характеромъ Ярополка Изяславича, котораго легко было держать въ рукахъ, Ил. л., 145.

²⁾ Ил. л., 178.

³⁾ Ibid., 215.

пуклѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Преемникъ Владиміръ, воспѣтій въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославъ Осмомыслъ, еще сильнѣе отца засвидѣтельствовалъ свою крѣпкую связь съ Русью, и не только въ первую тяжелую минуту по смерти отца ¹⁾, но и участіемъ въ общерусскихъ дѣлахъ при великихъ князьяхъ Ростиславѣ Мстиславичѣ и Святославѣ Всеволодовичѣ. Въ 1190 году вернулся въ Галичъ изгнанный оттуда Владиміръ Ярославичъ, личность, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающая вниманія. Непродолжительное княженіе и этого послѣдняго Ростиславича отмѣчено проявленіемъ связи Галича съ остальною Русью ²⁾.

Такимъ образомъ мысль, что въ Галичѣ, подобно тому какъ въ Полоцкѣ, утвердилась линія, „осиротѣвшая и какъ бы бездомная въ Русской землѣ“ ³⁾, представляетъ лишь историческую элегію, весьма далеку отъ исторической дѣйствительности. До самаго конца XII вѣка Галичъ, собственно говоря, ничѣмъ не выдѣлялся среди другихъ русскихъ земель. Указываютъ на боярство. Дѣйствительно, галицкаго боярства не можетъ обойти ни одинъ нѣслѣдователь, но замѣчательно, каждый иначе смотритъ на это явленіе. Между взглядомъ Смирнова ⁴⁾, принимающаго существованіе боярства какъ гипотезу, безъ которой не возможно понять безчисленныя галицкія крамолы, но нигдѣ въ лѣтописяхъ не усматривающаго достаточной опоры для того, чтобы считать боярство дѣйствительно руководящимъ началомъ, и мнѣніемъ Дашкевича ⁵⁾, которому галицкое боярство представляется сильнымъ, сплоченнымъ, хотя и не замкнутымъ, выросшимъ изъ мѣстныхъ условій, можно указать другія мнѣнія, то сгущающія, то ослабляющія краски ⁶⁾, то наконецъ считающія проявленіе боярскаго вліянія не

¹⁾ „Ярославъ же рече Петрови... а нинѣ поѣди къ отцу моему Язаславу, а отъ мене си ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего понягъ, а ты ми буди въ отца мѣсто... нинѣ, отце, кланяю ти ся, прими ми яко сына своего Мстислава, тако же и мене ать седитъ Мстиславъ подлѣ твой стремени по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремени ѣзди, всиши своими полкомъ“ Ип. л., 320.

²⁾ „Володиміръ сѣде на столѣ дѣда своего и отца... и посла ко Всеволоду ко уени своему в Суждаль, молися ему: „отце господине! удержи Галичъ подо мною, а язъ Бошій и твой есмь со всеми Галичемъ, а во твой волѣ есмь всегда“ . Ип. л., 448. И Всеволодъ удержалъ Галичъ подѣ Владиміромъ.

³⁾ М. О. Коллосичъ, Чтенія, 59.

⁴⁾ Судьбы Галицкой Руси, 30—32.

⁵⁾ Книженіе Дан. Гал., 19 сл.

⁶⁾ Вестушевъ-Рюминъ, Бѣляевъ, Костомаровъ, Иловайскій.

больше, какъ крамолой ¹⁾). Уже одно это обстоятельство показываетъ, что въ самомъ явленіи есть какая-то неопредѣленность, дѣлающая невозможною точную и ясную формулировку его положенія, роли и значенія.

Другими словами: признаки явленія были, но соврѣтъ, опредѣлится оно не успѣло. Отъ сожженія князей любовницы до вокняженія боярина (1173—1210 гг.) прошло 37 лѣтъ, а боярство и въ первый, и въ послѣдній моментъ все остается, собственно говоря, на одной стадіи развитія ²⁾). Но какъ оба эти факта допускаютъ разныя толкованія ³⁾, также точно не носятъ на себѣ никакого опредѣленнаго отпечатка всѣ другія проявленія дѣятельности боярства, выступающаго на сцену лишь въ моменты исключительные, оказавшагося неспособнымъ окрѣпнуть даже при такомъ князѣ, какимъ былъ Владиміръ Ярославичъ.

Бояре, говоритъ Кадлубекъ ⁴⁾, — не желали Романа, но никто не считалъ нужнымъ сообразоваться съ ихъ желаніями, а вполнѣдствіи Романъ могъ расправляться съ ними по своему усмотрѣнію. Для расправы съ боярами оказывались сильными даже Игоревичи, а Данилъ выносилъ боярское самовольство только въ дѣтскомъ возрастѣ, и въ 1245 году боярство было сломлено окончательно не борьбой съ нимъ, не жестокими казнями, ибо только одинъ Володиславъ, „злой мятежникъ землѣ“, былъ казненъ ⁵⁾, а лишь установленіемъ прочнаго государственнаго порядка: обстоятельствомъ, съ достаточною опредѣленностью указывающее, откуда вытекало и на чемъ опиралось боярское самовольство.

Вообще, мнѣніе о роли и значеніи галицкаго боярства мы считаемъ такимъ же научнымъ недоразумѣніемъ, какихъ не мало можно отмѣтить во взглядахъ на исторію Галича. Боярство было въ Га-

¹⁾ Ключевскій.

²⁾ Почему Дашкевичъ, Княженіе Дан. Гал., 45, пр. 1, полагаетъ, что Володиславъ выжилъ два раза? Между выраженіями: „Володиславъ княжится, а ятровь мою выгналъ“, Ип. л., 487, и: „Володиславъ же воѣха въ Галичь и вокняжися и сѣде на столѣ“, ib., 488, разница весьма существенная.

³⁾ Сожженіе Настасии нельзя приписывать однимъ боярамъ: въ лѣтописи сказано: Галичани, Ип. л., 385, а именно въ данномъ мѣстѣ термины соблюдаются весьма строго. Относительно правленія Володислава, еще Карамзинъ, III, 100, указалъ на зависимость его отъ Андрея Угорскаго. Мысль о верховномъ господствѣ угровъ для бояръ честолюбцевъ, очевидно, не была неприятною.

⁴⁾ М., Р. Н. II, 439.

⁵⁾ а съ нимъ многіе Угры, но не русскіе, Ип. л., 534.

личѣ, какъ было оно и въ другихъ русскихъ земляхъ, а исключительная роль его обнаруживалась только при условіяхъ, какія въ другихъ земляхъ отсутствовали; но при этомъ надо замѣтить, что даже угорское сосѣдство и содѣйствіе не были въ состояніи сообщить этому явленію дѣйствительную силу и значеніе.

Соединеніе Галича и Волыни подъ властью Романа составляетъ новый моментъ въ исторіи нашей области. Доудѣльное единство земли было восстановлено, благодаря случайности—прекращенію княжескаго рода Ростиславичей, но историкъ напрасно будетъ искать обнаруженія внутренней розни и разлада между главными составными частями новаго княжества. Даже признака чего-нибудь подобнаго не откроетъ самое тщательное изысканіе. Правда, главный источникъ—Волынская лѣтопись—не даетъ намъ о времени княженія Романа почти ничего: пробѣлъ, ничѣмъ не замѣнимый. Но по всему видно, что вниманіе Романа было обращено не на внутреннія дѣла, ибо борьба съ боярствомъ вовсе не требовала особнхъ усилій, а на внѣшнія. Кіевъ, Польша и начинающая выглядывать изъ своихъ дебрей Литва—вотъ на что направлена вся дѣятельность Романа, и не безуспѣшно: объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ общезвѣстное преданіе объ отношеніи его къ Литвѣ, такъ и вполне согласная отмѣтка даты смерти Галицко-Волынскаго князя у польскихъ анналистовъ ¹⁾.

По смерти Романа наступаетъ въ Галичѣ смутный періодъ, продолжавшійся цѣлыхъ 37 лѣтъ. Восемнадцать разъ въ теченіе этого времени мѣнялись правители. Лѣтопись отмѣчаетъ этотъ періодъ какъ время „многаго мятежа, великой лести, безчисленной рати“, измлада не дававшихъ Даниилу покоя ²⁾. Мы видимъ въ этомъ явное обнаруженіе того вліянія, которое можетъ быть констатировано, но не подлежитъ научному объясненію. Весь этотъ періодъ представляетъ крамолу въ самомъ полномъ смыслѣ слова ³⁾.

Но когда въ 1245 году Даниилу удалось наконецъ потушить ее,

¹⁾ *Андрійшевъ*, Очеркъ, 151, пр. 2.

²⁾ *Ип. л.*, 501, 508.

³⁾ Борьба полна сценъ возмутительныхъ, напримѣръ, расправа Игоревичей съ боярами и бояръ съ Игоревичами. Замѣчательно, что и послѣ этого не прекратилась притязанія Черниговскихъ князей на Галичъ. Это подтверждаетъ мнѣніе *Смирнова*, Судьбы, 28, укладывающаго настоящую борьбу въ старыя рамки борьбы Мономаховичей и Олеговичей. *Данкевичъ*, Кнж. Д. Г. 46, пр. 1, съ нимъ не согласенъ, но его доказательства—гаданія.

все его вниманіе обращается на то же, на что была направлена дѣятельность его отца. Исслѣдователи единогласно считаютъ главною заслугой Данила собираніе земли ¹⁾. Мы видѣли, что въ дѣйствительности Данилъ шелъ по пути, указанному Романомъ. Вотъ почему слѣдуетъ разглядѣться въ тѣхъ предѣлахъ, на которые могла быть направлена эта дѣятельность.

Въ общемъ они опредѣляются указаннымъ выше направленіемъ стремленій Романа на Польшу и Литву ²⁾.

Русская историческая наука долго не имѣла смѣлости стать на дѣйствительной межѣ русскаго племени. Не говоримъ о нашихъ ученыхъ; даже галицкіе, ближе знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, и тѣ какъ бы не рѣшались сразу стать на этой межѣ. Зубрицкій ³⁾ въ 1837 г. остановился на притокѣ Сана — Вислокъ. Въ 1849 году онъ долженъ былъ однако ступить шагъ впередъ: не Вислокъ, а Вислоку отъ ея истоковъ до впаденія въ Вислу, а по крайней мѣрѣ до города Вржостка, вынужденъ былъ Зубрицкій, въ виду неоспоримыхъ фактовъ, признать естественною границей русской народности на западѣ ⁴⁾. Еще далѣе пришлось ступить А. И. Д(обрянскому), и опять-таки въ виду неотразимыхъ по своей убѣдительности фактовъ ⁵⁾. Можно думать, что это мнѣніе утвердится въ нашей наукѣ, по крайней мѣрѣ, Барсовъ въ своихъ прекрасныхъ „Очеркахъ“ воспользовался указаніями названныхъ мѣстныхъ ученыхъ. Западная граница „русской народности“ проходила такимъ образомъ „по линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню до самаго восточнаго угла нынѣшняго липтовскаго комитета“ ⁶⁾. Что граница Руси доходила почти до Кракова (*fines Rus-*

¹⁾ *Данкесичъ*, Книженіе Д. Г., 59; *Андриличевъ*, Очеркъ, 168.

²⁾ Отношеній на восточныхъ границахъ княжества намъ не зачѣмъ касаться.

³⁾ *Rus do historyi narodu ruskiego w Galicyi.*

⁴⁾ *Grenzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg.*

⁵⁾ О западныхъ границахъ подкарпатской Руси со времени св. Владимира. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, III.

⁶⁾ *Н. П. Барсовъ*, Очерки, 112, пр. 198. Что Спяшь, лежащій на восточномъ склонѣ Татръ, отдѣляемый ими отъ польскихъ воеводствъ Освятицкого и Заторскаго, но не имѣющій никакой рѣзкой физической грани на востокъ, связанный Попрадомъ съ землей Перемышльскою, былъ русскою землей, об этомъ *Добрянскій*, О западныхъ границахъ, 139 слл., 151. Важны слѣды церковно-религіознаго единенія спяшановъ и перемышлянъ; о немъ „свидѣтель-

sie usque in Cracoa) это подтверждается показаніями древнихъ польскихъ географовъ ¹⁾, слѣдами русскаго вліянія въ самомъ Краковѣ, наконецъ численностью русской Перемышльской епархіи, которая еще въ 1660 году, по донесенію папѣ Александру VII латинскаго епископа Станислава Сарновскаго, заключала въ себѣ 3400 приходовъ и 3 милліона душъ; между тѣмъ въ настоящее время, не смотря на увеличеніе населенія, она имѣетъ только 700 приходовъ и 800 тысячъ душъ ²⁾. Здѣсь, въ окрестностяхъ Кракова, русская народность оставилась на естественномъ рубежѣ — Вислѣ, но далѣе, отъ устья Сана, она, безъ сомнѣнія, переходила за этотъ рубежъ. Сандоміръ (Судоміръ) въ глазахъ лѣтописца былъ безспорно городъ русскій ³⁾. Можно думать, что русскіе жили въ окрестностяхъ Опатова. Въ селѣ Шмелѣ (Радомской губерніи) дѣйствовало русское право и русскіе обычаи до 1605 года, когда они были отиѣнены королемъ Александромъ ⁴⁾, а на правомъ берегу Вислы, въ Казимірѣ, существовала православная церковь еще въ XV вѣкѣ ⁵⁾. Мы шли до сихъ поръ по Вислѣ, переходя даже на лѣвый ея берегъ. Присутствіе русской народности на лѣвомъ берегу Вислы отъ устья Сана почти до устья Вепря не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя, вѣроятно, это были отдѣльныя поселенія, крайніе передовые пункты. Если они перешли Вислу, то несомнѣнно должны были опираться на правобережное населеніе. Въ свою очередь среди этого населенія отдѣльными островками должны были съ ранняго времени появляться поселенія польскія ⁶⁾.

ствують древнія преданія и древніе антикисы уцѣлѣвшихъ въ Спихѣ русскіхъ церквей, освященные почти исключительно Самборско-Перемышльскими епископами или даже Кіевскими митрополитами", *ib.* 157. Не менѣе важнымъ языковымъ отличіемъ слишановъ отъ словаковъ и сходство съ просодіей угорскіхъ и галицкіхъ русскіхъ, именно западныхъ лемковъ, какъ равно сходство съ ними въ одеждѣ, постройкахъ, занятіяхъ и самомъ тѣлосложеніи; *ib.*, 155. О русскіхъ въ Карнатахъ и Угорскіхъ см. *Я. Головацкій*, Карпатская Русь, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, VI, стр. 351, пр. 2, и стр. 352, пр. 1.

¹⁾ Вытиски изъ нихъ у *Зубрицкаю*, *Graenzen*, 16 слл.

²⁾ *Ibid.*, 25.

³⁾ *Ип. л.*, 548 и особенно 564.

⁴⁾ *Ломинковъ*, Червенскіе города, 65.

⁵⁾ Запись Евангелія святодуховской церкви Иваномъ Шанинкомъ Леонтиевичемъ. *Востоковъ*, Описание Рум. муз. 185.

⁶⁾ Впрочемъ съ ранняго времени — лишь въ восточномъ углу Перемышльской земли. — До Люблинской земли польская колонизація не могла скоро добратъся. Волатистые берега Пялицы, Радомки и лѣсистые гребни свято-врыжскихъ горъ должны были въ первое время представлять непреодолимыя препят-

Если обратимъ вниманіе, что въ настоящее время этнографическая граница русскаго племени пролегаетъ по незначительнымъ водораздѣламъ между Вислой, Вепремъ и Вугомъ, то прійдемъ къ убѣжденію, что русское племя отступило нѣсколько къ востоку лишь подъ вліяніемъ нѣковаго напора, какой представляетъ исторія. Остановка на этомъ водораздѣлѣ была бы явленіемъ совершенно непонятнымъ, ибо здѣсь нѣтъ никакого рубежа, который могъ бы задержать расселеніе. Это впрочемъ признають и польскіе исследователи. „Передовые посты лашскихъ поселеній“, говоритъ С. Смолька ¹⁾,— „рано проникли до Сана, но были вытѣснены оттуда русскими сосѣдями еще на канунѣ возникновенія исторической Польши ²⁾. Къ сѣверу отъ устья Сана только по самому берегу Вислы изрѣдка ютились малопольскія поселенія; все люблинское плоскогоріе до рѣки Вепря долгое время оставалось пустыней, разграничивающею Польшу отъ Руси“. „Только одна полоса на этомъ пространствѣ“, говорятъ прекрасно изучившій мѣстность Е. М. Крыжановскій ³⁾,— „представляла въ старину удобство для поселеній, именно небольшая область Быстрицы, выдающей въ Вепрь. Положеніе этой области, географическая связь съ страной по Вепрю, оторванность и удаленность отъ Вислы, указываютъ на несомнѣнную первоначальную принадлежность ея тому же населенію, которое заняло пространство между Вугомъ и Вепремъ, а выше устья Быстрицы переходило за Вепрь. Это самое положеніе области показываетъ невозможность въ ней поселеній мазов-

ствія. С. Смолька, Мешко, 15. Въ спискахъ приходскихъ католическихъ костеловъ за 1326 г. на всю территорію вимѣшнихъ Решовскаго и Ясельскаго уѣздовъ насчитывается лишь 18 католическихъ приходовъ, которые расположены на правомъ берегу Вислоки, наконецъ, въ самомъ углу между Вислой и Саномъ 9 костеловъ, причитающихся къ Сандомирскому архидіаконату. *Theiner*, M. P., I, 244; Я. Головацкій, Карпатская Русь, 363. Ср. также у К. Стадницкаго, *O roszyńskach*, списокъ католическихъ храмовъ съ половины XIV в. до 1500 г.: въ вимѣшнихъ предѣлахъ Львовской и Перемышльской епархій онъ насчитываетъ всего шесть храмовъ до времени Ягайла. То же слѣдуетъ сказать о Радомскомъ (*Theiner*, ib., 261, 442) и Люблинскомъ (ib., 261, 443) архидіаконатахъ. Замѣчательно: нѣкоторые настоятели, напримѣръ, de Novocastro (не Гродекъ ли?), Скаштоборавицъ (теперь это уже Ченстоборовице), de Bicheva (Выхавя)— помѣчены какъ: *inobediens, nunquam solvit*. Врядъ ли это должно объяснять чѣмъ-либо другимъ, кромѣ православнаго сосѣдства.

¹⁾ Мешко, 15.

²⁾ Къ сожалѣнію, Смолька не сообщилъ источника, откуда заимствовано это свиданіе.

³⁾ Забушная Русь, 47.

скихъ или бѣлохорватскихъ⁴. Люблинъ, однако, видимъ въ рукахъ поляковъ. Но до XIII вѣка отношенія его къ Польшѣ были весьма неопредѣленны, иногда своекорыстны и вѣроломны. Только съ этого времени онъ окончательно входитъ въ составъ Польскаго государства¹), но одновременно обнаруживаются притязанія на него и со стороны Романа²). Преждевременная смерть его не позволила осуществиться широкимъ замысламъ, но въ лицѣ Даниила они возрождаются снова и, быть можетъ, на нѣкоторое время успѣшно³). Несомнѣнно, подъ властью русскихъ находился Люблинъ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка⁴). Притязанія на него возобновляются даже при Юріѣ Болеславѣ⁵), составляя такимъ образомъ для Руси необходимую, нудящую потребность, отъ которой она не могла отказаться даже тогда, когда во главѣ ея стоялъ чуждый, даже враждебный интересамъ русской народности. Притязанія были уже во всѣхъ отношеніяхъ запоздалы. Левъ Даниловичъ, заботившійся о Львовѣ, придвинулся ближе къ Кракову безъ всякой пользы, а въ

¹) Мнѣніе *Ренеля*, *Исторія*, 295, пр. 16, считающаго показанія силезскихъ хроникъ, умалчивающихъ о Люблинской землѣ, какъ уделъ Генриха, наиболее правдоподобными, оспариваетъ *К. Гурскій*, *Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią*, *Przew. lit. i nauk* 1875 г. стр. 576, пр. 3. „Не можетъ быть“, говоритъ онъ, — „я рѣшаю о приобращеніи поляками Люблинской земли между 1138—1205 гг.“. Но въ данномъ случаѣ это косвенное доказательство не выясняетъ положенія, ибо несомнѣнно, до XIII вѣка Люблинъ былъ весьма мало связанъ съ Польшей. Мнѣніе *Крыжановскаго*, что до этого времени Люблинъ представлялъ своего рода Сачъ, пріютъ бродячаго и гулящаго люда (*Забужная Русь*, 48), кажется намъ наиболее близкимъ къ истинѣ.

²) „Дайте ми Люблинъ съ землею“, говоритъ онъ посламъ Лешка. *Россійск. Библиотека*, 301.

³) Входилъ ли Люблинъ въ составъ владѣній Даниила — вопросъ спорный. Главное свидѣтельство лѣтописи св. Креста, М. Р. Н. III, 72: anno domini 1244 Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succendunt, et castrum pro se edificare sererunt, et turim muratam fecerunt, скорее говоритъ о временномъ господствѣ русскихъ. *К. Стадницкій*, *Synowie*, II, прилож., рѣшительно отвергаетъ занятіе Люблина Данииломъ. За нимъ пошелъ *Дашкевичъ*, *Книж. Д. Г.*, 70, пр. 4. Также думаетъ и *Крыжановскій*, *Забужная Русь*, 49. *Линиченко*, *Взаимныя отношенія*, 178, пр. 4, полагаетъ, что „съ 1244

53 г. Люблинская земля оставалась въ какихъ-то вассальныхъ отношеніяхъ къ Руси“. Кажется, это наиболее вѣрно. Во всякомъ случаѣ во второй половинѣ XIII вѣка встрѣчаемъ частыя упоминанія люблинскихъ кастеляновъ въ документахъ князей Краковскихъ и Сандомирскихъ; *Вёрелл*, G. P., 524, пр. 79.

⁴) *К. Стадницкій*, *ibid.*, 223; *Шараневичъ*, *Исторія*, 119, 122.

⁵) См. выше, 50, пр. 3.

то же время былъ выдвинутъ новый польскій сторожевой пунктъ—Луковъ и затруднены сообщенія южной части Галицко-Владимирской земли съ сѣверною — съ Берестьемъ, Мельникомъ, Дрогичиномъ. Во всякомъ случаѣ Люблинъ еще долго оставался городомъ польскимъ лишь официально. Въ немъ находилась вывезенная изъ Кіева святыня, частица древа Св. Креста, и до конца XIV столѣтія въ немъ было не болѣе четырехъ костеловъ ¹⁾.

Если вѣрно замѣчаніе Лонгинова ²⁾ объ отсутствіи указаній на русскій элементъ въ городахъ Люблинской земли, за исключеніемъ самого Люблина ³⁾, то русскія поселенія по Вислѣ (даже на лѣвомъ берегу рѣки) придется объяснять движеніемъ сюда съ юга — отъ Сава. Сухое, почти безводное пространство люблинскаго плоскогорья не могло привлекать поселенцевъ съ восточной стороны ⁴⁾; земли по водораздѣлу между Вепремъ и Быстрицей составляли украину; но въ такомъ случаѣ бесспорные признаки господства русскаго элемента въ Люблинѣ, въ связи съ притязаніями на него Галицко-Владимирскихъ князей, получаютъ особенное значеніе и важность. Врядъ ли можно сомнѣваться, что, при правильномъ ходѣ исторіи, Люблинъ окончательно перешелъ бы подъ власть русскихъ князей; ляхская окраина, охваченная Русью, вошла бы въ составъ земель русскихъ, ибо только по линіи Вепря, отъ впаденія въ него Тысьменницы, она упиралась въ сплошныя польскія земли Мавовин.

Что касается сѣвернаго Забужья, или пространства между Вислой, Бугомъ и Вепремъ (по нижнему теченію его), то оно, по описанію Е. М. Крижановскаго ⁵⁾, имѣетъ слѣдующій видъ: „Люблинское плоскогорье переходитъ за Вепрь на сѣверъ, а здѣсь раздѣляется р. Ливцемъ съ впадающею въ него съ лѣвой стороны Збучинкою на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна идетъ между Ливцемъ и Вислой до самаго сѣвернаго угла ея на Наревѣ; другая, давши ис-

¹⁾ Лонгиновъ, Червенскіе города, 83, 88. Позже въ Люблинѣ насчитывалось 30 костеловъ и 19 монастырей, *W. Zieliński*, *Monografia Lublina*, Люблинъ. 1878, стр. 19. Эта многочисленность костеловъ и монастырей лучше всего доказываетъ порубежно-миссіонерское положеніе города; все коренныя польскіе города были святынями.

²⁾ Червенск. города, 126.

³⁾ Но, напримѣръ, о Красникѣ см. *ib.*, 230; только въ 1400 году былъ построенъ здѣсь Тенчавскими латинскій костелъ и подавлена русская народность.

⁴⁾ *Крижановскій*. Заб. Р., 47.

⁵⁾ *Ibid.*, 76.

токи Ливцу, тянется между Ливцемъ и Дрогичиномъ до Буга. — У Дрогичина плоскогорье, не доходя нѣсколькихъ верстъ къ Бугу, круто обрывается и даетъ мѣсто обширнымъ лугамъ по лѣвому берегу рѣки. Изъ этого плоскогорья берутъ свое начало рѣчки на право и на лѣво, впадающія въ Бугъ и въ Вислу. По лѣвую сторону его, отъ Венря до Нарева къ Вислѣ, видимъ только малые ручьи, впадающіе въ Вислу и начинающіеся не вдали отъ нея. Посреди плоскогорья течетъ Ливецъ и впадаетъ въ Бугъ, не имѣя на своемъ теченіи никакихъ сообщеній ни съ Вислой, ни съ Бугомъ (кромѣ своего устья). Иной характеръ представляетъ мѣстность по правую сторону плоскогорья. Она во всю длину и ширину изрѣзана рѣчками и ручьями, впадающими въ Бугъ. Главную артерію этого края составляетъ р. Броспа, съ впадающею въ нее Зелавой и нѣсколькими ручьями, получающими свое начало въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими, впадающими непосредственно въ Бугъ. Эта полоса идетъ отъ р. Влодавы и колѣна Венря, простирается вглубь края отъ Буга на 70 и болѣе верстъ и къ сѣверу постепенно суживается и тѣснѣе прижимается къ Бугу. Имѣя въ виду способъ и характеръ первоначальныхъ поселеній, можно напередъ сказать, что плоскогорья сами, неудобныя для поселеній, не допустятъ занятія цѣлаго этого края (между Бугомъ и Вислою) однимъ племенемъ и будутъ долгое время служить раздѣломъ между двумя прістами поселенцевъ по Бугу и по Вислѣ, — что лѣвый берегъ Буга въ этихъ мѣстахъ занять будетъ тѣмъ же племенемъ, что и на правомъ берегу его, которое далеко вглубь края раскинетъ свои поселенія, а по правую сторону Вислы поселенія долгое время будутъ тѣсно жаться къ ней, къ своему роду-племеню за Вислою⁴.

И западная часть сѣвернаго Забужья составляла Украину. Однимъ изъ извѣстныхъ намъ южныхъ ея пунктовъ было „село на Вѣкрайницѣ именовъ Воинъ“ ¹⁾ (Раднискаго уѣзда). Отсюда она простиралась почти по прямой линіи до Нура, до котораго доходилъ округъ Дрогичина, крайняго сѣвернаго пункта Даниловыхъ владѣній ²⁾. Русскія поселенія здѣсь то двигались впередъ къ сѣверу, то нѣсколько отступали ³⁾. У Визны сходились владѣнія волынскія, мавовскія, ятвяжскія. Главнымъ городомъ страны было

¹⁾ Ип. л., 586.

²⁾ Дашкевичъ, Кляж. Д. Г., 71.

³⁾ Ип. л., 578.

Берестье, сначала принадлежавшее великимъ князьямъ Кіевскимъ¹⁾; въ половинѣ XII в. оно перешло къ Волынскимъ, и хотя тѣсно къ Волынской землѣ не примкнуло, но изъ состава ея не выдѣлялось. Русскіе князья обращали бдительное вниманіе на утвержденіе здѣсь русской народности. Со времени Владимира Святого часто были предпринимаемы походы на ятвяговъ, пока наконецъ въ 1256 г. Даниилъ не нанесъ имъ окончательнаго удара²⁾.

Русская народность въ очерченныхъ нами предѣлахъ никогда вполне объединена не была³⁾. Но со времени соединенія Галицкаго и Владимірскаго княжествъ начался объединительный процессъ и полнѣ всего выразился при Даниилѣ. Въ этомъ и заключается главная его заслуга. Много было у Даниила широкихъ плановъ, большая часть ихъ развѣялась еще при его жизни, но закладка будущаго крѣпкаго государственнаго порядка не пропала, скоро перешла въ сознаніе и выразилась не только въ титулѣ послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя, но и въ гораздо болѣе полныхъ значенія, хотя менѣе громкихъ фактахъ, загадочный смыслъ которыхъ разъясняется вполне только сознательными усиліями поддержать созданное единство. „Въ юго-западной Руси и въ Подляско-Холмскомъ краѣ несомнѣнно совершался тотъ же процессъ созданія русской на-

¹⁾ Припять и притокъ Буга—Мухавецъ составляли естественную связь Берестья съ Кіевомъ.

²⁾ *Андрійшевъ*, Очеркъ, 42. Ср. бібліографическую записку *Н. П. Барсова* на изданіе *П. Н. Батюшкова*, Холмская Русь, 1887, оттискъ изъ *Варшавскаго Дневника*, стр. 10. Въ сѣверномъ Забужьи сходились крайніе сѣверныя поселенія волынянъ съ крайними южными поселеніями дроговичей. На небольшомъ пространствѣ нынѣшней Сѣдлецкой губерніи наследователи отиѣчаютъ нѣсколько племенныхъ разновидностей, *П. Житскій*, Очеркъ звуковой исторіи Малор. нарѣч., Кіевъ, 1876; Холмская Русь, 1887 г., гл. 1-я. На нашъ взглядъ, признаки этихъ разновидностей нѣсколько преувеличены.

³⁾ Разумѣнь русскихъ въ Угорщинѣ, Спичѣ, земляхъ Краковской и Судомірской. Что касается сѣвернаго Забужья, то оно, какъ сказано, тянуло первоначально къ Кіеву, затѣмъ до окончательнаго включенія его въ составъ земель волынянскихъ, по видимому къ Турово-Пинскому княжеству (*Андрійшевъ*, Очеркъ, 46 слл.). Со времени Романа Галицко-Волыніскіе князья обращали въ эту сторону особенное вниманіе. О Дрогачинскомъ округѣ знаемъ, что въ тридцатыхъ годахъ XIII вѣка онъ былъ захваченъ Мазовскимъ княземъ, благодаря, надо думать, смутамъ въ Галичѣ. Въ 1237 году Конрадъ Мазовскій поселилъ здѣсь Добрыньскихъ рыцарей (*Wattérich*, Gründung d. deutschen Ordensstaates, 119, пр. 239). При Даниилѣ Дрогачинъ былъ возвращенъ: здѣсь совершилась его коронація.

родности, какъ и въ другихъ мѣстахъ расчлененной на княжескія волости Руся; слагались и крѣпили земщина и ея ядро—община-міръ, подъ охраной княжеской власти, устроительницы земскаго порядка, подъ духовнымъ руководствомъ народной церкви¹⁾.

О времени послѣднихъ Даниловичей мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній знаемъ только, что они оставались князьями Галицко-Владимірской земли, которая, по прекращеніи Данилова потомства, переходитъ къ Юрію-Болеславу почти въ полномъ объемѣ²⁾. По всему можно судить, что связь частей Галицко-Волынской земли укрѣпилась. Данилъ выдвинулъ Холмъ, Левъ—Львовъ, подъ конецъ главнымъ городомъ является старый Владиміръ; Галицко-Волынская земля составляетъ уже цѣльный организмъ, крѣпость котораго особенно обнаружилась въ рассмотрѣнной нами борьбѣ. Въ первый моментъ ея мы видимъ, что отражаютъ Казиміра Дмитрій Дѣтко и Данилъ Острожскій, представители галицкаго и волынскаго боярства, нашедшіе, однако, въ отраженіи польскаго набѣга общій интересъ.

Подъ 1351 г. встрѣчаемъ у Длугоша любопытный разказъ о двухъ польскихъ измѣнникахъ, старавшихся облегчить литовцамъ переправу черезъ Вислу³⁾. Разказъ заслуживаетъ вниманія, и съ полною основательностью, хотя не безъ наивности, отмѣчаетъ его Зубрицкій: „Иначе“, говоритъ онъ,—„нельзя отстоять славы польскаго народа, какъ допустивъ, что оба измѣнника были русскіе“⁴⁾. И заключительный моментъ борьбы не лишенъ характерныхъ фактовъ. Мы не рѣшаемся указывать на какую-то невѣрность Олехны Дмитровича, за котораго двукратно ручаются князья и бояре русскіе⁵⁾, потому что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о личности и винѣ Олехны не имѣемъ⁶⁾; но нельзя не указать на дѣйствія владѣльца Крупы (около Красностава), не желавшаго подчиниться польскому господству, вводимому Ягайломъ. Въ отдаленномъ по времени отголоскѣ

¹⁾ Н. П. Барсова, Замѣтки, 14.

²⁾ Не принимаемъ въ расчетъ литовскихъ пріобрѣтеній, ибо, въ виду названнаго намъ договора 1381 года, они, собственно, лишь временно нарушали установленный порядокъ. Если потомъ Верестье отошло къ Кейстуту, то это было слѣдствіемъ распредѣленія силъ Гедиминовичей, для болѣе успешной борьбы съ Польшей.

³⁾ Длугошъ, IX, 241.

⁴⁾ Повѣсть, 138.

⁵⁾ Въ 1387 году, при чемъ неустойка 1000 гривенъ, Cod. epist. med. aevi; II, № 11, и въ 1388 г. съ болѣе легкими условіями, Арх. Санг., I, № 11.

⁶⁾ Нѣтъ ихъ и у Голембювскаго, Panowanie Wład. Jag. 1, 77.

объ этомъ событіи, оно получаетъ совершенно польскій характеръ шляхетскаго самовольства ¹⁾. Такъ ли? Слишкомъ безумнымъ было бы сопротивленіе отдѣльнаго лица, безъ всякихъ болѣе уважительныхъ и глубокихъ причинъ. И пана Крупу мы причисляемъ къ разряду лицъ, въ сознаніи которыхъ крѣпко утвердилась идея Романа и Данила. Она была до такой степени живуча, что воскресала при удобномъ случаѣ даже значительно позже. Подъ 1431 годомъ находимъ у Длугоша разказъ о соженіи русскими города Буска и переходѣ на сторону Свидригайла державцы Олеска, Богдана Рогатынскаго: „Упомянутый Богданъ“, говоритъ Длугошъ,—„получилъ отъ короля значительныя имѣнія, тѣмъ не менѣе безъ всякой нужды перешелъ къ Свидригайлу“ ²⁾. Конечно, нужда была тою необходимостью, которой не могъ постигнуть Длугошъ. Всѣ эти факты, согласныя съ общимъ ходомъ событій, получаютъ особенно важное значеніе, полны глубокаго смысла, который совершенно пропадаетъ при всякомъ другомъ объясненіи ихъ. Въ этомъ случаѣ исторія земли, объединенной Давидомъ, представляетъ явленіе въ высшей степени достойное вниманія. До недавняго времени даже такіе факты ея исторіи, какъ личность ея послѣдняго правителя, оставались загадкой. Загадка наконецъ, разрѣшилась, но то, что составляло самую сущность внутренней жизни страны, что поддерживало и удержало въ ней жизнь, крѣпость ея состава, выработанная вѣками исторической жизни, осмысленная дѣятельностью такихъ лицъ, какъ Романъ и Данилъ и столь блистательно выразившаяся въ продолжительномъ и упорномъ противодѣйствіи польскому господству, все это пока еще не стало достояніемъ науки и совершенно чуждо нашей общественной мысли. Мы къ сожалѣнію, слишкомъ мало знакомы съ исторіей нашей окраины, а гордый взоръ иноплеменный не хочетъ, да и не въ состояніи замѣтить красоту въ ея „смирненной наготѣ“. Представить полную картину внутренней жизни страны со времени утвержденія въ ней польскаго господства—дѣло чрезвычайно трудное: приходится прокладывать дорогу по цѣпнѣ. Наша попытка является первою, и это, надѣемся, послужитъ нѣкоторымъ извиненіемъ ея недостатковъ.

¹⁾

Krol Jagiełło bił Krzyżaki,
A pan Krupa chciał być taki;
Na coś porwał się nieboże,
Krupa jagłą być nie może.

Кохановскій.

²⁾ Длугошъ, XI, 449.

Едва ли можно теперь вообразить себѣ даже приблизительно картину полувѣковой борьбы. Сообщенный нами фактической ея очеркъ представляетъ лишь блѣдный перечень главнѣйшихъ ея моментовъ. Всего, что составляетъ ужасъ войны, что заставляеть народы молиться о ея отвращеніи—кровопролитіе, пожары, опустошенія, нерѣдко полное уничтоженіе мирныхъ плодовъ вѣкового труда—всего этого мы не касались вовсе. А между тѣмъ слѣпая стремительность напора, не отступавшая ни передъ чѣмъ, всемѣрные старанія отразить его, обусловившія такую необыкновенную продолжительность борьбы, даютъ полное основаніе считать ее жестокою и безпощадною, подобно всѣмъ другимъ войнамъ національно-религіознаго характера. Польскіе анналисты сообщаютъ намъ много свѣдѣній о пожарахъ и жестокостяхъ „литовцевъ“ (то-есть, русскихъ), громы негодованія за это металъ на нихъ и Римъ; русскіе источники говорятъ, что поляки „много зло христіаномъ сотвориша“. Если при этомъ вспомнимъ свѣдѣтельство лѣтописи о татарскихъ набѣгахъ въ концѣ XIII вѣка („учиниша землю пусту всю“), вспомнимъ, что татарскій набѣгъ на Польшу въ 1340 г. наполнилъ ужасомъ Венгрію, то, безъ всякаго сомнѣнія, лишь съ большимъ трудомъ будемъ въ состояніи представить себѣ картину внутренняго состоянія края, и жалобы Владислава Опольскаго на малонаселенность страны ¹⁾ не покажутся намъ удивительными. Гораздо болѣе удивительно, что и теперь, точно также, какъ потомъ, во время набѣговъ крымскихъ татаръ, на мѣсто обращенныхъ въ пепель селъ являлись новыя поселенія, на мѣсто истребленнаго или уведеннаго „добытка“ являлся откуда-то новый „добытокъ“. Шараневичъ сравниваетъ галичанъ съ муравьями, по тщательности и быстротѣ возстановленія обычнаго теченія жизни ²⁾; Кулишъ видитъ въ нихъ особенную „бытовую энергію“, развитую затрудненіями ³⁾. И дѣйствительно, нельзя не удивляться обилію жизненныхъ силъ страны, которая, по польскимъ извѣстіямъ, оказывала чарующее дѣйствіе даже на Людовика, знакомаго съ берегами Неаполитанскаго залива. Не странно ли, замѣчаетъ Зубрицкій, — вездѣ въ документахъ, рядомъ съ селами, встречаемъ упоминаніе о мельницахъ? Правители подтверждаютъ запро-

¹⁾ Consideratis defectibus gentis, qua in dicta terra Russiae caremus. А. Гр. 3., II, № 5; in qua defectus gentis non modicos patimur, ib., № 4.

²⁾ Шараневичъ, Рус., 45.

³⁾ Исторія воссодиненія, III, гл. 27.

дажу селѣ и мельницѣ, они же владѣютъ мельницами во Львовѣ, отдають въ аренду треть мельничныхъ доходовъ. Мельницы жалуются церкви и духовенству, какъ вѣрный доходъ. То же съ банями, а гдѣ мельницы и бани составляютъ такую важную и вѣрную статью, надо думать, население и его благосостояніе были не малы ¹⁾). Благословенная страна („*krój błogosławieństwa, kraj niedoli*“—такъ называетъ ее Шайноха) могла выдержать матеріальныя бѣдствія, по видимому, даже не пострадавъ отъ нихъ; „недоля“ ея сказалась иначе. Какъ именно—увидимъ сейчасъ. Остановимся прежде всего на фактѣ, который невольно обращаетъ на себя вниманіе и въ то же время рисуетъ общія отношенія обѣихъ сторонъ — польской и русской. Можно думать, не боясь ошибиться, что за время польскаго владѣнія въ странѣ число документовъ, имѣющихъ къ ней отношеніе до 1433 г., то-есть, до времени окончательнаго ея соединенія съ Польшей, превышаетъ 1000 ²⁾). Изъ этого числа за время до 1506 г. Лисевичъ насчитываетъ всего 47 русскихъ ³⁾). Если изъ этого числа исключить документы Феодора Любартовича и Свидригайла, которые не могутъ считаться представителями польской власти, затѣмъ, изъ общаго числа откинуть документы молдавскіе, какъ равно даваемыя православною церковью или выданныя духовными лицами, которые, понятно, не приходилось писать иначе, какъ по русски, то число русскихъ документовъ за полтора вѣка сократится почти на половину. Вотъ какой запасъ памятниковъ русской жизни въ русской области сохранился до настоящаго времени отъ польскаго господства! Въ

¹⁾ *Kronika miasta Lwowa*, 51, пр. 16. О мельницахъ действительно встрѣчаются упоминанія даже за время Казимира: 1359 г. львовскіе райцы отдають въ аренду плотнику Ульриху мельницу въ Збоискахъ, пожалованную раньше княгиней Анной Львовской богородичной церкви, А. Гр. и З., III, № 7; 1360 г. Казимиръ позволилъ Гинку Содтису изъ Любуша, „*considerata probitate*“ основать мельницу, *ib.*, № 11; 1365 г. отдаеть треть мельницы (то-есть, доходъ) Конраду изъ Пруссии, *consideratis et in partibus magnis et utilibus servicys seu laboribus ib.*, № 14 и т. д. Подразнѣ различались: 1) *molendinae hereditariae civitatum et oppidorum*, 2) *molendinae hereditariae villarum*; 3) *molendinae manuales*; 4) *molendinae ventiles*, и соотвѣтственно этому взимались разныя подати, *Шайноха*, Русь, 41, пр. 44.

²⁾ За время съ 1340 (?) до 1506 г. Лисевичъ, *język ukrzędowy na Rusi Czernowonej 1340—1506*, *Przew nauk. i lit.*, 1886 г., насчитываетъ 2000, при чемъ въ однихъ А. Гр. и З.—1200.

³⁾ Изъ нихъ дѣямъ: Казимиромъ—2; Владиславомъ Опольскимъ—2; Ягайломъ—9; Феодоромъ Любартовичемъ—9; Свидригайломъ—3.

виду такого факта Я. О. Головацкій ¹⁾ утверждаетъ, что русскіе памятники были истреблены. Лисевичъ считаетъ такое мнѣніе не заслуживающимъ вниманія, и хотя ничѣмъ фактически его не опровергаетъ.—ибо. если Головацкому и не были извѣстны нѣкоторые изданные позже акты, то число послѣднихъ такъ ничтожно, что врядъ ли измѣнило бы его мнѣніе, то все-таки нельзя не признать, что дѣйствительно нѣтъ никакихъ основаній считать мнѣніе Головацкаго справедливымъ ²⁾. Повдѣйшшимъ польскимъ административнымъ и судебнымъ властямъ не зачѣмъ было уничтожать старыя документы: это могло вести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ; проще было требовать ихъ перевода съ русскаго языка и новаго засвидѣтельствованія, что, какъ видно изъ Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, и дѣлалось. Слѣдовательно, причину ничтожнаго количества извѣстныхъ намъ русскихъ документовъ, касающихся Галичины, должно усматривать въ другомъ. Она сама откроется намъ, если мы внимательно къ нимъ отнесемъ, а такого отношенія безспорно заслуживаютъ немногія архивныя свидѣтельства, напоминающія о существованіи русскаго элемента въ исконно-русской землѣ. Мы остановимся лишь на тѣхъ, которыя относятся къ переходному времени до Ягайла, какъ наиболѣе характерныхъ. Два изъ нихъ даны Казиміромъ.

1) Въ первомъ (безъ даты) онъ жалуетъ слугѣ своему Ивану три дворца въ Перемишльскомъ округѣ съ землей, лугомъ, лѣсами и ловищами въ полную собственность, безъ всякой службы. Документъ данъ въ Казиміръ, но въ числѣ присутствующихъ былъ русскій бояринъ Глѣбъ Двориковичъ (Дворсковичъ) ³⁾.

2) Другой документъ 1361 г. (въ день св. Іакова въ Сандонірѣ) ⁴⁾, представляетъ подтвержденіе Ходку Быбельскому ⁵⁾ грамотъ на вла-

¹⁾ Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ Галицко-Владимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ во второй половинѣ XIV вѣка, Наук. Сборн. 1885 г.

²⁾ Надо, впрочемъ, сказать, что Головацкій предполагаетъ истребленіе русскихъ памятниковъ не столько въ отдаленное, сколько именно въ недавнее время. „Г. Люд. Зеленскій“, говоритъ онъ,—,работавшій много въ архивѣ древнихъ гродскихъ и земскихъ книгъ, ... говорилъ, что онъ нигдѣ въ рукахъ одну книгу (старинную), которая содержала самыя грамоты и акты, по русски писанныя. Куда та книга подѣлась изъ архива, неизвѣстно“. Ів. III, стр. 182, пр.

³⁾ А. Ю-З. Р., II, № 62.

⁴⁾ А. Гр. и З., I, № 5.

⁵⁾ Въ Перемишльской землѣ это былъ бояринъ самый знатный.

дѣніе землями, данными еще княземъ Львомъ „и иными старыми князьями“. Изъ неофициальныхъ лицъ въ качествѣ присутствующихъ упоминаются панъ Вербота Ставишинъ, панъ Глѣбъ Дворсковичъ, панъ Васько Кузьмичъ ¹⁾. Другихъ русскихъ памятниковъ личнаго участія Казимира въ имущественныхъ дѣлахъ его русскихъ подданныхъ, нѣтъ.

3) Въ 1359 г. Петрашъ Радцѣвскій покупаетъ у Анны Радивонковой (то-есть, жены Родіона) „дѣдину и вотнину“ (польстава, мельница, корчма, дворница „и со всѣмъ што коли отца еѣ прислужало“) за 40 гривенъ ²⁾. Внуки и родственники Анны не должны вступаться во владѣніе ³⁾. Свидѣтели: панъ староста Русской земли Ота Пилецкій, воевода Цтиборъ, писарь Яшко, затѣмъ слѣдуютъ земляне съ Ходкомъ Выбельскимъ во главѣ ⁴⁾, затѣмъ упоминается Олэфѣрко судья, панъ войтъ перемышльскій, гость изъ Угорь; называется, гдѣ пить могорничъ (за копу грошей). Писалъ грамоту старостинъ писарь „дьякъ изъ Волестрашичъ именовъ Дьячковичъ“. Въ заключеніе упоминаются, какъ присутствующіе: попъ Петръ и „корчмитъ“ Олехновичъ Семень ⁵⁾.

4) Въ 1366 году въ Перемышлѣ ⁶⁾ тотъ же Петръ Радцѣвскій покупаетъ у братьевъ Шюльжичей „дѣдинцо Пнекольтъ (Пникутъ)“ ⁷⁾ съ разными угодьями ⁸⁾ за 100 гривенъ. Продажа совершалась передъ паномъ Пилецкимъ, старостою Русской земли; свидѣтели: владика Ларіонъ, крылошане, панъ Петръ Ивановичъ, панъ Ходко Выбельскій, Стецко и Ходко Ловевичи ⁹⁾, затѣмъ восемь другихъ, они то титулуются словомъ панъ, то вѣтъ; панъ Яшко писарь Крукиницкій... Богданъ Тивунъ, войтъ Перемышльскій „не мѣстичи“ ¹⁰⁾, судья Орефѣрко, владичинъ тивунъ Иванко Губка. Опредѣляется мо-

¹⁾ Оба послѣдніе—несомнѣнно рускіе.

²⁾ А. Гр. и З., VIII, № 8.

³⁾ Это даетъ основаніе полагать, что ивѣніе составляло ея личную собственность, вѣроятно, приданое.

⁴⁾ Только при немъ—панъ, при другихъ, исключая иноземца Гутарта, вѣтъ.

⁵⁾ Могорничъ, однако, пьютъ не у корчмита, а на дому у Выбицкаго.

⁶⁾ А. Гр. и З., VIII, 5.

⁷⁾ Въ 1385 г. владѣтелемъ его является уже ивѣто Петръ Стрыйскій, пожаловавшій его латинской перемышльской каедрѣ. Ib., VII, № 16.

⁸⁾ Со всемъ усадомъ того села и съчемъ и с колодяземъ и съ лѣсомъ и з бортьми и съсепты на рѣкою и съ сѣножатъми и землею того села.

⁹⁾ Всѣ они прикладываютъ свои печати.

¹⁰⁾ Панъ Омегъ Соляничковичъ, Глѣбко и братъ его, Костько Вѣзна.

горичъ ¹⁾). Писалъ „поповичъ Болестрашицкій именемъ Дьячковичъ Василювъ сынъ поповъ Кость пруввищемъ Сорочичъ“.

5) Въ 1371 г. (?) во Львовѣ ²⁾ Вятславъ Дмитровскій покупаетъ двориче съ землей у Скибичей ³⁾ за 6 копъ грошей вѣснаго серебра. Получивъ деньги, они сдали имѣніе „при пану Влотишевскомъ воеводѣ Львовскомъ“. Свидѣтели: мѣстичи: панъ Кнефль и Михно войтъ Ярославскій; бояре: Петръ Мошенка, Ходко Лоевичъ; попи: Дюнисиѣ, попь Юрко Кропншевичъ, и попь Лой; сосѣди околные: Онисимъ; дѣяки: Степанъ Мелеховичъ, Мелентій Куцевичъ, Семень Повахидичъ, Иванъ Кузьмичъ; бортники: Пашко, бортникъ изъ Емелина, Юрко Мошничъ, Михно Великопольскій, Голко Загѣскій. — „А выѣдиль ту землю Ходоръ Чюлчичъ, тожъ объѣдиль отъ пана Оты старосты“. Писалъ Грудковичъ Иванъ въ домѣ Кнефля.

6) Въ 1377 году 26-го или 31-го декабря въ Вахорѣ ⁴⁾ Владиславъ Опольскій ⁵⁾ жалуетъ пустошь Владимиру Волошину въ полную собственность на волошскомъ правѣ, съ обязанностью, по заселеніи, платить съ крестьянина князю два широкихъ гроша. Присутствовали все, по видимому, поляки. Писалъ княжій писарь Костко Болестрашицкій.

7) Въ 1378 г. ⁶⁾ Хонка, жена Васьки Дядковича съ дѣтьми, внучатами и „со всѣмъ племенемъ“ продаетъ монастырь Калениковъ съ церковью Успенія Перемишльскому протодіакону Ивану Губкѣ ⁷⁾, брату его Федору и ихъ дѣтямъ за 20 гривень вѣснаго серебра. Покупаютъ его Иванъ Губка и Федоръ, по благословенію епископа Ларіона, но „тому монастыреви не отлучаться отъ святого Ивана у вѣки; хто коли его купилъ, тому слушати къ святому Ивану“ (то есть, Перемишльской кафедральной церкви). При этомъ были бояре-земляне: панъ Ходко Бибельскій съ двумя сыновьями—Андреемъ и

¹⁾ „За двѣ гривни вѣсны, и меду за гривну, а пива за гривну“, итъ у Андрея Лысаго.

²⁾ А. Гр. и З., VII, № 8.

³⁾ Васля... Гѣнка я въ ихъ сыновця у Оленка... у всехъ трии.

⁴⁾ А. Гр. и З., VII, № 13.

⁵⁾ Называетъ онъ себя здѣсь: Bożaju Miłostiju My książ Wołodysław Opolskoj ziemi u Wielunskoj z. u Rnskoj z. Gospodar u diedzic wieszcu ziemiam tiem Samoderzecz Książ... Документъ изъ бумагъ Нарушевича, латинскими буками переписанъ, надо думать, для него.

⁶⁾ А. Гр. и З., II, № 9.

⁷⁾ См. выше документъ 4-й.

Васильемъ; панъ Глѣбъ Дворсковичъ съ двумя сыновьями Ванькой и Пехномъ; панъ Ивашко Дроздъ, Васко Кузьмичъ, панъ Михаилъ Потрутовичъ, панъ Гаврїилъ Кодробышевичъ, съ двумя сыновьями, Сеньковича два: Михайло и Ивашко, Стецко Бдешицкій, Игнатко Черневичъ; затѣмъ упоминаются три попа, а въ заключеніи Нестиръ Ценаревичъ¹⁾. Могаричъ за полгривны въ домъ Олеша, „а писалъ грамоту Костко дякъ Волестрашицкій“.

8) Въ 1381 г. во Львовѣ²⁾ Дѣтко изъ Зубри вмѣстѣ съ прїятеlemъ своимъ Альбертомъ, по совѣту „брата своего пана Бруна“, продаетъ лугъ Григорію Давидовскому „за sizaucith seth hrossy“. Присутствовали панъ Михайло Ивановичъ, панъ Яско Мазовшанинъ, панъ Хонко (Ходко) Лоевичъ, панъ Мичко Брунїо „szhy pan Gorgy Mossoncicz“. Хотко Грутковичъ и другіе. Продажа совершалась во Львовѣ „v kotkocho Lenola w domu. A pisał Bahran pisar Lwowski“. Подтверждаетъ продажу Андрей староста Русской земли.

9) Въ 1386 г. іюня 27-го³⁾ панъ Михаилъ Ивановичъ закладываетъ на годъ имѣніе Осташку Давидовскому, сыну Григорія, за девятнадцать гривенъ съ порукою Ходка Лоевича. Свидѣтели — чиновники⁴⁾:

Наиболѣе интересный изъ перечисленныхъ документовъ — седьмой. Сдѣлка, которой онъ касается, довольно важная. Цѣнность имущества — 20 гривенъ вѣснаго серебра. Изъ этой суммы 15 гривенъ дается чистыми деньгами, въ уплату остальныхъ 5 гривенъ Губка даетъ шубу, крытую дорогимъ сукномъ, и какъ бы въ придачу еще 12 лисиць, и не смотря на важность сдѣлки, она не носитъ рѣшительно никакого официальнаго характера, заключается сторонами въ присутствїи „добрыхъ людей“, и даже тотъ самый Костко Волестрашицкій, котораго въ другихъ документахъ мы встрѣчали какъ писаря „старостинаго“ или „княжаго“, не рѣшается употребить этотъ официаль-

¹⁾ Мы выписали всѣхъ присутствующихъ кбо нѣтъ сомнѣнїя, что все это русскіе люди: „и сталася торгува межи добрыми людьми, межи бояры и межи крыломаны св. Ивана“.

²⁾ *Przegl. Archeol.* 1882, стр. 72, № 1. Bozѣiu Miłostiu, Wielebnoho kniazia Ruskocho Władisława ze ja pan Andrias starosta ruskojej ziemli... все это при составленїи съ датой возбуждаетъ сомнѣнїя.

³⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 61.

⁴⁾ Указаннымъ у Лоевича документомъ 1378 г., гдѣ Владиславъ Опольскій жалуетъ Драгомїру и Негрѣ села въ Галицкомъ округѣ, я не имѣлъ возможности пользоваться.

ный титулъ, а называетъ себя лишь „дьякомъ“. Присутствіе „добрыхъ людей“, благословеніе владыки, какъ въ данномъ случаѣ, считаются совершенно достаточной гарантіей. Если обратить вниманіе, что вообще во всѣхъ документахъ официальная сторона какъ бы отодвигается на второй планъ ¹⁾, что даже официальныя обязанности—объѣздъ границъ продаваемой земли—производился предварительно своими, русскими людьми, и потомъ уже какъ бы провѣрялся лицомъ официальнымъ ²⁾, что—надо думать—требовалось покупателемъ полякомъ ³⁾, далѣе, что за официальными засвидѣтельствowanіями и подтвержденіями русскіе, даже значительно позже, „вовсе не гонялись“ ⁴⁾,—придемъ къ несомнѣнному убѣжденію, что они по возможности уклонялись отъ какихъ бы то ни было столкновеній съ официальнымъ, то-есть, польскимъ миромъ, стараясь рѣшать дѣла между собою, такъ сказать, семейно, примѣръ чего и представляетъ намъ документъ седьмой. „Слишкомъ велика была разница между учрежденіями, которыми подчинялось галицко-русское племя, и общимъ складомъ понятій, выработанныхъ въ немъ его собственной живнью“ ⁵⁾. Съ другой стороны, мы видѣли, какъ утверждалось въ странѣ польское господство: отъ главы католическаго міра поляки постоянно слышали о „схиватникахъ, коварныхъ невѣрныхъ“; временная приостановка

¹⁾ Явственно она выступаетъ лишь въ двухъ: „а продали и уздали ему добровольно и у вѣки дѣтемъ его *передъ паномъ Пиледимъ, старостою руской земли*“ (4); „ако въздали при пану Влотшескомъ, воеводѣ Ильвовскомъ“ (5); въ третьемъ нашемъ документѣ официальныя лица—староста, воевода и писарь, помѣщены на первомъ мѣстѣ и подъ рядъ, но въ качествѣ лишь свидѣтелей: „а на то послуси“, а не лицъ санкціонирующихъ; въ четвертомъ писарь Яшко помѣщенъ заурядъ съ другими, въ числѣ которыхъ, очевидно, по необходимости (такъ какъ сделки заключались между русскими и поляками), видимъ и инородцевъ.

²⁾ Такъ, кажется, слѣдуетъ понимать: „а выѣздалъ ту землю Ходоръ Чюлчичъ, тожъ объѣздалъ отъ пана Оты старости“ (5).

³⁾ Вацлавъ Дмитровскій, очевидно тотъ же сынъ Жеготы Голуховскаго, который въ 1364 году, по просьбѣ старосты Оты, получилъ отъ Казимира с. Дмитровича (Львовск. окр.) А. Гр. и З., II, № 2.

⁴⁾ 1455 г. Петръ Свистельницкій въ спорѣ съ Григоріемъ, архіепископомъ Львовскимъ, „*obtulit literam quendam ruthenicalem, que continebat, quod dominus Kmyta capitaneus Russie fecisset granicies, sed non nominat villas... et dominus archiepiscopus dixit: adhuc non detrahendo tue litere, quero a te domine Petre, quare ita dis cum ista litera silmisti et tui antecessores siluerunt per 30 aut 40 et plus annos*“. А. Гр. и З., IV, 163.

⁵⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія, III, 258.

войны вызывала его негодование и давала поводъ къ напоминаніямъ, а постоянныя тревоги и волненія, испытываемыя поляками отъ русскихъ, — какія все это плохія условія для совмѣстной жизни и добрыхъ мирныхъ отношеній! Польскимъ воинамъ и чиновникамъ не было, конечно, дѣла до тѣхъ взглядовъ, которые проповѣдывалъ Римъ, но, съ одной стороны, его представители могли находить удобную почву для распространенія этихъ взглядовъ даже въ массѣ бывшихъ на Руси поляковъ, а съ другой — естественно сложившійся характеръ отношеній польскаго и русскаго элементовъ, даже безъ постороннихъ подстрекательствъ, совершенно не располагалъ къ миру и согласію. Поляки и русскіе должны были смотрѣть другъ на друга какъ на враговъ, и таковы были условія, что ничто не смягчало этихъ отношеній. Вотъ почему Галицкая Русь со времени польскаго завоеванія какъ будто не обнаруживала официально никакихъ признаковъ русской жизни. Рѣдко-рѣдко въ актахъ встрѣчается упоминаніе о русскихъ людяхъ, которые въ виду крѣпкихъ городовъ съ сильными гарнизонами должны были замкнуться въ своемъ тѣсномъ кругѣ, о жизни коего молчатъ польскіе памятники. Это умолчаніе тѣмъ болѣе характерно, что рядомъ идетъ дѣятельность, поражающая своею напряженностью: равныя доходныя статьи, обширныя пространства земли, то съ угодьями, то для заселенія раздаются въ полное наследственное владѣніе, большею частью на нѣмецкомъ правѣ, де-Скорничамъ, Лимбирдамъ, Сланчамъ¹⁾, Конрадамъ изъ Пруссіи, Владиславамъ изъ Ленчицкой земли, Фалькамъ, Рейнгольдамъ, Ниноткамъ, Стехерамъ, Датмарамъ; съ ихъ именами мы встрѣчаемся чуть ли не на каждой страницѣ Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, за время до Ягайла. Только чужеродцы и были надежною опорой польской власти; къ нимъ она и обратилась, на нихъ излила всѣ свои милости. Еще на первыхъ порахъ опредѣлилась невозможность мирной совмѣстной жизни поляковъ съ русскими. Программа уничтоженія Руси была формулирована еще Спыткомъ Мельштынскимъ: „Больше всего“, говорилъ онъ, — „возвысило Римъ паденіе враждебнаго Кароагена: такъ и мы не будемъ безопасны, пока существуютъ

...¹⁾ Очень сомнительно, чтобы Ничко Сланчъ (А. Гр. и З., II, № 6) былъ полякъ — Словак, какъ думаютъ издатели актовъ и А. Стадницкій, *Ziemia lwowska*. — У Тейнера, М. Р. I, № 820 встрѣчается въ 1368 г. *Henricus et Nicolaus fratres dieti Slancz* вмѣстѣ съ пятью другими — все нѣмцы, какъ *cives Vratislavienses*; въ 70-хъ годахъ тотъ же Николай Сланчъ является уже землевладѣльцемъ на Руси.

русскіе; если ихъ не уничтожимъ, сами пропадемъ¹⁾). Вотъ естественное объясненіе характера взаимныхъ отношеній поляковъ и русскихъ. Съ утвержденіемъ въ странѣ польскаго господства, русская жизнь должна была поникнуть, — нечего, слѣдовательно, и ожидать значительнаго числа русскихъ памятниконъ. Если они и были, то хранились, конечно, не въ государственномъ архивѣ. Вотъ почему, судя по массѣ оставшихся отъ того времени документовъ, можно утверждать, соблюдая, по видимому, самую строгую научность вывода, что, просматривая ихъ, кажется, перелистываешь документы малопольскіе, а если прибавить къ этому естественно искаженны въ устахъ переселенцевъ названія мѣстностей, то выводъ, къ которому пришелъ А. Стадницкій²⁾, явится совершенно логическимъ. Кажется, однако, для категорическаго заявленія подобныхъ мнѣній требуется нѣчто большее, чѣмъ наивность или близорукость³⁾. Господство поляковъ въ странѣ было желѣзнымъ, и даже Владиславъ Опольскій, „*pacis sectator, indefessus ejus prosecutor*“, былъ, по польскому воззрѣнію, не подходящимъ. Привлечь какъ можно больше поселенцевъ, а такими по преимуществу являлись нѣмцы, затѣмъ уже поляки (по крайней мѣрѣ, такъ было въ первое время), сосредоточить матеріальную силу въ ихъ рукахъ—вотъ задача правителей, для которыхъ русскій элементъ былъ все время элементомъ не надежнымъ; потому ко всѣмъ рѣшительно, кромѣ русскихъ, были щедръ и милостивы польскіе правители. Пришельцы отлично понимали свое положеніе, и имъ видѣли, какъ въ соприкосновеніи съ русскими они выступаютъ на первое мѣсто: мѣстичи Кнефль и Михно являются на первомъ планѣ даже передъ такими русскими: боярами, какъ Ходко Лоевичъ⁴⁾.

Такова общая картина положенія русскихъ галичанъ и внутрен-

¹⁾ *Заморочка*, Hist. m. Lwowa, 50, цитуюмъ по статьѣ *Ант. Добрянскаго* въ *Перемышлянину* 1853 г.

²⁾ См. выше.

³⁾ Это можно утверждать рѣшительно о его выводѣ: „*te powi osadnicy z sąsiednich ziem polskich w wielkiej liczbie sprawdzani bywali i ziemia lwowska już na początku XIV w. jeżeli nie pierwszej (?) znaczna ludność polską i katolicką miała*“, хотя не указано ни одного документа раньше 1350-хъ годовъ: за время Казимира—два грамоты изъ актовъ: 1855 и 1364 г. и одно пожалованіе 1852 г. Стехерамъ изъ Кроніки *Зубрицкаго*, врядъ ли точное; ср. А. Гр. в З., III, № 25, и II, № 1.

⁴⁾ См. документъ 5-й. Конечно, эти „мѣстичи“—нѣщане, а не крупныя помѣщики, какъ думаетъ *Зубрицкій*, Повѣсть, 136, пр.

нихъ отношеній въ странѣ, со времени утверженія въ ней польскаго господства. Уничтожить Русь Польша оказалась не въ силахъ, но никогда это стремленіе не обнаруживалось такъ ярко, какъ именно въ первое время ея господства на Руси. Чрезвычайно ясно рисуютъ такое положеніе дѣлъ голые факты приведенныхъ нами документовъ. Намъ остается лишь дополнить общую картину разсмотрѣнемъ отдѣльныхъ частныхъ внутренней жизни страны. Начнемъ съ отношеній административныхъ.

Описавъ первый побѣдоносный походъ Казимира въ 1340 году, Длугошъ заставляетъ его поставить во главѣ страны и города начальника оставленнаго во Львовѣ польскаго гарнизона ¹⁾. Результатомъ втораго, лѣтняго, похода въ томъ же 1340 году является у Длугоша, какъ извѣстно, голословное заявленіе объ обращеніи Руси въ польскую провинцію ²⁾. Никакихъ другихъ указаній на внутреннія распоряженія Казимира въ яко бы занятой имъ Галичинѣ у Длугоша не находимъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ Длугоша пробѣлъ этотъ восполнилъ Кромеръ. „Покоривъ Русь“, говоритъ онъ, — „Казимиръ, въ собраніи русскихъ подданныхъ, обратилъ страну въ провинцію и учредилъ въ ней палатиновъ, кастеляновъ, префектовъ, судей и другихъ чиновниковъ, сообразно польскимъ порядкамъ и установилъ для русскихъ право одинаковое съ польскимъ“ ³⁾. Нечего, кажется, пояснять, что показаніе Кромера представляетъ лишь логическое распространеніе краткаго сообщенія Длугоша объ обращеніи Руси въ польскую провинцію.

На самомъ дѣлѣ съ административнымъ представителемъ польской власти встрѣчаемся во Львовѣ не раньше 1352 года. Таковымъ является нѣкто Авраамъ, „capitaneus Russie“ ⁴⁾. По всей вѣроятности, онъ оставался въ этой должности и въ 1358 году ⁵⁾; впрочемъ вполне точныхъ свѣдѣній о немъ не имѣемъ ⁶⁾. Въ 1359 году „старостою русскоѣ землѣ“ является уже панъ Ота Пилецкій ⁷⁾, называемый въ другихъ извѣстныхъ намъ русскихъ грамотахъ „паномъ Пилецкимъ“ ⁸⁾,

¹⁾ Длугошъ, IX, 197.

²⁾ Ibid., 198.

³⁾ Кромеръ, XII, 208.

⁴⁾ А. Гр. и З., II, 2.

⁵⁾ Ibid., пр. 1; но титуловался: capitaneus Lamburgensis.

⁶⁾ Можетъ быть, даже, армянинъ, какъ думаетъ Петрушевичъ.

⁷⁾ А. Гр. и З., VIII, № 3.

⁸⁾ Ibid., № 5.

а то и просто „паномъ Отою“¹⁾). Это—Оттонъ изъ Пильчи, по гербу Топорчикъ²⁾). Въ 1366 году онъ былъ назначенъ воеводой Сандомирскимъ, и въ послѣдній разъ встрѣчаемъ его въ этомъ году при совершеніи известной намъ запродажи имѣнія Пянкутъ³⁾). Преемникомъ его былъ Янъ Кмита⁴⁾), оставшійся старостой, по всей вѣроятности, до передачи Людвигомъ Руси Владиславу Опольскому⁵⁾). Въ теченіе семи лѣтъ оставался Владиславъ правителемъ Руси, а потому личность его не можетъ быть для насъ безразличною. Краткая характеристика ея покажетъ намъ, чего могла ожидать Русь отъ Владислава. Подобно своему отцу, Владиславъ, какъ и всѣ тогдашніе силезскіе Пясты, не усматривалъ на родинѣ достаточнаго для себя поприща. Съ Польшею связывала его лишь пястовская кровь, но и та давно вслѣдствіе браковъ была разбавлена кровью иноплеменной. Близкое родство съ мадыарскими Анжуйцами указало Владиславу на ихъ дворъ, какъ самый удобный для исканія счастья, и онъ отправился туда, а благодаря своей оборотливости, скоро добился близости къ Людовику. Если посредничество Владислава въ переговорахъ касательно свадьбы сына императора съ одною изъ дочерей Людовика можетъ быть объяснено родствомъ посредника, то приказъ, данный Владиславу Людвигомъ—спѣшить въ Краковъ „ad curpatiendum infirmitati regiae“, какъ выражается Янъ⁶⁾), доказываетъ, что Владиславъ къ этому времени пользовался уже полнымъ довѣріемъ своего патрона. Онъ оправдалъ это довѣріе: главнымъ образомъ, благодаря ему было уничтожено завѣщаніе послѣдняго Пяста. Назначая Владислава правителемъ Руси, Людовикъ тѣмъ охотнѣе платилъ за оказанную услугу, что такимъ образомъ

¹⁾ Ibid., VII, № 8, подобно тому, какъ въ латинскихъ: *Othoneque capitaneo Rusie*, ib., III, 34.

²⁾ Ib., III, 34, пр. 2. См. также *М. Демдушицкій*, *Starostowie Ruscy i lwowscy*, *Przew. lit. i nauk.* 1875 г. Впрочемъ здѣсь перечень первыхъ старостъ небрежный.

³⁾ А. Гр. и З., VIII, № 5. Собственно въ актахъ онъ упоминается подъ 1359, 1364, 1365 и 1366 гг. Въ виду указаннаго выше перемѣщенія его въ Сандомиръ онъ не могъ имѣть никакого отношенія къ Руси въ 1370 году, а потому дата Калужницкаго въ документѣ, ib., VII, № 8, очевидно, не вѣрна, но не можетъ быть вѣрною и дата Зубрицкаго: 1351 годъ.

⁴⁾ Ibid., VII, № 7; упоминается также, ib., IV, 163.

⁵⁾ 10-го октября 1372 г.: А. Гр. и З., III, № 20; ср. *Э. Брейтера*, *Владиславъ Опольскій*, Львовъ, 1889, стр. 43, пр. 3.

⁶⁾ М. Р. Н., II, 636.

удачно маскировалось включеніе Галичины въ составъ угорскихъ земель. Въ дѣятельности Владислава на Руси польскіе историки отмѣчаютъ безъ колебанія однѣ лишь положительныя черты. За то все остальное въ его личности и дѣятельности представляется имъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ ¹⁾). Дѣйствительно, Владиславъ былъ авторомъ перваго проекта о раздѣленіи Польши ²⁾). Вообще въ личности новаго правителя Руси было не мало энергіи и предприимчивости, но обнаруживалось полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. Съ одной стороны силезское происхождение, съ другой авжуйская атмосфера, въ которой было такъ много простора для широкихъ плановъ, жажды власти и гдѣ не было мѣста ни для какихъ другихъ высшихъ принциповъ, кромѣ династическаго—не могли выработать ничего другаго.—Вотъ какого рода личность назначилъ Людовикъ правителемъ Руси ³⁾). Мы уже говорили, что другаго болѣе подходящаго для своихъ цѣлей человѣка Людовику нельзя было найдти, но уже одно то, что ни разу онъ не употреблялъ Владислава для дѣла чистаго и праваго, сообщаетъ этому назначенію особенный характеръ. Дѣйствительно, развѣ не странно, что человѣкъ чуждый всякой нравственности является орудіемъ высшихъ цѣлей—интересовъ религіи и культуры! Вѣдь именно съ этой точки зрѣнія правленіе Опольскаго на Руси вызываетъ общія похвалы польскихъ историковъ. Надо, впрочемъ, сказать, что въ этомъ случаѣ имъ плохо удается справиться даже съ

¹⁾ *Э. Брейтеръ*, Влад. Оп., 235.

²⁾ *Каро*, III, 125.

³⁾ Галицкіе историки: *Зубрицкій*, Повѣсть, 164; *Шараневичъ*, Исторія, 215 и *Rzeczy Wład. Op. na Rusi*, Bibl. Osał., 1864, IV, 266, совершенно неосновательно утверждаютъ, что Галицкая Русь была дана Владиславу въ полную наследственную собственность, какъ бы въ вознагражденіе старшей линіи Пястовъ за потерю польской короны. Правда, папа въ письмахъ къ Владиславу, называлъ Русь: tua terra, *Theiner*, M. P., 1, 712, а самъ Владиславъ титуловалъ себя, какъ мы видѣли, дѣдичемъ и самодержцемъ, но первое понятіе, а противъ титула не зачѣмъ было возражать Людовику, хорошо знавшему сущность вещей, тѣмъ болѣе, что Владиславъ исполнѣ отъ него зависѣлъ. Документъ, представленный Владиславомъ Сигизмунду о замѣнѣ имѣнія Топольничанъ на Галицкую Русь доказываетъ только, что Сигизмундъ повѣрилъ поддѣлкѣ; *Ж. Стадницкій*, *Бупowie*, II, 108. Во всѣхъ документахъ государемъ считается Людовикъ, а Владиславъ является лишь правителемъ. Характерно отношеніе поляковъ къ невинно-навному проявленію патріотизма галицкихъ историковъ: *Trudno czytać bez oburzenia, a przynajmniej bez śmiechu w Zubrzyckim, jak usiłuje przedstawić Opolezuka zamodzielnym władcą Rusi, który wreszcie „zniechęcił się do tej władzy” Дюдуицкій—Прzewodn*, 1875 г., 432, пр. 10.

логическими противорѣчіями ¹⁾). Общій характеръ правленія Опольскаго на Руси совершенно вѣрно опредѣлилъ Брейтеръ по тѣмъ задачамъ, какія преслѣдовалъ въ своей дѣятельности ея правитель: 1) уничтоженіе православія и введеніе католицизма, 2) учрежденіе администраціи, отдѣльной отъ польской, 3) привлеченіе на свою сторону—вѣрнѣе, на сторону Венгрии—населенія и подъемъ его благосостоянія покровительствомъ торговлѣ ²⁾ и 4) главнымъ образомъ, колонизація страны какими бы ни было элементами лишь бы не польскими, а слѣдовательно, по преимуществу нѣмецкими ³⁾). Считаемо въ данномъ случаѣ лишнимъ приводить ссылки на документы; всѣ они—а ихъ въ актахъ множество—касаются главнѣйше пожалованія земель инородцамъ для основанія поселеній на нѣмецкомъ правѣ или жалуютъ нѣмецкое право городамъ и селамъ, или наконецъ, представляютъ пожалованія католическому духовенству. Какъ должны были отзываться всѣ эти мѣры на русской странѣ и на православномъ населеніи, нечего, кажется, пояснять... И при Владиславѣ встрѣчаемся съ „русскими старостами“—Викторомъ ⁴⁾, Яшкомъ Радомъ, ⁵⁾, Андреашкомъ ⁶⁾, но конечно, они не имѣли никакого значенія. По удаленіи Владислава ⁷⁾ правителемъ Руси являются венгерскіе намѣстники—Гумпрехтъ, затѣмъ Янушъ, наконецъ Эмерикъ Вебекъ, титулюющій себя по смерти Людовика: „totius Regni Russie capitaneus“. Такой же титулъ употреблялъ и преемникъ Эмерика Андрей.

Такимъ образомъ представителя польской власти въ Галичинѣ встрѣчаемо не раньше 1352 г., то-есть, лишь съ того времени, когда она, по договору съ Литовскими князьями, была формально передана во временное владѣніе Казимира; до этого времени польская администрація не могла въ ней имѣть мѣста. Что касается роли первыхъ польскихъ старостъ на Руси, то можно думать, что она заключалась въ подтвержденіи или совершеніи разнаго рода гражданскихъ актовъ

¹⁾ Въ отзывахъ польскихъ историковъ о личности Опольскаго эти противорѣчія очень не трудно замѣтить, ихъ набѣжалъ лишь *К. Стадницкій*, *Synowie*, II, но за то онъ выше мѣры идеализировалъ Людовика и Владислава.

²⁾ Рѣчь, конечно, идетъ о городскомъ инородческомъ населеніи.

³⁾ *Э. Брейтеръ*, *Влад. Оп.*, 56—57.

⁴⁾ *А. Гр. и З.*, II, 6, 8.

⁵⁾ *Ibid.*, II, 11, 12.

⁶⁾ *Ibid.*, VII, 22; VIII, 19, 20

⁷⁾ 13-е января 1379 г., *ibid.*, III, № 27.

и судопроизводствѣ; но было бы совершенно напрасно требовать болѣе или менѣе точнаго опредѣленія круга и объема ихъ власти, какія пытается установить для нихъ Р. Губе, приравнивая власть русскихъ старостъ власти старостъ великопольскихъ ¹⁾). Галицкая Русь до самаго 1387 г. составляла предметъ не порѣшеннаго спора и находилась на военномъ положеніи. Главнымъ распорядителемъ здѣсь былъ самъ король; устремившій на нее все свое вниманіе и силы. Она поэтому можетъ быть названа „королевщиной“, какъ и называютъ ее нѣкоторые ²⁾), но лишь въ такой мѣрѣ, какъ и всякая другая область, занятая войсками и находящаяся все время ихъ пребыванія въ полномъ, по условіямъ военнаго времени, совершенно не ограниченномъ распоряженіи ихъ верховнаго начальника, то-есть, государя. Въ такомъ именно положеніи оставалась Галицкая Русь все время при Казимірѣ, потому что все время продолжалась борьба. Собственно говоря, положеніе не измѣнилось и при Людовикѣ, но стало какъ бы постояннымъ, обычнымъ для Галицкой Руси. Во всякомъ случаѣ съ 1372—1387 г. она не имѣла никакого отношенія къ Польшѣ. Правленіе Владислава представляетъ замаскированное, а правленіе Маріи совершенно открытое господство угровъ. По окончательномъ присоединеніи Галицкой Руси къ Польшѣ, старостой русскимъ является Янъ Тарновскій, воевода Сандомирскій. „Можно бы отсюда заключать“, говорятъ издатели Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, — „что при Ягайлѣ, по присоединеніи Руси Ядвига, земля эта не составляла ни отдѣльнаго воеводства, ни отдѣльной провинціи, а была присоединена къ воеводству Сандомирскому“ ³⁾). Но и это предположеніе вряд ли основательно, хотя, по видимому,

¹⁾ *R. Hubs, Wyrok lwowski roku 1421*, Варшава 1887 г., стр. 29: sąd zostający pod kierunkiem starosty, w rzeczywistości jest zupełnie eo do składu swego takim samym sądem, na jaki w tych czasach natrafiamy w Koronie, a zwłaszcza w Wielkopolsce.

²⁾ *Омушницкій, O monetach halicko-ruskich*, цитуюмъ по Горжицкому, *Pełnienie*, 102.

³⁾ *А. Гр. и З., II, 28, пр. 1. „Кашета“*, продолжаютъ издатели актовъ, — „это вытекаетъ и изъ документа 1388 г., *ib.*, № 17, въ которомъ Русь называется *districtus terra; nec non civitas, Lamburgensis*. Съ этими замѣчаніемъ не согласенъ *Дядушинскій, Starostowie*; такъ какъ 1) нѣтъ на это прямого указанія; 2) присоединеніе большей части къ меньшей было бы явленіемъ „удивительнымъ и даже уродливимъ“. Мы тоже не согласны съ издателями актовъ, но по другимъ соображеніямъ. Что касается „уродливости“ явленія, то слѣдуетъ замѣтить, что такую представляеть не одна область, а вся Польша, по соединеніи ея съ Литвой-Русью.

оно можетъ находить подтвержденіе въ томъ, что послѣ короткаго промежутка времени, когда старостой русскимъ былъ Гнѣвошъ изъ Далевницъ (1393—1395 гг.)¹⁾, видимъ опять во главѣ страны того же воеводу Сандомірскаго Яна Тарновскаго (до 1401 г.)²⁾. Но дѣло вотъ въ чемъ: если при Казимірѣ Галицкая Русь, по естественному складу вещей, зависѣла непосредственно отъ короля, то Ягайло никакимъ образомъ не могъ смотрѣть на нее иначе какъ на „королевщину“. Мы видѣли, что дѣйствія малопольскихъ пановъ въ 1387 г. вызвали неудовольствіе Ягайла, который затѣмъ распоряжается галицко-владимірскимъ наслѣдіемъ вполне произвольно, выдѣляя изъ него части то для князей Мазовскихъ, то для Свидригайла, то для Оедора Любартовича. Вотъ почему съ 1401—1407 гг. въ Галицкой Руси даже не встрѣчаемся со старостами, и затѣмъ съ 1407 до 1434 г., когда, по включеніи Руси въ составъ земель польскихъ, староста Янъ Меншикъ сталъ первымъ русскимъ воеводой, встрѣчаемъ шесть лицъ³⁾, поочередно смѣняющихся на должности старосты русскаго, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ титулуются то *capitaneus Russie generalis*, то большею частью просто *capitaneus Russie* или *terre Russie*, то наконецъ только *capitaneus Lamburgensis*⁴⁾.

Быстрая смѣна правителей Галицкой Руси, какъ равно и то, что даже титулъ ихъ не былъ официально установленъ, показываетъ, что они были лишь временными намѣстниками короля, смѣнялись по его усмотрѣнію, или иначе, что Галицкая Русь съ 1387 до 1434 г. составляла личное достояніе польскаго государя; „королевщину“, которую онъ, какъ мы видѣли, и распоряжался совершенно произвольно. Такое отношеніе страны къ Польшѣ опредѣлялось, конечно, уже не военнымъ положеніемъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что государемъ Польши былъ великій князь Литовскій. Надо впрочемъ замѣтить, что поляки не имѣли никакихъ основаній быть недовольными такимъ положеніемъ вещей. Потому ли, что Ягайло былъ ре-

¹⁾ А. Гр. и З., III, 106.

²⁾ Ibid, III, 111, 146, 147.

³⁾ Флоріана изъ Корытницы, Ивана изъ Обихова, Петра Мельштинскаго, Смытга Тарновскаго, Пѣтра Владковича изъ Харбиновидъ и наконецъ Яна Меншика изъ Домбровы.

⁴⁾ Такъ титулуется Иванъ изъ Обихова: А. Гр. и З., VII, 61, IV, 82, 92, 93; no 102: *Jvone de Obichow Capitaneo Russie*, и даже только *capitaneus lamburgensis*, ib, 80, 83. Тоже и Флоріанъ: IV, 60, 69, 71, называется *capitaneus lamburgensis*, а ib., 75—*capitaneus terre Russie*.

негатъ, или потому, что онъ былъ слабъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но несомнѣнно, никто больше его не сдѣлалъ для русской народности въ Галичинѣ. Мы видѣли, какъ поступилъ онъ въ Перемишлѣ; онъ же, какъ сказано, дотировалъ Холмское епископство; ему же обязанъ львовскій капитулъ и учрежденіемъ, и богатнѣмъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, а въ 1430 г. онъ предоставилъ Львовскому архіепископству всѣ права и вольности, какими пользовалось архіепископство Гнѣзненское¹⁾. Въ Львовской епархіи имъ построено было 24 приходскихъ костела; въ Перемишльской больше 30²⁾. Благодаря его безумной щедрости, поляки получали обширныя земельныя пожалованія, такъ что Едлинское поставовленіе относительно Галицкой Руси является, безъ всякаго сомнѣнія, результатомъ хозяйничанья Ягайла въ своей „королевщинѣ“.

Постараемся теперь опредѣлить хотя въ общихъ чертахъ положеніе и роль отдѣльныхъ классовъ русскаго общества въ Галичинѣ, пованяти ея поляками. Начнемъ съ высшаго. Ярославская битва 1245 г. считается обыкновенно концомъ видной роли галицкаго боярства. Несомнѣнно однако, что высшій классъ русскаго общества былъ и послѣ, и долженъ былъ быть; въ большей или меньшей мѣрѣ, классомъ руководящимъ. Время по смерти Данила слишкомъ темно, чтобы можно было сколько-нибудь опредѣленно судить о внутреннихъ отношеніяхъ страны. Съ значительною вѣроятностью можно однако полагать, что сломенное боярство не могло скоро оправиться. Извѣстная намъ грамота Андрея и Льва 1316 г. и первыя двѣ грамоты Юрія Болеслава 1325 и 1327 гг. не подписаны боярами; князья, слѣдовательно, дѣйствовали самостоятельно. Последнія двѣ грамоты того же князя, 1334 и 1335 гг., подписаны: первая — *baronibus nec non comilitaribus*, вторая — *dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque*. Но весьма можно затрудниться, кого изъ подписавшихся слѣдуетъ отнести къ тому или другому разряду, и вообще имѣли ли дѣйствительное значеніе эти разряды. Если баронами считать палатниковъ (воеводъ), то надо все-таки сказать, что мы рѣшительно не знаемъ, въ чемъ состояло ихъ положеніе и значеніе. Врядъ ли это были тѣ воеводѣ, о которыхъ говоритъ Зубрицкій, какъ объ „узд-“

¹⁾ Д. Гр. и З., IV, № 79.

²⁾ Я. Головацкий, Карпатская Русь, Журн. Мин. Нар. Просв., 1875, VI.

ныхъ земскихъ судьяхъ¹⁾, хотя бы и уголовныхъ²⁾. Въ своей „Хроникѣ Львова“³⁾ онъ называетъ ихъ „niższego rzędu officialis sądowi“, а таковые ужъ никомъ образомъ не могли быть призваны къ княжескому двору и составлять княжью раду. Вагилевичъ⁴⁾ не соглашается съ Зубрицкимъ, но на основаніи лишь тѣхъ же грамотъ Юрія Болеслава. Съ другой стороны, указанныхъ „воеводъ“⁵⁾ нельзя считать воеводами въ подлиннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Подписи въ грамотѣ 1339 г. даютъ основаніе предполагать одно изъ двухъ: или русскій высшій классъ отшатнулся отъ Юрія, или послѣдній рѣшился идти на проломъ, не обращая ни на что вниманія. То и другое одинаково могло вести къ катастрофѣ, постигшей нечестливой памяти послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя. Съ другой стороны, если въ концѣ XIV вѣка выдвигаются знатные роды на Волыни, происхожденіе которыхъ большею частью темно, если, даѣе, вкладная записка Юрія Даниловича „Холмскаго“, величавшаго себя такъ, по весьма вѣроятному предположенію Лонгинова⁶⁾, по мѣстному происхожденію, какъ потомъ Острожскіе, Збаражскіе и другіе, можетъ давать нѣкоторое основаніе предполагать, что и это явленіе зародилось скорѣе на галицкой, чѣмъ на собственно волынской почвѣ, то во всякомъ случаѣ его нельзя приводить въ связь съ старымъ галицкимъ боярствомъ и его традиціями. Это явленіе новое, получившее не малую поддержку въ мѣстныхъ смутахъ и безурядицахъ конца XIV и начала XV вѣка⁷⁾. Такимъ образомъ за весь темный періодъ правленія послѣднихъ Даниловичей мы ничего опредѣленнаго о положеніи и роли боярства сказать не можемъ. Но несо-

¹⁾ Повѣсть, 136, пр. 38.

²⁾ Стр. 38.

³⁾ А. Гр. и З., III, 15.

⁴⁾ Напримѣръ, воевода Цтиборъ, А. Гр. и З., VIII, № 3. „Воеводи“, упоминаемые въ грамотахъ за время польскаго господства, были, по всей вѣроятности, городовые подстаросты, бургграфы, А. Гр. и З.: V, 72: *Prezlaus... woyewoda castri Leopoliensis*, и ib, 87: *Prezlaus Burgrabio castri Leopoliensis*. Но иногда рядомъ съ бургграфами существуютъ воеводы; въ такомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ считать ближайшими помощниками старостъ. Вообще ихъ положеніе не ясно; ср. *P. Губе*, *Wyrok*, и *Ес. Лиске*, *Kilka uwag o sądownictwie średnio-pogoniem*, *Kwartalnik*, 1888, III.

⁵⁾ *Лонгиновъ*, *Грамоты Юрія II*, *Чтенія* 1887 г., II, 39.

⁶⁾ Напримѣръ, известные намъ Выбельскіе, у Ожольскаго и Нѣсецкаго являются уже князьями, потомками римскаго рода Вибулусовъ, бывавшихъ въ Римѣ при Юліи Цезарѣ, *Наук. Сборн.* 1865 г., IV, 266 сл.

нѣвно оно существовало и должно было составлять высшій классъ, наиболѣе богатый, наиболѣе вліятельный. Въ тяжелую годину галицкой жизни, во время нашествія Казимира, мы видимъ двухъ бояръ, давшихъ врагу энергичный отпоръ, обратившихся за содѣйствіемъ къ татарамъ и на нѣкоторое время значительно охладившихъ завоевательный пылъ Польскаго короля. Нѣтъ такимъ образомъ никакихъ основаній отвергать мнѣніе Ржежабка ¹⁾, что бояре или, какъ онъ выражается, „bojarské vojedy“ при Юриіи Болеславѣ начинаютъ поднимать голову. Польское завоеваніе должно было захватить галицкое боярство лишь на первой стадіи его стремленія къ образованію политически-вліятельнаго класса. Такъ или иначе, высшій классъ на Руси долженъ былъ быть; онъ могъ не составлять установившейся политической силы, но онъ долженъ былъ обладать матеріальными средствами, будучи классомъ землевладѣльческимъ, долженъ былъ пользоваться извѣстнымъ нравственнымъ вѣсомъ. Землевладѣльцевъ русскихъ было, можно думать, не мало, если нѣкоторые пожалованія даже во Львовѣ еще 1378 г. приходилось дѣлать главнымъ образомъ въ ихъ присутствіи ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ — такъ сказать, въ провинціи — приходилось обходиться при ихъ посредствѣ еще значительно позже ³⁾. Мы видимъ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ намъ по подписямъ на перечисленныхъ русскихъ документахъ русскихъ бояръ и землянъ при дворѣ Казимира, въ свѣтъ князя Владислава, — да и какъ могло быть иначе? Но среди сплошнаго дождя всевозможныхъ пожалованій иноземцамъ, какими ничтожными каплями должны показаться немногія пожалованія, выпавшія на долю русскихъ! ⁴⁾

¹⁾ Часоп., 140.

²⁾ А. Гр. и З., VIII, № 13, гдѣ, за исключеніемъ двухъ оенціальныхъ лицъ, все русскіе: Андрей Дядковичъ, Ходко Выбельскій, Глѣбъ Дворсковичъ, Ходко Лосвицъ, Дигшиасо (?) Дворсковичъ.

³⁾ Съ русскими землевладѣльцами — „дѣдичами“: Васькомъ Войтицимъ и Иваномъ Дзюдзомъ Ступницкимъ еще въ 1425 (?) разграничивалъ староста Самборскій Владекъ городскія земли отъ монастырскихъ, А. Гр. и З., VI, № 14.

⁴⁾ Ходку Лосвицъ, въ 1375 г., villam nostram Chozdzecz (колом. окр.), А. Гр. и З., V, № 8; Ваську Тентуховицъ, въ 1375 г., villam nostras Strzelicze (жидич.). Witzbacz (Вербичъ?), et Mikaitinicez (колом.), Ibid. № 10; въ 1416 г. Ягайло увеличилъ это пожалованіе новыми землями, Ржицескскій, Cod. d. Pol., I, № 34, Глѣбу Дворсковицъ, въ 1375 г., villam nostram Byskowusze (перем.), А. Гр. и З., VIII; № 9. Столь часто упоминаемый въ качествѣ присутствующаго Ходко Выбельскій — важное лицо среди русскихъ; имя его обыкновенно стоитъ на первомъ мѣстѣ,

Вышше классы обыкновенно примыкають къ власти, составляютъ ея опору. Не то было въ Галичинѣ. Особеннаго старанія со стороны вышшаго галицкаго класса заслужить милости новыхъ правителей не видно. Въ Актахъ Гродскихъ и Земскихъ за разсматриваемое время часто мелькаетъ имя Ходка Быбельскаго. Это былъ знатный перемышльскій бояринъ, владѣвшій весьма значительными имѣніями не только въ Перемышльскомъ, но и въ Городенскомъ и Тереховльскомъ округахъ. Очень былъ оборотливъ панъ Ходко: служилъ Казимиру и получилъ, какъ мы видѣли, отъ него подтвержденіе на владѣніе имѣніями, бывалъ часто при дворѣ князя Владислава, столь же усердно служилъ уграмъ при Эмерикѣ Бебекѣ, впоследствии, когда Белзская земля досталась Сомовиту Мазовскому, Ходко заглядывалъ и къ нему ¹⁾, и тѣмъ не менше ни одинъ изъ названныхъ правителей не отъинилъ его усердія: панъ Ходко до смерти не исправлялъ никакой должности и не былъ въсканъ милостями правителей. Другихъ знакомыхъ намъ по тѣмъ же подписямъ русскихъ бояръ встрѣчаемъ очень рѣдко ²⁾.

Послѣ сказаннаго выше, думаемъ, не надо объяснять причину этого, по видимому, страннаго явленія. Объ отношеніи Польши къ Руси мы имѣемъ одно темное извѣстіе—въ лѣтописи Быловца ³⁾, повторяемое Стрыйковскимъ ⁴⁾. Извѣстіе это говоритъ о какой-то рѣвнѣ русскихъ бояръ, учиненной поляками въ Перемышлѣ. Въ новѣйшихъ польскихъ сочиненіяхъ она объясняется или такъ, что Казимиръ хитростью овладѣлъ Перемышлемъ ⁵⁾, или даже такъ, что послѣ успѣ-

а гдѣ онъ является вмѣстѣ съ митрополитомъ Антоніемъ—непосредственно послѣ него (*ibid.*, II, 6, 7; VIII, 14; IX, 1.); но онъ не удостоился, кажется, никакихъ милостей. Только при Ягайлѣ въ 1406 г. сыновьямъ его, Андрею и Григорію, была подтверждена грамота Казимира отъ 1361 г., переведенная при этомъ на латинскій языкъ, и даны земельныя пожалованія, *ibid.*, V, № 27. Въ документѣ оба брата названы *indivisi*, а такъ какъ дѣлежи входятъ во всеобщее употребленіе лишь позже (*Шараневичъ*, Русь, 68 пр. 9 и 10), то съ большою вѣроятностью въ совмѣстномъ владѣніи Быбельскихъ можно видѣть не маюратъ, а древній русскій обычай.

¹⁾ *Анат. Лесницкій*, *Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemyśla*, Перемышль. 1881, стр. 122.

²⁾ Въ латинскихъ документахъ А. Гр. и З. встрѣчаемъ пана Ходка приблизительно 13 разъ, Гляба Дворсковича—6, Ходка Лосевича—3, Ваську Тентковича—2, Ваську Кузьмича 1 разъ.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ II, 282.

⁵⁾ *А. Лесницкій*, *Obrazki*, 104.

ховъ 1349 г. онъ созвалъ бояръ въ Перемышль, особенно наиболѣе ему враждебныхъ, и „вынудилъ у нихъ уступки въ пользу польской короны, а также, можетъ быть, и въ пользу низшихъ классовъ“ (1) ¹⁾. Последнее объясненіе особенно характерно: только что передъ этимъ, задавая себѣ вопросъ о правдивости извѣстія, Горжицкій отвѣчаетъ: „Кажется да, ибо въ противномъ случаѣ врядъ ли рѣшился бы литовскій хронистъ бросить въ глаза польскимъ панамъ подобные укоры“. Трудно не согласиться съ справедливостью этого заключенія. Конечно, даже съ точки зрѣнія средневѣковаго искусства „управлять“ поступокъ Казимира врядъ ли могъ быть названъ „легальнымъ и разумнымъ“ ²⁾, но нельзя не признать, что подобный поступокъ соответствовалъ тому характеру польско-русской борьбы на галицкой почвѣ, какими она должна была отличаться въ первое время. Казимиръ показалъ себя сразу, а русскіе бояре, какъ мы видѣли, не остались глухи къ данному имъ уроку. Они запомнили его твердо и за немногими исключениями ³⁾ тщательно избѣгали сношеній съ представителями польской власти. Обратимъ теперь вниманіе на пожалованія польскихъ правителей полякамъ и всевозможнымъ иноземцамъ со включеніемъ даже жидовъ ⁴⁾. Вездѣ жалуемое имѣніе называется въ нихъ „villa postea, villa ducalis, villa regalis“, нигдѣ нѣтъ упоминаній о прежнихъ владѣльцахъ. Это замѣтилъ еще А. Стадницкій, полагая, что всѣ эти земли были прежде княжескими, а по завоеваніи стали королевщинами. Такое объясненіе весьма мало соответствуетъ характеру борьбы. Конечно, княжескія земли стали королевщинами, но нельзя не предполагать значительнаго числа конфискацій общинныхъ послѣ завоеванія, а тѣмъ болѣе послѣ такого завоеванія. Мы это не предполагаемъ, а прямо утверждаемъ. Говоря о набѣгѣ татаръ на Русь 1442 г., Длугошъ ⁵⁾ кончаетъ такъ: „польскіе бароны, добившись у короля пожалованія городовъ и сель

¹⁾ К. Горжицкій, *Polżeczenia*, 81.

²⁾ *Ibid.*, 82.

³⁾ Трудно рѣшительно обвинять пана Ходка въ неискренности у поляковъ: русскіе его не чуждались, и онъ пользовался у нихъ полнымъ довѣріемъ. Не исполнялъ ли Ходко тяжелой, но неизбѣжной роли посредника? То обстоятельство, что онъ, какъ извѣстно, не получалъ никакихъ милостей, косвенно подтверждаетъ нашу догадку. Въ такомъ случаѣ и пана Ходка слѣдуетъ отнести къ числу лицъ, не посягнувшихъ своего русскаго имѣніи.

⁴⁾ Пожалованіе села Вербижа (Щирецкаго округа) жиду Волчку, А. Гр. и З., II, № 45 и 46.

⁵⁾ XII, 683.

на Русь (то-есть, въ Галичинѣ) и въ Подолиі, изгоняли оттуда жителей и дѣдичей (antiquos incolas et haeredes), и тѣ, угнетаемые бѣдностью и нуждой, доводимые до отчаянія, бѣжали къ татарамъ и приводили ихъ опустошать земли, изъ которыхъ были изгнаны⁴. Можно ли проговариваться такими вещами лишь для поученія? Конечно, нѣтъ... Сто лѣтъ спустя послѣ перваго движенія Казимира на Русь, она все еще продолжала быть ареной возмутительныхъ наслій, практикуемыхъ не только надъ безправнымъ низшимъ классомъ, но и надъ классомъ владѣльческимъ! Что же было при Казимирѣ? Прямаго подобнаго Длугошевскому заявленія источники не даютъ, а прикованные къ документамъ, мы не смѣемъ дать волю воображенію. Ограничимся фактами, констатируемыми самими поляками. „Не прошло и пятидесяти лѣтъ, а не осталось и слѣда того кичливаго червоно-русскаго боярства, которое еще въ 1340 г. фактически управляло страной¹“, говоритъ К. Горжицкій²), и это замѣчаніе можно понимать даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ А. Левицкій указываетъ только три старыхъ удѣлѣвшихихъ до нынѣ галицкихъ дворянскихъ рода—Красицкихъ, Дроговскихъ и Шептицкихъ³); всѣ остальные, существующіе въ Галичинѣ въ настоящее время, связались съ нею лишь послѣ ея завоеванія поляками и, какъ опора новой власти, явились сюда изъ-чужа. Что стало съ русскими боярами, объ этомъ можно судить предположительно; предположенія, однако, получаютъ значительную долю вѣроятности, при сопоставленіи судьбы бояръ, оставшихся вѣрными народности и вѣрѣ въ другихъ мѣстахъ русскаго и литовскаго міра, гдѣ Польша не имѣла того права вполне неограниченно распоряжаться, какимъ пользовалась въ Галичинѣ. Цѣлый рядъ такихъ бояръ былъ низведенъ поляками сначала въ разрядъ путныхъ, а потомъ и холоповъ. Ихъ имена пропали для исторіи безслѣдно. Напроцкій, Валендекъ, Нѣсецкій, старательно списавшіе фамиліи всѣхъ окатоличившихся родовъ литовско-русскихъ, не обмолвились про нихъ ни единымъ словомъ³). Такъ и останутся они въ русской исторіи нѣмыми, но тѣмъ болѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ русскаго героизма и самоотверженія.

¹) Połączenie, 82.

²) Obrazki, 124.

³) См. XIV т. Актовъ Виленской археографической комиссіи и предисловіе, XXI, стр. 2.

Такъ сказалося польское господство на высшемъ классѣ; что же говорить о вліяніи его на тѣ классы, которые ужъ рѣшительно никакъ не могли улесться въ рамки польскаго и западно-европейскаго общественнаго строя. Таковы были упоминаемые въ пятомъ документѣ бортники и дьяки. Первые въ скоромъ времени перестаютъ существовать, какъ свободный классъ. Ихъ участки стали собственностью помѣщиковъ ¹⁾. Дьяки, связанные съ церковью, быть можетъ, нѣсколько долѣе бортниковъ удержали свое положеніе, по крайней мѣрѣ, еще при Ягайлѣ встрѣчаемъ дьяковъ—Сѣвко, Льонъ ²⁾,—получающихъ пожалованія съ правами и обязанностями дѣдичей.

Постепенно и они должны были пасть жертвой новыхъ условий и порядковъ. До какой степени эти порядки были разрушительны, лучший примѣръ представляетъ судьба мелкихъ земельныхъ владѣтелей, дворищанъ ³⁾. Дѣло въ томъ, что этотъ классъ русскаго общества довольно близко подходилъ къ мелкому шляхетству, которое наполняло Великую Польшу и Мазовію, и слѣдовательно, не столь, по видимому, рѣзко отступалъ отъ строя польской общественной жизни. Мелкіе землевладѣльцы Западной Руси впоследствии сослужили не малую службу полякамъ въ подготовительномъ процессѣ политическаго сліянія Польши и Литвы, но при первомъ столкновеніи своемъ съ Русью Польша обнаружила столь мало ассимиляціонной силы, до такой степени враждебно и разрушительно было ея вліяніе на Галицкую Русь, что этотъ классъ русскаго общества въ значительномъ числѣ долженъ былъ обратиться въ крестьянъ, слѣдовательно, несвободныхъ. Короли, въ своихъ пожалованіяхъ помѣщикамъ, молча или прямо включали сюда и прилегающія дворища, предоставляя такимъ образомъ дворищанъ произволу крупнаго владѣльца. Какъ поступали послѣдніе—видно изъ посягательства Яна Чебровскаго на Петра Сороку, избѣжавшаго на этотъ разъ своей печальной участи только благодаря тому, что Мартынъ Романовскій заявилъ передъ судомъ подъ присягой, „что указанный Сорока не крѣпостной, а свободный владѣлецъ земли, дворищанинъ“ ⁴⁾.

¹⁾ *Шараневичъ*, Рус., 70, пр. 13.

²⁾ *Ibid.*, 69: дьякъ Льонъ въ 1391 былъ пожалованъ за военные заслуги.

³⁾ Точное опредѣленіе дворища находимъ въ пожалованіи Владислава Опольскаго Лимбарду: *unus fundus, in quo solus residet, qui in polonico dicitur dworzisko*, А. Гр. и З., II, № 5.

⁴⁾ *Шараневичъ*, Рус., 70—71, пр. 16; годъ не указанъ, но Мартына Романовскаго *de Swugsch* встрѣчаемъ въ числѣ присутствующихъ въ актѣ 1464 г. А. Гр. и З., IX, 94.

Безъ этого, можно думать, Петръ Сорока сталъ бы крѣпостнымъ пана Ческовскаго; ибо и крѣпостные порядки стали на Руси явленіемъ всеобщимъ лишь со времени польскаго господства. О положеніи крестьянъ въ Галичинѣ при русскихъ князьяхъ можно судить по двумъ документамъ. Одинъ—пожалованіе княземъ Львомъ Тутоню и Монсѣску села Добаневичи ¹⁾; другой извѣстенъ намъ лишь въ приведенномъ выше подтвержденіи Казиміромъ въ 1361 г., Ходку Бибельскому его владѣніи ²⁾. Въ обоихъ документахъ крестьяне прямо не называются, но по первому, можно думать, на нихъ лежали обозначенныя въ документѣ повинности (поборы и работы); вини и головнитство указываютъ на право суда владѣльца. Въ другомъ о крестьянахъ не упоминается вовсе ³⁾, что весьма важно, такъ какъ первый документъ касается передачи села князю. Если оно и не было заселено княземъ челядью, то во всякомъ случаѣ полная власть князя (если подъ головнитствомъ разумѣть власть судебную) не можетъ еще служить бесспорнымъ доказательствомъ такой же власти частныхъ владѣльцевъ, а передача этого права лицамъ, нарочито въ званномъ самимъ княземъ, не можетъ представлять явленія зауряднаго. Если же въ подтвержденіи частнаго владѣнія, при всей подробности обозначенія владѣльческихъ статей, не встрѣчаемъ яснаго и опредѣленнаго указанія на отношенія къ крестьянамъ, то кажется, съ значительною вѣроятностью можно предполагать, что по русскимъ порядкамъ право суда надъ крестьянами, живущими на землѣ владѣльца, не соединялось съ пожалованіемъ ему земли ⁴⁾.

¹⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 60 и А. Гр. и З., I, № 4. Документъ безъ даты и свидѣтелей. Село Добаневичи (Перемышлянскаго округа) жалуются: „исъ землею. исъ сѣнокатни исъ гаѣ исъ дубровами. исъ рѣкою. и ставомъ, испотоки. искрипицями. со оусыми поборы. исъчинами. исъ юлоенимъстоомъ (въ А. Ю.-З. Р.: половинитствомъ?) и серпомъ. исъсоомъ. исълиномъ. со оусыми ужити. какъ есиы самъ держалъ.“

²⁾ А. Гр. и З., I, № 5: то все есмо потвердили, непорушно на вѣки служъ нашому вѣрному Ходкови Бибельскому, и дѣтемъ его, со всѣми обезды тыхъ дедни, што тут писаны сун, со всѣми границями яко изъ вѣка, вѣчно прислушало и тымъ солум, исъ землею, исъ сѣнокатни, исъ гаѣни, исъ дубровами, исъ дѣсоомъ, исъ борти, исъ пчолами, исъ болоты, исъ рѣками, исъ мыты, исъ ловищи, исъ потоки, дамищи и путнищи, со всѣми ужити што нынѣи сун, и потомъ могутъ быти...

³⁾ Путнищи — вѣроятно, путная повинность, какъ въ Литвѣ путные бояре; дамищи—быть можетъ, *damnum terreatre*?

⁴⁾ Шараневичъ, Рус., 59, пр. 90, въ примѣръ судебной власти владѣльца приводитъ Самборщину Смытка Мельштынскаго; но дѣло въ томъ, что Смытко

Вообще въ Галичѣ къ половинѣ XIV вѣка коренныя формы русской жизни остаются въ полной силѣ. Если въ чемъ Галичъ опередилъ другія западно-русскія земли, оставшіяся подъ литовскимъ владѣтельствомъ, то развѣ въ томъ, что наследственность земель утвердилась здѣсь еще при русскіихъ князьяхъ¹⁾; поэтому въ земельныхъ спорахъ нерѣдко ссылались на старыя грамоты, на опредѣленныя въ нихъ границы, на старыя люди. Но даже въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ оговорки, съ требованіемъ согласія государя на переѣмы въ имущественномъ владѣніи²⁾.

Громадный наплывъ иноземцевъ не остался безъ вліянія. Не связанные съ страной искатели наживы стремились къ возможно скорому обогащенію, отсюда частые переходы земель изъ рукъ въ руки. Они окончательно упрочили безусловное владѣніе землей, послѣ чего продажа и вообще сдѣлки по имѣніямъ совершаются не передъ старостой, а въ земскомъ судѣ; но они же свидѣлствуютъ, что система новыхъ владѣльцевъ въ рассматриваемое нами время заключалась не въ правильной, а въ хищнической эксплуатаціи. Вотъ почему, если до 1483 г. землевладѣльческія права отличались отъ польскихъ, хотя обязанности владѣльца, по естественному порядку, должны были ложиться на крестьянъ, то еще болѣе должна была усиливаться ихъ тяжесть указанная система земельной эксплуатаціи. Послѣ Единской конституціи вся тяжесть повинностей падала на крестьянъ. Кромѣ поборовъ натурой (куры, яйца, сыръ, три четверти ржи и овса), они должны были исполнять всѣ работы.

Когда вѣтвь дѣдичъ сталъ по отношенію къ крестьянамъ въ положеніе государя, онъ получилъ право налагать новыя поборы —

владѣль на княжескихъ правахъ, почему, какъ указано выше, и называлъ русскихъ князей своими предшественниками. Пожалованіе Казимиромъ Рашова Пакославу въ 1354 г. (*Ражницескій*, Cod. dipl. Pol., I, № 119), равно какъ пожалованіе Владиславомъ Опольскимъ въ 1377 г. братьямъ Дмитрію и Ивану (*Грабовескій*, Zgodła, I, 141) не даютъ въ данномъ случаѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, потому что соединяются съ Магдебургскимъ правомъ; въ другихъ земельныхъ пожалованіяхъ Владислава на новыхъ владѣльцевъ налагается главнымъ образомъ обязанность военной службы, а крестьяне отдѣльно за себя вносятъ въ казну по 2 гроша широкихъ (богемскихъ) по двю св. Мартина (А. Гр. и З., V, 9, 14; VII, 15, 18 и др.); но въ то же время въ пожалованіи Казимиромъ Жеготы: *Kmethones vero ipsius eorum nullo (respondebunt). nisi cogati suo domino et herede, ib., II, 4.*

¹⁾ *Шараневичъ*, Куз, 61, считаетъ это не подлежащимъ сомнѣнію.

²⁾ *Notro tamen ad hoc consensu speciali accedente, А. Гр. и З., II, № 6.*

натурой и деньгами; является „поголовщина“, но при этомъ, хотя дьякла и серебщица уничтожены, прежнія дани — еще отъ временъ русскихъ князей — праздничное и куница — остались ¹⁾).

Мы говорили объ отношеніи правителей Галицкой Руси къ иноземцамъ.

Иноземный элементъ долженъ былъ сосредоточиться главнымъ образомъ въ городахъ. Уже при Казиміръ волной хлынула въ Галичину нѣмецкая колонизація: 1200 семей поселились во Львовѣ, который за время съ Казиміра до XIV вѣка называется у Зиморовича нѣмецкимъ ²⁾. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ Владислава Опольскаго было, какъ извѣстно, покровительство той же нѣмецкой колонизаціи. Богатство страны и ея выгодное географическое положеніе — между западной Европой и Черноморскимъ побережьемъ — давно сосредоточили здѣсь значительный контингентъ предприимчивыхъ иноземцевъ, число которыхъ должно было особенно увеличиться при Данилѣ, а подъ конецъ XIII вѣка нѣмцы начинаютъ играть роль даже во Владиміръ ³⁾. Не мало было въ Галичинѣ армянь ⁴⁾ и жидовъ. Весь этотъ чужеродный элементъ, преданный одной лишь наживѣ, вносилъ въ русскіе города нравственное растлѣніе. Но при русскихъ князьяхъ онъ не могъ быть столь опасенъ просто потому, что не имѣлъ той воли и того простора, какіе открылись для него при польскомъ владѣствѣ. Зло, несомнѣнно вносимое этимъ элементомъ, должно было въ значительной мѣрѣ ослабляться, какъ крѣпостью русскаго общественнаго строя, такъ и воздѣйствіемъ власти. Такъ, по крайней мѣрѣ, было при Данилѣ, когда Галицкая Русь принимала дѣятельное участіе въ оживленной торговлѣ ⁵⁾, можно думать, не исключительно въ пользу поселившихся въ ней инородцевъ, но и къ выгодѣ кореннаго населенія. Польское владѣтельство и на русскіе города оказало такое же вліяніе, какъ на другія стороны русской жизни. Документы открываютъ намъ такую же кипучую дѣятельность польскихъ правителей: городамъ дается нѣмецкое право, на нѣмецкомъ же правѣ основывается множество селъ и

¹⁾ *Шараневичъ*, Русь, 67.

²⁾ *Каро*, III, 59, пр. 1.

³⁾ *Ип. лѣтоп.*, 596.

⁴⁾ По Зиморовичу армяне выстроили себѣ каменную церковь во Львовѣ въ 1363 г., но вѣроятно, и раньше былъ здѣсь армянскій храмъ, *Зубрицкій*, *Кроника*, 39.

⁵⁾ *Дашкевичъ*, *Кнжл. Д. Г.*, 80 сл. и прр.

новыхъ поселеній, и все это лишь затѣмъ, чтобы дѣйствительнѣе ослабить и даже вовсе уничтожить силу кореннаго населенія. При пожалованіи нѣмецкаго права Львову въ 1356 году Казиміръ выражается такъ: „Желаю всѣми мѣрами содѣйствовать процвѣтанію города, даемъ ему нѣмецкое право, устраняя совершенно права и обычаи русскіе, каковы бы они ни были, такъ какъ они обыкновенно лишь мѣшаютъ и нарушаютъ право нѣмецкое“ ¹⁾. Правда, дагѣе король какъ особенную милость предоставляетъ армянамъ, жидамъ, сарацинамъ, русскимъ и другимъ пользоваться своими правами; но не трудно понять, каково могло быть это пользованіе, по крайней мѣрѣ со стороны русскихъ, въ присутствіи городского адвоката и при общемъ настроеніи, принудившемъ Владислава Опольскаго въ 1372 г., при пожалованіи тому же Львову земли, сдѣлать ясную оговорку, что и русскіе имѣютъ право пасти на ней лошадей и скотъ ²⁾, хотя ни жида, ни сарацина не требовали такой спеціальной оговорки. Русскіе еще долго потомъ исключались изъ магдебургскаго права. Такъ въ 1405 году Ягайло даетъ, съ этимъ условіемъ, магдебургское право селамъ Годовичи и Жидатичи ³⁾. То же видимъ въ его пожалованіи жиду Волчку 1423 года ⁴⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя между этимъ же Волчкомъ и крестьянами пожалованнаго ему села Вербжа возникли недоразумѣнія ⁵⁾, разрѣшенныя великимъ маршаломъ короннымъ, Яномъ Олесницкимъ, не въ пользу крестьянъ. При пожалованіи грамоты городу Буску въ 1411 году прямо сказано, что ни одинъ русинъ не могъ курить вина и приготавливать солодъ ⁶⁾.

Вотъ въ какое положеніе поставило русскихъ галичанъ польское владичество. Мы назвали его желѣзнымъ, но кажется, и это слово далеко еще не выражаетъ всего ужаса дѣйствительности, невольнаго поражающей даже при томъ поверхностномъ сопоставленіи фактовъ, какіе сведены нами въ настоящемъ очеркѣ. Представляемое поль-

¹⁾ А. Гр. и З., III, № 5.

²⁾ Ibid., № 21.

³⁾ Ibid., II, № 83: volumus insuperque tantum Poloni, Theutonici et homines nostre fidelis jure prescripto gaudere debeant et potiri.

⁴⁾ Ibid., № 42: eximimus insuper, absolvimus et perpetuo liberamus kmethones et omnes incolae ville predictae (Вербжа) Katholicos dumtaxat ab omni juris decisione чиновниковъ.

⁵⁾ Ibid., № 53. Изъ крестьянъ названъ Чурло. Документъ со многими погрѣшеніями.

⁶⁾ Шараневичъ, Русь, 94, стр. 65.

скими исследователями въ столь идеальномъ свѣтѣ, польское владычество не оставило, какъ мы видѣли, ни одной стороны русской жизни ея правильному и свободному развитію. Во всемъ произошло крутой, возмутительно насильственный переворотъ. Удивительно ли, что прямымъ слѣдствіемъ его были тѣ явленія, которыя впоследствии освѣтили Польшу такимъ кровавымъ блескомъ, хотя и разнгрались за предѣлами Галичины? Подъ 1469 годомъ Длугошъ упоминаетъ „о многочисленномъ войскѣ татаръ изъ бѣглыхъ грабителей и изгнанниковъ, которыхъ они, на своемъ языкѣ, называли казаками“. Откуда брались эти изгнанники, показываетъ приведенное выше свидѣтельство того же Длугоша о доведенныхъ до отчаянія галицкихъ и подольскихъ жителей и дѣдичахъ, вынужденныхъ бѣжать къ татарамъ, благодаря дѣйствіямъ поляковъ. Казалось, на древне-русскомъ займищѣ Владимира Святаго все было разрушено поляками. Но прирожденной связи и они не въ силахъ были разорвать: Галицкая Русь все время носила исключительное названіе Руси, а историкъ, старающійся проникнуть во взаимныя отношенія западно-русскихъ земель, не можетъ не указать на постоянную, живую и тѣсную связь Карпатскаго Подгорья съ Поднѣпровьемъ ¹⁾.

III. Флоренція.

¹⁾ Кулииз, Исторія воссоединенія Руси, III, гл. 27.